This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

488 A

РАЗСКАЗЫ
О ПОЛЬСКОЙ СТАРИНѢ

ЗАПИСКИ XVIII ВѢКА

ЯНА ДУКЛАНА ОХОТСКАГО

съ рукописей, послѣ него оставшихся, переписанныя и изданныя

I. КРАШЕВСКИМЪ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. П. Меркульева, Графскій пер., д. № 5
1874

№ 4884 - Ochocki,

РАЗСКАЗЫ

О ПОЛЬСКОЙ СТАРИНѢ

ЗАПИСКИ XVIII ВѢКА

ЯНА ДУКЛАНА ОХОТСКАГО

съ рукописей, послѣ него оставшихся, переписанныя и изданныя

I. КРАШЕВСКИМЪ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. П. Меркульева, Графскій пер., д. № 5
1874

DK 411
.G2617
v.1

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Главы.		Стр.
I.	Вступленіе.	1
II.	Воспитаніе въ XVIII вѣкѣ	3
III.	Франкмасонскій послушникъ.	11
IV.	Послушница	12
V.	Кіевское воеводство и деревенская жизнь въ концѣ XVIII вѣка	14
VI.	Сутяжничество	22
VII.	Августъ Саксонскій.	24
VIII.	Охоты	26
IX.	Контракты (ярмарки) въ Дубно.	29
X.	Дворы вельможъ въ XVIII вѣкѣ	41
XI.	Колеивщина (Уманская рѣзня)	48
XII.	Отрывокъ изъ дневника моего отца . . .	52
XIII.	Немиричъ	58
XIV.	Наѣзды.	63
XV.	Дворянство, его устройство и положеніе . .	67
XVI.	Я служу у адвоката	79
XVII.	Вдова и моя первая любовь.	82
XVIII.	Тульчинъ	85
XIX.	Снова въ Житомирѣ у адвоката	89
XX.	Въ Лабунѣ у воеводы.	91
XXI.	Станиславъ-Августъ въ Лабунѣ.	96
XXII.	Вдова	105
XXIII.	Краковъ	109
XXIV.	Трибуналъ.	113
XXV.	Сеймъ въ 1788 году	121
XXVI.	Князь Карлъ Радзивиллъ, воевода виленскій.	124
XXVII.	Кризисъ.	131
XXVIII.	Дальнѣйшія дѣйствія на сеймѣ.	134
XXIX.	Кіевская милиція	136
XXX.	Петръ Потоцкій	137

Главы.	Стр.
XXXI. Адамъ Ржевускій	138
XXXII. Люблинскія происшествія	142
XXXIII. Смерть митрополита	146
XXXIV. Снова поединокъ	147
XXXV. Митрополитъ, отецъ Ростоцкій	148
XXXVI. Опять въ Люблинѣ	153
XXXVII. Князья Радзивиллы.	159
XXXVIII. Великопольскій магнатъ.	164
XXXIX. Варшава и Протъ Потоцкій, воевода кіевскій.	178

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Львовъ	189
II. Сеймики въ 1791 году	193
III. Третьяго мая въ Варшавѣ.	205
IV. Праздникъ св. Станислава.	212
V. Дѣла въ Люблинѣ и актриса Малецкая . .	217
VI. Лагери войскъ, смерть Стемпковскаго и Протъ Потоцкій.	229
VII. Прощаніе съ Люблиномъ, сеймики 1792 г. и свадьба.	242
VIII. Лагерь князя Іосифа Понятовскаго . . .	247
IX. Политическія событія, смерть отца и разныя домашнія дѣла	266
X. Неожиданная женитьба; контракты 1793 г.	283
XI. Варшава, Львовъ и провинція	293
XII. Гродно	303
XIII. Станиславъ-Августъ и маркиза Люли . .	308
XIV. Въ деревнѣ, разныя разности и контракты 1794 года.	314
XV. 1794-й годъ.	320
XVI. Возвращеніе въ кіевское воеводство и арестъ.	328

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Вступленіе.

Прожито семьдесятъ шесть лѣтъ! Немалое это время. А кто жилъ такъ долго долженъ былъ и видѣть немало, еще болѣе испытать; долженъ былъ пережить не одну перемѣну судьбы, со многими людьми встрѣчаться въ жизни, вытерпѣть и вынести, выучиться и запомнить многое.

Выпущенный изъ школы я вступилъ въ свѣтъ въ послѣднемъ двадцатилѣтіи XVII вѣка. Жизнь мою я не просидѣлъ въ родномъ углу, какъ это сплошь и рядомъ случается съ большинствомъ нашей шляхты. Между людьми, по счастливому случаю, удалось мнѣ попасть въ общество лицъ, имѣвшихъ значеніе въ печальную эпоху, послѣднюю въ нашей политической жизни. Теперь все это—далекое прошлое; сномъ какимъ-то неяснымъ кажутся намъ наши цѣли и наши понятія о нуждахъ тогдашняго общества и государства. Время все унесло на своихъ крыльяхъ. Воспоминанія попеременно будятъ въ сердцѣ то глубокое чувство, то жестокое страданье. И думаю, что я долженъ этимъ сокровищемъ моихъ воспоминаній подѣлиться съ другими.

Я не пишу исторіи. Чувствую, что это превысило бы мои силы. Пусть пишутъ исторію люди, которымъ Бóгъ далъ геній

и обширныя знанія. Мой удѣлъ болѣе скромный. Историки выскажутъ правду, возсоздадутъ по мертвымъ памятникамъ прошлую жизнь нашей родной страны, облитой кровью нашихъ братьевъ. Я напишу только мемоары моей жизни, руководясь моими замѣтками и моею памятью, которая, благодареніе Богу, до сихъ поръ еще свѣжа и ясна; постараюсь нарисовать хотя часть картины жизни, которую привелось мнѣ видѣть и въ событіяхъ которой я участвовалъ.

Я очень люблю прошлое. Можетъ быть меня привязываетъ къ нему воспоминанія дѣтства и юношества, лучшей эпохи въ жизни всякаго; можетъ быть убѣжденія, что въ наше время было все лучше и все было иначе; теперешній прогресъ и цивилизація не замѣнятъ намъ прошлаго и даже воспоминаній о немъ нельзя вытѣснить изъ нашей памяти. Обряды, обычаи, даже самыя мелочи, словомъ все что касается прошлаго времени и что нынче въ модѣ осмѣивать и осуждать, вызываетъ слезы на мои глаза и наполняетъ сердце милыми чувствами.

Прежде чѣмъ начну разсказъ о событіяхъ послѣднихъ годовъ XVIII вѣка, я долженъ сначала кое что сказать о нравахъ и обычаяхъ, существовавшихъ во времена моего дѣтства; о жизни общественной и нравахъ, установившихся у насъ въ теченіе слишкомъ шестидесятилѣтняго правленія двухъ послѣднихъ саксонскихъ королей.

Все здѣсь разсказываемое я видѣлъ отчасти самъ, отчасти слышалъ отъ моего отца. Согласно господствовавшему тогда обыкновенію, отецъ мой служилъ у гетмана Сосновскаго, сначала при комнатахъ, потомъ былъ дворскимъ шляхтичемъ и наконецъ маршаломъ гетманскаго двора. Въ правленіе Августа III онъ былъ сдѣланъ ченсникомъ мозырскимъ. Въ этомъ уже званіи подписалъ дипломъ элекціи короля Станислава

Августа, какъ депутатъ Луковской земли люблинскаго воеводства; въ послѣднемъ отецъ мой имѣлъ наслѣдственное имѣніе Рышки. Подобно многимъ другимъ нашъ родъ переселился на Волынь, тамъ мы теперь постоянные жители и только сохраняемъ одно воспоминаніе о первоначальномъ своемъ происхожденіи.

II. Воспитаніе въ XVIII вѣкѣ.

Не знаю какъ воспитывали дѣтей въ магнатскихъ палатахъ и въ столицахъ. Но у насъ, въ деревняхъ, была одна неизмѣнная рутинная система воспитанія. Едва ребенокъ былъ въ состояніи произносить первыя слова, его начинали учить креститься—класть на себя крестное знаменіе нашего искупленія и спасенія. Первыми нашими словами были слова молитвы, которыя мы перенимали отъ матерей нашихъ. Потомъ насъ учили катехизису вѣры, въ лонѣ которой Богъ допустилъ насъ родиться; учили насъ любить ближнихъ. Любовь къ родному краю влагали въ сердца собственными примѣрами; заповѣдывали безграничное послушаніе родителямъ, законамъ и властямъ, установленнымъ отъ Бога для поддержанія общественнаго порядка. Мы должны были хранить уваженіе къ старшимъ, соблюдать братство съ равными и ласковость и снисходительность къ нисшимъ.

Учили насъ немного читать и писать, ѣздить верхомъ и биться на палкахъ. Мнѣ было не болѣе семи лѣтъ, когда съ дѣтскою саблею, которую сохраняю и до сего дня, я уже сѣлъ на лошадь и долженъ былъ ежедневно, чтобы напрактиковаться дѣйствовать оружіемъ, биться на палкахъ съ Ваней, сыномъ нашего подстаросты (эконома).

Немного подготовленнаго такимъ образомъ мальчика от-

давали, на девятомъ или десятомъ году, въ іезуитскія школы. Плети были въ нихъ единственнымъ и универсальнѣйшимъ средствомъ воспитанія и усмиренія, если у кого на первыхъ порахъ кровь оказывалась черезъ чуръ горяча.

Дома насъ сѣкли часто и много; въ школѣ въ этомъ отношеніи тоже недостатка не было. И патера-префекта и професоровъ родители усердно упрашивали не прощать намъ ничего. Директоръ-репетиторъ обязанъ былъ не прощать намъ ничего, подъ опасеніемъ не получить праздничнаго подарка. Бывали и такіе счастливцы, которыхъ драли по два и даже по три раза въ день.

Послѣ уничтоженія іезуитскаго ордена, въ дѣлѣ воспитанія, іезуитовъ замѣнили базильяне, но по большей части піары, которые къ этому дѣлу уже были прежде подготовлены. Отъ ізуитовъ, по наслѣдству, получивъ власть и обязанность воспитанія, они приняли и ихъ традиціонную систему. Вслѣдъ за идущимъ въ классы патеромъ піаромъ несли нагайку; она была признакомъ его власти. Вмѣстѣ съ книгами на каѳедру клали и нагайку. Мы должны были ни на одну минуту не терять изъ виду этого спасительнаго монитора. Съ перваго начала мы въ школѣ работали исключительно надъ однимъ латинскимъ языкомъ. Высидѣвъ нѣсколько лѣтъ, мы знали на память почти цѣлую граматику Альвара, рѣчи Цицерона, Виргилія и Горація, но къ несчастію болѣе ничего не знали. Базильяне въ особенности не допускали никакихъ измѣненій и долгое время учили по системѣ и программѣ іезуитовъ. Только въ 1781 году комиссія воспитанія принудила ихъ преобразовать школы по плану ею придуманному. И, Боже, сколько мы въ теченіе этого времени получили плетей.

Количество и качество плетей, надо впрочемъ отдать спра-

ведливость, было всегда сообразно съ лѣтами и силами ученика. Въ классѣ infimy (младшемъ) плеть была тонкая и болѣе десяти ударовъ не давали. Съ каждымъ переводомъ въ высшій классъ воспитанникъ обзнакомливался съ болѣе толстою плетью и получалъ увеличенное число ударовъ. Въ классѣ философіи и ученикъ и плеть выростали въ нормальную свою величину. И въ этомъ классѣ не давали уже никогда менѣе пятидесяти, а иногда и болѣе плетей. Никакихъ живыхъ языковъ не преподавали. Если гдѣ случалось, что кто либо давалъ частные уроки—это было во всякомъ случаѣ пропащее время и деньги. Ученики отъ этихъ учителей выходили съ такими познаніями, что ихъ ни французы, ни нѣмцы не понимали, и они въ равной степени не могли понимать французовъ и нѣмцевъ.

Въ половинѣ XVIII вѣка воспитаніе въ Польшѣ стояло на самой низкой степени, но оно соотвѣтствовало потребностямъ того времени. Окончившій школу воспитанникъ зналъ латинскій языкъ лучше роднаго, умѣлъ биться на палкахъ и даже на сабляхъ; былъ пріученъ къ слѣпому послушанію, и все это составляло основаніе для его будущаго развитія жизнью и обстоятельствами.

Выйдя изъ школы необходимо было сейчасъ же пріискать себѣ занятія; лѣниться родители не позволяли. Дворы магнатовъ въ это время уже упадали и измѣнялись въ своемъ устройствѣ. Сыновья должны были или заниматься хозяйствомъ дома подъ руководствомъ отца, или поступать въ военную службу, или готовиться въ монастырь; иныхъ помѣщали въ правительственныя канцеляріи и въ такъ называемыя палестры при земскихъ трибуналахъ и городскихъ судахъ. Это были мѣста, гдѣ мы запасались знаніемъ законовъ и получали свѣтскій лоскъ. При всякой подобнаго рода кан-

целяріи, даже уѣздной, можно было всегда найдти сто и болѣе практикующихся молодыхъ людей; въ числѣ ихъ иногда бывали сыновья самыхъ богатыхъ въ уѣздѣ фамилій. Лѣниться мы не имѣли времени. Нынче все это совершенно иначе идетъ.

Недавно мнѣ случилось прочесть книгу о Балагулахъ [1]).

Картина изъ жизни, но мнѣ кажется, большая часть выведенныхъ типовъ—плодъ фантазіи. Нынѣшняя молодежь, вообще говоря, хороша и хорошо воспитана; знаній и талантовъ у нея никто не отнимаетъ, равно также хорошаго тона и учтивости. Все это дѣлаетъ ей честь. Есть впрочемъ и исключенія. У этихъ исключительныхъ личностей любовь къ излишней свободѣ часто переходитъ границы приличій. Мы не судимъ по частностямъ о всѣхъ. Но одна капля яду въ минуту можетъ заразить все тѣло и повлечь за собою смерть организма. Въ обществѣ также нѣсколько негодныхъ единицъ могутъ развить заразу и вызвать дурное мнѣніе о цѣломъ обществѣ. Люди, называемые балагулами, по моему мнѣнію, суть испорченныя единицы. Они ничего не уважаютъ. Одни пишутъ пасквили, другіе развозятъ ихъ по трактирамъ и корчмамъ съ цѣлью, чтобы они попали въ руки заинтересованныхъ особъ. Права заслуги, старости, женщины для нихъ не существуютъ; они бросаются на все, выдумываютъ пасквили, небывалые случаи. Всѣ эти господа думаютъ исправить свѣтъ, храбрятся, но въ душѣ трусы. Закона они не нарушатъ и на дуэль не выйдутъ. Самый способъ ихъ выраженія характеренъ. У нихъ на устахъ постоянно два слова: честь и божество: клянусь честью! божественная лошадь! Клянусь честью, сюртукъ этотъ божествен-

1) Мѣщанины, сочиненіе Бейли.

ный. Божественно, даю честное слово, несетъ эта коляска! и т. д.

Молодежь лучше воспитанная не стремится выдѣлиться и носитъ то что всѣ носятъ. Балагулы носятъ польскіе усы, бакенбарды—наслѣдіе французскихъ санкюлотовъ, испанскую бородку и жидовскую бороду, торчащую на четверть аршина изъ подъ галстука. На голову надѣваютъ татарскую шапку, на плечи камчадальскій полушубокъ; на ногахъ у нихъ кучерскіе шаровары, цѣликомъ изъ кожи, или самое меньшее, до того обложенные кожей, что сукна почти не видно. Къ пуговицѣ привѣшенъ кисетъ для табаку, въ особомъ карманѣ лежатъ сигары и мудштучки, еще въ другомъ трубки и коротенькій чубукъ. Вооруженіе балагулы довершается черкеской плетью въ правой рукѣ.

На худой клячѣ—росинантѣ, на татарскомъ сѣдлѣ, балагула носится въ мѣстечкѣ, заглядываетъ въ экипажи, въ которыхъ сидятъ дамы, и говоритъ имъ невѣжества, или что еще хуже, неприличными жестами заставляетъ ихъ краснѣть.

Кто говоритъ, и въ наше время случались казусы, но они никогда безнаказанно не проходили; мы не одѣвались въ одежду дикаго народа, и если кто кого обидѣлъ, извиненіями не отдѣлывался: кровью платилъ за обиду. Балагула васъ обидитъ, но драться не будетъ. На сабляхъ онъ не можетъ, на пистолетахъ тоже не можетъ. Предложите ему извиниться—съ охотой извинится и завтра же начнетъ то же самое. Между ними имѣются и игроки по професіи. Садятся они во всякую игру и по всякой цѣнѣ, особенно любятъ ландскнехтъ, надѣясь на спасительное: плié. Для послѣдняго у нихъ особенная ловкость въ пальцахъ. Когда вы слѣдите строго за ихъ руками и штука не удается, надобно проиграть, они безстыдно, имѣя мѣдный лобъ, встаютъ объявляя: за мною

должекъ! На страшномъ судѣ развѣ получишь этотъ должекъ съ балагулы. У нихъ правило: выигрывая брать деньги; проигрывая — оставлять въ долгу... Но напрасно бы я старался измѣнить дѣло; писать далѣе съ этой цѣлью—значитъ повторять плачевныя іереміады, которыхъ новый Іерусалимъ выслушать и понять не захочетъ.

Мнѣ пришлось читать доказательства одного автора [1]) будто балагулія происходитъ отъ существовавшей въ наше время, между молодежью, тенжизны [2]). Съ этимъ нельзя согласиться. Я самъ принадлежалъ къ тенжизнѣ и старался ей подражать, а на балагуловъ смотрю съ омерзеніемъ. Происхожденіе слова тенжизна такое: двое молодыхъ людей въ Варшавѣ вызвали другъ друга на поединокъ. У корчмы Езерной послѣдовала встрѣча. Секундантомъ у одного былъ полковникъ Цѣхотскій, хорошей фамиліи, протежированный королемъ, любимый всѣми и бывшій въ особыхъ милостяхъ у князя Іосифа Понятовскаго.

Разсказывая про поединокъ и описывая, какъ ловко и мужественно бились противники, Цѣхотскій, ища мѣткаго выраженія, употребилъ слово—это истинная тенжизна. Удачное слово вошло скоро въ общее употребленіе. Храбрый офицеръ, хорошій солдатъ, учтивый и пріятный кавалеръ,— все это называлось у насъ тенжизна. Даже красавица, владѣющая всѣми прелестями привлекающими сердца, даже хорошую лошадь съ одинаковымъ правомъ можно было назвать тенжизною. Въ концѣ концовъ цѣлый нашъ народъ былъ тенжизною, потому что подражалъ вождямъ этой тенжизны: Іосифу Понятовскому, Евстахію Сангушко, Казиміру Сапѣгѣ—генералу артиллеріи и маршалу литовскаго сейма,

1) М. Грабовскаго.
2) Тенжизна—крѣпкое, мужественное.

Вельгурскому, К. и А. Ржевускимъ, Валевскому, Дзялынскому, Чинскому, Ніесоловскому, Потоцкому и другимъ.

Была эта молодежь веселая, милая, честная, служила она украшеніемъ самыхъ знаменитыхъ салоновъ и лучшаго общества. Были все люди высокаго положенія, сенаторы, сановники, послы сейма, цвѣтъ нашей молодежи. Имъ всѣ подражали, перенимали ихъ одежду, обращенія, слова, даже ихъ пороки. Времена тогда еще были хорошія. Подъ маской легкомыслія кипѣли высокія чувства, и пульсъ народной жизни бился еще правильно. Одежда молодежи была слѣдующая: на перевязи, съ вышитыми словами: «народъ съ королемъ и король съ народомъ», висѣла сабля; шпоры или серебрянныя подковки подъ красными сапожками весело бренчали; шапочка надѣвалась на бекрень съ спущеннымъ къ правому уху трехцвѣтнымъ шнуркомъ, оканчивавшимся страусовымъ перомъ, или султаномъ. За обиду не звали къ суду, никакихъ суперъ-арбитровъ не выбирали: каждый самъ охранялъ свою честь, и никогда ни на чей судъ не согласился бы отдать эту честь. Приведу примѣръ случая между Е. Сангушскимъ и К. Ржевускимъ. Оба были молоды и въ дружбѣ между собою. Въ большомъ обществѣ случилось Ржевускому, ради краснаго слова, сказать что-то колкое о старомъ воеводѣ волынскомъ—Сангушкѣ. Князь Евстахій сейчасъ же подошелъ и лаконически предложилъ:

— Дуэль или извинись сейчасъ?!

Ржевускій равномѣрно лаконически отвѣтилъ:

— Дуэль!

Были уже сумерки, но дѣло до завтра не отложили. Выбрали секундантовъ, за саблями не посылали—всякій въ то время носилъ оружіе съ собою, велѣли людямъ взять факелы и отправились за Волынскую заставу. Дуэль кончилась

раной Ржевускаго. Противники разстались съ полнымъ уваженіемъ другъ къ другу. По утру Ржевускій отправился къ обиженному воеводѣ волынскому и самъ признался, извиняясь въ неосторожномъ словѣ. Князь воевода позвалъ его на обѣдъ.

На этотъ обѣдъ собралась лучшая часть общества; между противниками возобновилась старая дружба, а присутствовавшіе удивлялись благородству недавнихъ противниковъ. Вся столица чрезъ нѣсколько времени знала объ этомъ происшествіи. Я пріѣхалъ въ Варшаву въ самый разгаръ сужденій и вѣстей о немъ. Такова была наша тенжизна. Нынѣшняя балагулія—незаконное дитя; даже плодомъ морганитическаго брака нельзя ее назвать. Она родилась и взросла между такими людьми, которые никогда и никому примѣромъ служить не могли. Балагулы похожи на татаръ, калмыковъ и жидовъ; они сами добровольно возвращаются ко временамъ варварства.

Если бы кто нибудь изъ содержателей звѣринцевъ поймалъ балагулу и посадилъ въ клѣтку какъ онъ есть—въ татарской шапкѣ, съ длинными колтунами волосъ, закрывающими половину лица, съ жидовской бородкою, въ камчадальскомъ тулупчикѣ, въ кожанныхъ штанахъ, со всѣми его атрибутами и эмблемами дикости, и привезъ въ Варшаву на показъ въ 1788 году; ручаюсь, показывая по билетамъ, получилъ бы онъ не малый барышъ. Но я, старикъ, забываю, что пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, подобныхъ существъ въ Польшѣ не было. Сынъ, который бы въ то время задумалъ одѣться какъ балагула, получилъ бы отъ отца неизбѣжно сто плетей и притомъ прямо на землѣ: ковра ему бы не подосталъ.

III. Франкмасонскій послушникъ.

Для доказательства, что я смотрю на вещи безпристрастно, не скрою, что и въ наши времена разно случилось. Разскажу два случая. Пріѣхалъ въ Варшаву изъ провинціи одинъ молодой человѣкъ, отецъ котораго недавно только сдѣлался помѣщикомъ и дворяниномъ по привиллегіи отъ короля Станислава Августа. Сынокъ получилъ вѣроятно достаточно денегъ; нашлись и случаи попасть въ лучшее общество. Недостатки своего воспитанія и происхожденія юноша старался прикрыть нахальствомъ, претензіями и отрывочными знаніями объ обычаяхъ свѣта, пріобрѣтенными на скоро въ разныхъ мѣстахъ. Товарищи юноши, люди высокаго происхожденія, неохотно терпѣли его въ своемъ кругу, но съ нахальствомъ дѣлать было нечего и молчали.

Къ посрамленію его явился случай, котораго самъ же онъ былъ причиной. Масоны и ихъ ложи тогда быстро распространялись; они были въ модѣ и юношѣ захотѣлось сдѣлаться масономъ. Казиміръ Ржевускій, къ которому онъ обратился, прося помощи въ этомъ дѣлѣ, съ перваго начала притворно сталъ отклонять его, представлялъ трудности, стращалъ необходимостью отрѣченія отъ вѣры, обрядами богохульными, присягою вѣчной ненависти къ духовенству и т. п. Между тѣмъ планъ наказанія нахала былъ уже на скоро обдуманъ Ржевускимъ.

Юноша, страстно желая сдѣлаться поскорѣе масономъ, на все соглашался и даже далъ собственноручную подписку въ томъ, что отрѣкается отъ всякой религіи. Тогда Ржевускій въ послѣдній разъ напомнилъ ему о великихъ опасностяхъ испытаній, на которыя онъ рѣшается. Упорный стоялъ на своемъ, заявляя готовность все вытерпѣть. Назначили день

пробы и пріема. Залъ обили чернымъ сукномъ, украсили масонскими знаками и ввели испытуемаго. Ему приказали для начала прочесть самому обѣщаніе строжайшей тайны, подтвержденное присягой, потомъ приступили къ пробѣ...

Растворились двери и вошло шесть сильныхъ лакеевъ и еще двое съ нагайками для экзекуціи, растянули несчастнаго на саванѣ и всыпали сто плетей въ наказаніе за отрѣченіе отъ религіи и Бога. Этимъ и покончились всѣ пробы и новопринятый масонъ выбѣжалъ, какъ помѣшанный. Тайна, разумѣется, не была сохранена. Въ сутки весь городъ зналъ объ этомъ; всѣ знакомые поздравляли юношу съ поступленіемъ въ масоны. Догадавшись о сыгранной съ нимъ кровавой шуткѣ, онъ поспѣшилъ скрыться изъ Варшавы и никогда болѣе уже не возвращался.

Ржевускій впрочемъ вознаградилъ пострадавшаго за сыгранную надъ нимъ жестокую шутку. Онъ зналъ, что юноша въ равной мѣрѣ пламенно желалъ какъ сдѣлаться масономъ, такъ и получить камергерское званіе. Онъ выпросилъ у короля привиллегію для него и отослалъ патентъ на камергерство въ его деревню.

IV. Послушница.

Второй случай равно какъ и первый покажетъ, что хотя мы тоже не были святыми, но по крайней мѣрѣ каждый свой проступокъ старались сколько возможно загладить. Молодой магнатъ весною отправился изъ Варшавы въ Украину къ отряду войска, которымъ командовалъ. Не подалеку отъ мѣстечка, гдѣ была главная квартира, находился дѣвичій монастырь, укрѣпленный остроколомъ и охраняемый какъ крѣпость. Возвращаясь однажды съ ученія молодой пред-

водитель, сквозь щель острокола, увидѣлъ молодую послушницу удивительной красоты. Знатокъ и любитель женщинъ, онъ остановился пораженный открытіемъ, послушница съ своей стороны тоже осталась неподвижна, пораженная явленіемъ красавца кавалера, на великолѣпной лошади. Князь началъ разговоръ, но смущенная дѣвушка ничего не могла ему отвѣчать и только еще болѣе покраснѣла.

На утро князь ранѣе обыкновеннаго выѣхалъ на маневры и засталъ уже послушницу на прежнемъ мѣстѣ. Первый разъ князь ѣхалъ со штабомъ, второй разъ былъ одинъ на прекрасномъ черномъ конѣ, который летѣлъ стрѣлой, точно несъ простаго курьера съ спѣшными вѣстями, и вдругъ остановился недвижимъ, точно вкопанный, у монастырской стѣны. Тихо и пусто было вокругъ, магнатъ имѣлъ время хорошенько присмотрѣться къ красотѣ послушницы. Она была дивно хороша, и молодой командиръ влюбился. Красавица была священнической дочерью изъ ближайшаго мѣстечка и предназначалась въ монахини. Монастырь строго охранялся. Двери его для публики отворялись только четыре раза въ годъ. Дѣло было очень трудное.

Неизвѣстно сколько разъ встрѣчались любовники и что говорили между собою чрезъ высокую стѣну. Но вскорѣ разошелся по окрестностямъ слухъ, что красавицу-монахиню насильно увезли. Какъ это совершилось—никто не зналъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ похищенія явилась неизвѣстная дама въ великолѣпномъ экипажѣ и побарски одѣтая, съ нею ѣздилъ князь. Въ дамѣ узнали бывшую монахиню. Разумѣется, отцу и родственникамъ заплатили за молчаніе. И дѣло это такъ и осталось затертымъ и негласнымъ.

Молодой командиръ до поздней осени занимался въ мѣстечкѣ маневрами и только совсѣмъ уже зимой рѣшился воз-

вратиться въ Варшаву, куда его выбрали посломъ на сеймъ. Молодая красавица, ничего не потерявъ изъ своихъ прелестей, была однакоже не въ состоянiи ѣхать за нимъ. Передъ своимъ отъѣздомъ князь выдалъ ее замужъ и далъ такое приданое, о какомъ она и думать не могла. Черезъ четыре года князь взялъ ея старшаго сына и отдалъ въ Вѣнѣ на воспитанiе. Ребенокъ этотъ въ послѣдствiи, въ военной службѣ, достигъ высокихъ чиновъ; фамилiю ему дали одного вымершаго нѣмецкаго рода.

Таковы-то были дѣла юности нашего времени, нашей т е н ж и з н ы. Мы грѣшили, но и усердно старались исправлять свои прегрѣшенiя. Чрезъ много лѣтъ послѣ въ монастырѣ открыли, что нѣсколько кольевъ ограды были подпилены и держались только на желѣзныхъ гвоздяхъ, совершенно легко подаваясь вверхъ и открывая проходъ. А такъ какъ никакого разбоя и воровства не открыто, то и рѣшили, что этимъ проходомъ князь выкралъ красавицу-послушницу. И до сихъ поръ еще живъ магнатъ-командиръ. Черные волосы его посѣдѣли, лице покрылись морщинами старости, но и до сихъ поръ во взглядѣ и въ лицѣ его видна чистая совѣсть. Ни его руки, ни руки тѣхъ, которые дали ему жизнь, никогда не были заначканы политичекой продажностiю. Упрекъ Фридриха Великаго, брошенный полякамъ, его не касается.

V. Кiевское воеводство и деревенская жизнь въ концѣ XVIII вѣка.

Воеводство кiевское было въ мое время очень обширно; оно состояло изъ трехъ уѣздовъ — Кiевскаго, Овруцкаго и Житомирскаго; простиралось отъ Случа до Днѣпра и отъ

Чернаго Шляха [1]) до литовской границы, по рѣку Припеть. Уѣзды Житомирскій и Овруцкій населялись богатыми и бѣдными помѣщиками, сосѣдства были самыя близкія. Кіевскій же уѣздъ, отъ Бердичева до Днѣпра, состоялъ почти весь изъ коронныхъ владѣній и обширныхъ помѣстьевъ вельможъ; немного помѣщиковъ сохранили тамъ свои прадѣдовскія наслѣдства; тамъ жили только Проскуры, Залесскіе, Бержинскіе, Головинскіе и еще нѣкоторые, именъ которыхъ теперь не помню.

Эта часть края называлась Украиной. Въ двухъ первыхъ уѣздахъ, хотя усадьбы помѣщиковъ и находились въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, сосѣди довольно рѣдко навѣщали другъ друга. Владѣльцы одной или двухъ деревень, занятые хозяйствомъ, старались тяжелымъ, но честнымъ трудомъ извлечь пользу изъ помѣстья. Въ будніе дни мало кто выѣзжалъ изъ дому, развѣ по дѣламъ; но за то въ праздникъ почти всегда можно было ожидать гостей. Поэтому помѣщикъ, дома обыкновенно одѣтый только въ жупанъ, зимою суконный, а лѣтомъ изъ домашняго канифаса, въ праздники имѣлъ на готовѣ кунтушъ, надѣвавшійся на жупанъ, и поясъ; барыня тоже имѣла подготовленный нарядный кунтушъ, съ мѣховой опушкой, наслѣдство бабушки или подарокъ магнатки, при дворѣ которой она воспитывалась; къ кунтушу добавлялась шапочка съ перомъ.

Наряды эти были всегда вблизи подъ рукой, чтобы хозяева въ мигъ могли быть готовы, чуть мальчикъ, съ утра подстерегавшій на крышѣ у трубы, закричитъ: гости ѣдутъ!

Заслышавъ хлопанье бича, все что жило въ домѣ приходило въ движеніе: гайдукъ быстро натягивалъ чекчеры и

1) Большая дорога на югъ по степи, по которой въ старину татары уводили своихъ плѣнныхъ.

бешметъ, чтобы не опоздать подать вино; хозяинъ набрасывалъ кунтушъ, хозяйка шапочку и праздничный нарядъ. А между тѣмъ экипажъ медленно приближался. Ѣдущіе боялись заморить откормленныхъ коней и хотѣли дать время хозяевамъ приготовиться для встрѣчи; только кучеръ, не жалѣя рукъ, безпрерывно хлопалъ и хлопалъ бичемъ. Такъ подъѣзжала къ крыльцу коляска или данцигская карета, а если пріѣхавшіе господа были семейные люди, то старшій сынъ сопровождалъ экипажъ верхомъ.

Хозяева выходили на встрѣчу, и самъ помѣщикъ торжественно и церемоніально вводилъ въ домъ толстяка сосѣда, богато разодѣтаго и при саблѣ, а барыня—жену его. Входили въ гостиную, причемъ не обходилось безъ комплиментовъ и разныхъ церемоній въ дверяхъ и при усаживаніи, но наконецъ всѣ размѣщались

Тогда хозяинъ вставалъ, прося гостя снять саблю; опять начинались разныя отговорки, только побѣжденный усильными просьбами гость снималъ оружіе и съ помощію хозяина ставилъ саблю въ уголъ.

Тутъ являлся гайдукъ съ подносомъ, на которомъ стояли двѣ бутылки вина и большой кубокъ; первые тосты выпивались съ обниманіями и поцѣлуями. Вскорѣ бутылки опорожнялись, и по знаку хозяина гайдукъ снова подавалъ, на этотъ разъ уже четыре бутылки и кубокъ вдвое больше перваго. Иногда гость отговаривался, но въ томъ-то и заключалось умѣнье хозяина, чтобы находить такіе убѣдительные тосты, такъ искусно перемѣшивая ихъ латинскими сентенціями, чтобы гость не имѣлъ ни малѣйшей возможности отказаться отъ полной чаши. Если это было въ вакаціонное время или на праздники, въ гостиную призывались сыновья; одѣтые въ кунтуши при сабляхъ, они являлись по приказанію отца.

Привѣтствовать любезнаго сосѣда необходимо было достойно его сана—стольнику и чеснику слѣдовало поцѣловать только руки, но каштелану и, Боже сохрани, воеводѣ — всѣ должны были преклоняться въ ноги.

Съ раннихъ лѣтъ пріучали насъ къ смиренію и почитанію лѣтъ и заслугъ. Если сосѣдъ пріѣзжалъ съ женой и дочерью, барыня принимала ихъ въ сосѣдней комнатѣ, или какъ тогда называли, въ альковѣ. Тамъ подавали имъ кофе, потому что тогда не употребляли еще чаю, развѣ только какъ лекарство и то съ шафраномъ: когда въ альковѣ дамы бесѣдовали, въ гостиной растроганные сосѣди осушали чаши, и бывало, если собралось три, четыре, близкихъ искреннихъ друзей взаимно расположенныхъ, то въ винной бочкѣ оставался одинъ осадокъ. На другой день хозяинъ долженъ былъ отправиться въ городъ покупать въ запасъ новую бочку, чтобы новые гости не застали его въ расплохъ.

Уже совсѣмъ на прощаньѣ, при выѣздѣ, на ступенькахъ кареты, обычай требовалъ выпить стремянную чашу, а иногда гостепріимство оканчивалось лишь за воротами.

Я слышалъ слѣдующій анекдотъ и вѣрю его правдивости. Августъ III гостилъ разъ у вельможи П. М. въ Б... Хозяинъ всѣмъ сердцемъ и погребомъ три дня угощалъ гостя, наконецъ наступила минута выѣзда. Его величество садился уже въ карету, когда М... поднесъ ему еще кубокъ.

— Государь, сказалъ растроганный до слезъ хозяинъ, я имѣю еще двѣ бутылки вина, которыхъ не предложилъ бы никому, но для вашего величества я ихъ добуду...

Разсердившійся король, за предложеніе ему ихъ такъ поздно, отвѣчалъ съ гнѣвомъ:

— Спрячьте же ихъ, сударь, для кого нибудь лучшаго!

Анекдотъ этотъ часто разсказывали. Потомъ я слышалъ,

что его приписывали Станиславу Августу и одному изъ королей французскихъ, но видно передѣлали старый августовскій анекдотъ.

Послѣ отъѣзда гостей, ежели панъ отецъ въ состояніи былъ проэкзаменовать сыновей, онъ сейчасъ же спрашивалъ: Quid fuit dictum?—О чемъ шелъ разговоръ съ сосѣдомъ? какія употреблялись болѣе замѣчательныя фразы? какія были сказаны латинскія поговорки и проч. Если сыновья забыли что нибудь, не миновать было имъ въ такомъ случаѣ розогъ или плети, и потому то въ продолженіи всей бытности гостя всѣ мы прилѣжно и внимательно слушали, стоя въ сторонѣ; но ни присѣсть, ни опереться не дозволялось безъ позволенія отца или матери; нельзя было также выйдти изъ комнаты ни подъ какимъ предлогомъ. Если же получалось это дозволеніе, то означалась дорога, съ которой не слѣдовало сворачивать ни шагу, и обозначалось время, а промедлить болѣе значило сдѣлать преступленіе.—Я помню въ дѣтствѣ, помѣщики, кромѣ гайдука и паюка или придверника, держали еще по возможности одного или двухъ и трехъ придворныхъ дворянскаго происхожденія. Было это обезьяничанье богатыхъ вельможъ, содержавшихъ многочисленную шляхту. Такой надворный, при саблѣ и ладункѣ, обязанъ былъ ѣхать верхомъ впереди экипажа, когда отправлялись въ церковь или въ гости, а за нимъ уже ѣхалъ конюхъ и казакъ. Тогда всѣ помѣщики держали у себя только людей вольныхъ, даже конюховъ: считалось безчестьемъ одѣть крѣпостнаго въ ливрею; одни казаки были исключеніемъ, да еще въ знатныхъ домахъ музыканты; даже надворное войско составлялось изъ шляхты и вольныхъ людей.

Слугамъ, при барскомъ ребенкѣ, не дозволялось садиться или стоять въ шапкѣ; эта почтительность отдаляла отъ нихъ

дѣтей и не допускала слишкомъ большой фамиліярности, въ насъ же укоренялось почтеніе къ дворянскому званію и можетъ быть излишнее понятіе о важности нашего происхожденія.

Не только дѣти, но даже взрослые, сыновья и зятья не имѣли права сѣсть при старшихъ и родителяхъ, безъ позволенія. Мнѣ случилось разъ видѣть въ Житомирѣ Яна Паушу, стольника литовскаго, потомъ подкоморья Овруцкаго, какъ онъ шелъ въ іезуитскій костелъ на студентскую обѣдню, съ четырьмя взрослыми сыновьями, окруженный многочисленной свитой друзей и придворныхъ. Сыновья его: Михаилъ Овруцкой, земскій судья, Ѳадей—камергеръ, третій—поручикъ и четвертый Осипъ—еще студентъ, шли смиренно за отцомъ. Михаилъ несъ саблю отца, которою подкоморій опоясался уже въ придѣлѣ. Въ костелѣ отецъ сѣлъ въ лавку, а сыновья стали въ рядъ возлѣ, за ними помѣстилась служба. Вотъ какія были преимущества родителей и обязанности дѣтей!

Жизнь помѣщиковъ въ деревняхъ была до такой степени однообразна и монотонна, что одинъ день походилъ на другой, какъ двѣ капли воды. Я былъ еще ребенкомъ, когда уже вошло въ обычай пить кофе послѣ обѣда—при гостяхъ и безъ гостей. Чуть свѣтало, самъ помѣщикъ обходилъ уже скотный дворъ, конюшни, кухни и все что входило въ его хозяйственный департаментъ. Нерѣдко по слѣдамъ его раздавались крики, послѣдствія чувствительныхъ ударовъ, которыми онъ безотлагательно надѣлялъ виновныхъ; что впрочемъ ни чуть не мѣшало ему продолжать свои молитвы, которыя онъ говорилъ по четкамъ, не выпуская четки изъ рукъ. Зимой, еще до зари, барыня будила своихъ служанокъ и горничныхъ къ веретенамъ и самопрялкамъ, и тутъ рѣдко обходилось безъ шуму и драки.

Большой молитвенникъ, оправленный въ кожу ящерицы, никогда не покидалъ госпожи, всякій день по немъ читалась служба. Довольно рано подавался кофе. Дѣвкѣ, которая его подавала, иногда доставалось, если что было не въ порядкѣ. Послѣ обѣдни и передъ самымъ обѣдомъ, который подавался въ 12-ть часовъ, баринъ съ барыной и ксендзомъ капеланомъ отправлялись на минуту въ кладовую, и по ихъ возвращеніи по комнатѣ расходился пріятный запахъ кюмеля, и каждый изъ нихъ держалъ въ рукѣ пряникъ. Скромный обѣдъ подавался на оловянной посудѣ. Въ шляхтскихъ домахъ рѣдко бывало болѣе дюжины серебряныхъ ложекъ и ножей, да и тѣ старательно прятались подъ ключемъ у самаго хозяина и вынимались лишь для гостей. Для барина и барыни были особые приборы, но всѣ остальные, даже самъ капеланъ, ѣли оловянными ложками. Отличный борщъ съ говядиной или сосисками, горохъ со свининой, супъ изъ курицы, разварная говядина или пулярка,—вотъ были самыя обыкновенныя кушанья. Для пищеваренія обѣдъ оканчивала большая фляга меду, къ ней допускался и капеланъ.

Въ прошломъ столѣтіи почти всѣ помѣщики содержали капелановъ; въ монастыряхъ достаточно было монаховъ, и они почти всегда занимали эти мѣста. Напримѣръ, въ Заславѣ бывало до двухсотъ бернардиновъ, а въ Бердичевѣ по сто кармелитовъ. Мнѣ не разъ случалось видѣть въ Варшавѣ и Люблинѣ, на похоронныхъ процесіяхъ, по восьмисотъ монаховъ, а свита епископа, въ праздникъ тѣла Господня, простиралась до полторы тысячи.

Такъ бывало у насъ, шляхты. Но въ кіевскомъ воеводствѣ были знатные дома, тѣ жили болѣе открыто, по-барски; тамъ содержали домашній оркестръ, надворныхъ улановъ и многочисленную прислугу. Мѣстились магнаты однако по боль-

шей части въ обширныхъ деревянныхъ строеніяхъ, безъ всякихъ богатыхъ украшеній и при весьма необильной меблировкѣ. Нѣсколько данцигскихъ креселъ, обитыхъ позолоченнымъ сафьяномъ, два-три орѣховыхъ бюро кольбушевской работы, табуреты, обтянутые зеленой клѣтчатой холстинкой, и по два небольшихъ зеркальца въ орѣховыхъ рамкахъ,— вотъ все что украшало комнаты. Но столъ изобиловалъ кушаньями, а еще болѣе виномъ; его окружала толпа гайдуковъ, паюковъ и комнатныхъ слугъ. Первый двухъ-этажный каменный домъ, названный дворцомъ, построилъ, возвратясь изъ-за границы, Каэтанъ Гижицкій въ Краснопольѣ (онъ тамъ же и умеръ, хорунжимъ кіевскимъ, съ 1-го на 2-е сентября 1775 года). Планъ этой постройки онъ привезъ изъ Франціи: въ первый разъ тогда у насъ увидѣли паркетъ, но такой мебели, какая теперь находится почти въ каждомъ деревенскомъ домѣ, такой нигдѣ не было. Вскорѣ потомъ Янъ Каэтанъ Илинскій, староста житомирскій, выстроилъ дворецъ, но и тутъ сначала не было богатой меблировки. Въ другихъ же домахъ, какъ то въ Краповцахъ, Трояновѣ, Ловковѣ, Пулинахъ были только обширныя деревянныя строенія, которыя время пощадило до сихъ поръ. Гораздо позже въ Янушполѣ построили большой деревянный домъ съ паркетными полами и красиво меблировали; стоитъ онъ до сихъ поръ, хотя прошло уже болѣе шестидесяти лѣтъ. Таковъ былъ образъ жизни во время моего дѣтства въ кіевскомъ воеводствѣ. Стемпковскій, воевода кіевскій, выстроилъ въ Лабунѣ каменный дворецъ, богато и со вкусомъ меблированный. Ему стали подражать богатые помѣщики, затѣмъ и бѣднѣйшіе начали строить порядочныя жилища и много денегъ теряли, щеголяя другъ передъ другомъ богатымъ убранствомъ. На Украинѣ, въ Тульчинѣ, уже по прошествіи 1780 года, воздвиг-

нулся первый дворецъ въ этомъ краѣ. Я зналъ людей, которые хорошо еще помнили пустой древній замокъ, съ каменными укрѣпленіями по угламъ, на мѣстѣ котораго выстроили этотъ дворецъ. Послѣ отдѣленія Галиціи отъ Польши Потоцкій перевелъ свою резиденцію изъ Кристьянополя въ Тульчинъ; здѣсь былъ его дворецъ и онъ содержалъ при себѣ почти королевскій дворъ, чуть-чуть не съ королевскимъ этикетомъ. Потомъ онъ былъ воеводой русскимъ и купилъ у Стемпковскаго генеральство артиллеріи. Въ это время вельможи стали разоряться, а шляхтичи начали скупать большія и малыя помѣстья. Отсюда начало дворянскихъ имѣній, всѣ стали осѣдляться, старались украшать все вокругъ себя, и теперь украинская провинція сдѣлалась одной изъ самыхъ красивыхъ, какъ прежде была самой богатой.

VI. Сутяжничество.

Многое можно было бы сказать о томъ, отчего въ концѣ прошлаго столѣтія до такой степени вкоренилось у насъ сутяжничество, отчего городскіе и земскіе суды были завалены дѣлами. Главными причинами безчисленныхъ процесовъ были: невѣроятная дешевизна производства дѣлъ; гербовая бумага, и то только первый листъ, стоилъ всего грошъ серебромъ. Потомъ многочисленность студентовъ, окружавшихъ суды и набивавшихся всѣмъ со своими услугами. Большую роль играло барское самолюбіе, желаніе унизить противника и поставить на своемъ.—Не разъ я видѣлъ дѣла, не стоившія и двухсотъ злотыхъ, такъ упорно поддерживаемыя, что для прекращенія ихъ ни посредничество друзей, ни ходатайство уважаемыхъ личностей не имѣли ни малѣйшаго вли-

нія—все это порождало личную вражду и долголѣтнія непріязни.

Иногда случалось, что противники, неожиданно встрѣтившись гдѣ нибудь въ постороннемъ домѣ, одинъ другому сказали «сударь», а затѣмъ уже сказали другое болѣе обидное слово, и тогда уже не было средства къ примиренію, сабли оканчивали споръ и кровь лилась. Если случайно встрѣчались оба одинаково ловкіе рубаки и минутъ десять не могли ранить другъ друга, тогда секунданты мирили ихъ, признавая за обоими одинаковую ловкость и искуство. Въ винѣ потоплялось воспоминаніе обиды, и два заклятые врага, вдругъ почувствовавъ уваженіе другъ къ другу при примирительной чашѣ, соединялись на вѣкъ неразрывною дружбою.

Я обязанъ вспомнить здѣсь объ одномъ обычаѣ. Если молодой человѣкъ намѣревался свататься на какой нибудь дѣвушкѣ, онъ обязанъ былъ пріѣхать въ домъ ея родителей, съ какимъ нибудь почтеннымъ другомъ, и притомъ парадно и со свитой. Оба входили при сабляхъ. Сватъ снималъ свою, но женихъ чувствительно обидѣлъ бы хозяевъ, если бы, не смотря на самыя неотступныя просьбы, снялъ оружіе или дозволилъ выпрячь лошадей, хотя бы они такъ стояли цѣлыя сутки. Чаши вина чередовались до самаго ужина, который рѣшалъ судьбу претендента. По обычаю того времени, всѣ кушанья подавались вмѣстѣ на столъ, и если передъ женихомъ ставили блюдо съ гусемъ, или поросенка съ чернымъ соусомъ, или тыква, то это ясно означало, что всѣ ходатайство и просьбы свата пропали даромъ. По этому-то слово тыква (гарбузъ) навсегда осталось въ разговорѣ синонимомъ отказа.

VII. Августъ Саксонскій.

Нужно признаться, что въ то время считалось у насъ заслугою пить много: кто превзошелъ въ пьянствѣ другихъ, легко пріобрѣталъ братскую любовь и популярность. Я видѣлъ чаши необыкновеннаго объема и рыцарей бутылки, которые къ нимъ приступали не морщась. У Стемпковскаго, воеводы кіевскаго, была чаша (теперь она находится у внука его Игнатья), въ которую мѣстились пять бутылокъ, а три въ крышку. Я былъ не разъ свидѣтелемъ, какъ Илинскій, староста цудыновскій, Осипъ Швейковскій, стольникъ Овруцкій, полковникъ Комаржевскій и Яниковскій осушали до дна крышку однимъ глоткомъ, а самый кубокъ въ два пріема. Два первые были личности колосальныхъ размѣровъ, особенно Илинскій, онъ никогда не могъ видѣть своихъ ногъ, и въ желудкѣ его вѣроятно помѣстилась бы цѣлая бочка венгерскаго. Притомъ эти господа славились необыкновеннымъ апетитомъ; но Яниковскій и Комаржевскій были люди средняго роста, широкоплечіе и приземистые. Не понимаю, какъ могло все это вино въ нихъ помѣститься!

Въ веселомъ расположеніи Яниковскій выпивалъ достаточно, но имѣлъ ту счастливую натуру, что излишекъ винныхъ паровъ парами выходилъ чрезъ лысую голову, которая дымилась порой, какъ труба. И какъ бы много онъ не пилъ, никогда не допивался до безчувствія. Не были это однако обыкновенные пьяницы, но только разгульные товарищи, и ни одинъ изъ нихъ не выпилъ бы и рюмки безъ общества. Швейковскаго я зналъ уже старикомъ, руки у него до такой степени дрожали, что онъ не могъ попасть пальцами въ табакерку; но кубокъ, полный до самаго края, всегда

доносилъ къ губамъ, не проливая ни капли, и очень граціозно передавалъ его потомъ черезъ салфетку другому.

Илинскій, во время перваго обѣда, который обыкновенно подавался въ 10 часовъ, выпивалъ регулярно, для лучшаго пищеваренія, шесть бутылокъ французскаго вина. При второмъ обѣдѣ, во 2-мъ часу, въ которомъ участвовали жена, домашніе и гости, если не было предлога выпить за чье нибудь здоровье, онъ выпивалъ только еще шесть другихъ бутылокъ и за ужиномъ третью шестерку. Слѣдуетъ принять въ разсчетъ и то, что передъ всякой ѣдой, для возбужденія апетита, обыкновенно выпивалось что-то въ родѣ полквварты спирту.

Пьянство въ Польшѣ, о которомъ такъ много писали и кричали, никогда въ сущности не было народнымъ порокомъ. Оно вошло въ моду въ началѣ царствованія Августа II, а чрезъ шестьдесятъ лѣтъ тишины и мира вкоренилось въ обычаяхъ и сильно распространилось. Тутъ слѣдуетъ повторить старую пословицу: «Regis ad sxemplar, tutas componitur orbis». Необходимо принять въ разсчетъ форму правленія, на которую такъ много имѣло вліянія дворянство; популярность была необходима, а она получалась только съ полной чашей въ рукахъ. При попойкахъ заключалась дружба, утверждались союзы, оканчивались распри, улаживались проекты на сеймѣ, инструкціи посламъ, чтобы «abstante calamitate patriae» не дозволяли никакихъ новыхъ налоговъ. Наконецъ при попойкахъ улаживались супружества. На пирахъ съ бокаломъ въ рукѣ разбиралась жизнь богоугодныхъ людей и составлялись просьбы о принятіи ихъ въ число блаженныхъ. Благочестивые придерживались правила, чтобы чаши были украшены изображеніями святыхъ. Пивали много венгерскаго, но не брезгали и скромнымъ домашнимъ ме-

домъ. Послѣ заговѣнья привозили въ домъ ксендза капуцина, который сытилъ и варилъ медъ и училъ приготовлять закуски (стокфишъ).

Жители провинцій строго оберегали одну изъ своихъ привиллегій, а именно, право съѣздовъ или сеймики для выбора депутатовъ въ трибуналъ и каждые два года для выбора пословъ на сеймы. Они никогда не пропускали этихъ съѣздовъ и не смотря на то, что предсѣдательствующій на сеймикѣ воевода или какой нибудь вліятельный въ провинціи вельможа уже давно съ друзьями согласились кто замѣнитъ прежняго депутата или посла, и всегда навѣрное могли отстоять своего протежé, все-таки собравшимся господамъ казалось, что «liber voce» существуетъ и они сами избрали кого хотѣли. Была это безвредная иллюзія... На сеймикахъ посламъ подписывали «Laudum»: право истребовать неаполитанскія суммы, вывезенныя нѣкогда королевой Боной; настоять на открытіи Олькушскихъ горныхъ промысловъ, просьбы о признаніи новыхъ блаженныхъ въ Римѣ, рекомендаціи г. воеводы «ad panem bene merentium», но главное: строго было приказано посламъ не дозволять ни малѣйшей пошлины на вино. Подъ конецъ сеймика шляхта напивалась до послѣдняго нельзя, и безъ милосердія рубилась саблями. Не одинъ часто возвращался къ своей женѣ съ разрисованнымъ лицемъ.

VIII. Охоты.

Я говорилъ уже, что Илинскій, староста цудыновскій, былъ непобѣдимымъ рыцаремъ кубка, какъ по природной склонности, такъ и въ силу обычая. Былъ онъ также и страстнымъ охотникомъ; и эти-то двѣ склонности соединили

его тѣсной дружбой съ гетманомъ Браницкимъ, который тоже былъ пьяница и охотникъ. Ярые эти охотники, для принесенія жертвъ Бахусу и Діанѣ, съѣзжались въ Любомлѣ, помѣстьѣ гетмана, съ обширными лѣсами, полными разнаго звѣря и въ Курской вотчинѣ, принадлежавшей Илинскому, гдѣ тоже не было недостатка въ дичи. Въ 1779 году Илинскій, пригласивъ къ себѣ на охоту гетмана Браницкаго, въ тихомолку цѣлый годъ приготовлялся принять дорогаго гостя.

Въ Курномъ давно уже строили домики, конюшни, псарни, приготовляли разнородные запасы для охотниковъ, друзей и свиты гетмана; поправляли изгороди, вязали сѣти, скупали лучшей породы борзыхъ, выписывали черезъ шкиперовъ изъ Данцига датскихъ большихъ собакъ, называемыхъ піявками, которыхъ тамъ обыкновенно пускаютъ на большаго звѣря; наряжали въ тонкое сукно охотниковъ, стремянныхъ и доѣзжихъ, однимъ словомъ ничего не жалѣли, чтобы показаться какъ слѣдуетъ. Близкій сосѣдъ Курнева, князь Каликстъ Понинскій, женатый на княжнѣ Любомирской, человѣкъ съ большимъ состояніемъ, владѣлъ громадными лѣсами; онъ выстроилъ, среди ихъ, въ ничтожной деревушкѣ, домъ въ родѣ гостинницы въ тридцать комнатъ, съ кухнями и конюшнями на нѣсколько сотъ лошадей.

Наканунѣ своихъ имянинъ, дня св. Ксаверія, приглашенный гетманъ пріѣхалъ въ Скаржницы, къ своему сердечному другу и нашелъ уже тамъ многочисленное общество, собравшееся по случаю его пріѣзда; я тоже тамъ былъ съ моими родителями. На другой день, въ видѣ сюрприза для имянинника, произвели большой охотничій смотръ. Мы нашли въ полѣ, установленныхъ въ порядкѣ всѣхъ охотниковъ, болѣе ста человѣкъ, на отличныхъ лошадяхъ въ новыхъ тон-

кихъ мундирахъ, вооруженныхъ французскими или англійскими ружьями и кортиками. Всеобщее вниманіе привлекъ главный ловчій; мужчина громаднаго роста и съ такими усами, какихъ я ни прежде, ни послѣ никогда въ жизни не видалъ, густоты необыкновенной и неслыханно длинные; подобно бородѣ св. Онуфрія, они досягали пояса. Гетманъ былъ верхомъ; самъ хозяинъ на громадной лошади; много гостей, тоже верхомъ; дамы и дѣти въ коляскахъ и разныхъ экипажахъ выѣхали смотрѣть на это любопытное зрѣлище. Въ полѣ за деревней пространная площадь была отгорожена остроколомъ, туда впустили медвѣдя, а за нимъ датскихъ собакъ огромнаго роста. Борьба была продолжительная, медвѣдь задралъ нѣсколькихъ собакъ, но датскія піявки осадили таки его, а ловчій кортикомъ добилъ. Потомъ пустили въ полѣ нѣсколькихъ волковъ, борзыя брали ихъ въ одиночку, среди разъѣзжавшихъ, чтобы лучше видѣть охотниковъ. Къ обѣду все общество возвратилось во дворецъ и передъ гетманомъ, по древнему обычаю поставили жаркое изъ жеребенка. Ухъ! какъ тогда пили! какъ всѣ разчувствовались! Илинскій принужденъ былъ даже подарить гетману своего усатаго ловчаго. На другой день къ обѣду подавали медвѣжьи лапы, но этого кушанья я не пробовалъ.

Все общество переѣхало потомъ въ Курное и Мяколовичи. Говорятъ, что это празднество стоило до ста тысячъ Илинскому и столько же князю Понинскому (200.000 злотыхъ: 30.000 руб. сер.). Понинскій однако не могъ сравниться со старостой цудыновскимъ въ роскоши убранства охотниковъ. При одной мысли сколько тамъ выпили вина у меня волосы на головѣ поднимаются дыбомъ.

IX. Контракты (ярмарки) въ Дубно.

На сколько я помню, каждый годъ отецъ ѣздилъ на контракты въ Дубно. Въ 1780 году онъ взялъ меня съ собою; я былъ тогда въ училищѣ въ классѣ синтаксиса. Не легко описать мое восхищеніе при видѣ всего для меня новаго; любопытный какъ ребенокъ я забрасывалъ отца вопросами и не давалъ ему покоя. Но что же было со мною, когда меня представили князю Понинскому, бывшему душой контрактовъ. Князь весьма дружески, какъ хорошаго знакомаго, принялъ моего отца и разъ навсегда пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать и ужинать; мы просиживали у него съ утра до поздней ночи.

Какъ узналъ я потомъ изъ бумагъ моего небольшаго архива, отецъ имѣлъ съ княземъ Понинскимъ ежегодные разсчеты съ 1775 года; онъ владѣлъ, на правѣ залога, нѣкоторыми его имѣніями. Въ 1780 году, имѣя небольшой капиталецъ, онъ тоже взялъ въ залогъ двѣ деревни, за шестьдесятъ пять тысячъ золотыхъ. Конная барщина считалась тогда по восемнадцати грошей, а пѣшая по десяти. Къ выгодамъ аренды прибавлялись разныя наддачи, какъ-то: куры, мотки пряжи, лѣтніе дни. Тогда я былъ еще совсѣмъ ребенокъ, чтобы понять всю сущность контрактовыхъ оборотовъ, и то только запомнилъ и понялъ что болѣе бросалось въ глаза.

У князя Понинскаго собиралась безчисленная толпа. Потомъ я видѣлъ, на другой и третій годъ, что всѣ самыя важныя дѣла у него улаживались, такъ что у князя болѣе бывало дѣловыхъ людей нежели въ канцеляріи контрактовъ, помѣщавшейся въ строеніи въ крѣпости, противъ дворца князя Михаила Любомирскаго, гдѣ формально уже заключа-

лись всѣ сдѣлки. Съ ранняго утра столы въ комнатахъ заставлялись золотистыми штофами данцигскихъ водокъ, устрицами, миногами, голландскими селедками, швейцарскими сырами, въ такихъ громадныхъ кругахъ, какъ колеса экипажа. Всѣ пили и ѣли что кому нравилось, когда закуска съѣдалась подавали второй завтракъ и сотни бутылокъ англійскаго пива. Какъ я теперь разсчитываю и насколько припоминаю что тогда говорили, всякій такой завтракъ стоилъ не менѣе трехсотъ червонцевъ.

Обѣдало постоянно не менѣе ста человѣкъ, и выстрѣлы шампанскихъ бутылокъ привѣтствовали пирующихъ. Разъ какъ-то случилось, что отецъ не могъ обѣдать у князя. Понинскій обидѣлся этимъ, и съ этихъ поръ уже мы бывали тамъ каждый день. Послѣ обѣда раскладывали карточные столы, толпа ихъ окружала; играли почти на двадцати столахъ. Передъ играющими въ банкъ, фараонъ, лежали груды золота. На другихъ столахъ, гдѣ играли въ квиндеча, тоже не было недостатка въ золотѣ. Отецъ постоянно игралъ въ квиндеча, это была его любимая игра; садясь играть онъ отсылалъ меня на квартиру съ гайдукомъ Василіемъ, который носилъ меня на рукахъ, нянчилъ и держалъ меня при экзекуціяхъ; на квартирѣ отъ меня не отступалъ г. Стржелецкій. Не знаю везло ли отцу въ картахъ, но иногда утромъ, я видѣлъ, какъ онъ пересчитывалъ и вѣсилъ золото. Подъ конецъ контрактовъ, шляхта толпами стекалась къ Понинскому, всѣ несли деньги.

Правду сказать, какъ я теперь понимаю, въ то время большихъ суммъ тамъ не было, но сносили небольшіе капиталы, выпивали водку, съѣдали завтраки, а къ кассѣ трудно было пробиться.

Читалъ я афиши и слышалъ о собраніяхъ и театрѣ, но

тамъ не бывалъ и не имѣю о нихъ понятія, хотя отецъ съ княземъ каждый день туда ѣздили. Все это было для меня и ново и интересно; тутъ въ первый разъ я видѣлъ скороходовъ. Нѣсколько ихъ прислуживало въ комнатахъ у князя, и они бѣгали передъ его каретой. Жители Великой Польши считали необходимостью имѣть хотя одного такого коня-человѣка; въ Варшавѣ и Великой Польшѣ держали скороходовъ до 1792 года. Послѣдній разъ я видѣлъ ихъ при дворѣ саксонскаго короля въ 1811 году. Король всякій день катался съ королевой и королевной, шестеркой лошадей, кучеръ и форейторъ были съ трубами, за открытой коляской стояло два толстыхъ лакея, съ косами, ниспадавшими на плечи, а передъ экипажемъ бѣжали два скорохода.—Окончивъ всѣ дѣла, отецъ довольно долго пробылъ еще на контрактахъ. Онъ просто обожалъ князя и часто говорилъ, что нѣтъ въ Польшѣ человѣка честнѣе и болѣе доступнаго вельможи.

Когда почти всѣ уже стали разъѣзжаться, и мы намѣревались на другой день отправиться домой, князь позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ, наполнилъ мои карманы конфектами и далъ пять червонцевъ. Я чрезвычайно обрадовался и тому и другому. Возвратившись на квартиру сейчасъ же показалъ отцу подарки, прося его купить мнѣ что-нибудь; но отецъ сдѣлалъ строгій выговоръ зачѣмъ я принялъ деньги и приказалъ отдать ихъ матери.

Едва возвратились мы домой, едва сбросивъ шубу, я тотчасъ побѣжалъ къ матери съ деньгами и конфектами.

— Откуда эти деньги? спросила она.

— Отъ князя.

— Какъ смѣлъ ты ихъ принять!

Мать очень была горда и страшно обидѣлась, что перво-

родный сынъ ея унизился до такой степени, что принялъ деньги отъ чужаго человѣка. Наступила длинная краснорѣчивая проповѣдь, я слушалъ ее въ полномъ раскаяніи, какъ настоящій преступникъ. Во время проповѣди вошли двѣ горничныя и дѣвица Столинская, исполнявшая всегда уголовныя экзекуціи; безжалостно растянули меня на скамейкѣ и отсчитали пятнадцать ударовъ, прежде нежели я успѣлъ обогрѣться съ дороги.

Когда наступило время моего возвращенія въ училище, къ намъ пріѣхалъ мой дядя, братъ матери, которому отецъ привезъ проценты съ контрактовъ и поэтому случаю мой отъѣздъ отстрочили на два дня.

Дядя хотѣлъ дать мнѣ нѣсколько талеровъ на дорогу, но я принялъ это очень гордо и рѣшительно отказался, онъ пожаловался сестрѣ. Новое объясненіе и выговоръ: почему я не принялъ отъ такого близкаго родственника доказательства его расположенія. Меня заставили упасть ему въ ноги, извиниться, принять деньги, а для лучшей памяти заставили прогуляться въ гардеробную, гдѣ обыкновеннымъ порядкомъ дѣвица Столинская отсчитала десять ударовъ. Вотъ каковъ былъ результатъ моей первой поѣздки.

Въ 1781 году, передъ самыми контрактами, возвратился изъ Люблина, окончивъ срокъ своего депутатства, г. Попель, большой другъ отца; всѣ радовались его пріѣзду. Онъ былъ лѣтъ тридцати, красавецъ, свѣтскій человѣкъ. Онъ съ отцомъ уговорился ѣхать вмѣстѣ на контракты; меня съ собой тоже взяли. Тогда мнѣ было пятнадцать лѣтъ, и я былъ въ классѣ поэзіи. Поѣздка эта приводила меня въ восхищеніе, тѣмъ болѣе что я былъ любимцемъ Попеля, и мать поручала меня ему. Къ довершенію моего блаженства мать дала

ему для меня десять червонцевъ на кіевскій мундиръ съ золотыми эполетами, какъ тогда носили.

По дорогѣ мы заѣхали къ овруцкому стольнику Швейковскому и съ нимъ вмѣстѣ отправились въ Дубно, гдѣ на одной квартирѣ всѣ вмѣстѣ и остановились.

Не успѣли еще всѣ опомниться съ дороги, какъ я сталъ уже торопить Попеля, чтобы онъ какъ можно скорѣе купилъ мнѣ мундиръ и саблю, моя слишкомъ уже была коротка. Онъ сейчасъ же занялся этимъ, и на другой день я былъ уже въ мундирѣ. У князя Понинскаго все было по прошлогоднему, тѣже завтраки, обѣды, карты, но дѣлъ еще болѣе.

Передъ нашимъ пріѣздомъ князь уже продалъ нѣсколько деревень, изъ волостей Цудыновскихъ, а именно: помѣстье Янушполье судьѣ Букару, за четыре тысячи червонцевъ, Трошъ и Борковцы Струтинскому. Г. Кордышъ купилъ у Швейковскаго Чарторійскій ключъ и заплатилъ милліонъ двѣсти тысячъ злотыхъ. Много было уже оконченныхъ сдѣлокъ, и отецъ, собравши капиталецъ, снова отдалъ князю сорокъ три тысячи.

Въ карты отецъ игралъ на этотъ разъ пополамъ съ Попелемъ; каждое утро они складывались по пятнадцати червонцевъ. Иногда отецъ приносилъ полные кошельки золота и рано утромъ, пока всѣ спали, считалъ и вѣсилъ. Всего два или три раза случилось такъ, что онъ проигралъ, тогда придирался ко мнѣ, находилъ, что у меня дурныя манеры и что я не умѣю вести себя въ обществѣ.

Я спалъ въ отдѣльной комнатѣ съ Попелемъ. Недѣлю спустя послѣ нашего пріѣзда, мы давно уже спали какъ вдругъ отецъ поздно воротившись домой разбудилъ насъ. Смотримъ онъ вынулъ два полные кошелька и еще большой узелъ съ золотомъ. Стали считать, каждому изъ нихъ пришлось болѣе чѣмъ

по четыреста червонцевъ. Попель отложилъ двадцать червонцевъ и сказалъ отцу:

— Это мы обязаны отложить на гардеробъ для Дукланка, на люблинскій мундиръ, вы и сами его носите, имѣя наслѣдство по матери въ этомъ воеводствѣ, а я знаю, что Дукланку давно хочется такого мундира.

Въ хорошемъ расположеніи въ какомъ тогда былъ отецъ, онъ безъ противорѣчія на это согласился, и я былъ уже у ногъ его; онъ прибавилъ со своей стороны къ деньгамъ десять червонцевъ, на зеленый гарнитуръ съ золотымъ шнуркомъ. Г. Попель принялъ на себя всѣ заботы о моей экипировкѣ и даже черезъ чуръ уже меня расфрантилъ. Признаюсь я не спалъ всю ночь, все думалъ объ обновкахъ.

Пока отецъ обдѣлывалъ дѣла, счастливо игралъ въ карты, мы съ Попелемъ, моимъ благодѣтелемъ и ментором, имѣвшимъ громадныя знакомства, постоянно ѣздили съ визитами, каждый день бывали въ собраніи, въ театрѣ и на вечерахъ.

Самый бурный, но зато и самый милый періодъ нашей жизни, переходъ отъ дѣтства къ юности. Не было ни одной актрисы, въ которую бы я не влюбился, не осталось ни одной дамы изъ тѣхъ, у которыхъ мы бывали, чтобы я хотя на одинъ часъ не полюбилъ ее безъ памяти. А между тѣмъ у князя Понинскаго его собственныя дѣла и дѣла цѣлыхъ контрактовъ шли въ колосальныхъ размѣрахъ. Два повѣренные его, ротмистръ Головинскій и Фердинандъ Журавскій (послѣдній, въ эти контракты купилъ себѣ, на подаренные княземъ Понинскимъ, пятдесятъ тысячъ, отъ Фабіана Годлевскаго, Украинское интендантство), постоянно были заняты дѣлами, которыя князь рѣшалъ въ одно мгновенье.

Играли громадными кушами: тутъ я видѣлъ тогдашнихъ знаменитостей по этой части, генерала М... Вендорфа, Годлев-

скаго, Фабриціа Котунка и Закржевскаго изъ Великой Польши. Они постоянно держали банкъ у князя, но кромѣ того всякій вечеръ въ собраніи на каждомъ почти столѣ закладывались банки въ нѣсколько тысячъ червонцевъ.

Кончились контракты, отцу посчастливилось въ картахъ, онъ и Попель выиграли по тысячѣ сто червонцевъ; сдѣлавъ всѣ закупки, къ крайнему моему сожалѣнію, мы выѣхали изъ Дубна. Бывая въ обществѣ, я ополировался, набрался свѣтскаго лоска и изящныхъ манеръ, но голова у меня такъ закружилась, что уроки не шли болѣе на умъ; и годъ цѣлый провелъ я въ училищѣ безъ всякой пользы Только ради моихъ прежнихъ успѣховъ перевели меня въ слѣдующій классъ, на курсъ риторики.

Наступали опять контракты, мы тоже опять съ Попелемъ отправились въ Дубно. Дѣла въ началѣ контрактовъ по прежнему обдѣлывались у подскарбія Понинскаго; онъ продалъ или вѣрнѣе помѣнялся съ г. Протомъ Потоцкимъ помѣстіемъ Лысобоцкимъ на Любарь. Завтраки, обѣды и карты какъ и въ прежніе годы,—всегда бывали у него.

Собравъ свой капиталъ, отецъ перемѣнилъ залогъ и далъ князю восемьдесятъ двѣ тысячи злотыхъ за помѣстье Вильское, заключивъ самый выгодный контрактъ, хотя нѣкоторые не совѣтывали ему этого дѣлать, подозрѣвая банкротство: кредитъ Понинскаго подъ конецъ контрактовъ началъ уже колебаться. Напрасны были всѣ совѣты, отецъ такъ вѣрилъ Понинскому, что все бы ему отдалъ. Всѣ довольно явно уже удалялись отъ князя подскарбія, дѣла переходили къ Проту Потоцкому, только игра и выпивка бывали у него. Къ счастью у отца было еще тридцать тысячъ, у банкира Кабри, которыхъ онъ не взялъ, уступивъ усиленнымъ просьбамъ Попеля.

Въ этотъ годъ и игра не такъ пошла хорошо какъ преж-

де, но союзники всетаки получили болѣе нежели по сто червонцевъ барыша. Послѣ контрактовъ отецъ переѣхалъ въ имѣнье Вильское и цѣлый годъ прожилъ спокойно. На слѣдующіе контракты, когда мы пріѣхали, отецъ думалъ отказаться отъ этого имѣнія, но у князя не было денегъ для выкупа; кредитъ Понинскаго окончательно рушился, деньги перешли къ Проту Потоцкому, тѣмъ болѣе, что князь продалъ ему Цудыновскую вотчину, и неслыханное до сихъ поръ слово «patioritatis», пробѣжало по цѣлому Дубно. Мы на этотъ разъ не долго прожили въ Дубнѣ, отецъ взялъ проценты у банкира, а капиталъ по совѣту Попеля опять у него оставилъ.

Не задолго въ мартѣ, комисія Просвѣщенія объявила Понинскому процесъ за неуплату трехъ сотъ шестидесяти тысячъ съ процентами и забрала помѣстье Вильское—отецъ остался не причемъ. Поѣхалъ онъ въ Варшаву. Вѣрный другъ Попель поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ; тамъ они заключили съ комисіей контрактъ на аренду, пока не уплатится ея долгъ. Впередъ слѣдовало заплатить арендную сумму за полтора года, въ родѣ залога, и тутъ то очень кстати пригодились деньги, бывшія у Кабри; а нашъ заставной капиталъ остался безъ процентовъ до 1791 года, до окончанія конкурсной комисіи. Отцу присчитали за капиталъ только по полпроцента, и любовь его къ Понинскому отъ этого значительно уменьшилась. Такъ упалъ этотъ громадный колосъ, или лучше сказать, гигантская машина, десять лѣтъ вертѣвшая дѣлами Польши. Игрой своей и упадкомъ. Понинскій разорилъ многихъ.

Съ этихъ поръ всѣ важныя дѣла и общее довѣріе перешло къ Проту Потоцкому. Къ компаніи принадлежалъ Моржковскій; тѣсный союзъ съ банкирами очень много содѣй-

ствовалъ акуратности; всѣмъ выплачивали безотлагательно до 1793 г. Но затѣмъ банкротство нѣсколькихъ банкировъ увлекло за собой Потоцкаго; онъ совершенно запуталъ свои дѣла. Въ 1784 г. имѣнія Понинскаго подверглись „sub hastam patioritatis“ и тогда въ первый разъ сказаны были эти ужасныя слова, и съ этимъ вмѣстѣ открылся неизвѣстный до сихъ поръ путь уплачивать долги — банкротствомъ.

Въ законѣ слишкомъ неясно и глухо было сказано о ликвидаціи, особенно въ конституціи 1588 года. Въ практикѣ это была почти неслыханная вещь; ничего подобнаго никогда не случалось. Шляхта, землевладѣльцы, наслѣдовавшіе имѣнія отъ предковъ, никогда не дѣлали большихъ долговъ на имѣнія; напротивъ того они еще собирали приданое дочерямъ, а сыновей, если ихъ было нѣсколько, распредѣляли такъ, чтобы каждый изъ нихъ самъ зарабатывалъ хлѣбъ.

Нужно откровенно сказать, что тогда не знали той роскоши, которая потомъ такъ распространилась. Барыня выѣзжала въ данцигской коляскѣ, не стоющей болѣе ста талеровъ, или въ каретѣ той же фабрики, обитой трипомъ, цѣною въ триста талеровъ: лошади были хорошо откормленныя, но изъ собственнаго стада нашей чисто польской породы, которой теперь и слѣдовъ не осталось. Жены вельможъ брали къ себѣ дочерей помѣщиковъ, когда они оканчивали воспитаніе въ монастырѣ; затѣмъ ихъ выдавали замужъ, снабжали приданымъ и протежировали потомъ всю жизнь. Самъ помѣщикъ, бывшій въ молодости при дворѣ вельможи, по его милости запасался богатымъ и многочисленнымъ гардеробомъ и не шилъ потомъ ничего новаго, а только съуживалъ или расширялъ по своему объему. Въ послѣдствіи этотъ же самый гардеробъ передѣлывали на взрослыхъ сыновей.

Необходимо также брать въ расчетъ дешевизну товаровъ; напримѣръ бочка венгерскаго вина стоило четыре червонца, а французское самое дорогое вино—семь червонцевъ. Десять фунтовъ кофе и столько же сахару стоили пять злотыхъ (75 к.). Я самъ это помню, и счеты отца подтверждаютъ то же самое. Доходы правда были не велики, а пили много; но это дешево обходилось. Такой образъ жизни не вводилъ шляхту въ долги, напротивъ почти всегда увеличивалось состояніе. Кто собралъ какой-нибудь капиталецъ, отдавалъ подъ залогъ вельможѣ и бралъ деревню; поэтому не было случая, чтобы помѣщики продавали за долги имѣнія, или увертывались отъ кредиторовъ. Этотъ способъ ввелъ первый Адамъ Понинскій въ 1783 году. Если кто изъ знатныхъ вельможъ погулялъ за границей, или пожилъ привольно дома, то онъ продавалъ одну — другую вотчину и честно расплачивался съ кредиторомъ; жить въ кредитъ было неслыханное дѣло. Дѣло Понинскаго было совсѣмъ другаго рода. Долги превышали капиталъ, продажа была невозможна, а потому необходимо было прибѣгнуть къ ликвидаціи. Самый главный долгъ былъ Прота Потоцкаго, соединивъ его со счетами Кабри, Теппера, Шульца и другихъ банкировъ, онъ достигалъ до 20-ти милліоновъ. Это было счастье для шляхты! Потоцкій дѣятельно занялся взысканіемъ, взявъ помощникомъ Осипа Моржковскаго, подляскаго хорунжаго, который только что женился на дѣвицѣ Ганьской. Моржсковскій этотъ, воспитанникъ знаменитаго Антонія Тизенгауза, только что избранный, по протекціи Илинскаго, старосты житомирскаго, вице-старостой этого города, недавно еще поселился въ воеводствѣ Кіевскомъ. Послѣ сейма 1773 года, продолжавшагося до 1775 года, онъ служилъ въ канцеляріи сейма, въ отдѣленіи по просмотру дѣлъ комисіи; эти двѣ должности помогли

изучать достовѣрно дѣла цѣлаго края и получить статистическія свѣденія о всѣхъ имѣніяхъ. Моржковскій получилъ воспитаніе не блестящее, другихъ языковъ, кромѣ польскаго и латинскаго, не зналъ, но латинистъ былъ отличный, и природнымъ умомъ замѣнялъ недостатки воспитанія. Судилъ онъ здраво, легко и быстро, а постоянный трудъ выработалъ въ немъ настоящую геніальность въ судебныхъ дѣлахъ. Невозможно было Потоцкому сдѣлать болѣе счастливый выборъ, какъ для себя, такъ и для другихъ кредиторовъ. Въ 1786 году люблинскій трибуналъ рѣшилъ декретомъ и назначилъ съѣздъ для раздѣла имѣній Понинскаго, по всему краю, во всѣхъ воеводствахъ. Кредиторы выбрали офиціальными чиновниками на съѣзды Моржковскаго, Франца Пугало и Черскаго граничнаго коморника, но послѣднимъ было далеко до Моржковскаго.

На издержки по этому дѣлу трибуналъ назначилъ съ тысячи злотыхъ по одному червонцу, изъ суммъ кредиторовъ; а какъ долговъ было 83.000.000 злотыхъ польскихъ, пришлось 83.000 червонцевъ на издержки, на жалованіе чиновниковъ и содержаніе канцелярій. Сумма кажется громадною, но за то какіе расходы! Сколько нужно было содержать геометровъ, контролеровъ для списыванія инвентарій, сколько стоили разныя поѣздки, сколько людей нужно было содержать въ канцеляріяхъ. Моржковскій выписалъ для этого своихъ родственниковъ съ Подлясья, и они обогатились. Все дѣло это Моржковскій кончилъ въ пять лѣтъ, и въ 1791 году трибуналъ утвердилъ его формально, а кредиторы вошли во владѣніе своихъ частей. Ловкій Моржковскій подалъ первый образчикъ невиданнаго дѣла въ Польшѣ и къ несчастію слишкомъ часто потомъ повторявшагося.

Занимаясь ликвидаціей, Моржковскій не пропустилъ ни

одного засѣданія въ тѣхъ судахъ, гдѣ былъ предсѣдателемъ. Очень можетъ быть, что это банкротство Понинскаго послужило къ его обогащенію, онъ скупалъ у кредиторовъ векселя; но всего болѣе помогъ Моржковскому новый ходъ событій.

Въ 1793 году многіе изъ богатыхъ помѣщиковъ, имѣвшіе небольшія имѣнія, въ отдѣленныхъ отъ Польши провинціяхъ, продавали ихъ за безцѣнокъ. Банкротство нѣсколькихъ банкировъ временно пріостановило денежные обороты, и въ краѣ сказывался недостатокъ капиталовъ. Какъ бы предвидя эти событія, Моржковскій припасъ значительный наличный капиталъ; къ тому же онъ пользовался громаднымъ кредитомъ, такъ что за нѣсколько лѣтъ передъ смертію почти всѣ денежныя дѣла на контрактахъ были въ его рукахъ. До самой смерти онъ былъ предсѣдателемъ кіевской гражданской палаты, а современи вступленія на престолъ императора Павла I сенатъ подтверждалъ каждое его рѣшеніе.

Двѣнадцать милліоновъ состоянія оставилъ онъ тремъ дочерямъ своимъ, и не менѣе двухъ милліоновъ подарилъ брату Францу, но никто не могъ сказать, что состояніе это было нажито чужой обидой или пронырствомъ и неправдой. Не забудемъ и того, что Моржковскій въ пять лѣтъ окончилъ раздѣлъ громадныхъ имѣній, разбросанныхъ по цѣлой Польшѣ, и что долгу на нихъ было 83.000.000. Для примѣра возьмемъ комисію фамиліи Ржевускихъ,—состоянія не такъ большаго, и всего только въ двухъ провинціяхъ расположеннаго, она тянулась болѣе двадцати лѣтъ и не могла окончить дѣла. Комисары берутъ жалованье, а сколько семействъ безъ куска хлѣба выжидаютъ окончательнаго рѣшенія. По раздѣлѣ имѣній князя Понинскаго, наступилъ второй такой же раздѣлъ имѣній Прота Потоцкаго, и хотя имѣнія были

большія и далеко разбросанныя, Моржковскій въ два года счастливо съ ними покончилъ. Послѣ этихъ двухъ послѣдовало много другихъ меньшихъ раздѣловъ, и въ этомъ отношеніи Литва превзошла Польшу.

Мнѣ слѣдуетъ здѣсь сказать, что прежде контракты бывали въ Львовѣ, но послѣ перваго раздѣла, когда Львовъ попалъ во владѣніе Австріи, сеймъ въ 1775 году назначилъ вмѣсто Львова Дубно. Контракты начинались обыкновенно въ первый понедѣльникъ послѣ крещенія. Въ Львовѣ контракты также продолжались, но начинались двѣ недѣли спустя по окончаніи таковыхъ въ Дубнѣ.

X. Дворы вельможъ въ XVIII вѣкѣ.

Дворы вельможъ были очень многочисленны, они состояли изъ шляхты, сыновей помѣщиковъ, дворянъ, комнатныхъ прислужниковъ (покоіовцевъ), оруженосцевъ и пажей. Лакеи и камердинеры тогда были еще неизвѣстны. За то были гайдуки, ливрейные паюки и скороходы въ свойственныхъ имъ костюмахъ. Дворяне одѣвались какъ хотѣли, только въ залы обязаны были являться всегда при сабляхъ и съ ладунками; они получали ничтожное жалованье „salarium“, но обыкновенно вельможи дѣлали имъ богатые подарки. Дворяне обязаны были держать отличныхъ лошадей, съ богатымъ приборомъ, потому что въ столицѣ, или когда ѣхали въ гости, они всей компаніей сопровождали карету самого вельможи или жену его. Карета бывала пышно убрана гербами и всѣми атрибутами сана владѣльца; лошади почти всегда были таранты, въ полосы и пятна какъ леопарды, или бѣлые съ красными или зелеными гривами, иногда тѣлеснаго цвѣта съ бѣлыми ноздрями, бѣлыми гривами и хвостами и красными

глазами. Эту породу привезли къ намъ изъ Испаніи, теперь и слѣдовъ ея не осталось, таранты тоже вывелись. Бѣлыхъ съ красными или зелеными гривами и теперь можно сдѣлать, ихъ красили. То же случалось и съ тарантами; когда недоставало одного для цуга, маляръ сейчасъ передѣлывалъ бѣлаго въ таранта. Шоры употреблялись раззолоченныя съ золотистыми хохлами, разшитыя шелкомъ и убранныя страусовыми перьями; кучеръ и форейторъ одѣвались въ жупаны и въ ферезіи въ высокихъ шапкахъ, а за каретой стояло четыре гайдука. Когда выѣзжала госпожа весь церемоніалъ былъ тотъ же самый, но на ступенькахъ кареты помѣщались пажи. Подобные экипажи я видѣлъ еще въ Варшавѣ въ 1785 году у пожилыхъ вельможъ и барынь, придерживавшихся устарѣлой моды. Передъ каретой бѣжалъ одинъ или два скорохода гуськомъ одинъ за другимъ съ бичами въ рукахъ. Одинъ изъ придворныхъ дворянъ имѣлъ обязанность подавать госпожѣ руку, когда она входила въ церковь или во дворецъ. Подавалась рука издали, какъ въ танцѣ, дворянинъ шелъ на шагъ впереди, а пажи несли длинный шлейфъ.

Комнатные дворяне (покоіовцы) всегда были одинаково одѣты, всегда при сабляхъ, во время обѣда съ тарелками въ рукахъ они стояли за креслами господина, госпожи или гостей. Дворянъ этихъ часто растягивали на коврѣ и сѣкли; они учились придворныхъ обязанностей, принимая гостей, услуживая при столѣ и разрѣзывая на воздухѣ пулярки, и проч. Пажи выбирались изъ самыхъ красивыхъ дѣтей дворянскихъ, ихъ одѣвали въ богатый испанскій костюмъ; съ лѣтами они поступали въ число придворныхъ дворянъ, потомъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ покупали военную степень въ войскѣ, или давали должности въ уѣздахъ и воеводствахъ; старались выгодно ихъ женить, а если кто поступалъ въ

духовное званіе, то протежировали для достиженія высокихъ степеней въ этой іерархіи. Однимъ словомъ пажъ вельможи всю жизнь пользовался протекціей цѣлой фамиліи. Скороходовъ одѣвали по испански, въ легкія матеріи, въ башмаки; на головѣ шапочка съ гербомъ и страусовыми перьями, которую они не снимали ни въ церкви, ни служа при столѣ. Вельможи держали надворное войско, конное и пѣшее, а также казаковъ на посылки. Жены вельможъ всегда имѣли при себѣ благородныхъ дѣвицъ. Для воспитанія и надзора за ними нанимались гувернантки и директрисы, учившія ихъ, кромѣ наукъ, свѣтскому обращенію и всему тому что слѣдовало знать дѣвицамъ дворянскаго происхожденія.

Когда знатная дама выходила въ пріемныя комнаты у себя или въ гостяхъ, всѣ fille d'honneur составляли ея свиту. Дѣвушку, принятую ко своему двору, жена вельможи обязана была выдать прилично замужъ и дать ей хорошее приданое...

Маршалъ двора необходимо долженъ былъ быть землевладѣльцемъ и притомъ какимъ-нибудь чиновникомъ въ уѣздѣ или воеводствѣ; онъ заступалъ мѣсто хозяина и подъ его начальствомъ были придворные дворяне; подъ его строгимъ присмотромъ состояли комнатные придворные, пажи, вся ливрея и даже кухни. Другіе отдѣленія хозяйства имѣли своихъ особыхъ начальниковъ, какъ-то: кравчаго, конюшаго и шатнаго; послѣдній завѣдывалъ великолѣпнымъ гардеробомъ вельможи. Въ вѣденіи шатнаго находились жупаны изъ золотой и серебряной парчи, кунтуши, украшенные цѣлыми шнурками жемчуга или бриліантовыхъ нитокъ, съ пуговицами изъ драгоцѣнныхъ камней и такими же запонками; пояса золотые и серебряные, изъ дорогихъ персидскихъ шалей и всѣхъ восточныхъ матерій.

Въ нѣкоторыхъ домахъ бывали особые чиновники для завѣдыванія сбруей; у многихъ тогда были очень дорогія сѣдла; ихъ украшали серебряными и вызолоченными бляхами, убирали бирюзой, и дѣлали даже цѣльныя золотыя стремена для большихъ выѣздовъ. Много разъ я ими любовался. Теперь нельзя видѣть ничего подобнаго.

Паюки, гайдуки и сокольничіе носили ливрею цвѣтовъ герба дома. Было бы святотатствомъ и непростительнымъ преступленіемъ присвоить себѣ чужіе цвѣта; отъ дѣдовъ и прадѣдовъ они переходили къ внукамъ, а также цвѣтъ и покрой ливреи.

Паюки носили длинные жупаны, изъ подъ которыхъ виднѣлись шалвары, жупанъ опоясывался поясомъ, а сверху набрасывалась ферезія, которая не застегивалась. Жупанъ и ферезія убирались золотыми, серебряными или шелковыми снурками; на высоко подбритую голову надѣвалась остроконечная шапка, перевитая кускомъ матеріи цвѣтовъ герба. Она не снималась ни въ въ церкви, ни въ комнатахъ. Прислуга эта обыкновенно служила въ комнатахъ и для нея выбирали людей рослыхъ, плечистыхъ и съ огромными усами. Гайдуки носили чекчеры очень узкіе отъ пояса до ногъ, а сзади отъ колѣна эти чекчеры застегивались большими серебряными или вызолоченными крючками выпуклой работы. На ногахъ шнурованные полусапожки чернаго, краснаго или желтаго цвѣта; чекмень по всѣмъ швамъ вышивался снурками. Длинные ихъ волосы собирались сзади въ косу, а спереди висѣли длинными косичками какъ еврейскіе пейсы, шляпы носили они круглые съ широкими полями, но главное были необходимы длинные усы. Очень трудной задачей было сшить ловко костюмъ гайдука, и потому въ гайдуки всегда старались выбирать людей очень стройныхъ. Такихъ гайдуковъ и паю-

ковъ у вельможъ бывало по нѣскольку десятковъ. Подражая имъ и бѣднѣйшіе помѣщики старались имѣть хотя одного гайдука.

Въ церкви паюкъ становился возлѣ лавки своей госпожи, держа ея молитвенникъ; въ гостяхъ онъ стоялъ съ тарелкой за ея стуломъ, не снимая высокой своей шапки. Гайдукъ держалъ въ церкви саблю господина, если это не былъ годовой праздникъ; въ такіе дни всѣ шли въ церковь опоясанные саблями.

Я видѣлъ въ Варшавѣ, уже въ 1786 году, старыхъ вельможъ и барынь, разъѣзжавшихъ со свитой въ такихъ экипажахъ, о которыхъ я говорилъ. Но молодыя дамы имѣли уже лакеевъ, а франты—гусаръ. Костюмъ этихъ послѣднихъ очень походилъ на гайдуковъ, только гусары имѣли еще саблю, ментикъ и ладунку. Король и князь примасъ держали гайдуковъ и паюковъ, ихъ по два стояло всегда въ дверяхъ каждой комнаты въ замкѣ, и они же прислуживали въ сеймовой палатѣ: одѣты они были въ свой обыкновенный костюмъ, только за поясомъ имѣли кинжалы. До самой своей смерти примасъ не перемѣнилъ этой прислуги. Не знаю какъ послѣ отреченія жилъ король въ Гроднѣ и въ Петербургѣ.

Мнѣ случилось видѣть два торжественные поѣзда князя Примаса. Разъ онъ отправлялся офиціально служить въ костелъ св. Іоанна, а другой разъ ѣхалъ ко двору. Впереди ѣхалъ почетный гвардейскій караулъ, за нимъ маршалъ двора съ поднятымъ жезломъ, точно также какъ ѣзжалъ коронный маршалъ впереди короля. Этикетъ требовалъ, чтобы этотъ маршалъ непремѣнно былъ сенаторъ (маршаломъ королевскаго двора былъ Александровичъ, каштелянъ подляскій, а у примаса былъ Оборскій, каштелянъ цѣхановскій; они пред-

сѣдательствовали на обѣдахъ, на которые приглашали по билетамъ отъ имени примаса, или короля).

За маршаломъ ѣхалъ конюшій, за нимъ стремянные при саблях, далѣе пятьдесятъ пѣшихъ гайдуковъ, вооруженныхъ бердышами и одинъ изъ нихъ шелъ впереди, держа большую палку съ золотымъ набалдашникомъ и золотымъ снуркомъ какъ у тамбурмажора. Ихъ обыкновенно называли примасовскими пулярками, хотя они носили придворную ливрею. Передъ каретой верхомъ ѣхалъ ксендзъ съ высокимъ серебрянымъ распятіемъ, это обыкновенно бывалъ какой нибудь знатный прелатъ или абатъ и проч. Въ этотъ разъ ѣхалъ Шидловскій, плоцкій абатъ, за нимъ какъ за маршаломъ ѣхалъ конюшій и двое стремянныхъ; наконецъ двигалась шестерней карета, лошади въ золотистыхъ шорахъ, съ хохлами на головахъ, возжи шелковыя, кучеръ и форейторъ въ ферезіяхъ. Карета для такихъ официальныхъ выѣздовъ бывала почти вся въ стеклахъ, украшенная гербами королевства, знаками достоинства примаса и фамильными его гербами. На верху, по угламъ, прикрѣплены были украшенія въ родѣ золотыхъ вазъ, а по срединѣ посохъ и митра.

Въ глубинѣ сидѣлъ самъ примасъ, а на передней лавкѣ два епископа. Четыре лакея стояли за каретой, а за ней шли сорокъ пѣшихъ паюковъ. Почетный караулъ съ офицеромъ оканчивалъ длинный поѣздъ. Если примасъ выѣзжалъ частнымъ образомъ, то всегда въ солитеркѣ, одномѣстной каретѣ, или въ «vis-à-vis», узкой двумѣстной каретѣ, гдѣ надобно было сидѣть одинъ противъ другаго. Въ такихъ солитеркахъ и «vis-à-vis» ѣздили дамы и мужчины даже съ этикетальными визитами.

Въ бытность мою въ Варшавѣ, въ 1788 году, я видѣлъ тамъ много дворянъ и вельможъ во французскихъ костю-

махъ, но съ 1788 года молодые баричи и почти вся шляхта опять возвратилась къ кунтушамъ. Съ начала своего царствованія Станиславъ Августъ старался прекратить излишнюю роскошь въ нарядахъ, разорявшую шляхту; притомъ это производило слишкомъ рѣзкій контрастъ между вельможей и дворяниномъ. Часто вельможа сразу надѣвалъ на себя стоимость двухъ-трехъ деревень, или даже цѣлой вотчины. Не могла же сравниться съ нимъ шляхта своими наслѣдственными драгоцѣнностями.

Гродненскій сеймъ въ 1780 году учредилъ мундиры въ воеводствахъ подъ именемъ «Les sumpturiæ». Это была мысль Станислава Августа. Въ это время дворы вельможъ стали замѣтно уменьшаться и клониться къ упадку, и хотя Чарторійскіе, Радзивилы, особенно князь Карлъ Пане-Коханку, князь Станиславъ Любомирскій, воевода кіевскій, Сченсный (Фелпксъ) Потоцкій и другіе, всегда окружали себя многочисленнымъ дворомъ, но это были уже не придворные, а ихъ друзья, которыхъ вельможи допускали къ участію въ важныхъ дѣлахъ, пользовались ихъ совѣтами какъ въ государственныхъ, такъ и въ своихъ собственныхъ дѣлахъ. Говоря о мундирахъ, мнѣ на память приходитъ анекдотъ о князѣ Карлѣ Радзивилѣ; на другой день, по оглашеніи о томъ декрета, князю слѣдовало представиться королю и нужно было надѣть мундиръ виленскаго воеводства. Онъ и поѣхалъ, но надѣлъ синій кунтушъ такой старый, изношенный, съ заплатами, точно онъ купилъ его на толкучкѣ. Увидя его, король не могъ не спросить о причинѣ подобнаго наряда.

— Пане-Коханку, Ваше Величество, этотъ кунтушъ носитъ уже шестнадцатый воевода виленскій.... не всякій, Пане-Коханку, можетъ нарядиться въ такое тряпье.

Слова эти сильно уязвили короля, но онъ смолчалъ.

Въ молодости моей я видѣлъ и въ Варшавѣ и въ провинціи чрезвычайную роскошь въ столѣ. Пиръ дѣлился на три отдѣленія. Каждое изъ нихъ имѣло такое количество блюдъ, что никто не въ состояніи былъ даже попробовать каждое. Всякое отдѣленіе имѣло свою особую, роскошную сервировку, а придворные дворяне угощали и подчивали гостей. Передъ сеймомъ 1788 года это вышло изъ моды, и блюда стали разносить камердинеры. Столы убирались зеркальными досками, съ золотыми и хрустальными украшеніями; ихъ клали въ длину черезъ весь столъ и на нихъ ставили фарфоровыя статуэтки, корзинки и разныя рѣдкости въ этомъ родѣ. Въ дни большихъ пріемовъ кондиторы были обязаны искусно дѣлать разноцвѣтные гербы почетнѣйшихъ гостей, ихъ ставили по серединѣ стола, а возлѣ зеркальныхъ досокъ съ обѣихъ сторонъ устанавливались варенья, кремы, жиле, фрукты и весь десертъ. При яркомъ освѣщеніи такимъ образомъ убранный столъ производитъ пріятное впечатлѣніе. Подобные приборы для стола стоили иногда до восьмисотъ червонцевъ. Такой гарнитуръ долженъ еще и теперь находиться у Густава Олизара. Я видѣлъ подобный у его отца, когда онъ былъ маршаломъ трибунала. Прежніе серебряные сервизы вѣсятъ по сто и болѣе фунтовъ. Одинъ старинный сервизъ хранится еще у сенатора Илинскаго, теперь онъ разумѣется уже не модный.

XI. Колеивщина (Уманьская рѣзня).

Я былъ еще грудным ребенкомъ, когда вспыхнула революція мужиковъ, названная Колеивщиной или Уманьской рѣзней. Я слишкомъ былъ малъ, ничего самъ не помню и не могу достовѣрно объ этомъ говорить. Очень жаль, что

никто изъ очевидцевъ не описалъ этого подробно и безпристрастно. Читалъ я объ этомъ нѣсколько очень интересныхъ разсказовъ, но разсказы слишкомъ мало объясняютъ событіе. Насколько помню, я разскажу что слышалъ отъ очевидцевъ—людей достовѣрныхъ.

Въ Кодни была главная квартира главнокомандующаго украинской арміей, Осипа Стемпковскаго. Для усмиренія этой революціи онъ получилъ отъ Станислава Августа «Jus gladii»—право полеваго военнаго суда, безапеляціонно въ двадцать четыре часа рѣшать судьбу попавшихся гайдамаковъ. И теперь существуютъ еще слѣды укрѣпленнаго стараго замка; а на мѣстѣ, гдѣ стоялъ деревянный костелъ Августіановъ, видны ямы, въ которыхъ временно содержали плѣнныхъ. На этомъ-то мѣстѣ погибли тысячи людей. Послѣ пораженія гайдамаковъ, команды приводили ихъ сюда со всѣхъ сторонъ; ихъ вѣшали, четвертовали, рубили имъ головы, нѣкоторымъ дарили жизнь, но для примѣра отрѣзали правую руку и лѣвую ногу. Будучи мальчикомъ я самъ видѣлъ нѣсколько такихъ изувѣченныхъ. Стемпковскій дѣйствовалъ по инструкціямъ, и ему строго было приказано изслѣдовать причины этого ужаснаго событія. У воеводы кіевскаго Стемпковскаго, въ 1787 году въ Лабунѣ, я читалъ весь протоколъ этого военнаго суда.

Въ этой революціи участвовало очень немного людей, сколько нибудь образованныхъ, большинство были простой народъ; а народъ слѣпо пошелъ на грабежь и убійства съ свойственнымъ ему бѣшенствомъ, не думая о послѣдствіяхъ, повинуясь только ненависти и мести. Четыре духовныя особы, и между ними два довольно значительныя лица, были замѣшаны въ это дѣло, они дали серьезныя объясненія, помѣщенныя въ протоколѣ. По этому-то протоколу Стемпковскій писалъ донесе-

нія королю. Пятьдесятъ шесть лѣтъ тому назадъ пересматривалъ я это дѣло, не могу теперь вспомнить именъ участвовавшихъ личностей, но сущность дѣла и причины, его вызвавшія, хорошо мнѣ памятны.

Отъ Дубно до Днѣпра, на востокъ и на югъ до Днѣстра, простирались вотчины Сангушковъ, Любомирскихъ, Потоцкихъ, Тышкевичей, и королевскія староства. Во всѣхъ этихъ помѣстьяхъ, вельможи, помѣщики никогда сами не жили. Этимъ обширнымъ краемъ управляли комисары, называвшіеся губернаторами, и экономы-евреи арендаторы. Легко себѣ представить что дѣлали безъ надзора жадность, вспыльчивость характера и еврейскіе наговоры; до чего доходили комисары въ своихъ злоупотребленіяхъ. Часто они просто грабили и жестоко обращались съ народомъ, который не совсѣмъ еще отрекся отъ чувства человѣческаго достоинства, и въ безбѣдномъ быту почерпалъ силы къ сопротивленію. Евреи арендаторы, всегда искусно втиравшіеся въ роли посредниковъ между начальствомъ и крестьяниномъ, болѣе другихъ немилосердно грабили и обирали; они арендовали прежде мельницы и корчмы, потомъ все что называлось даниной и подлежало оплатѣ, а подъ конецъ даже все то, чего никто не могъ арендовать, и получали большой барышъ.

Ко всему этому пришли постепенно. Дошло до того, что крестьяне за все должны были платить арендатору, даже за свадебную куницу; они могли откупиться отъ розогъ и всякаго наказанія, но не имѣли права безъ вѣдома арендатора продать ни малѣйшей вещи, подъ страхомъ наказанія и штрафа. Этотъ гнетъ и притѣсненія нѣкоторое время проходили безнаказанно; владѣльцы ничего объ этомъ не знали. Они сами ни въ чемъ не виноваты, они получали съ этихъ имѣній очень небольшой доходъ; а всѣмъ пользовались губернаторы и эко-

номы. Несправедливости вызвали возмущенія и насильственныя дѣйствія. Люди духовнаго званія, столько разъ униженные, невольно симпатизировали съ народомъ, соединеннымъ съ нимъ вѣрою; одно неосторожное слово, вызванное горемъ, могло быть искрой, зажегшей уже подготовленную мину. Нашелся отважный предводитель и возстаніе грозно распространилось.

Предводителями явились Гонта и атаманъ корсуньскихъ казаковъ Желѣзнякъ. Первая сходка заговорщиковъ Гонты, Желѣзняка и духовныхъ лицъ была въ Корсунѣ. Оттуда-то отправились смѣлые посланные въ разныя стороны и вспыхнула почти вся Украина, а коронnаго войска тамъ не было. Центромъ возстанія была Умань. Тамъ началась неслыханно жестокая рѣзня всего что было народу ненавистно. Никто не спасся; тамъ впервые происходили такія святотатства, о которыхъ не хочется вспоминать. Подобравъ дружину, Гонта шелъ впередъ и отъ Днѣпра до Поволочи вырѣзалъ шляхту, ксендзовъ и евреевъ, никого не оставляя въ живыхъ. Только чрезъ нѣсколько недѣль подоспѣли русскія и польскія войска для усмиренія бунта, потушили его, а пойманныхъ гайдамаковъ для суда и наказанія присылали въ Кодни.

Если уцѣлѣлъ лабунскій архивъ, то въ немъ вѣрно находится и любопытный протоколъ. Очень можетъ быть, что протоколъ у внуковъ воеводы. Это самый обширный и достовѣрный источникъ для собранія матеріаловъ, служащихъ къ разъясненію этихъ событій. Говорятъ, что Гонта, осужденный на четвертованіе и сдираніе полосами кожи съ тѣла, весело вышелъ на плацъ экзекуціи, точно въ гости къ куму. Палачъ содралъ одну полосу, кровь полилась, но гайдамакъ даже не поморщился, — содрали другую — Гонта спокойно обратился къ зрителямъ:—«Отъ говорылы що буде болиты, ани крышки

не болыть!»—Что могъ бы сдѣлать человѣкъ, съ такой силой воли, при другихъ обстоятельствахъ!

Долго еще потомъ въ Украинѣ народъ говорилъ, какъ проклятіе: Щобъ тебе святая Кодня не минула! — О, много пролито тамъ крови.

Не знаю были ли обнародованы причины, объясняющія возмущеніе; вѣроятнѣе: скрыли донесенія Стемпковскаго къ королю, щадя вельможъ, по нерадивости и безпорядочности которыхъ край нашъ такъ много и невозвратно потерялъ.

Богатый помѣщикъ, градской судья, Дубровскій, также имѣлъ «Jus gladii»; у него была многочисленная конная и пѣшая милиція для поимки гайдамакъ. Въ краѣ не было въ то время никакой полиціи, и онъ былъ единственнымъ представителемъ власти и стражемъ общественнаго порядка. Нужно отдать справедливость, онъ дѣйствовалъ разумно и быстро. Всѣ мы хорошо знали этого господина передъ раздѣломъ края; онъ былъ небольшаго роста и худощавъ до того, что поясъ на немъ не держался, и Дубровскій застегивалъ его пряжкой, а сабли не носилъ, потому что это было слишкомъ тяжело для него; вмѣсто сабли онъ носилъ небольшой кинжалъ.

XII. Отрывокъ изъ дневника моего отца.

Разъ, въ 1774 году, отецъ поѣхалъ въ воеводство люблинское провѣдать свою мать, она жила тамъ въ имѣніи покойнаго мужа, владѣя имъ на пожизненномъ правѣ; отецъ и меня взялъ съ собою; при этомъ мы навѣстили родныхъ въ лукомскомъ уѣздѣ и были въ Варшавѣ.

Какъ теперь помню, отецъ купилъ тогда гравюру, тамъ изображена была какая-то птица въ родѣ рогача, съ рогами

на головѣ. Вся она была разрисована мертвыми головами, а по срединѣ были двѣ головы гораздо большаго размѣра съ коронами. Подъ гравюрой было обширное объясненіе, что въ Парижѣ въ день мертвыхъ «Jours des Morts» такая птица влетѣла черезъ окно въ королевскую аудіенцъ-залу и сѣла на тронъ. Не успѣли удивленные свидѣтели схватить ее, какъ она порхнула и исчезла.

Живы еще и теперь три личности, которыя видѣли эту гравюру; мнѣ не хотѣлось вспоминать здѣсь объ этомъ, осмѣлилъ меня графъ Генрихъ Ржевскій, сказавъ, что онъ самъ слышалъ объ этой птицѣ отъ графа Грохольскаго, отца своей жены, человѣка старѣе меня. Тогда всѣ вѣрили этому чуду и считали какимъ-то предзнаменованіемъ, а политики это толковали розно. Зоологія ничего не говоритъ намъ о такихъ птицахъ; но выдумка или дѣйствительность, она предсказывала революцію, вспыхнувшую четырнадцать лѣтъ спустя и отдавшую подъ мечъ палача двѣ коронованныя головы.

Уже въ 1774 году легко было предвидѣть къ какому концу все клонится. О птицѣ есть у меня письменная замѣтка, писанная рукою отца въ календарѣ знаменитаго Дуньчевскаго.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія эти календари считались лучшими и пользовались большою популярностью; они были очень пространны: тамъ помѣщались предсказанія на каждый день въ году, когда слѣдовало пускать кровь, или ставить банки, принимать пилюли или микстуру; означалось время посѣвовъ; когда домашнюю птицу слѣдуетъ садить на насѣсть; когда случать лошадей, какъ откармливать кабановъ, но самое важное: тамъ было перечисленіе счастливыхъ и дурныхъ дней въ году.

Календари переплетали въ переложку съ листами бѣлой

бумаги для записыванія прихода и расхода, разныхъ хозяйственныхъ замѣчаній и особенно важныхъ секретовъ и семейныхъ событій.

Какъ образчикъ подобнаго рода замѣтокъ, я осмѣливаюсь здѣсь выписать нѣкоторыя изъ нихъ, записанныя въ календарѣ рукою отца и именно тѣ, которыя казались мнѣ болѣе интересными.

«1774 года января 1-го дня. Начался новый годъ, дай Богъ счастливый, но что-то дурно поговариваютъ о нашемъ сеймѣ, сохрани Богъ, чтобы не оправдалось то что о немъ болтаютъ люди. Вчера я былъ на имянинахъ у г. стольника, гостей было пропасть, г. подкоморій увѣрялъ меня, что получилъ тайное извѣстіе изъ Варшавы, будто не обошлось безъ королевской грамоты на посполитое рушеніе—всѣ обѣщаютъ идти и вооружить своихъ.

— Eodem 5-го января. Арендарь Гершко не уплатилъ мнѣ еще съ прошлаго срока девяносто одинъ талеръ. Я принужденъ былъ прибѣгнуть ко взысканію; по статьѣ контракта, въ случаѣ неуплаты, я имѣю право его съ женой и дѣтьми держать въ тюрьмѣ сколько мнѣ угодно, пока онъ не уплатитъ долга.

Вчера я приказалъ его заковать и запереть въ хлѣву со свиньями, но жену и бахуровъ оставилъ въ корчмѣ, только младшаго сына Лейзя взялъ на мызу и приказалъ учить его катехизису и молитвамъ. Очень способный мальчикъ. Я намѣренъ окрестить его и уже написалъ объ этомъ къ епископу, онъ обѣщалъ пріѣхать ко мнѣ къ этому акту и приготовить его душу. Лейзя не хотѣлъ сначала сдѣлать крестнаго знаменія и повторять нашихъ молитвъ, но Стрѣлицкій его высѣкъ, и сегодня онъ ѣлъ уже свинину. Ксендзъ Бонифатій, ордена «minorum de observantia», нашъ капеланъ,

примѣрный монахъ; до поту трудится надъ его обращеніемъ, стараясь переломить дѣтское упрямство.

26-го. Американская свинья, называемая кладницкой, опоросила сегодня одиннадцать отличныхъ поросятъ... исключая двухъ, всѣхъ прикажу заколоть на кухнѣ, пригодятся въ пору на имянины ожидаемаго брата моей пани-жены.

— Eodem 27. Пріѣхали изъ Бердичева евреи, уплатили за мотыгу Гершка девяносто одинъ талеръ и привезли въ подарокъ голову сахару и десять фунтовъ посредственнаго кофе. Я приказалъ освободить Гершка, но сына хотѣлъ задержать, какъ вступающаго уже въ нѣдра католической церкви; только они такъ неотвязчиво просили, что я долженъ былъ и его выпустить. Впрочемъ, я вполнѣ увѣренъ, что еврей опять не уплатитъ въ срокъ, и Лейзя попадетъ таки въ мои руки и сдѣлается христіаниномъ. Нужно подождать до 24-го марта.

— Eodem. Привезъ я съ контрактовъ для моей барыни двѣ пары красивыхъ праздничныхъ башмаковъ, купилъ я у Забудскаго, да двѣ пары туфель, а на платье пятьдесятъ локтей венеціанскаго атласу.

— Красная корова подберзкая отелилась тёлкой, жаль что не бычкомъ.

— Eodem 29. Былъ я на имянинахъ у г. подкоморья, съѣздъ былъ большой—извѣстно какъ этотъ ‹princeps notabilis› принимаетъ у себя; ѣды было вдоволь, а вина черезъ край; изъ пушекъ стрѣляли при каждомъ тостѣ, и два дня не выпустили изъ дому ни живой души, поснимавши колеса съ экипажей. На другой день во время завтрака г. подкоморій сталъ мирить г. стольника съ хорунжимъ, долго они упирались, наконецъ-таки хозяину удалось довести ихъ до того, что они подали другъ другу руки. Хорунжій обязался

уплатить стольнику на контрактахъ двѣ тысячи триста талеровъ. «In gratiam concordiae» послѣдовали многочисленные тосты, а г. Подсудокъ, какъ vir peritas, написалъ мировую. Хорунжій такъ вдругъ подружился со стольникомъ, что подарилъ ему гнѣдаго жеребца завода его сіятельства князя Осипа Чарторійскаго, воеводы русскаго.

— 3-го Martis. Пріѣхалъ ксендзъ Феликсъ Капуцынъ, сварилъ три боченка меду, одинъ въ запасъ, а два на расходъ, да два боченка на славу Божію мы отослали въ монастырь. Въ этотъ же самый день намочили стокфишъ, онъ, intra parenthesin, очень подорожалъ; прежде за камень я платилъ по червонцу, а теперь стоитъ по двадцать три злотыхъ.

— 8 Martis. Бѣлая турецкая кобыла ожеребилась по стаднику его сіятельства. Будетъ рослый конь, коленки толстыя.

— 11 Martis. Стали овцы ягниться, и домашняя птица гнѣздиться уже начинаетъ.

— 14 Martis. На славу Господу, въ Св. Троицѣ единому, Богородицѣ и всѣмъ Святымъ, въ эту ночь около трехъ часовъ родился у меня сынъ. Ребенокъ былъ слабъ, и ксендзъ Яковъ Пихлевичъ ritus-graeco-uniti сейчасъ окрестилъ его съ воды; нашъ ксендзъ капелянъ уѣхалъ говѣть въ монастырь. Крестнымъ отцомъ былъ Осипъ Стрелѣцкій съ дѣвицей Каролиной Столинской; ребенку на крестѣ дали имя Осипъ, Антоній и Захарій, потому что родился въ этотъ день».

Тутъ наступаютъ ежедневныя метрики домашняго скота, умолотъ и вывозъ зерна, заплаты слугамъ и проч. Я это пропускаю.

— 10 Augusti. Давно уже мы испытываемъ разныя неудачи въ хозяйствѣ, гречиху и горохъ выбилъ градъ, скотъ падаетъ, кухня было загорѣлась, но къ счастью спасли,—все

это было наказаніе божеское, печальное «praesagio», не понимали мы чему все это приписать, наконецъ открылось преступленіе «peccatum sodomiae». Маруся Закржевская, воспитанница барыни, дворянскаго происхожденія, очень способная и большая ея любимица, вдругъ оказалась виновной; она долго скрывалась, но Столинская все вывѣдала. Призналась наконецъ сама въ любовной связи съ тюрбанистомъ Николаемъ, моимъ крѣпостнымъ, котораго я воспиталъ на свой счетъ. Простить это не было возможности, и ксендзъ капелянъ принялъ на себя назначеніе и выполненіе наказанія. Онъ назначилъ сто плетей дѣвушкѣ, но барыня выпросила уменьшить на сорокъ. Чтобы предохранить отъ дурныхъ послѣдствій, ее привязали къ лѣстницѣ и все отсчитали; а тюрбаниста я приказалъ заковать въ колоду и держать подъ стражей пять недѣль, каждую пятницу давая сто плетей и ничего кромѣ хлѣба и воды. Всякую же пятницу за нихъ будетъ читаться обѣдня, и изъ ихъ же жалованья за нее будетъ уплачиваться по злотому.

— 10 Febris. Я ѣздилъ въ лукомскій уѣздъ навѣстить мою мать, оставивъ барыню, дѣтей и домъ подъ покровительствомъ провидѣнія, и взялъ съ собой только одного Модеста (этимъ именемъ называли меня прежде, потомъ перемѣнили на Дуклана), чтобы бабушка его благословила.

— 4 Decemb. Модеста я оставилъ у дяди моего Шенявскаго—Луковскаго, градскаго подстаростія и подчашаго, онъ отвезетъ его послѣ праздниковъ вмѣстѣ съ племянниками въ Варшаву къ ксендзамъ «Scholarum Piiarum».

Вотъ тутъ отецъ вспоминаетъ о той птицѣ, о которой я упоминалъ выше.

— 5 Decem. Возвратившись отъ матери, которую я нашелъ и оставилъ въ добромъ здоровьи, привезъ я отъ нея

въ подарокъ моей милой Фрузи золотые часы съ эмалiей, такiя же пряжки къ башмакамъ и образъ Ченстоховской Божiей Матери въ серебряной ризѣ, а изъ Варшавы я привезъ три гравюры Одну изъ нихъ я подарилъ нашимъ почтеннымъ родителямъ, а другую теткѣ моей жены, старостинѣ нѣжинской. На этой гравюрѣ какъ живая изображена великолѣпная птица, вся покрытая мертвыми головами; въ серединѣ крыльевъ два черепа съ коронами; подъ гравюрой написано объясненiе, что вотъ именно такая птица въ Парижѣ, въ день мертвыхъ, влетѣла въ королевскiй дворецъ, опустилась на тронъ и потомъ исчезла.

Много много говорятъ объ этомъ, что будто это чудо ниспослано Богомъ, какъ предвѣстникъ наказанiя для Францiи за отступленiе отъ святой католической вѣры; тамъ появилось много святотатственныхъ книгъ; не почитаютъ священниковъ; не вѣруютъ въ таинства вѣры, и всѣ французы сдѣлались фармазонами. Но другiе увѣряютъ, что все это только однѣ басни, но какая же это можетъ быть басня, какъ же смѣли бы печатать, гравировать и продавать выдумки... За эти три гравюры я заплатилъ три талера...»

XIII. Немиричъ.

Роль проповѣдника беззаконiя и безвѣрiя у насъ принялъ на себя Немиричъ—потомокъ уважаемаго и знатнаго рода. Возвратясь изъ заграницы, онъ былъ тѣмъ болѣе опасенъ и вреденъ, что при всей своей испорченности обладалъ очарованiемъ молодости и остроумiя, необыкновенной начитанностью и всѣми качествами, дѣлающими человѣка пріятнымъ въ обществѣ.

Люди пожилые, закаленные въ вѣрѣ отцовъ, одни защи-

щались, другіе избѣгали этой вредной новизны, третьи провозгласили Немирича атеистомъ, деистомъ, матеріалистомъ, и громогласно на него возстали, какъ на личность самую вредную въ обществѣ. Немиричъ между тѣмъ, не смотря на крики, а можетъ быть и радуясь, что это дѣлаетъ ему какую-то необыкновенную репутацію, безнаказанно продолжалъ идти своей дорогой.

Случилось ему быть разъ въ мѣстечкѣ Крупѣ, возлѣ Радзивилова, на какомъ-то церковномъ праздникѣ, когда церковь биткомъ была набита молящимися. Въ рукахъ онъ держалъ книжку, но не молитвенникъ, а напротивъ, какъ нарочно выбралъ онъ книжку самую богохульную. Приблизясь къ лавкамъ онъ читалъ въ полголоса изъ нея отрывки молодымъ дамамъ, своимъ знакомымъ, хотя тѣ и отодвигались отъ него.

Не понимаю что за безумство имъ овладѣло, но для довершенія своего святотатства, когда раздавали причастіе, онъ не исповѣдавшись сталъ на колѣни возлѣ рѣшетки и принялъ причастіе, затѣмъ опустилъ его сейчасъ же въ книжку, которую держалъ въ рукахъ, и съ насмѣшками и безчестными шутками сталъ показывать дамамъ, сидѣвшимъ въ лавкахъ. Перепуганныя женщины вознегодовали, по костелѣ разошлась молва, начался шумъ, всеобщій ужасъ и негодованіе. Генриха Немирича, вѣроятно, на мѣстѣ зарубила бы шляхта, еслибы онъ не скрылся, видя смятеніе.

Оскорбленный до глубины души этимъ святотатствомъ, Григорій Фальковскій, скарбникъ луцкій, возсталъ, какъ обвинитель, и началъ дѣло въ судѣ. Сначала самъ одинъ, потомъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Эразмомъ; на послѣднее засѣданіе онъ даже явился съ новымъ обвинителемъ Феликсомъ Дюфузомъ.

Дѣло сперва началось въ луцкой консисторіи: здѣсь были представлены доказательства фактовъ, и консисторія бросила проклятіе, признавая Немирича отступникомъ, богохульникомъ, святотатцемъ, достойнымъ всякаго наказанія; сослалась на духовные и гражданскіе законы, на приговоры консиліевъ, и послѣ рѣшительнаго приговора дѣло передала въ гражданское вѣдомство. Луцкой градской судъ, получивъ три обвиненія на неявившагося Немирича, не осмѣлившагося лично явиться и не хотѣвшаго дѣйствовать чрезъ повѣреннаго, выдалъ очень строгое заочное рѣшеніе, примѣнясь къ роепит противъ святотатцевъ. Немирича осудили: вытянуть языкъ и отрубить его, содрать три полосы кожи, четвертовать на куски и разбросать по полю... Слишкомъ поздно узналъ онъ, что съ закономъ нельзя шутить. Немиричъ спасся отъ безчестной и мучительной смерти бѣгствомъ за границу. Изъ Германіи онъ попалъ въ Голландію, гдѣ служилъ во флотѣ и дослужился чина старшаго поручика. Долгое время бродя по свѣту, онъ наконецъ въ 1805 году опять явился въ краѣ, но обширныя имѣнія свои, которыя надѣялся получить, уже нашелъ разграбленными въ рукахъ кредиторовъ, за небольшіе долги. Онъ имѣлъ имѣніе Черниховъ и болѣе десятка деревень, что̀ вмѣстѣ составляло милліонное состояніе. Послѣ его возвращенія никто уже болѣе его не преслѣдовалъ, нѣсколько времени онъ вертѣлся еще въ нѣкоторыхъ домахъ, и мнѣ случалось его видѣть; потомъ исчезъ изъ глазъ, и говорили: умеръ въ Коростовой, въ домѣ роднаго племянника своего, подкоморья Луки Саріа Лозинскаго и погребенъ въ Тайкурахъ, гдѣ племянникъ поставилъ ему надгробный памятникъ, въ память исполнившагося надъ нимъ Божескаго наказанія. Кажется, что онъ не исправился до послѣдняго дня, и несчастная жизнь его была видимымъ

доказательствомъ, какая судьба ожидаетъ испорченныхъ и разсѣвающихъ вредъ. Пьянство было его послѣднимъ убѣжищемъ; онъ валялся подъ лавками въ корчмахъ.

Я прежде еще упомянулъ, что ни одинъ дворянинъ не могъ показаться безъ сабли, ни у сосѣда, ни въ городѣ, ни въ церкви; нѣкоторые мѣщане тоже пользовались этой привиллегіей. Еще въ молодости моей, я помню, сохранялся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай: во время чтенія и пѣнья Евангелія, во время обѣдни, всѣ надѣвали шапки и на половину вынимали сабли, въ доказательство своей готовности защищать католическую вѣру.

Понемногу обычай этотъ прекратился; въ 1786 году, когда я первый разъ былъ въ Варшавѣ, я видѣлъ еще стариковъ, придерживавшихся этого обыкновенія, но это были только исключенія.

Скарбникъ луцкій, Фальковскій, до самой смерти обычая этого придерживался; у меня подъ рукой весь напечатанный процесъ Немирича, въ которомъ онъ былъ обвинителемъ.

Во первыхъ было заявленіе въ 1785 году д. 17 декабря въ луцкомъ судѣ отъ Григорія Фалькоѣскаго противъ всѣхъ generaliter отступниковъ католической религіи, читающихъ Вольтера, не исполняющихъ религіозныхъ уставовъ, пренебрегающихъ древними обычаями, какъ, напримѣръ, не вынимающихъ сабли во время чтенія Евангелія и проч. Заявленіе требовало отъ луцкой консисторіи подачи списка всѣхъ тѣхъ, которые не исповѣдались на Пасху, а также веденія процеса противъ фармазоновъ. Заявленіе это оканчивалось такими словами:

«Затѣмъ я, Фальковскій, готовый, глубоко и непоколебимо запечатлѣнную въ сердцѣ съ малолѣтства Св. католическую вѣру охранять, и до пролитія крови, потери здоровья и жиз-

ни защищать, заявляю: во первыхъ требованіе отъ консисторіи наказанія отступниковъ отъ церкви Христовой тѣхъ, которые пренебрегаютъ исповѣдью на Пасху въ своихъ приходахъ, и укоренившись въ беззаконіяхъ, служатъ соблазнамъ для общества и народа. Учредить искъ противъ тѣхъ, которые, слѣдуя заблужденіямъ Вольтера, его изображенія предпочитаютъ образамъ Спасителя, и имъ подражающихъ вольнодумцевъ и деистовъ, распространяющихъ фармазонію, наконецъ ядовитыхъ безбожниковъ, предающихъ на поруганіе святости, не празднующихъ Пасхи и подобно адскому сонму боящихся пасхальнаго барашка—и для этого-то свой публичный протестъ въ книгахъ Градскаго Луцкаго Суда заявляю Григорій Фальковскій С. Л.»

Въ 1786 году 1 января Фальковскій, скарбникъ луцкій, писалъ письмо къ князю Чарторійскому, гдѣ упрекалъ его, что судъ градской, составленный изъ людей не пользующихся довѣріемъ, очень недѣятеленъ, что самъ князь не засѣдаетъ въ судахъ, посылая вмѣсто себя людей мало извѣстныхъ; въ этой перепискѣ находится обширное обвиненіе въ родѣ вышеприведеннаго заявленія.

Этотъ же самый Фальковскій въ 1786 году 7 января написалъ другое письмо князю старостѣ, требуя его немедленнаго пріѣзда, для учрежденія необыкновеннаго судилища и сужденія ужаснаго преступленія.

Въ 1786 году 13 января послѣдовало заявленіе Фальковскаго, предлагающаго свою жизнь и все состояніе для преслѣдованія Генриха Немирича за сдѣланное имъ преступленіе, съ прибавленіемъ, что какъ обвинитель, имѣющій право на извѣстную часть состоянія обвиненнаго, онъ отказывается отъ этого права.

1786 года 6 февраля состоялось слушаніе обширнаго дѣла

Немирича, осужденнаго уже судомъ консисторіи. Рѣшеніе луцкой консисторіи, со всѣми доказательствами, напечатано по латынѣ. И того же года 10 февраля выдано заочное рѣшеніе, послѣдовавшее по требованію Фальковскаго, съ обвиненіемъ Генриха Немирича.

XIV. Наѣзды.

Въ то время, какъ я кончилъ науки въ училищѣ, случились два наѣзда (отнятіе имѣнія вооруженной рукой) между 1785—1787 годами, одинъ въ овруцкомъ уѣздѣ, а другой на Волынѣ. Вотъ какъ это было: Осипъ Трипольскій, сынъ богатыхъ родителей, осиротѣлъ въ дѣтствѣ; опекуномъ его былъ назначенъ Өадѣй Немиричъ, подкоморій овруцкой, мужъ родной сестры покойнаго Трипольскаго. Вмѣстѣ съ сиротой въ управленіе опекуна поступило нѣсколько деревень, принадлежавшихъ малолѣтнему.

Малолѣтство кончилось. Освободясь изъ подъ опеки, Трипольскій имѣній своихъ однако не получилъ. Тогда онъ, въ силу правъ своихъ, съ помощію крестьянъ, въѣхалъ въ имѣніе и завладѣлъ имъ. Немиричъ называлъ это самовольствомъ и злоупотребленіемъ. Родная тетка Трипольскаго, г-жа Немиричъ, обиженная пренебреженіемъ опекунскаго достоинства своего мужа и оказаннымъ ей неуваженіемъ, рѣшила, съ мужемъ и старшимъ своимъ сыномъ Адамомъ, прогнать племянника изъ его собственнаго имѣнія.

Нетрудно это было сдѣлать Немиричамъ: обширный Олевской Ключъ, имѣвшій до семи тысячъ душъ, доставилъ вооруженныхъ казаковъ и стрѣлковъ. Осипъ Трипольскій, предостереженный въ пору, тоже приготовился: болѣе сотни дѣльныхъ защитниковъ рѣшились противупоставить силу силѣ.

Подошла армія Немиричей, подъ начальствомъ подкоморья и жены его, командуемая сыномъ ихъ Адамомъ, и тотчасъ же произошло формальное сраженіе въ деревнѣ Богдановкѣ. Съ обѣихъ сторонъ убито было нѣсколько десятковъ людей, а ранено болѣе ста; на выстрѣлы сбѣжались крестьяне изъ деревень Трипольскаго. Въ это время гайдукъ Немирича попалъ пулей въ самую грудь Осипу Трипольскому, онъ упалъ и на мѣстѣ скончался.

Соперники Немирича оставили поле сраженія, а люди Трипольскаго подняли его тѣло; кромѣ пули онъ получилъ еще два удара шибнемъ. Это было оружіе, употребляемое только на Полѣсьи, короткая пика, съ желѣзными острыми наконечниками, или просто деревянная съ обожженными съ обѣихъ сторонъ концами. Съ удивительной ловкостью и мѣткостью употребляютъ его полешуки противъ медвѣдя, дикаго кабана и лося.

Мертвыя тѣла сейчасъ же свезли въ судъ и завязалось дѣло. Г. Ольшевскій, вотчимъ убитаго Трипольскаго, съ запальчивой энергіей дѣйствовалъ противъ Немиричей. Долго продолжалось слѣдствіе, наконецъ состоялось рѣшеніе: присудили Немиричей, отца и сына, на шесть мѣсяцевъ въ тюрьму, конюшаго—на пожизненное заключеніе, а гайдуку велѣно было отрубить голову и четвертовать. Еще нѣсколько человѣкъ были осуждены на повѣшеніе, но Немиричи всѣхъ осужденныхъ отправили заграницу. Сами они попали въ тюрьму послѣ этого пристрастнаго рѣшенія. Здѣсь можно бы было повторить что говоритъ о законахъ афинскихъ Анахарсисъ. «Законъ какъ паутина, муха въ немъ застрянетъ, но слѣпень пробьется». Ольшевскій перевелъ дѣло въ трибуналъ; оно поступило уже во время моей бытности въ Люблинѣ въ 1788 году. Немиричи всей семьей переѣхали въ

Люблинъ и жили тамъ во все время засѣданія суда, собрали на конференцію всѣхъ адвокатовъ, такъ что только двое осталось на сторонѣ обвинителя. Старались задобрить молодежь, расчитывая перемѣнить общественное мнѣніе, постоянно давали балы, обѣды, собранія, но не смотря на все, дѣло туго подвигалось. Тогда былъ депутатомъ Осипъ Понинскій, въ послѣдствіи, при измѣнившихся обстоятельствахъ, бывшій предсѣдателемъ гражданской палаты; человѣкъ необыкновенно изворотливый и популярный, онъ довелъ таки до того, что рѣшеніе овруцкаго суда было подтверждено, съ прибавленіемъ уплаты двѣнадцати тысячъ гривенъ, половину въ пользу обвинителя и половину для суда. Понинскій потомъ женился на дочери Немиричей и получилъ за ней триста тысячъ наличными, а сто тысячъ изъ рукъ въ руки на улучшеніе приданаго. Но такъ какъ въ каждомъ дѣлѣ можно было апелировать къ слѣдующему засѣданію трибунала, то Ольшевскій съ такой же энергіей поддерживалъ это дѣло и на слѣдующемъ собраніи трибунала. Только тутъ, испуганный-ли угрозой imparitem, или вслѣдствіе другихъ неизвѣстныхъ обстоятельствъ, онъ не такъ уже форсировалъ. Зять Немиричей легко получилъ подтвержденіе прошлогодняго рѣшенія въ словахъ: Standem in omni decreto ante actii Judici; такое рѣшеніе означало vim legis; послѣ двухъ рѣшеній, никакой судъ ни заявленія, ни позыва принять не можетъ, sub omissione officii. Однако законовѣды нашли дорогу противъ двухъ Comformium: обѣ стороны могли подать vi noviter repertorum, но необходимо было присягать при подачѣ словесной просьбы въ судъ, прося позволенія снова начать процесъ, обѣщая, что нѣкоторые документы измѣнятъ дѣло, и что они были неизвѣстны тяжущейся сторонѣ, во время первыхъ рѣшеній; тогда трибуналъ раз-

рѣшалъ начинать дѣло de noviter repertis. Тѣ, которые были болѣе близко ознакомлены съ этимъ дѣломъ, утверждали, что процесъ этотъ стоитъ болѣе четырехсотъ тысячъ. Наконецъ въ 1794 году Немиричи потеряли все свое состояніе, а Ѳадѣй Немиричъ даже свободу, его освободили изъ тюрьмы только при вступленіи на престолъ Павла I-го.

Другой наѣздъ произошелъ по слѣдующимъ причинамъ: Одинъ богатый помѣщикъ, Либоро Кордышъ, женился на Прушинской, родной сестрѣ второй жены князя воеводы Волынскаго, Іеронима Сангушко. Вскорѣ послѣ свадьбы Кордышъ умеръ; жена имѣла какое-то право на имѣнія мужа, но родной братъ покойнаго, владѣтель Чарторійскаго Ключа, Игнатій Кордышъ, опровергалъ его и самъ занялъ имѣнія via facti. Какъ шуринъ, князь Іеронимъ Сангушко счелъ себя вынужденнымъ защитить сестру жены, послалъ сто надворныхъ уланъ занять имѣнія и выгнать Кордыша. Посланный отрядъ исполнилъ порученіе, начальникъ его, офицеръ, приказалъ передъ жилищемъ г-на Игпатія Кордыша сдѣлать залпъ. Сто выстрѣловъ вмѣстѣ такъ испугали несчастнаго, что онъ очень опасно заболѣлъ желудкомъ и умеръ; доктора ничего не могли, или не умѣли сдѣлать. Съ нимъ окончился родъ Кордышей, и по древнему обычаю его похоронили, разбивъ гербовой щитъ. Въ судахъ объ этомъ не начинали дѣла, сестры наслѣдницы покончили per bona officia. Я зналъ обоихъ Кордышей, они походили другъ на друга, какъ небо на землю. Либоро былъ неслыханно бережливъ, до скаредности, ѣлъ дурно и не пилъ ничего, кромѣ воды. Напротивъ, Игнатій жилъ открыто, домъ его въ Чарторіи, былъ богато меблированъ, онъ держалъ многочисленную службу и надворный оркестръ, отличный столъ и хорошія вина.— Все это очень любилъ Игнатій Кордышъ, бывшій земскимъ

писаремъ брацлавскимъ. Домъ его былъ очень пріятный, украшеніемъ была красавица, его вторая жена, урожденная Раковская, потомъ вышедшая за Быстршина. Игнатій былъ всегда въ хорошихъ отношеніяхъ съ Либоріемъ и мы часто его посѣщали. Говорили обыкновенно, что Либоро умеръ съ голоду, а Игнатій заѣлся.

XV. Дворянство, его устройство и положеніе.

Не по закону, но вслѣдствіе обычая, долгое время у насъ такъ велось, что сынъ воеводы, каштеляна, короннаго чиновника, старосты, по смерти отца, наслѣдуя его обширныя владѣнія, получалъ и сенаторское кресло, жезлъ, или печать отца или вакантное городское мѣсто; это было злоупотребленіе, вслѣдствіе фамильнаго вліянія.

Послѣ блистательнаго царствованія Сигизмунда III и Владислава IV, нашъ край видимо сталъ клониться къ упадку, наука стала угасать, тьма распространялась въ Польшѣ; долгое нѣмецкое царствованіе двухъ саксонцевъ въ конецъ насъ ослѣпило роскошью и деморализировало. Вельможи воспитывались заграницею и вели по заграничной модѣ своихъ дѣтей, а менѣе богатое дворянство должно было довольствоваться іезуитскими училищами — пропагандами невѣжества. Тамъ, въ продолженіи двѣнадцати или пятнадцати лѣтъ ничему не учили, кромѣ латинскаго языка и схоластическихъ преній; окончивъ курсъ философіи, усатый молодецъ выступалъ въ свѣтъ безъ малѣйшаго понятія гражданскихъ обязанностей, а тѣмъ болѣе какой либо подготовки для занятія высшихъ должностей. Единственной хорошей школой для него былъ домъ родительскій.

Церковь имѣла достаточно служителей: въ ожиданіи епи-

скопствъ, или прелатуры, церковь наполняли сыновья вельможъ, предназначенные уже самимъ рожденіемъ для митры. Дворяне даже не пытались добиваться подобныхъ мѣстъ. Соразмѣрно обширности края, войска было слишкомъ мало, въ особенности національной кавалеріи, въ которой ротмистрами служили воеводы, каштеляны, князья, даже примасъ и архіепископы, а сыновья воеводъ и каштелянов были поручиками и хорунжими; простой шляхтѣ приходилось всю жизнь служить товарищами. Въ пѣхотѣ или, какъ тогда называли, чужестранномъ корпусѣ, невозможно было служить по другой причинѣ: дворяне считали безчестіемъ исполнять пѣхотную службу. Бѣдному дворянству оставались одни дворы вельможъ; вельможи всегда держали многочисленную свиту и окружали себя дворянствомъ; здѣсь оканчивалось воспитаніе по выходѣ изъ училища, и полагалось основаніе будущей карьерѣ. Тогдашнее дворянство польское можно было раздѣлить на три класса: духовный, сенаторскій и военный. Высшихъ степеней духовныхъ, кромѣ дворянъ, никто не могъ достигнуть; чтобы сдѣлаться архіепископомъ, епископомъ, абатомъ или получить иную какую прелатуру, необходимо было представить шесть гербовъ съ отцовской линіи и пять съ материнской. По этому закону въ Польшѣ опредѣлялись наслѣдства; послѣ смерти архіепископовъ, епископовъ и монастырскихъ абатовъ, хотя бы все ихъ достояніе и движимость увеличились изъ доходовъ церковныхъ, наслѣдники ихъ получали три части, а церкви или монастырю доставалась одна четвертая.

Сенаторскій классъ состоялъ изъ епископовъ, пользовавшихся въ Польшѣ дѣйствительной судебной властью; во главѣ ихъ стоялъ примасъ, гнѣзденскій архіепископъ, называемый Interrex. Онъ былъ обязанъ послѣ смерти короля воз-

вѣстить народу о его сиротствѣ и назначить кантурный судъ, потому что со смертію короля закрывались всѣ присутствія; примасъ обязанъ былъ созвать народъ для избранія новаго короля, открыть выборы и короновать новаго властелина. Къ какимъ послѣдствіямъ могла вести и что дѣлала подобная власть примаса доказываютъ намъ событія. Свѣтскій сенатъ состоялъ изъ воеводъ и каштеляновъ; краковскій каштелянъ былъ первымъ сенаторомъ съ княжескимъ титуломъ, принадлежавшимъ этому мѣсту: онъ назывался—Princeps Senatus, обыкновенно его звали — панъ краковскій, другихъ воеводъ называли панъ сандомирскій, панъ виленскій и проч.

Къ военной кастѣ принадлежало старое дворянство, отъ дѣда, прадѣда съ незапамятныхъ временъ удостоенное дворянскаго герба. Еслибы въ какомъ-нибудь дворянскомъ собраніи нашелся кто, хотя бы только немного подозрительнаго происхожденія и выказалъ стремленіе къ равенству, его бы, безъ всякаго сомнѣнія, зарубили. Его недвижимую собственность, дурно пріобрѣтенную или просто плохо огражденную по закону, всякій могъ бы захватить кадучнымъ правомъ, какъ оставшуюся безъ наслѣдниковъ.

Въ такихъ случаяхъ давалась королевская привилегія, ее нужно было представить въ судѣ, и судъ въ пользу привилегированнаго присуждалъ подпавшее подъ право кадука имѣніе.

Во время моей бытности въ Люблинѣ было нѣсколько такихъ дѣлъ, а также и de imparitate. Въ началѣ дворянство увеличивалось военными заслугами и было обязано, по объявленіи королевскихъ грамотъ или возваніи гетмана, отправиться на войну съ вооруженными людьми, кто сколько могъ поставить, смотря по числу деревень, а болѣе по обширности своихъ земель. Было войско регулярное, панцер-

ные гусары изъ самыхъ дворянъ, ихъ поэтому до послѣднихъ временъ называли національной кавалеріей. Въ этомъ отдѣлѣ войска товарищи пользовались чиномъ хорунжаго, намѣстникъ былъ въ чинѣ ротмистра, хорунжій въ капитанскомъ, а ротмистръ въ генеральскомъ чинѣ. Такъ было до сейма 1788 года, до реформы регулярнаго войска. Пѣхота составлялась изъ людей разнаго званія, большею частію нанятыхъ заграницей; всѣ они вмѣстѣ съ офицерами были на жалованьи республики и называлась чужестраннымъ корпусомъ; служить въ немъ польское дворянство считало безчестіемъ. На жалованьи содержали еще легкую кавалерію изъ татаръ и казаковъ, ихъ потомъ называли передовой стражей: въ уланскомъ костюмѣ они сохранили свое наименованіе до самой реформы.

Въ общемъ ополченіи дворяне служили на свой счетъ. Тогда не было никакихъ крестовъ и орденовъ для награжденія заслугъ; пролитая кровь или увѣчье, полученное при защитѣ края, давали право на дворянское достоинство. Дворянъ, по установленнымъ формамъ и обрядамъ, короли производили въ рыцари, украшая ихъ грудь цѣпью съ королевскимъ портретомъ, или надѣляли ихъ коронными помѣстьями. Новому дворянству тоже доставались имѣнія, но еще чаще надѣлы незаселенной земли, которую потомъ они заселяли военно-плѣнными, называя эти участки отъ своего имени. Въ овчуцкомъ уѣздѣ было много такихъ надѣловъ: Выговъ—Выговскихъ, Мелянъ,—Мелѣневскихъ, Сташковъ—Барановскихъ, Бехы—Беховъ, Пашины—Пашинскихъ, Каленекъ—Каленскихъ, Сташки—Сташкѣвичевъ и проч. Этими надѣлами владѣли люди разныхъ народностей, казаки изъ Сѣчи, украинскіе донцы и тѣ, которые составляли гетманство подъ начальствомъ гетмана или кошеваго, избраннаго самими

же ими до временъ Мазепы; тамъ были татары перекопскіе, кипчатскіе, служившіе республикѣ; поселившіеся изъ нихъ въ овруцкомъ уѣздѣ приняли христіанство, но въ Литвѣ ихъ много осталось въ прежнемъ вѣроисповѣданіи; они имѣютъ тамъ свои мечети и муловъ.

Есть деревни, населенныя одной шляхтой, отъ двухсотъ до трехсотъ дворовъ; такое скопленіе въ одномъ мѣстѣ далеко не способствовало увеличенію довольства. Уменьшеніе и раздробленіе имѣній сдѣлало невозможнымъ порядочное воспитаніе дѣтей; изъ этого возникло грубое невѣденіе и простонародные обычаи, очень подходившіе къ крестьянскимъ. Подобное польское дворянство, жившее на небольшихъ участкахъ земли, въ Полѣсье волынскомъ на Подолѣ, въ воеводствѣ люблинскомъ, и въ землѣ Луковской и на Подлясьѣ, правда очень бѣдное и нищее, было при всемъ томъ настоящее, заслуженное дворянство. У нихъ есть еще грамоты Ягелловъ, Стефана Баторія, Сигизмунда III, Владислава IV, Яна-Казимира и Іоанна III.

Двоякимъ образомъ жаловалось дворянское достоинство: praeciso scartabellato i cum scartabellato. Въ военное время король или, въ небытность его, гетманъ всегда имѣлъ carta belli; послѣ битвы изъ нея сейчасъ же читали дѣянія рыцарей, и достойно отличившихся тутъ же производили въ дворянское достоинство, что̀ подтверждалось на сеймѣ; изъ этихъ словъ ex carta belli сложилось слово scartabellatus. Оказавшимъ болѣе важныя заслуги жаловали nobilitatem praeciso scartabellatо; такое дворянство давало право на всѣ достоинства, даже и на сенаторское кресло, на всѣ коронныя должности и посольства и проч. Оказавшіе же менѣе мужества и самопожертвованія получали только грамоты cum scartabellato; это тоже были настоящіе дворяне, они

имѣли право и даже были обязаны покупать имѣнія, но не имѣли права исправлять какія-либо должности и не получали права голоса на сеймикахъ. Только внуки ихъ могли пользоваться этими привиллегіями. Этотъ способъ нобилитаціи удержался до конца древнихъ порядковъ, хотя и не было войны, жаловалось дворянствомъ praeciso или cum scarta-bellato.

Здѣсь говорится о кіевскомъ воеводствѣ передъ раздѣлами края, тогда до того обширномъ, что оно легко могло сравниться съ нѣкоторыми королевствами, созданными Наполеономъ. Оно занимало три уѣзда: житомирскій, овруцкій и кіевскій, изъ нихъ два первые населены были дворянами землевладѣльцами. Кіевскій же уѣздъ почти весь состоялъ изъ помѣстьевъ вельможъ и между ними было всего только нѣсколько дворянскихъ имѣній, какъ я прежде о томъ говорилъ.

Но сколько я помню еще съ дѣтства, дворянство можно бы раздѣлить на три части. Первыми были помѣщики, владѣвшіе древними помѣстьями своихъ прадѣдовъ, предки которыхъ занимали мѣста въ воеводствахъ, уѣздахъ и трибуналахъ, отцы, дѣды и прадѣды которыхъ выросли при дворахъ вельможъ и тамъ воспитались, какъ придворные. Извѣстно, что наши вельможи держали при себѣ по сто человѣкъ дворянскихъ дѣтей, а жены ихъ по нѣскольку десятковъ помѣщичьихъ дочерей, какъ fille d'honneur. Легко понять, что всѣ эти семейства состояли въ тѣсной связи съ своимъ начальникомъ, окружали его при первомъ востребованіи, служили ему во всякомъ случаѣ, и отъ этого такъ возросла власть вельможъ, отъ этого они получили силу, которая не разъ становилась въ опозицію противъ воли царствующихъ лицъ. Но за то вельможи протежировали своихъ дворянъ для полученія мѣстъ въ земствахъ, судахъ, въ посольствѣ, депутаціи, по-

могали имъ средствами для независимаго исправленія этихъ обязанностей, и наконецъ надѣляли ихъ пожизненными владѣніями и имѣніями. Жены вельможъ выдавали дѣвушекъ замужъ, давали приданое съ богатымъ гардеробомъ, и потомъ эти же самые вельможи или ихъ сыновья опять брали дѣтей своихъ прежнихъ кліентовъ на тѣ же должности при своихъ дворахъ. Можно сказать, что эти дворы были громадные очаги, изъ которыхъ дворянство почерпало свѣтъ и теплоту; и та часть помѣщиковъ, которая имѣла къ нимъ доступъ, была въ самомъ дѣлѣ благовоспитаннѣе и, какъ на свое время, очень образованна, учтива и нравственна. Въ этомъ случаѣ дворы вельможъ очень походили на королевскіе дворы; на такой ногѣ жили Чарторійскіе, Сангушки, Радзивилы, Любомирскіе, Потоцкіе, гетманъ Браницкій, панъ Краковскій, гетманъ Ржевускій, гетманъ Сосновскій и другіе; тамъ держали молодыхъ людей въ повиновеніи и пріучали ихъ къ обязанностямъ гражданина. Вошло даже въ обычай, если о комъ хотѣли отнестись съ похвалой, называть придворнымъ. Потомъ чуть не въ насмѣшку стали величать этимъ именемъ куртизановъ. Отцы и матери, воспитанные такимъ образомъ, были въ состояніи потомъ воспитать какъ слѣдуетъ своихъ дѣтей, или, по крайней мѣрѣ, не дозволяли имъ огрубѣть; изъ этого класса выходили землевладѣльцы, настоящіе помѣщики. Въ 1778 году Станиславъ князь Любомирскій, кіевскій воевода, бывши на сеймикахъ въ Житомирѣ, ѣхалъ въ каретѣ въ каѳедральный соборъ для открытія сесіи, свита со всѣхъ сторонъ окружала его карету; я насчиталъ восемьдесятъ пять придворныхъ дворянъ и столько же службы, и какъ все это было разодѣто, какая сбруя на лошадяхъ! Уже гасли эти великолѣпные дворы. Но въ 1786 году, когда я первый разъ былъ въ Варшавѣ, я ви-

дѣлъ вельможъ, отправлявшихся въ торжественные дни къ королю въ замокъ съ такими свитами. Такъ было до 1788 года, потомъ обычаи и люди все до остатка измѣнились.

Второй отдѣлъ дворянства составляли пришельцы изъ горныхъ воеводствъ, изъ княжества Мазовецкаго, съ Подлясья, поселившіеся на небольшихъ участкахъ по королевскимъ грамотамъ за военныя заслуги. Съ умноженіемъ семействъ, не въ состояніи будучи помѣститься на малыхъ участкахъ земли, они стали искать, въ благодѣтельной урожайной Украинѣ, болѣе легкаго и изобильнаго содержанія. Вельможи за безцѣнокъ арендовали имъ имѣнія, напримѣръ шесть грошей за пѣшую барщину и восемь за конную. Всѣ данины и повинности предоставлялись въ пользу арендатора, притомъ выговаривались вознагражденія въ случаѣ неурожая, градобитья или пожара. Но при всемъ томъ арендаторы изъ этого извлекали небольшую пользу: рожь продавалась по двадцать четыре гроша, а овесъ по двѣнадцати грошей за корецъ (сорокъ гарнцевъ), если же приходилось продать вмѣстѣ корцевъ тысячу, — покупателей совсѣмъ не отыскивалось. Издавна украинскія деревни были очень обширны, въ нѣкоторыхъ бывало до тысячи и полторы тысячи домовъ; къ ней приписывался такой участокъ урожайной степи, что теперь подобнаго достаточно было бы на три подобныя деревни; изъ этого легко заключить сколько было тамъ зерна на продажу и сколько стоговъ сѣна оставалось отъ продовольствія. Арендаторы пускались въ обороты, заводили большія стада скота, лошадей, свиней, овецъ, пасли ихъ лѣтомъ въ обширныхъ степяхъ, а зимой ихъ откармливали зерномъ. Эти лошади, волы, кабаны и овечье сало доставлялись потомъ въ Варшаву, Вѣну, Врацлавъ, и эта торговля доставляла воларямъ двойную выгоду.

Такого рода арендаторовъ обыкновенно называли **воларями**. Ихъ много погибло въ памятное возстаніе крестьянъ, названное колеивщиной или уманской рѣзней, и состояніе ихъ пропало: нѣкоторые только покумившіеся съ крестьянами, или женившіе сыновей своихъ на крестьянкахъ, пощажены были убійцами. Послѣ колеивщины, когда правительство обезпечило жителей, воротились нѣкоторые изъ бѣглецовъ, другіе прибыли изъ Польши. Вельможи попрежнему арендовали имъ имѣнія и дворяне опять передѣлались въ воларей, скотопасцевъ и свинарей; это дворянство было безъ воспитанія и безъ малѣйшей образованности, не мѣчтавшее даже вывести дѣтей своихъ изъ подобнаго печальнаго состоянія. Имъ достаточно было сидѣть на мѣшкахъ полныхъ карбованцами. Не разъ случалось мнѣ въ молодости видѣть нѣсколько стадъ кабановъ, или десятки лошадей одного властителя, пасомыхъ вмѣстѣ, подъ самоличнымъ надзоромъ господина; на нѣсколькихъ возахъ везъ баринъ сухари и пшено для пастуховъ, и самъ изъ одного котла съ ними ѣлъ кулешъ. Такіе дворяне, болѣе десятка лѣтъ арендовавшіе имѣнія вельможъ, обыкновенно привязывались къ этой землѣ, какъ къ своей родинѣ, также и къ вельможамъ, у которыхъ арендовали. Они были обязаны бывать на сеймикахъ для поддержанія партіи своего вельможи и служили ему словомъ и дѣломъ.

Въ Житомирѣ можно было ихъ видѣть по четыре и по пяти тысячъ, и хотя они не знали кого сдѣлали посломъ, кого депутатомъ и какія выданы инструкціи на сеймъ, но поддерживали того и то что̀ имъ указали ихъ патроны. Небольшое только число изъ этихъ дворянъ, сильно разбогатѣвшее, поняло истину, что необходимо воспитывать дѣтей; часть изъ нихъ судейской дорогой вошла въ кругъ на-

стоящихъ помѣщиковъ, они были повѣренными и покупали у вельможъ тѣ имѣнія, въ которыхъ отцы ихъ сидѣли арендаторами.

Но большая часть изъ нихъ осталась въ прежнемъ огрубѣніи, переженила сыновей на крестьянкахъ, а дочерей повыдавали за паробковъ, изъ бѣглыхъ крестьянъ съ Подоля, изъ повѣтовъ житомирскихъ, овруцкихъ, кржеменецкихъ, пропадавшихъ на Украинѣ, какъ въ морѣ. Отцы невѣстъ надавали имъ свои фамиліи, и страшно размножились эти семейства; прежде ихъ гоняли на сеймики, но затѣмъ, по большей части, они сдѣланы однодворцами.

Вельможи держали при дворахъ своихъ дворянъ изъ честолюбія и для удовлетворенія своихъ видовъ, подъ предлогомъ общественнаго благодѣянія; въ доказательство словъ моихъ я могъ бы привести многочисленные примѣры, но исторія слишкомъ даже это доказала. Такъ Георгъ Любомирскій, маршалъ и гетманъ [1]) польный коронный, неблагопріятствовалъ королю, подъ тѣмъ предлогомъ, что Янъ-Казиміръ предназначилъ еще при жизни своей въ наслѣдники престола принца Евгенія, женившагося на племянницѣ короля, дочери пфальцъ-графа. Этотъ Любомирскій возсталъ противъ короля. Императоръ Леопольдъ употребилъ Любимирскаго, какъ орудіе для уничтоженія намѣреній версальскаго двора, добивавшагося польскаго престола; гетмана обвинили въ возстаніе противъ короля, отняли жезлъ и булаву и отдали ихъ Собѣскому и Чарнецкому, а обезславленный Любомирскій скрылся въ Брацлавль. Но что же вышло изъ этого? Съ восемью стами

1) Въ Польшѣ было двѣ арміи: польская и литовская; начальники ихъ назывались гетманами—въ Польшѣ кореннымъ, въ Литвѣ—литовскимъ. Помощники назывались польными гетманами. Былъ гетманъ польный коренный (собственно польскій) и польный литовскій.

человѣкъ кавалеріи онъ вторгнулся потомъ въ Польшу, дворяне и бывшіе кліенты въ такомъ числѣ собрались къ нему, что онъ разбилъ Полубинскаго, который велъ Литву на помощь королю. Маршала состоявшей при королѣ конфедераціи, Устржицкаго, взялъ въ плѣнъ и наконецъ подъ Монтвами при Нотечи одержалъ совершенную побѣду надъ королевскими войсками. Сколько же было подобныхъ примѣровъ, не исключая даже Барской конфедераціи, возникшей изъ честолюбія вельможъ, не желавшихъ повиноваться королю, происходившему не изъ ихъ касты?

Къ третьему отдѣлу я причисляю губернаторовъ, какъ тогда называли экономовъ, распорядителей, правентовыхъ писарей и всѣхъ офиціалистовъ въ экономіяхъ. Они лучше другихъ вышли, собрали порядочныя состоянія, хотя за то уменьшили барское, а сыновья и внуки ихъ украсили дворцами деревни и мѣстечки, изъ которыхъ отцы ихъ происходили. Кто же бы нынѣ осмѣлился критически взглянуть на такихъ свѣжихъ и ясныхъ высокоблагородныхъ! Нарушеніе седьмой заповѣди давно забыто, а можетъ быть они и выпросили себѣ гдѣ нибудь прощеніе... Я не пускаюсь въ запутанныя изслѣдованія, наконецъ въ будущемъ поколѣніи по старой половицѣ все-таки окажется, что къ чорту male parta (чортъ беретъ дурное пріобрѣтеніе).

Польское дворянство очень высоко цѣнилось, даже самыя знаменитыя европейскія фамиліи старались получить наши грамоты: это доказываютъ польскія конституціи 1764, 1766, 1768, 1775 г. Тогда много самыхъ значительныхъ фамилій русскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, англійскихъ, испанскихъ получили права польскаго дворянства, отъ государственнаго собранія, не считая тѣхъ, которыя раздавалъ король. Я упомяну здѣсь только одного русскаго вельможу князя Григорія Потемкина,

этого сильнаго и значительнаго въ своемъ краѣ мужа: онъ въ 1775 г. получилъ польскую грамату и въ 1787 купилъ у князя Ксаверія Любомирскаго за двадцать милiоновъ злотыхъ смиланскія помѣстья; а въ 1788 торжественно натурализовался, т. е. принялъ польское гражданство.

Такъ поступая, имѣлъ ли князь Потемкинъ какіе нибудь политическіе замыслы или нѣтъ, объ этомъ разно можно судить, но онъ ужъ навѣрное цѣнилъ польское дворянское достоинство, когда, будучи въ такихъ отличіяхъ и такомъ санѣ, старался его получить. Государственное собраніе республики удѣляло чужестранцамъ граматы, но прежде они должны были представить доказательства дворянскаго происхожденія на своей родинѣ. Въ продолженіе долгаго царствованія Августовъ II и III республика не раздавала граматъ на сеймахъ, нобилитаціи и привиллегіи на граматы выдавались изъ королевской канцеляріи, такъ какъ сеймы одинъ за другимъ срывались несчастнымъ liberum veto.

Польское дворянство, до конца старыхъ порядковъ, обыкновенно называлось по премуществу рыцарствомъ. Во время обыкновенныхъ сеймовъ сенаторская палата собиралась и засѣдала отдѣльно подъ предсѣдательствомъ короля, посольская палата или рыцарская—тоже отдѣльно подъ предводительствомъ маршаловъ обоихъ народовъ. Если сеймъ былъ въ Варшавѣ, его открывалъ коронный маршалъ, а если въ Гродпѣ, то литовскій; обыкновенно два сейма сряду бывали въ Варшавѣ, а третій въ Гроднѣ. Обыкновенный сеймъ рѣшалъ дѣло общимъ согласіемъ (unanimitate), и опозиція одного лица уничтожила рѣшеніе всѣхъ; въ конфедераціонныхъ сеймахъ обѣ палаты соединялись, сенаторская съ рыцарской, и сеймъ открывалъ его маршалъ. Такой сеймъ, конфедераціонный, рѣшалъ все большинствомъ голосовъ.

XVI. Я служу у адвоката.

Въ іюлѣ 1784 года, окончивъ науки, я возвратился изъ училища домой. Но едва прошелъ мѣсяцъ, какъ меня снова отдали въ ученіе въ палестру[1]), не спрашивая, нравится ли мнѣ это и избралъ ли бы я себѣ добровольно эту дорогу. Отецъ, котораго власть была диктаторская и которому сопротивляться не было никакой возможности, не допустилъ меня даже заговорить о выборѣ рода занятій.

Положеніе мое было очень несчастное; я не имѣлъ никакихъ средствъ и никакой протекціи; отецъ, огорченный смертью матери, запутанный въ домашнюю интригу, угнетенный дѣлами, или не могъ или не хотѣлъ обо мнѣ заботиться, и я чувствовалъ недостатокъ во всемъ. Не зная людей, безъ связей, неопытный, чужой въ свѣтѣ, не понимающій жизни, я слѣпо шелъ, не видя впереди цѣли и не зная, чѣмъ буду существовать. Въ семнадцать лѣтъ, брошенный на это широкое море, не зная обычаевъ свѣта, я былъ одинокъ, какъ перстъ, среди пестраго общества.

Вотъ каково было мое положеніе; нужно еще къ этому прибавить отвращеніе къ занятіямъ, мнѣ предназначеннымъ; непривычка къ труду и писанью, можетъ быть отчасти и лѣность, — однимъ словомъ, скопилось все что только могло меня отклонить и отвратить отъ занятія, къ которому меня пріурочивали.

Мой патронъ, г-нъ Громницкій, жилъ на одномъ концѣ города, а я на другомъ, и я обязанъ былъ ходить къ нему два или три раза въ день. Въ Житомирѣ не было мостовой, и

---

1) Учиться практической юриспруденціи. Палестрантами назывались молодые люди, практиковавшіе при адвокатахъ и въ трибуналѣ.

такая была грязь, что въ то время, когда я начиналъ мое поприще, идя по улицѣ весеннею порою, трудно было вытаскивать ноги изъ болота; одежда на мнѣ гнила и распадалась, а купить новое платье и обувь было не на что. Отецъ арендовалъ тогда Вильскій ключъ, лежащій въ десяти верстахъ отъ Житомира; я написалъ къ нему горячую, пламенную просьбу, описывая мое несчастное положеніе и умоляя его позволить мнѣ избрать другое поприще, или быть болѣе милостивымъ; отвѣтъ его былъ суровый, строгій, онъ изъявлялъ непоколебимую волю, чтобы я оставался въ Житомирѣ, и приказывалъ трудиться. При этомъ привелъ въ примѣръ нѣкоторыхъ людей, которые на этомъ поприщѣ, изъ крайней бѣдности дошли до большого богатства. Къ письму приложены были два червонца, слишкомъ не достаточные на столько нуждъ, меня одолѣвавшихъ.

Нѣсколько дней послѣ этого случая проѣзжалъ чрезъ Житомиръ мой дядя; онъ призвалъ меня къ себѣ. Со слезами разсказалъ я ему свое положеніе, но онъ самъ былъ въ трудныхъ обстоятельствахъ и ничѣмъ не могъ помочь мнѣ. Дядя велъ тогда процесъ съ митрополитомъ, какъ о томъ ниже будетъ говориться. Выѣзжая, онъ однако далъ мнѣ десять талеровъ. Эти два небольшія вспомоществованія позволили мнѣ пополнить кое-какъ мой гардеробъ.

Столъ я имѣлъ у адвоката, намъ давали только обѣдъ и ужинъ. Когда онъ самъ дома обѣдалъ, кушанье было, правда, дурное, но все-таки въ достаточномъ количествѣ, чтобы не умереть съ голоду; но онъ часто обѣдалъ въ гостяхъ, тогда мы просто голодали, насъ кормили богъ знаетъ чѣмъ. Мальчику моихъ лѣтъ, который прислуживалъ мнѣ, я долженъ былъ платить на содержаніе пятьдесятъ грошей въ недѣлю, самому же купить себѣ завтракъ или полдникъ не начто было.

Пять миль отъ Житомира жилъ богатый родственникъ моей матери, человѣкъ пожилой — лѣтъ шестидесяти, женившійся недавно на молодой, хорошенькой женщинѣ. Любя ее безъ памяти онъ завѣщалъ ей все свое состояніе. Онъ помогалъ мнѣ изъ состраданія: отъ его щедрости я имѣлъ завтраки, онъ присылалъ мнѣ то немного жженаго кофе, то сахару кусокъ, или булки, ветчину и проч. Не знаю, по счастію или по несчастію, неожиданно передъ Рождествомъ умеръ этотъ родственникъ. Вдова сейчасъ же прислала за мной, чтобы я помогъ ей отдать послѣдній долгъ; я поспѣшилъ къ ней. Она казалась неутѣшной послѣ потери мужа, печаль ея доходила до отчаянія; мы какъ могли старались ее утѣшить, особенно я, потому что самъ искренно жалѣлъ моего благодѣтеля, надѣлявшаго меня завтраками и полдниками. Вмѣстѣ со вдовою я заливался горькими слезами. Чрезъ три дня похороны окончились, но неутѣшная вдова просила меня остаться подолѣе, чтобы разсѣять ее въ уединеніи и помочь въ домашнихъ затрудненіяхъ. Чтобы болѣе меня привлечь, вдова прибавила, вздыхая, что покойникъ очень меня любилъ; правда, онъ записалъ ей все состояніе, но не разъ заявлялъ, что желаетъ мнѣ помочь, и въ послѣдней болѣзни поручилъ ей это исполнить.

— Я хочу это выполнить свято и по совѣсти, прибавила она. Я поцѣловалъ ей колѣни, а она меня въ лице. Тогда я не обратилъ на это вниманіе, потому что такъ бывало и при жизни мужа. Не заставляя долго себя просить, я остался, обходясь съ нею съ почтеніемъ и покорностію, какъ съ особой, гораздо меня старшей лѣтами и далеко высшей своимъ положеніемъ; она же поступала со мной по дружески, какъ съ близкимъ родственникомъ.

XVII. Вдова и моя первая любовь.

Такъ прошло время до Рождества: наступилъ сочельникъ, мы были только вдвоемъ, не считая ксендза-настоятеля, экономa и служащей дѣвушки. По обыкновенію столъ былъ заставленъ, какъ на двадцать особъ, рыбой, пирожками и большимъ числомъ постныхъ кушаній; хотя ужинъ не разъ орошенъ былъ слезами въ память усопшаго, но ѣли мы всѣ хорошо; съ рюмкой я былъ остороженъ, но необходимо однако было выпить полстакана стараго меду. Безъ привычки медъ на меня сильно подѣйствовалъ.

Не помню что было со мной послѣ ужина; помню только: мы встали изъ за стола и немедленно разошлись. Я спалъ въ гостиной; скромную постель мою составляли коженная подушка и плащъ, которымъ я накрывался. Въ этотъ день морозъ былъ сильный, мнѣ какъ то не спалось и я сталъ ходить по комнатѣ... что случилось послѣ не буду описывать, но на утро мое положеніе въ этомъ домѣ совершенно измѣнилось.

Днемъ плакала еще вдова, но сквозь слезы нѣжно на меня посматривала. Что касается меня, я самъ не знаю, любилъ ли я ее или только жажда молодости представляла мнѣ въ такомъ видѣ мои чувства: довольно того, я бѣшено къ ней привязался.

На второй или на третій день вдова объявила, что намѣрена ѣхать въ Бердичевъ и возьметъ меня съ собой, дала мнѣ на гардеробъ пятьдесятъ червонцевъ, а бѣльемъ и постелью сама обѣщала заняться. Для меня эта сумма казалась громадной, я никогда еще не былъ такъ богатъ... Невозможно описать моего счастія: любимый молодой, красивой женщиной, перенесенный вдругъ изъ нищеты и голода

на вершину блаженства, я чувствовалъ головокруженіе и какой-то суевѣрный страхъ, что потеряю эти неожиданныя сокровища.

Вдова моя показалась въ Бердичевѣ въ траурѣ, и ей очень шли къ лицу черные наряды! Съ каждымъ днемъ все больше казалась она мнѣ прелестной и привлекательной, я полюбилъ ее страстно, до безумія.

Мы вмѣстѣ занялись моимъ туалетомъ: я купилъ платье, въ которомъ такъ нуждался, она купила полотно, матерію и все что мнѣ только было нужно. На новый годъ я показался настоящимъ баричемъ, даже слуга мой былъ щегольски одѣтъ. Теперь у меня было совсѣмъ иное настроеніе духа, а съ нимъ вмѣстѣ и манеры другія; я поднялъ голову, мнѣ казалось, что я только что на свѣтъ родился.

На крещеніе отецъ прислалъ за мной; прощаясь съ моей милой, я плакалъ, и мы долго не могли разстаться, какъ-будто предчувствуя что-то недоброе.

Я долженъ былъ ѣхать съ отцомъ на контракты въ Дубно; при прощаніи вдова дала мнѣ пятьдесятъ червонцевъ, очень хорошую шубу и много иныхъ вещей. Мы поклялись другъ другу въ вѣчной любви, и она обѣщала сказать мнѣ по возвращеніи свои намѣренія на будущее время.

Когда я пріѣхалъ въ Вильское, отецъ очень былъ озадаченъ, увидя мой новый гардеробъ, а еще болѣе — шубу, бѣлье и постель; я не могъ вдругъ выдумать и объяснить откуда я все это взялъ. Отецъ допытавался и я долженъ былъ наконецъ сказать, что отъ вдовы. Онъ посмотрѣлъ и замолкъ.

Пріѣхали мы въ Дубно, но мнѣ вездѣ было грустно; эти двѣ недѣли разлуки были для меня настоящею вѣчность, время медленно тянулось. По счастью, въ Дубнѣ отецъ при-

сматривалъ за мной; когда онъ меня посылалъ куда нибудь, или я самъ шелъ по своимъ дѣламъ, — какъ тѣнь не отступно тащился за мной старый отцовскій слуга, Паюкъ Василій — громадный мужчина, который, когда я былъ еще мальчикомъ и когда меня сѣкли, держалъ меня какъ перушко на рукахъ. Одинъ разъ изъ собранія удалось мнѣ ускользнуть отъ такого невыгоднаго сотоварища и съ двумя молодыми ровѣстниками отправиться въ городъ покутить. На рынкѣ публично играли въ кучки, ремешки, и левки; игра эта была разбойническая, трудно о ней дать понятіе; меня потянуло къ ней. Поставилъ червонецъ, проигралъ, я поставилъ два и еще проигралъ. Желая отыграться, я досталъ уже три, какъ вдругъ откуда ни возьмись Василій, хвать меня за руку — все въ глазахъ у меня позеленѣло.

Паюкъ грозно потребовалъ, чтобы я шелъ къ отцу; мнѣ было жаль денегъ и стыдно и страшно явиться передъ неумолимымъ судьей. Мольбой и деньгами поспѣшилъ я упросить Василія и заставилъ его молчать.

Отъ отца я поспѣшилъ въ Житомиръ, а оттуда полетѣлъ къ вдовѣ; девять недѣль провелъ я съ ней и не оглянулся, какъ онѣ прошли, точно сонъ. Пришло приказаніе отъ отца возвратиться къ нему: она опять дала мнѣ на дорогу пятьдесятъ червонцевъ, четверку отличныхъ лошадей съ кабріолетомъ и три богатыхъ, красивыхъ пояса. Осыпая меня ласками и подарками, вдова, наконецъ, откровенно сказала, что по окончаніи траура хочетъ за меня выйти замужъ, и позволила сказать отцу, обѣщая еще предъ вѣнцомъ записать мнѣ все свое состояніе. Я упалъ къ ногамъ ея въ упоеніи, не находя словъ для благодарности: я такъ былъ счастливъ... могъ ли я тогда предвидѣть, что мы видимся въ послѣдній разъ, что утрачу я ее навсегда! Трудно мнѣ бы-

ло разстаться съ ней, но приказаніе отца было непреложно. Мнѣ было тогда небольше семнадцати лѣтъ, а ей около тридцати, но я любилъ ее больше жизни: это была первая моя любовь!

XVIII. Тульчинъ.

Отецъ призвалъ меня затѣмъ, чтобы послать съ г-мъ Протосовѣцкимъ, вице-регентомъ градскимъ житомирскимъ, въ Тульчинъ, къ г-ну Сченсному Потоцкому, воеводѣ русскому, для полученія изъ его кассы слѣдуемыхъ отцу семи тысячъ злотыхъ. Мы отправились съ вице-регентомъ въ моемъ кабріолетѣ; на моей четверкѣ, взяли двухъ человѣкъ, и хотя насъ было много, мы путешествовали самымъ комфортабельнымъ образомъ, но невозможно было истратить больше двухъ злотыхъ на ночлегѣ. Корецъ (40 гарнцевъ) овса стоилъ тогда пятнадцать грошей; сѣна на три гроша лошади никогда не могли съѣсть, курица стоила три гроша, а за полбарана платили восемнадцать грошей; кварта водки въ корчмѣ продавалась по шести грошей, за дрова и за постой не платили.

Помню, остановясь утромъ въ Каміонкѣ, подъ Бѣлой Церковью, намъ захотѣлось ѣсть; мы порѣшили приказать сдѣлать для себя яичницу и спрашиваемъ еврея: сколько яицъ дашь за грошъ? онъ отвѣчаетъ четырнадцать. — Дорого! — Ну, такъ шестнадцать! — Хорошо, дѣлай! Но тутъ стоявшая женщина отозвалась вполголоса: зачѣмъ не спросили вы у меня, я бы вамъ дала двадцать четыре за грошъ. Я упоминаю о такой бездѣлицѣ, чтобы показать тогдашнее состояніе края, чѣмъ были деньги и что стоили продукты, и какая была ихъ относительная стоимость.

Пріѣхали мы въ Тульчинъ. Я до того времени не могъ

имѣть даже понятія о той пышности, какая окружала нашихъ вельможъ. Въ Тульчинѣ былъ просто королевскій дворъ, а не домъ партикулярнаго человѣка. Дворецъ тульчинскій, который и теперь можно видѣть, уже былъ оконченъ, съ надписью на фронтонѣ: Чтобы это жилище было жилищемъ добродѣтельныхъ и свободныхъ. Г. 1782.—Громадные, трехэтажные флигеля, окружавшіе главный дворецъ и вмѣщавшіе по сту комнатъ, еще не были окончены. Садовъ и деревьевъ, которые теперь кажутся столѣтними, тогда еще не было. Потоцкій первый завелъ въ Украинѣ тополи; я видѣлъ тамъ одинъ огромный тополь, называемый маткой, отъ котораго развились всѣ тополевые лѣса въ имѣніяхъ Потоцкаго и въ окружности. Послѣ перваго раздѣла Потоцкій первый перенесъ свою резиденцію изъ Кристополо въ Тульчинъ. Половина строеній, которыя соединяютъ теперь службы со дворцомъ, не была окончена.

Мы остановились въ мѣстечкѣ и перемѣнивъ туалетъ отправились во дворецъ. Предъ дворцомъ была большая гауптвахта. Здѣсь на стражѣ стояло по сорока человѣкъ надворныхъ солдатъ съ музыкой, и отсюда посылались часовые на всѣ рогатки; кромѣ пѣхоты, были еще надворные уланы, въ красивыхъ мундирахъ.

Насъ ввели во дворецъ, но Потоцкій былъ боленъ и нѣсколько дней не выходилъ въ залы и не принималъ гостей. Одинадцать дней должны мы были прождать, по прошествіи которыхъ наконецъ князь показался. Я отдалъ ему письмо отца; онъ не читая положилъ его въ карманъ и вѣроятно забылъ о немъ.

На другой день мы опять съ Протосовѣцкимъ были въ залѣ. Съ боязнію подступилъ я къ могущественному вель-

можѣ и осмѣлился напомнить, что я подалъ ему письмо отца и прошу на него резолюціи.

— Когда вы отдали мнѣ письмо? спросилъ онъ.

— Вчера.

Онъ приказалъ позвать секретаря, тотъ сейчасъ явился.

— Гдѣ письмо г-на Охотскаго?

— Въ канцеляріи.

— Когда очередь отвѣта?

— Черезъ два дня.

— Такъ вы, сударь, придите черезъ два дня и получите резолюцію.—О чемъ пишетъ г-нъ Охотскій? прибавилъ онъ.

— Проситъ выдать семь тысячъ злотыхъ.

— Имѣете вы документъ?

Я представилъ документъ, онъ приказалъ подать чернила и написалъ Solvat и, отдавая мнѣ, сказалъ:

— Когда наступитъ очередь выдачи, вы съ нимъ явитесь въ кассу.

Прощаясь, Потоцкій приказалъ намъ быть на обѣдѣ, но къ столу самъ не вышелъ, а также не было никого изъ его семейства. Около ста особъ сидѣло за столомъ, — это былъ дворъ, постоянно окружавшій Потоцкаго. Я нашелъ между ними знакомаго—г-на Дизму Томашевскаго, бывшаго въ послѣдствіи секретаремъ конфедераціи Торговецкой. Кромѣ того, тамъ былъ Вигурскій, тоже знакомый мнѣ. Они оба протежировали мнѣ въ Тульчинѣ, водили всюду и все показывали. Черезъ два дня мы пошли въ кассу, тамъ насъ не задержали ни минуты напрасно, деньги уже были отсчитаны, проценты къ нимъ присоединены и письмо къ отцу готово.

Мы сейчасъ и выѣхали изъ Тульчина: разлука со вдовой невыразимо меня безпокоила. На четвертый день, возвратив-

шись въ Вильское, я отдалъ деньги отцу, причемъ онъ далъ мнѣ сто злотыхъ, говоря:

— Я вижу, что вы, сударь, можете уже безъ меня обойтись; у вдовы я самъ буду.

Онъ задержалъ меня еще два дня, а на третій я уже летѣлъ въ Житомиръ съ намѣреніемъ поспѣшить къ моей невѣстѣ, которую не видалъ четыре недѣли; сердце сильно влекло меня къ ней. Какъ громомъ пораженъ я былъ получивъ вмѣстѣ — ея письмо, въ которомъ она просила меня пріѣхать какъ можно скорѣе, и другое, отъ эконома, о томъ что она умерла. Гнилая горячка, обезлюдившая всю деревню, перешла на мызу; двое людей и сама барыня умерли отъ нея.

Мнѣ казалось, что я умру, когда вдругъ, такъ неожиданно, съ высоты радужныхъ надеждъ, былъ низвергнутъ рукой судьбы въ прежнее положеніе. Нужно было остаться въ Житомирѣ, мучиться, переносить, терпѣть бѣдность и нищету: мой маленькій запасъ могъ быть полезенъ мнѣ очень не надолго.

Съ душевной горечью обратился я къ трудному занятію; неохотно, какъ на барщину, шелъ я безъ всякой энергіи, безъ малѣйшаго призванія къ дѣлу, мучимый въ добавокъ печальными воспоминаніями, послѣ недавней еще потери женщины, познакомившей меня со счастьемъ. Нѣкоторое время я имѣлъ во что одѣться, и могъ всюду показаться какъ сынъ богатаго помѣщика, прогуливаясь въ кабріолетѣ. Но кабріолетъ пришлось продать Константину Проскурѣ за сто двадцать полуимперьяловъ.

XIX. Снова въ Житомирѣ у адвоката.

Послѣ смерти той, которую я называлъ моей невѣстой, угождая отцу, я съ полнымъ самоотверженіемъ остался въ житомирской канцеляріи. Блестящій туалетъ, положимъ, вещь небольшая, но хорошо предупреждающая о человѣкѣ; экипажъ и небольшія деньги, которыя я имѣлъ по милости незабвенной вдовы, помогли мнѣ завести знакомство и связи съ адвокатами, чему еще болѣе помогло слѣдующее небольшое обстоятельство:

Земскимъ житомирскимъ судьей былъ Адамъ Букаръ, на сестрѣ котораго, Ефрозини Сущевичъ, женился недавно отецъ мой, послѣ смерти матери.

Будучи постоянно при человѣкѣ такого значенія, какимъ пользовались тогда земскіе судьи, я прилежно слѣдилъ за ходомъ дѣлъ и съ пользою употребилъ время; черезъ годъ мнѣ смѣло могли дать вести самыя трудныя дѣла. При первомъ засѣданіи, по праву закона, меня назначили защитникомъ одного человѣка, обвиненнаго въ уголовномъ преступленіи. Я такъ обработалъ мою защиту, что она понравилась и суду и адвокатамъ; кліентъ мой избавился отъ веревки и висѣлицы, а стряпчіе обратились къ суду съ словесной просьбой о допущеніи меня къ super patrocinium. Я принялъ присягу, и это мнѣ очень пригодилось въ Люблинѣ.

Здѣсь, между прочимъ, я долженъ упомянуть объ одномъ прежнемъ обычаѣ. Когда слѣдовало читать смертный приговоръ, судьи покрывали головы, а президентъ произносилъ громко: Отворите двери! Смертный приговоръ! Возьный (приказный служитель), тоже съ покрытой головой, троекратно отворялъ дверь и запиралъ ее съ шумомъ, говоря:

— Утишьтесь, господа, для выслушанія смертнаго приговора!

Обвиненный стоялъ передъ судомъ во время чтенія приговора, потомъ ему давалось три дня для приготовленія къ смерти, и ксендзъ уже не отступалъ отъ него. Если приговоренный былъ иновѣрцемъ, то старались склонить его къ принятію католицизма. Палачъ тоже постоянно былъ съ приговореннымъ и ночевалъ съ нимъ вмѣстѣ, чтобы освоить его съ собой. Въ мисіонерскомъ призваніи отличался тогда экс-іезуитъ, ксендзъ Буковскій. Послѣ каждаго засѣданія градскаго суда, всегда почти нѣсколько узниковъ казнили—четвертовали, рубили головы или вѣшали. Если шедшій на казнь преступникъ встрѣчалъ дѣвушку, и она бросала полотенце, тогда вмѣсто эшафота ихъ вели сейчасъ же въ церковь, ксендзъ вѣнчалъ, и виновный освобождался отъ наказанія.

Но я возвращусь къ дѣлу. Судья Букаръ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Стемпковскимъ, который недавно только сдѣланъ былъ кіевскимъ воеводой и былъ уважаемъ при дворѣ и всѣмъ дворянствомъ. Букаръ возымѣлъ счастливую мысль помѣстить меня къ воеводѣ и рекомендовать тамъ, спеціально къ услугамъ самаго воеводы. Въ сущности я не имѣлъ ни должности, ни жалованья у Стемпковскаго, но просто состоялъ при немъ, какъ молодой человѣкъ, ищущій протекціи у вельможи. Стемпковскій четыре года тому назадъ, какъ потомъ я объясню, сдѣлалъ страшную несправедливость моему семейству. Съ какимъ явнымъ отвращеніемъ вступалъ я во дворъ воеводы, о томъ хорошо зналъ Букаръ, отецъ и дядя, но я долженъ былъ пересилить себя.

XX. Въ Лабунѣ у воеводы.

На самое Крещеніе, въ 1786 году, судья Букаръ самъ привезъ меня въ Лабунь и представилъ воеводѣ. Я нашелъ тамъ восемь молодыхъ людей, составлявшихъ свиту; одинъ изъ нихъ былъ Стемпковскій, родной племянникъ воеводы, сынъ подкоморія Е. К. В., другой старостицъ Гнидовскій, потомъ Гавроньскій, также сынъ подкоморія, каштелянъ Дрогоевскій, старостицъ Закржевскій, и Чесниковичъ—это былъ я. Такъ называлъ насъ воевода по титуламъ нашихъ отцовъ, а за нимъ такъ звалъ насъ весь дворъ. Но мои товарищи были молодые люди, дѣти богатыхъ родителей, они имѣли богатый гардеробъ, собственныхъ лошадей и экипажи; я хотя и имѣлъ по милости моей вдовы, достаточный и порядочный гардеробъ, не могъ однако съ ними сравниться ни экипажемъ, ни верховыми лошадьми. Послѣднихъ я совершенно не имѣлъ и пользовался лошадьми воеводы.

Онъ самъ поручилъ конюшему, какъ только я пріѣхалъ, чтобы мнѣ давали верховыхъ лошадей. Но когда мы ѣздили куда нибудь далеко или съ визитомъ, мнѣ приходилось сидѣть съ нимъ въ каретѣ: другіе же изъ свиты ѣхали въ своихъ экипажахъ. Обязанности наши были не тяжелы. Каждый день двое изъ насъ были дежурными, а всѣ мы были обязаны ходить привѣтствовать дамъ съ добрымъ утромъ, вводить ихъ въ залы, отводить на квартиру, занимать ихъ, танцовать съ ними, однимъ словомъ faire les honneurs de la maison. Съ утра, до той поры когда начинались танцы, которыхъ рѣдкій день не было, мы всѣ были при сабляхъ и въ воеводскихъ мундирахъ, а на балъ надѣвали щегольскіе костюмы.

Въ такомъ положеніи, въ какомъ я находился, не всякій

бы молодой человѣкъ подумалъ о будущемъ, но я постоянно думалъ что будетъ тогда со мною, когда проживу свои двѣсти десять полуимперьяловъ и когда платье износится и полиняетъ, а пояса вытрутся. И въ самомъ дѣлѣ было о чемъ подумать, но провидѣніе взяло меня подъ свою защиту.

Я употребилъ всевозможныя усилія и старанія, чтобы заслужить милость и благосклонность воеводы. Мои товарищи играли въ карты и часто проигрывались, — я не бралъ въ руки картъ, зная, что воевода не любитъ этого и самъ никогда не играетъ, хотя въ залахъ всегда стояли приготовленые столы для картъ и гости играли. Я не держался очереди дежурства, и каждый день съ утра до вечера служилъ, какъ по обязанности. Относительно картъ мнѣ нужно было употребить много твердости, потому что я имѣлъ необыкновенную къ нимъ наклонность; все это вѣроятно замѣтилъ воевода, и въ скорости сталъ видимо оказывать мнѣ особенныя милости.

Въ Лабунѣ мы жили по барски, относительно пышности и этикета; столъ изысканный, оркестръ изъ виртуозовъ, богатые экипажи, прислуга многочисленная и роскошно одѣтая,— однимъ словомъ домъ боярскій, жизнь котораго соотвѣтствовала достоинству и мѣсту высокопоставленнаго сенатора, равнявшагося по пышности и состоянію съ владѣтелемъ Тульчина. Лабунь всегда былъ чрезвычайно оживленъ, ежедневно пріѣзжали новые гости, останавливаясь то во дворцѣ, то во флигеляхъ, не разъ даже и въ еврейскихъ домахъ, довольно порядочныхъ, которые бывали биткомъ набиты проѣзжающими.

Какъ то разъ мы поѣхали въ Пулинъ, къ г. Ганьскому, получившему недавно, по протекціи воеводы, орденъ; возвращаясь, Стемпковскій былъ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа и говоря со мной сказалъ:—мой Дуклаша!

Услышавъ эти слова, не смотря на то, что мы были въ каретѣ, я бросился къ ногамъ воеводы, прося чтобы онъ всегда такъ меня называлъ, а не по титулу отца.

— Товарищи мои, прибавилъ я,—кателяничъ, старостицъ, подкоморжицъ, въ этомъ случаѣ стоятъ гораздо выше меня, я одинъ только бѣдный чесниковичъ.

Воевода покрутилъ усъ и возразилъ:

— Вижу твою привязанность ко мнѣ и постараюсь поддержать тебя.

Возвратясь въ Лабунь онъ сейчасъ отправилъ курьера къ генералу Любовидзкому; дня черезъ два возвратился посланный, и воевода вручилъ мнѣ фортрагъ, какъ поставившему два эскадрона, на право ношенія мундира съ офицерскими знаками, то есть эполетъ съ звѣздочкой, шнуръ, фельцехъ и серебряную портупею.

Это было въ залѣ, воевода сейчасъ же назвалъ меня г. хорунжимъ Охотскимъ... Трудно вообразить мою радость и благодарность, мнѣ казалось, что меня сдѣлали генераломъ.

Послѣ обѣда я попросился въ отпускъ на шесть дней въ Бердичевъ, для обмундировки.

— А деньги имѣешь? спросилъ воевода.

Я показалъ свой кошелекъ съ двѣсти десятью полуимперіалами, который я всегда носилъ при себѣ.

— Черезъ три недѣли я ѣду въ Варшаву, возразилъ воевода,—и ты со мной, деньги бы тебѣ тамъ очень пригодились.

— Я напишу къ отцу и къ дядѣ, они мнѣ что нибудь пришлютъ.

Поѣхалъ я въ Бердичевъ, и мигомъ сдѣлалъ два мундира, вся обмундировка стоила мнѣ семьдесятъ полуимперіаловъ; въ этомъ мундирѣ я явился въ пріемныя залы и ясно видѣлъ, что товарищи мнѣ завидовали, но или не умѣли, или

не хотѣли просить о томъ же воеводу. Они отличались своимъ богатымъ статскимъ костюмомъ, а мнѣ мундиръ какъ разъ былъ кстати, онъ замѣнялъ и дорогое платье и богатые пояса, которые необходимо было надѣвать всякій день на балъ; пояса мои сберегались такимъ образомъ и потомъ мнѣ очень пригодились.

Въ маѣ воевода отправился въ Варшаву, а въ августѣ мы возвратились; съ нами ѣздили только пять моихъ товарищей, а остальные были въ отпуску дома. Ни съ чемъ не можетъ сравниться порядокъ и комфортъ въ дорогѣ, за нами все ѣхало, кухня, буфетъ, погребъ, всѣ прихоти, какія мы имѣли въ Лабунѣ. Болѣе шестидесяти лошадей, считая свиту, везло дворъ и запасы.

Мы дѣлали въ сутки не болѣе пяти миль и каждые два дня назначалась дневка; два покоевца цѣлыми сутками впередъ отправлялись для занятія квартиръ, непремѣнно въ какомъ нибудь мѣстечкѣ; они же заготовляли фуражъ. Выѣхавъ изъ Лабуня, мы провели два дня у князей Сангушковъ; въ Гульчи, у Подгородецкаго тоже два дня, въ Дубнѣ, у князя Михаила—опять два дня; въ Млыновѣ, у г-жи Ходкевичъ—два дня; у воеводы Вильга — два дня; въ Пулавахъ—пять. Воевода и мы всегда квартировали во дворцѣ, но дворъ и лошади въ городѣ. Наконецъ достигли мы столицы, одинъ видъ ея привелъ меня въ восхищеніе, даже разгоряченное воображеніе и во снѣ не представляло мнѣ ничего похожаго.

Воевода пашелъ въ Варшавѣ уже приготовленный для него дворецъ. На другой день онъ былъ съ визитомъ у короннаго маршала и вмѣстѣ съ нимъ и еще съ нѣкоторыми вельможами поѣхалъ въ замокъ. Слѣдующіе два дня прошли въ визитахъ, а на третій день онъ обѣдалъ у короля въ Лазенкахъ, гдѣ Понятовскій проводилъ лѣто, и только по воскре-

сеньямъ и въ праздники пріѣзжалъ въ замокъ для торжественныхъ пріемовъ и обѣдовъ Свита воеводы всегда была съ нимъ вмѣстѣ; когда онъ обѣдалъ у короля, насъ приглашали къ столу маршала, гдѣ бывало по двѣсти особъ.

Разъ въ недѣлю у воеводы бывалъ большой обѣдъ, особъ на восемьдесятъ или на сто, и во время бытности моей въ Варшавѣ онъ далъ два бала. На одномъ изъ нихъ былъ король, пани Краковская и вся королевская фамилія. У себя воевода рѣдко обѣдалъ, опъ почти всегда былъ приглашенъ, и мы были при немъ неотлучно. Обязанности наши были тѣ же самыя, что и въ Лабунѣ.

При выѣздѣ, королевскій секретарь, Дешертъ, привезъ воеводѣ цѣлую связку патентовъ на должности и ордена для кіевскихъ помѣщиковъ, все это потомъ я самъ развозилъ.

Наканунѣ выѣзда воевода далъ мнѣ небольшую записку, запечатанную какой-то массой съ надписью: A monsieur Terrer, и приказалъ съ ней отправиться къ нему; оттуда я привезъ ему шесть тысячъ червонцевъ, и до сегодняшняго дня не знаю изъ какого они вышли источника, но мнѣ кажется, что это была королевская асигновка.

Воевода сдѣлалъ громадныя закупки, нанятыя четыре шестиконныя повозки чуть могли ихъ забрать. Была тамъ мебель, сукна, вина и проч. Этотъ транспортъ отправился прямо въ Лабунь подъ надзоромъ покоевца Закржевскаго, а мы не отступали отъ особы воеводы. Въ то время былъ такой обычай, что ни вельможи, ни важные сановники никогда не показывались безъ свиты. Передъ выѣздомъ нашимъ, пріѣхалъ въ Варшаву на сеймъ князь Карлъ Радзивилъ, я съ г. Стемпковскимъ былъ тогда въ замкѣ, когда онъ пріѣхалъ туда на торжественную аудіенцію. Болѣе шестидесяти экипажей его провожало, а свита его заняла весь мраморный

залъ, столько наѣхало съ нимъ литовцевъ въ мундирахъ разныхъ воеводствъ. Всѣ они были при сабляхъ, у каждаго за поясомъ торчали замшевыя перчатки, всѣ усатые и мѣшковатые, какъ самъ князь.

При возвращеніи въ Лабунь мы останавливались въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, тѣ же самыя были удобства и тотъ же образъ жизни, люди и лошади свиты содержались на счетъ воеводы, какъ въ Лабунѣ.

Возвратясь домой г. Стемпковскій отправилъ меня развозить патенты и ордена разнымъ лицамъ, что́ заняло болѣе двухъ недѣль, пока я все успѣлъ окончить. Пріѣхавъ въ Лабунь я нашелъ дворецъ полный дамъ и мужчинъ, собралось многочисленное и блистательное общество.

XXI. Станиславъ Августъ въ Лабунѣ.

Въ январѣ 1787 года воевода отправилъ меня изъ Варшавы въ Лабунь, а нѣсколько дней передъ тѣмъ выѣхалъ Вернеръ съ восемью повозками разной мебели, штофа и узорчатаго атласа; повезъ съ собой обойщиковъ, столяровъ и много различныхъ ремесленниковъ. Мы собирались принимать короля въ Лабунѣ, гдѣ по пути въ Каневъ намѣренъ былъ отдохнуть нѣсколько дней Станиславъ Августъ, ѣхавшій на свиданіе съ Екатериной II.

Передъ моимъ выѣздомъ воевода повелъ меня въ королевскій кабинетъ, и такъ какъ мебель, отправленная въ Лабунь, была совершенно такая же, какъ и здѣсь, то онъ приказалъ мнѣ хорошо присмотрѣться, чтобы я могъ какъ разъ также размѣстить ее тамъ, какъ стояла она здѣсь.

Для хозяйничанія и большей представительности воевода пригласилъ генералъ-адъютанта Швейковскаго, который жилъ

недалеко, въ Муклинѣ, и судью Букара. Они оба пользовались большимъ довѣріемъ воеводы, и онъ любилъ ихъ болѣе всѣхъ.

Недѣль за восемь передъ пріѣздомъ короля, они пріѣхали въ Лабунь; тамъ уже давно неусыпно день и ночь работали мастеровые, а мы смотрѣли за ними и торопили ихъ. Дворецъ вверхъ дномъ поставили, отдѣлывая его сызнова; столяровъ, обойщиковъ, живописцевъ и всякаго рода людей тамъ было довольно. Дворецъ имѣлъ за ново отдѣланный пышный залъ для бала, громадную столовую, гостиную и по всей лѣвой сторонѣ рядъ апартаментовъ, убранныхъ съ удивительнымъ вкусомъ и королевскою роскошью; комнаты правой стороны, хотя и не такъ роскошно, но все-таки тоже были очень изящно отдѣланы ко дню королевскаго пріѣзда, для его свиты.

На правой сторонѣ и въ нижнемъ помѣщеніи должны были квартировать: ксендзъ, епископъ Нарушевичъ, генералъ-адъютанты Комаржевскій и Бышевскій, камергеры, пажи, капелланы, проповѣдники и проч.

Господа Швейковскій и Букаръ сидѣли въ Лабунѣ, ожидая пріѣзда и приготовляли все вмѣстѣ съ нами для пріема, а для препровожденія времени играли въ марьяжъ, запивая каждую пульку очередной чашей. Иногда къ ихъ обществу присоединялся мѣчникъ Якубовскій изъ Шкаравки.

Всѣ хлопоты лежали на насъ молодыхъ; много еще недоставало необходимыхъ вещей, особливо по части прислуги. Половина ливрейной службы воеводы находилась въ Варшавѣ, а между тѣмъ тридцать шесть креселъ въ громадной передней нужно же было кѣмъ замѣстить, иначе она казалась-бы пустынной; необходимо было придумать кого здѣсь посадить, а также надо было подумать о лакеяхъ, которые, по двое должны были стоять у каждыхъ дверей. Въ нашемъ

краѣ не было тогда большаго изобилія въ людяхъ, способныхъ къ службѣ; невыразимо тяжело было намъ, пока мы подобрали-таки къ шестнадцати наличнымъ лакеямъ еще двадцать шесть. Я почти насильно набиралъ ихъ изъ болѣе богатыхъ домовъ, гдѣ много было прислуги, но и тамъ скорѣе можно было найти паюка и гайдука, чѣмъ лакея; набѣгались же мы за ними.

Кромѣ того необходимы были два паюка къ предпослѣднимъ дверямъ королевской комнаты. Одного изъ нихъ я досталъ у г-жи Вороничъ, каштелянши белзской, а другого у Букара, но это были настоящіе паробоки, и я долженъ былъ цѣлый мѣсяцъ муштровать ихъ, чтобы они сумѣли ловко поворотиться, они были очень неуклюжи и невыправлены. Вся прислуга получила парадную королевскую ливрею. Два мои паюка были почти трехаршиннаго роста, лицомъ очень красивы, и какъ немного пообтерлись, что были довольно представительны.

Когда мы такъ занимались, распорядители Швейковскій и Букаръ, письменно пригласили почти все воеводство - мужчинъ и дамъ; для всѣхъ этихъ гостей нужно было тоже приготовить помѣщенія. Весь Лабунь очистили, устроили, украсили, и все это было обдумано и устроено въ пору и къ началу собранія.

Пріѣхалъ потомъ Гржибовскій и привезъ десять повозокъ столоваго фарфора и разной утвари: онъ привезъ пять дюжинъ великолѣпнаго саксонскаго фарфора, двадцать дюжинъ тарелочекъ для десерта, новехонькій серебряный столовый сервизъ на сто персонъ и такіе же сервизы для чая, кофе и шоколада; четыре огромные серебряные подноса, на которыхъ умѣщалось двадцать четыре пары чашекъ; шестьдесятъ паръ серебряныхъ столовыхъ подсвѣчниковъ; зеркаль-

ную доску для стола на сто особъ; она стоила шестьдесятъ червонцевъ со всѣмъ приборомъ, и проч. Кромѣ этого множество мебели, сахара, кофе, шоколада, вестфальскихъ окороковъ, швейцарскихъ сыровъ и разныхъ пряностей; три боченка рому, пять французской водки, а данцигской десять погребцовъ, въ каждомъ изъ нихъ находилось по двѣнадцати штофовъ; восковыхъ бѣлыхъ свѣчъ двадцать камней (камень вѣситъ тридцать два фунта), въ бытность короля ихъ выходило ежедневно тысячу четыреста штукъ, не считая тѣхъ, которыя горѣли при столѣ... Съ Гржибовскимъ пріѣхало восемъ камердинеровъ, поваръ нѣмецъ Бейеръ съ куклями и косой, паштетники, два кондитора и все что только требовалось для прислуги въ кухнѣ. Изъ Кракова кромѣ того мы выписали двѣ тысячи пятьсотъ бутылокъ вина шампанскаго, рейнскаго, бургундскаго, тысячу бутылокъ англійскаго пива (портеру тогда еще въ Польшѣ не пили), пятнадцать бочекъ венгерскаго и триста бутылокъ стараго венгерскаго, стоившаго по два червонца каждая.

Хуже всего было то, что поваръ былъ отъявленной мошенникъ и воръ. Гржибовскій постоянно мнѣ жаловался, что онъ неслыханно много забираетъ; я посовѣтовался съ Швейковскимъ и Букаромъ что тутъ дѣлать; они приказали молчать до поры, а тамъ все съ разу отнять. Я хотѣлъ было его усовѣстить, но онъ съ перваго же слова напустился на меня...

— Такъ прикажите дѣлать ваша клецки, которыя вы привыкли ѣсть въ вашей сторонѣ... и той *кваша*, что вы ѣдите, какъ свинь.

Нечего было дѣлать, я замолчалъ, оставалось всего нѣсколько дней до пріѣзда короля, но на усъ все намоталъ; постой же думаю, нѣмецъ, задамъ я тебѣ к в а ш у!

А между тѣмъ шелъ въ Лабунѣ ежедневный пріемъ огромнаго собранія, парадные обѣды, набиралось множество гостей, а поваръ формально грабилъ.

Мебель раскупорили и установили, великолѣпныя люстры повѣсили въ залахъ и комнатахъ. Куда не взглянешь видно все только красное дерево и бронза. Это удивило всѣхъ въ нашей провинціи; у насъ, когда кто имѣлъ шкатулку краснаго дерева, — о ней за десять миль всѣмъ было извѣстно, а въ Лабунѣ не было иной мебели. Въ сравненіи съ кольбушевскими столами и креслами, съ дубовою фанеркою, которые считались роскошными, новые были просто чудо роскоши. Маршрутъ короля намъ былъ сообщенъ заранѣе: король долженъ былъ быть въ Лабунѣ 15 марта въ четыре часа пополудни.

Снѣга выпали неслыханно глубокіе. А между тѣмъ всѣ экипажи королевскаго поѣзда были лѣтніе, на колесахъ. Въ корчмѣ Выгода, на половинѣ дороги между станціей и Лабунемъ, поставлены были десять шестерокъ обывательскихъ лошадей. Только и это немного помогло.

Пробило четыре, пять и шесть часовъ, а короля все еще не было. Безпокоились дамы, опасаясь за свѣжесть своего туалета; почетную стражу необходимо было со двора перевести въ комнаты: ее составляли служившіе въ Народной Кавалеріи — все благородные люди и притомъ въ новыхъ свѣжихъ мундирахъ. А на дворѣ непогодь.

Мы не замѣтили, какъ король подъѣхалъ. Вдругъ всѣ двери растворились и онъ вошелъ. Пушки салютовали его прибытіе. Съ королемъ былъ генералъ Комаржевскій и два пажа. Случилось это такимъ образомъ: Соскучившись ѣхать по глубокому снѣгу, въ тяжелыхъ экипажахъ, король пересѣлъ на сани оберъ-фурьеровъ съ Комаржевскимъ, пажами и че-

тырьмя человѣками прислуги, а пріѣхавъ въ Лабунь вошелъ въ комнаты внезапно, прежде чѣмъ успѣли замѣтить его прибытіе. Переполохъ впрочемъ скоро прошелъ. Король переодѣлся въ своемъ кабинетѣ и вышелъ къ гостямъ. Началось представленіе: г-жа Вороничъ, жена бельзкаго каштеляна, представляла дамъ, а Прушинскій представлялъ королю мужчинъ.

Утромъ въ день пріѣзда короля курьеръ привезъ краковскій хлѣбъ, подаваемый всегда къ королевскому столу. Хлѣбъ этотъ имѣетъ ту особенность, что не черствѣетъ никогда; пекутъ его большими булками, величиною въ каретное колесо.

Обѣдъ накрыли въ парадной залѣ на сто персонъ. За этотъ столъ, кромѣ короля, епископа Нарушевича, Комаржевскаго, Прушинскаго и Бышевскаго, сѣли однѣ дамы. Въ другомъ залѣ за особымъ столомъ на сто сорокъ персонъ усѣлись мужчины. За обѣдомъ пили здоровье Его Величества, стрѣляли пушки, а въ девять часовъ открыли балъ. Танцовать впрочемъ не танцовали, такъ какъ былъ великій постъ. Къ двѣнадцати король ушелъ спать.

На утро снѣгъ шелъ еще сильнѣе. Король выслушалъ литургію въ своей комнатѣ и въ двѣнадцать часовъ вышелъ къ гостямъ. Была пятница, за столомъ подавали великолѣпныхъ рыбъ, и вообще обѣдъ удался. Балъ открыли снова въ девять; и снова не танцовали по случаю поста. Былъ только концертъ: Пилецкій игралъ на гобоѣ и Каминскій на скрипкѣ. Король особенно былъ любезенъ съ княгинею Шуйской; всѣ замѣтили это и шептались; но я ничего не замѣчалъ. Слѣдующаго дня король подарилъ, въ память своей бытности, брильянтовые перстни Швейковскому и Букару; затѣмъ спросилъ: кто былъ старшимъ въ дворцовой лабунской службѣ;

указали на меня. И я получилъ отъ него въ подарокъ золотые часы и золотую цѣпочку къ нимъ.

Я упалъ къ его ногамъ и расплакался.

— Чего вы плачете! спросилъ король.

— Изъ благодарности, Ваше Величество!

— О, если бы весь мой народъ плакалъ только изъ благодарности и не зналъ иныхъ слезъ... сказалъ король въ полголоса. Для прислуги генералъ-адъютантъ передалъ мнѣ сто червонцевъ. Я очень гордился королевскимъ подаркомъ и готовъ былъ даже на лобъ его повѣсить. Дамы и мужчины съ любопытствомъ осматривали его. Офицерамъ король подарилъ серебряные часы. Въ десятомъ часу король уѣхалъ на лошадяхъ воеводы въ Чарторыю, гдѣ Кордышъ ожидалъ его къ завтраку. Оттуда онъ поѣхалъ въ Цудновъ къ Проту Потоцкому. Швейковскій, Букаръ и я поѣхали за королемъ. Мнѣ любопытно было посмотрѣть, какъ его будутъ принимать. Только всѣ эти пріемы не могли идти даже въ сравненіе съ нашимъ: дома, кухня и прислуга далеко уступали лабунскимъ. Мы потихоньку смѣялись надъ всѣми. Король поѣхалъ далѣе въ Бердичевъ, гдѣ его принимала княгиня Радзивилъ. Въ пятницу онъ пилъ кофе у кастеляншi Бужинской. Отсюда мы вернулись домой.

Судья Букаръ подарилъ королю коверъ собственной фабрики, тканый, очень большой и красивый. На немъ была надпись: работалъ А п а н а с ъ въ Янушполѣ. Король подарилъ этому Апанасу золотую медаль съ надписью Labori et deligentiae. Комаржевскому Швейковскій подарилъ великолѣпную лошадь своего завода.

Много было работы предъ пріѣздомъ короля; но послѣ его отѣзда хлопотъ явилось еще болѣе: надо было сводить счеты, платить всѣмъ и все приводить въ порядокъ. Прежде

всего рѣшено было покончить дѣла съ мошенникомъ поваромъ, упрекавшимъ насъ квашой и клецками. По контракту ему слѣдовало заплатить, затѣмъ отослать его въ Варшаву, но все наворованное разумѣется забрать обратно. У нѣмца оказалось подъ замкомъ двѣ большихъ комнаты и еще кладовая. Посланные мною Гржибовскій и Вернеръ потребовали ключей для ревизіи, но нѣмецъ ключей не далъ. Тогда отбили двери и забрали все украденное, а было разной провизіи, кофе, сахара, бульоновъ, винъ, шеколада, водокъ и прочаго столько, что всю мою квартиру загромоздили этими вещами.

Взбѣшенный нѣмецъ прибѣжалъ ко мнѣ и принялся ругать меня. Я далъ потихоньку знакъ стоявшему тутъ же Гржибовскому, и тотъ нѣмцу немного попортилъ прическу... Нѣмецъ схватился съ нимъ драться. Тутъ ужъ нечего было дѣлать: я велѣлъ людямъ взять нѣмца, растянуть его и отсчитать ему шестьдесятъ плетей. Сѣкли, такъ усердно, что нѣмецкіе панталоны разлетѣлись кусками. Какъ вора, пойманнаго съ поличнымъ, наказаннаго отвели въ кордегардію подъ арестъ. Цѣлую недѣлю нѣмецъ поправлялся пока всталъ на ноги. Заплатили ему тридцать червонцевъ, наняли пару лошадей въ Варшаву, согласно контракту и отправили. Оказалось однако, что нѣмецъ вмѣсто Варшавы уѣхалъ въ Броды (за границу); съ тѣхъ поръ ни ухо слышало о немъ, ни око его когда либо видѣло въ Польшѣ.

Покончивъ дѣла, я поѣхалъ въ Варшаву и лично сдалъ отчетъ во всемъ воеводѣ; расправу съ поваромъ воевода одобрилъ вполнѣ. Провизіи, украденной нѣмцемъ, когда мы возвратились всѣмъ дворомъ въ Лабунь, хватило на долго, такъ много оказалось всего отложеннаго нѣмцемъ.

Стемпковскій долженъ былъ дожидаться въ Варшавѣ воз-

вращенія короля, по той причинѣ, что король выбралъ его и еще четырехъ сенаторовъ для составленія временнаго регентства, пока самого не было въ столицѣ; по этой же причинѣ воевода не встрѣчалъ короля въ своей резиденціи, что́ впрочемъ не помѣшало пріему быть великолѣпнымъ. Король удивлялся великолѣпію дворца, и обходя комнаты втораго этажа очень хвалилъ ихъ меблировку и расположеніе. Часы, королевскій подарокъ, очень меня занимали: обѣдая я клалъ ихъ возлѣ себя, ложась спать—поблизости, чтобы слышать: идутъ ли. Года черезъ три часы пропали при случаѣ очень для меня трагичномъ. Воевода, утѣшая меня, подарилъ другіе—лучшіе, съ репетиромъ, съ тяжелой цѣпочкой и брилліантами. Всѣмъ я говорилъ, что эти послѣдніе—королевскій подарокъ, но настоящіе королевскіе остались въ Смоленскѣ. Пріемъ короля стоилъ милліонъ. Я для того помѣтилъ здѣсь всѣ, даже малозначущія подробности, чтобы показать съ какимъ радушіемъ принимали Его Величество. Стемпковскій былъ очень богатъ, но и для него такіе расходы были очень тяжелы; можно съ увѣренностью сказать: лабуньскій пріемъ едвали не былъ началомъ разстройства дѣлъ воеводы и его разоренія впослѣдствіи.

Послѣ возвращенія изъ Варшавы, ради того, что дворецъ былъ великолѣпно, по царски меблированъ, всякихъ заказовъ было много — въ гостяхъ тоже не бывало недостатка. Воевода дѣлалъ визиты сосѣдямъ и я ѣздилъ съ нимъ въ одной каретѣ. Лошади были великолѣпныя и запрягали ихъ цугомъ. Даже въ Варшаву мы ѣздили на своихъ лошадяхъ. Стемпковскій привезъ съ собою дипломы на ордена и другія привиллегіи для сосѣдей. Такъ Прушинскому пожалованъ былъ орденъ «Бѣлаго Орла», сыну его Іосифу – орденъ св. Станислава. Какъ они были довольны подарками Стемпковскаго

можно судить изъ того, что мнѣ однажды случилось ѣхать съ Іосифомъ Прушинскимъ въ прекрасномъ кабріолетѣ, четверкою великолѣпныхъ гнѣдыхъ лошадей. Я похвалилъ экипажъ и лошадей. Прушинскій на это сказалъ въ отвѣтъ:

— Вы, милостивый государь, ѣдете на своихъ лошадяхъ и въ своемъ экипажѣ!

Онъ подарилъ мнѣ всю запряжку вмѣстѣ съ кучеромъ и принудилъ меня не отказываться отъ подарка. Посылалъ воевода еще отвозить ордена — св. Станислава подкоморію Рыбинскому и Бѣлаго Орла — Бержинскому. Вездѣ сыпались подарки. Кабріолетъ и лошадей я продалъ за сто шестьдесятъ червонцевъ.

Пробылъ я при воеводѣ два года, два раза ѣздилъ съ нимъ въ Варшаву, гдѣ онъ засѣдалъ въ военной комисіи и государственномъ совѣтѣ; четыре раза онъ посылалъ меня развозить помѣщикамъ ордена и привиллегіи. Все это было для меня очень выгодно, а кромѣ того я успѣлъ завести довольно важныя связи по уѣзду и понялъ всю суть нашихъ тогдашнихъ общественныхъ дѣлъ. Воевода подъ конецъ сталъ употреблять меня даже въ весьма важныхъ дѣлахъ; при помощи постоянныхъ дѣлъ, которыя имѣла вся провинція съ лабуньскимъ дворомъ, я уже мечталъ кое что сдѣлать и для себя, чтобы получше устроиться. Но пребываніе мое у воеводы окончилось внезапно; мнѣ пришлось оставить Лабунь.

XXII. Вдова.

Прежде чѣмъ совершенно оставимъ Лабунь, резиденцію воеводы, не будетъ здѣсь излишнимъ разсказать одинъ очень характерный случай изъ моей лабуньской жизни. Въ Ла-

бунѣ всегда было великое множество гостей. Между прочими чаще другихъ гостила одна вдова, лѣтъ сорока, но еще очень миленькая. Нѣкогда она состояла въ близкихъ отношеніяхъ къ воеводѣ. Въ память прошлыхъ лѣтъ, воевода относился къ ней всегда съ глубокимъ уваженіемъ тѣмъ болѣе, что покойный мужъ ея тоже занималъ почетное мѣсто и сама она имѣла состояніе. Не хватало у нея нѣсколькихъ зубовъ, и бѣлила мало помогали уже, но.... Всѣ мы обязаны были угождать ей и угождали, а я болѣе всѣхъ. Вдова относилась ко мнѣ очень милостиво: трепала по щекамъ и гладила подъ бородой, какъ ребенка, хотя я былъ далеко не ребенокъ.

Однажды, въ день моихъ имянинъ, въ воскресенье, я являюсь въ отдѣленіе, гдѣ жила вдова; обо мнѣ доложили, и барыня приняла меня въ неглиже. Назвала меня юношей (мнѣ было тогда восемнадцать лѣтъ), объявила, что думала посылать за мною, взяла со стола приготовленную уже золотую табакерку и подарила ее мнѣ. Затѣмъ снова обласкала и даже поцѣловала. Табакерка была очень тяжела. Я смѣкнулъ въ чемъ дѣло и положилъ при такомъ удобномъ случаѣ не упустить блеснуть безкорыстіемъ. Открывъ табакерку и высыпавъ изъ нея червонцы, штукъ болѣе двадцати, я кланяясь очень низко заявилъ: табакерку беру какъ память дорогой для меня особы; денегъ не могу взять—малыхъ моихъ доходовъ для меня довольно.

Снова посыпались на меня ласки и любезности. Снова я кланялся, цѣловалъ руки и колѣни хорошенькой вдовы и намѣревался уже уйти.

— Что это такъ торопишься? Развѣ тебѣ скучно со мною.

— Весь вѣкъ готовъ пробыть, только бы мнѣ не запрещали этого, поспѣшилъ я отвѣтить.... Разговоръ завязался и

въ концѣ концовъ я былъ выбранъ kavaliere serviente. Это очень меня обрадовало; кромѣ любезностей, всего было довольно подарковъ, денегъ, разныхъ вещей до самыхъ ничтожныхъ частей моего гардероба. Все это дѣлалось при посредствѣ горничной—нашей общей повѣренной. Была эта дѣвица очень милая, я долженъ былъ быть съ нею очень учтивымъ—а грѣхъ силенъ: и тутъ не обошлось безъ любви. Вдова подмѣтила нашу взаимность. Сейчасъ же меня выгнала, горничную услала въ деревню, а на ея мѣсто явилась новая — настоящій уродъ. Спустя три дня вдова велѣла мнѣ явиться къ ней. Вхожу съ самой смиренной физіономіей, на меня сыплется градъ упрековъ—молчу.

— Чтожъ ты молчишь? спрашиваетъ она меня.

— Что же мнѣ отвѣчать! Я былъ подобно Адаму въ раю, Ева меня искусила, а вы выгнали насъ за грѣхи.

— Проси прощенія!

Пришлось стать на колѣни и просить прощенія. Меня разумѣется простили. Все это однако скоро надоѣло мнѣ до крайности, и я былъ доволенъ, услыхавъ, что воевода вскорѣ выѣзжаетъ въ Варшаву, и я ѣду съ нимъ.

Но не такъ-то легко было развязаться со вдовою. Она предложила мнѣ остаться у нея повѣреннымъ по дѣламъ, обѣщала дать 200 червонцевъ жалованья официальнаго и вчетверо столько же неофиціальнаго. Я отвѣчалъ, что родные отдали меня воеводѣ, и безъ его воли не могу покинуть его службы, авось думалъ я, воевода не согласится отдать меня. На утро зовутъ меня къ воеводѣ.

— Гмъ! мой юноша, воскликнулъ, увидавъ меня Стемпковскій, одна дама желаетъ имѣть тебя въ своей службѣ— у нея разумѣется приготовлено для тебя покойное и очень выгодное занятіе. Просила она меня отпустить къ ней, я согла-

сенъ... Мнѣ показалось даже, что воевода подсмѣивается при этомъ надо мною. Все это очень обидѣло меня.

— Я всей душой привязанъ къ вашей свѣтлости, отвѣчалъ я воеводѣ со слезами.—Я и не думаю никуда переходить на иную службу. Но что же дѣлать, если мои услуги лишнія, если я не могу заслужить вашей милости. Во всемъ этомъ дѣлѣ ничего инаго не могу усмотрѣть, какъ только одно желаніе избавиться отъ меня поскорѣе.

И тутъ началъ я еще сильнѣе плакать и растрогалъ воеводу.

— Успокойся! Если ты такъ ко мнѣ привязанъ, я тебя не отпущу и обѣщаю вывести въ люди. Но, признайся, какъ далеко зашла ваша дружба со вдовою?

— Не могу выдать тайны, меня заставили присягнуть все держать въ строгомъ секретѣ.

Стемпковскій развеселился.

— Если такъ, сказалъ онъ мнѣ, что же думаешь сдѣлать со вдовой.

— Право не знаю.

— Я тебѣ посовѣтую. Предложи, чтобы вышла за тебя замужъ. Согласится, тогда уже будь покоенъ, заставлю ее записать тебѣ хорошее состояніе. Но это едва ли случится: она горда и не захочетъ лишиться титуловъ покойнаго мужа.

Воевода совершенно угадалъ. При первой встрѣчѣ она мнѣ снова предложила перейти къ ней, а я сказалъ въ отвѣтъ: согласенъ, но только не иначе, какъ вашимъ мужемъ. Быть слугою, или еще чѣмъ-то хуже слуги, быть всегда въ зависимости,— какъ я ни бѣденъ, на такое положеніе согласиться не могу. Или подъ вѣнецъ, или какъ не горько мнѣ, а разумъ требуетъ, чтобы мы разстались. Вдова вспылила, осыпала упреками, и грозила, и проспла, но все было напрасно.

Наконецъ она предложила мнѣ въ аренду имѣніе, лежавшее рядомъ съ ея резиденціей, увѣряя, что въ такомъ положеніи я буду вполнѣ независимъ. И на это я не согласился.

— Обманщикъ, плутъ, измѣнникъ! Ты меня никогда не любилъ! крикнула разъяренная баба и захлопнула дверь мнѣ подъ самымъ носомъ. Я сейчасъ же все передалъ воеводѣ.

Наканунѣ отъѣзда нашего въ Варшаву вдова снова позвала меня.

— И такъ разстаемся?

— Къ крайнему моему огорченію должны разстаться, отвѣчаю ей.

— Хорошо же. Но помни присягу: тайна обо всемъ до гроба. Прощай!

И въ рукахъ моихъ очутился тяжелый свертокъ червонцевъ. На утро мы уѣхали въ Варшаву, а вдова отправилась въ свои имѣнія.

XXIII. Краковъ.

Въ Люблинѣ, засѣдателемъ въ трибуналѣ, отъ краковскаго воеводства, былъ въ описываемое время помѣщикъ Антоній Скорупко. Отецъ его, ловчій временъ короля Августа III, далъ ему на расходы 40.000 злотыхъ (6.000 р.) на годъ, но онъ ухитрился еще 50.000 задолжать. Жилъ онъ роскошно, по барски. Я съ нимъ сдружился. Домъ его въ Люблинѣ всегда былъ полонъ молодежью, столъ самый гастрономическій, увеселенія всякаго рода. Словомъ онъ привязывалъ къ себѣ людскія сердца всѣми возможными путями. И всѣ его любили. Онъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ,

на имянины, въ Краковъ, къ его отцу. Я конечно согласился. Желаніе видѣть древнюю столицу и ея вѣковые памятники много повліяло на мое согласіе. Всѣхъ насъ ѣхало шестеро, въ трехъ экипажахъ. И на утро послѣ нашего выѣзда мы уже увидѣли Краковъ.

По улицамъ, которыми мы ѣхали, поминутно встрѣчались величавыя зданія храмовъ въ строго готическомъ стилѣ — памятники долженствующіе говорить внукамъ о предкахъ и ихъ набожности. Не менѣе храмовъ удивляли насъ и толстыя стѣны старыхъ домовъ въ пять и шесть этажей, закоптѣлыя отъ времени, характеристическія особенности правовъ и временъ давно минувшихъ. Я склонялъ съ почтеніемъ голову передъ одиннадцати-вѣковою древностію.

Во дворцѣ Скорупковъ мы остановились съ моимъ пріятелемъ, и онъ представилъ меня своимъ родителямъ, принявшимъ меня очень любезно и предупредительно. И отецъ и мать оба были очень уже старые люди.

Отецъ былъ ловчимъ при дворѣ Августа III, жена его, очень хорошей фамиліи, воспитывалась въ домѣ маркграфовъ Пинчевскихъ въ званіи mademoiselle de compagnie. Согласно обычаямъ того времени, она вышла замужъ тридцати лѣтъ, а мужу ея было сорокъ лѣтъ. Старые хозяева мои любили разсказывать о прошломъ. Ловчій говорилъ о царствованіи Августа III, его дворѣ, охотѣ и кубкахъ, какими пили въ то время; о чрезвычайной силѣ короля, его пиршествахъ и посѣщеніяхъ помѣщичьихъ домовъ, послѣ которыхъ въ погребахъ ничего уже не оставалось. Любопытны были разсказы о бутылочныхъ поединкахъ, послѣ которыхъ часто слѣдовали въ награду отличившимся питухамъ цѣлыя староства, пенсіи и даже звѣзды ордена Бѣлаго Орла.

Хозяйка разсказывала объ обычаяхъ двора маркграфовъ

Пинчевскихъ, ихъ богатствахъ, этикетѣ почти царскомъ и о строгости, съ какой содержались многочисленныя надворныя дѣвицы. У маркграфа было на службѣ шестьдесятъ дворянъ изъ лучшихъ польскихъ фамилій и столько же благородныхъ юношей при комнатахъ. Всѣхъ ихъ безъ исключеній за малѣйшую провинность драли канчуками, давали по сто и болѣе ударовъ, но не иначе какъ на коврѣ. Слушая эти разсказы, я поспѣшилъ возблагодарить Бога за то что родился позже, иначе много бы пришлось мнѣ лежать на проклятомъ коврѣ и получать многія сотни плетей.

На утро, послѣ пріѣзда, въ день имянинъ ловчаго, былъ обѣдъ болѣе чѣмъ на сто особъ и вечеромъ балъ, на которомъ присутствовало до трехсотъ человѣкъ гостей. Меня представили всѣмъ и познакомили съ наиболѣе почетными гостями. Я былъ единственный помѣщикъ другого воеводства и въ мундирѣ кіевской провинціи, а поэтому общее вниманіе обращалось преимущественно на меня. Танцовалъ я хорошо, манеры у меня были тоже очень приличныя и мнѣ, искренно говоря, въ то время еще очень хорошо жилось на этомъ хорошемъ свѣтѣ. Перваго сенатора-каштеляна краковскаго не было въ городѣ, также и воевода краковскій Петръ Малаховскій находился въ отсутствіи. Но всѣ прочіе сенаторы и почетнѣйшіе обыватели Кракова присутствовали на обѣдѣ и на балу. За обѣдомъ подали громаднѣйшій, старинный кубокъ, вмѣщавшій въ себѣ слишкомъ три бутылки вина. Старшій гость, подкоморій Михаловскій, наполнивъ его, провозгласилъ здоровье хозяевъ и осушилъ двумя глотками. Изъ гостей едва двадцать рискнули выпить кубокъ, и только одинъ, войскій Іосифъ Хвалибогъ, выпилъ его въ одинъ пріемъ. Молодежи позволено было не осушать кубка, а хозяинъ, старикъ уже болѣе чѣмъ восьмидесяти-

лѣтній, правда выпилъ трехбутылочную чару, но не вдругъ, а малыми глотками.

Между гостями на обѣдѣ присутствовало около тридцати прелатовъ и канониковъ краковской каѳедры. Между ними былъ и ксендзъ Колонтай [1]), ректоръ академіи и референдарій литовскій. На утро я сдѣлалъ визиты многимъ изъ новыхъ знакомыхъ и въ теченіе шестнадцати дней, безъ перерывовъ, постоянно былъ приглашаемъ на обѣды и вечера, всякій день къ новымъ лицамъ. Духовенство все безъ исключенія было изъ знатныхъ фамилій; каждый, отъ прелата до каноника, имѣлъ звѣзду ордена св. Станислава, а половина по крайней мѣрѣ была украшена орденомъ Бѣлаго Орла. Ихъ жилища, столъ и обстановка такъ были богаты и великолѣпны, что необходимо было увидѣть все самому для того, чтобы повѣрить ихъ роскоши и великолѣпію. Сами богатые, всѣ они еще получали громадные доходы отъ своихъ духовныхъ мѣстъ.

Мнѣ показали древній маленькій костелъ, бывшій каѳедральнымъ во времена епископства св. Станислава, убитаго королемъ Болеславомъ Смѣлымъ. Исторія представляетъ намъ этого короля рыцаремъ и полководцемъ, расширившимъ извнѣ границы своихъ владѣній и устроившимъ королевство внутри. Скептическій духъ времени, въ то время когда я стоялъ у гроба св. мученика, еще имѣлъ на меня вліяніе, и мученикъ мнѣ тогда казался скорѣе жертвою своего собственнаго религіознаго фанатизма, чѣмъ дѣйствительнымъ защитникомъ святыхъ правъ религіи. Нынче, сознаюсь, думаю нѣсколько иначе: запутанное это дѣло нельзя такъ лег-

---

[1]) Впослѣдствіи знаменитый участникъ въ революціи Костюшки.

ко разрѣшать. Впрочемъ потомство уже осудило обоихъ — короля и епископа, намъ остается молчать.

Когда мы были съ визитомъ у ксендза Колонтая, онъ насъ принялъ такъ гордо и съ такимъ важнымъ видомъ, точно тогда уже предчувствовалъ, что вскорѣ сдѣлается министромъ. Но онъ вѣрно не предчувствовалъ, что судьба назначила ему умереть въ бѣдности и всѣми забытымъ. Домъ его былъ ужъ черезъ мѣру богато убранъ, можно сказать даже болѣе роскошно, чѣмъ приличествовало занимаемому имъ мѣсту. Въ Краковѣ его не очень любили за его жадность, его душу всецѣло занимали всякіе сборы и бенефиціи. Этой жадности и впослѣдствіи онъ никогда не могъ не только преодолѣть, но даже замаскировать.

Между особенностями Кракова, осматривалъ я и его предмѣстіе Казимиржъ, населенное множествомъ жидовъ; — оно грязно и неопрятно. Въ самомъ Краковѣ, съ давняго времени, жидамъ не позволялось не только селиться, но даже торговать и показываться на улицахъ. За то на Казимирскомъ предмѣстіи они нападали на проѣзжающихъ такъ же неотступно и нагло, какъ это у нихъ въ обычаѣ въ Бродахъ и Бердичевѣ, гдѣ отъ нихъ просто отбою нѣтъ.

Простившись съ гостепріимными хозяевами и всѣми знакомыми, на семнадцатый день, мы въ прежней компаніи возвратились въ Люблинъ.

XXIV. Трибуналъ.

Думаю, что мнѣ будетъ очень кстати здѣсь вспомнить о трибуналѣ. Учредилъ это судилище Стефанъ Баторій. Трибуналъ не былъ постояннымъ въ извѣстномъ городѣ, но попеременно засѣдалъ въ Піотрковѣ для провинціи Великой Польши и въ

Люблинѣ для малопольскихъ и русскихъ провинцій. Въ трибуналѣ засѣдали двадцать свѣтскихъ и десять духовныхъ депутатовъ. Первые избирались на малыхъ сеймахъ (seimikach), одновременно съ послами на сеймъ, духовные назначались капитулами каѳедральныхъ коллегій. Предсѣдательствовали надъ свѣтскими депутатами маршалъ трибунала, а надъ духовными президентъ; король назначалъ обоихъ изъ числа сенаторовъ и важнѣйшихъ прелатовъ. Никто жалованья не получалъ. Но король Станиславъ Августъ назначилъ, изъ своихъ собственныхъ доходовъ, маршалу въ годъ 40.000 злотыхъ (6000 р.) и президенту 30.000 злотыхъ (4.500 р.) на расходы и поддержку богатой обстановки, требуемой общественнымъ обычаемъ отъ маршала и президента трибунала. Деньги эти вмѣстѣ съ тѣмъ ставили и самый трибуналъ въ нѣкоторую зависимость отъ короля, что́ собственно и было цѣлью щедрости Станислава Августа. Первая судебная сессія, для Великой Польши, продолжалось съ 1 сентября по 19 марта; вторая—мало-польско-русская начиналась въ понедѣльникъ на ѳоминой недѣлѣ и оканчивалась 20 октября.

Власть трибунала была неограниченная и титулъ его: всепресвѣтлѣйшій трибуналъ. Для асистенціи и стражи ежегодно являлся пѣшій отрядъ, поступавшій подъ начальство маршала. Главная гауптвахта находилась въ ратушѣ, на ней стража помѣщалась утромъ отъ восьми до трехъ и послѣ обѣда отъ трехъ до восьми часовъ. Другая стража стояла во дворцѣ маршала на дворѣ и у дверей, а поручикъ являлся съ рапортомъ. Когда маршалъ шелъ на засѣданіе, войско ему отдавало почести, равныя королевскимъ; экзекуторъ несъ предъ нимъ жезлъ и серебрянную шкатулку, въ сопровожденіи четырехъ солдатъ и ефрейтора. Точно такія же почести отдавались и президенту, предъ которымъ экзекуторъ

несъ крестъ. Но ему начальникъ караула не рапортовалъ. Депутатамъ, стража дѣлала накараулъ гдѣ встрѣчала ихъ, не различая были они свѣтскіе, или духовные.

По воскресеньямъ у маршала былъ обѣдъ или балъ, по четвергамъ обѣдъ, ровно также обѣды и балы по праздникамъ и въ дни придворныхъ торжествъ. Президентъ давалъ обѣды по пятницамъ и по суботамъ, въ дни постные, какъ приличествуетъ духовной особѣ. Депутаты и лица, имѣвшія дѣла въ трибуналѣ, могли давать балы по понедѣльникамъ, вторникамъ и средамъ. Обычая этого строго придерживались въ мое время.

Во время засѣданій, въ городѣ постоянно было множество помѣщиковъ по дѣламъ, между прочими проживали и первѣйшіе магнаты и богачи. Болѣе пятидесяти присяжныхъ адвокатовъ состояли при трибуналѣ, и въ ихъ канцеляріяхъ занималась слишкомъ четыреста человѣкъ молодежи, большею частію принадлежавшей къ лучшимъ фамиліямъ въ краѣ. Здѣсь она изучала, кромѣ законовъ, свѣтскость, заводили знакомства съ знатными людьми, учились обхожденію и жизни. Все это наполняло и оживляло городъ. Присяжныхъ адвокатовъ призывали на конференцію по дѣламъ, съ ними всегда шли и ученики ихъ, чтобы слушая пріучаться практически понимать и разрѣшать юридическія трудности дѣлъ.

Магнаты, имѣя дѣла въ трибуналѣ, по обыкновенію пріѣзжали не только сами, но со всѣмъ семействомъ, резидечтами и резидентками (messieurs et mesdames de compagnie), прислугой и дворомъ. Въ мое время люблинскій трибуналъ не былъ уже совершенно такимъ, какимъ его описывали въ старое время (Досвятчинскій). Царствованіе Станислава Августа, если не могло перемѣнить сущности, по крайнѣй мѣрѣ наружно измѣнило многое, такъ напримѣръ: адвокаты, въ сво-

ихъ рѣчахъ, старались говорить чистымъ польскимъ языкомъ, безъ примѣсей варварской латини, что́ встарину считалось особеннаго рода красотой и щегольствомъ. Чѣмъ рѣчь, изуродованная латинизмомъ, была непонятнѣе и нелѣпѣе, тѣмъ ее считали за наиболѣе блестящую. Такъ испорченъ былъ вкусъ [1]). Адвокаты говорили съ памяти; большинство ихъ говорило такъ плавно и краснорѣчиво, что слушатель даже въ теченіе рѣчи, продолжавшейся два дня, мало уставалъ и слушалъ съ постояннымъ интересомъ. Все общество въ Люблинѣ носило національный польскій костюмъ. Въ 1788 году я видѣлъ, въ теченіе всей сессіи, только Н. Грохольскаго и Голуховскаго изъ Галиціи во фракахъ. Въ слѣдующемъ году всѣ впрочемъ снова и безъ исключенія одѣлись въ національный костюмъ. Но въ Варшавѣ фраки входили съ каждымъ годомъ въ большее и большее употребленіе. При дворѣ чины съ утра являлись въ мундирахъ своихъ воеводъ; только въ пятницу и суботу всѣ одѣвались въ черное. Кто носилъ кунтушъ не могъ являться безъ сабли; равно также обычай не дозволялъ носить круглую шляпу и палашъ. Круглая шляпа, по модѣ того времени, требовала только палки въ руки; каскетовъ и шапокъ нынѣшнихъ тогда не носили; исключеніе составляла одна конфедератка. На балы являлись въ великолѣпныхъ одеждахъ: въ жупанахъ изъ штофной матеріи или ліонскаго бархата въ златолитыхъ поясахъ; а сабли, пуговицы и другія украшенія обыкновенно дѣлались изъ драгоцѣнныхъ камней.

Власть трибунала, какъ мы уже сказали, была неограниченная; кромѣ уваженія и послушанія его авторитетъ все-

[1]) Іезуиты и ихъ школы, гдѣ латинскій языкъ былъ не только главнымъ, но чуть ли не единственнымъ серьезнымъ предметомъ изученія, ввели порчу языка и вкуса. По ихъ выраженію, это было классическое воспитаніе.

лялъ даже страхъ. Самое малое нарушеніе его привиллегіи наказывалось смертью. Въ мое время былъ случай подобнаго наказанія. Маршаломъ былъ Кржижановскій, каштелянъ санецкій; нѣкто Катерскій произвелъ въ зданіи ратуши внизу шумъ и драку и на другой день ему отрубили голову. Еще прежде, мнѣ разсказывали, въ бытность маршала Карвицкаго, во время ссоры въ трибуналѣ, при дверяхъ на выходѣ, одинъ изъ депутатовъ засѣдателей трибунальскихъ Сулижицкій обнажилъ саблю, и на утро его уже обезглавили предъ ратушей за такое нарушеніе уваженія къ высшему судилищу.

Молодежь, наполнявшая Люблинъ, имѣла свободный входъ во всѣ знатнѣйшіе дома; кто былъ разъ представленъ маршалу или президенту трибунала — считался разъ навсегда приглашеннымъ на всѣ обѣды и балы. Жизнь была веселая и роскошная. Мода на одежды и обычаи также часто измѣнялась, какъ и въ наше время: я помню, одно время въ Люблинѣ вошло въ обычай вмѣсто лакеевъ держать егерей, въ зеленыхъ фракахъ съ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ, въ треугольныхъ шляпахъ, съ охотничьемъ ножемъ вмѣсто оружія. Потомъ молодежь ввела между прислугой гусарскую форму, а во время четырехлѣтняго сейма, когда въ Польшѣ пробудился патріотизмъ и любовь къ національному, всѣ завели снова казаковъ въ своей службѣ. Князь Потоцкій самъ носилъ одежду, сшитую по рисункамъ одѣяній XV вѣка, а слугу своего, родомъ француза, по имени Перо (Peureaux), одѣлъ казакомъ, выбрилъ ему лобъ и назвалъ Покотило. Никто и узнать не могъ въ этомъ подбритомъ казакѣ уроженца береговъ Сены.

Дѣла, подлежавшія разсмотрѣнію трибунала, дѣлились на разныя категоріи и записывались въ разные регистры: обыкновенные тяжебные процесы составляли одинъ разрядъ,

тяжбы между духовенствомъ и свѣтскими людьми второй разрядъ, старыя дѣла послѣ комисіи сейма 1775 года — третій; споры по условіямъ, арендамъ и контрактамъ причислялись къ четвертой категоріи. Затѣмъ шли регистры уголовныхъ дѣлъ, дѣлъ уголовныхъ влекшихъ за собою смертную казнь и наконецъ дѣла по взысканіямъ и штрафамъ собственно не судебнаго, а исправительно-полицейскаго характера. Ихъ рѣшали по суботамъ. Къ дѣламъ тяжебнымъ, записаннымъ въ ординарный регистръ, избирались на малыхъ сеймахъ, для состоянія при трибуналѣ, отъ каждаго воеводства, писаря и коморники. Это были исполнительные чиновники при трибуналѣ.

Ратуша въ Люблинѣ, въ которой помѣщался трибуналъ, уцѣлѣла до настоящаго времени. Это очень большое и красивое зданіе. Въ немъ помѣщалась часовня Богоматери и въ ней ежедневно служилъ обѣдню трибунальскій капелянъ. Верхнія три огромныя залы занималъ собственно судъ. Одна зала была судебная, и двѣ рядомъ служили преддверіями суда. Въ залѣ засѣданія, на возвышеніи въ три ступени, стояло два кресла, обитыя пунцовымъ бархатомъ, съ залотыми галунами и кистями — для маршала и президента. Надъ ними висѣлъ портретъ короля Станислава Августа, работы Лампи, въ великолѣпныхъ рамахъ, съ гербами земель въ коронѣ, съ мечемъ и вѣсами правосудія въ рукахъ. Предъ этимъ изображеніемъ трона стоялъ столъ, окруженный тридцатью креслами для господъ депутатовъ, также обитыми пунцовымъ бархатомъ съ золотыми галунами и кистями. Все убранство трибунала каждый годъ перемѣняли, чтобы все это было блестяще и ново. Передъ маршаломъ на столѣ лежалъ его жезлъ, противъ президента — большой серебрянный крестъ. Тутъ же стояла серебрянная шкатулка филиграновой работы.

Противъ судейскаго стола, съ другой стороны стоялъ пюльпитръ, называемый почему-то рѣшоткой и предназначенный для адвокатовъ. На немъ также стоялъ крестъ, обращенный къ судьямъ, съ надписью: Judicia vestra judicabo. Вся зала вокругъ была уставлена диванами (lawami), обитыми краснымъ адамашкомъ, предназначенными для зрителей. Но судьи и адвокаты отдѣлялись отъ зрителей перегородкою въ два локтя вышиною. По правой сторонѣ судейскаго стола висѣлъ портретъ архіепископа примаса, по лѣвую — образъ св. Ивона, патрона трибунала, надъ входными дверями висѣлъ образъ св. Ѳомы.

Для того, чтобы засѣданіе трибунала считалось состоявшимся, необходимо было присутствіе, кромѣ маршала и президента, не менѣе шести депутатовъ. Во время моей бытности никогда не случилось, чтобы засѣданіе не состоялось за некомплектомъ. Дѣла докладывались и рѣшались слѣдующимъ образомъ: Прежде излагала дѣло сторона, начавшая искъ, потомъ излагала дѣло сторона отвѣтчика. За тѣмъ наступалъ разборъ и предъявленіе документовъ. Иногда въ судъ приносили цѣлые сундуки актовъ. Сущность документовъ, предъявляемыхъ суду, всегда должна была быть печатная. Экземпляры раздавались всѣмъ наличнымъ депутатамъ, маршалу, президенту и адвокатамъ обѣихъ сторонъ. Послѣ предъявленія документовъ шли рѣчи адвокатовъ. Кромѣ главной рѣчи, всякій адвокатъ, участвовавшій въ дѣлѣ, имѣлъ право говорить. Отсюда явился обычай приглашать по нѣскольку адвокатовъ по одному дѣлу. Въ одномъ изъ оконъ находилось возвышеніе для судебныхъ приставовъ (woznych); они объявляли открытіе засѣданія, вызывали кого было нужно и кричали: господа, тише! господа, не шепчите! Прошу васъ, господа, удалиться! Просимъ васъ дать дорогу свѣт-

лѣйшему многомочному маршалу, президенту, свѣтлѣйшимъ многомочнымъ кіевскому, волынскому и т. д. Такимъ образомъ титуловали трибунальскихъ депутатовъ, отъ имени воеводствъ, ихъ выбравшихъ. До объявленія рѣшенія, судьи изъ ратуши выйти не могли. Когда не было единомыслія въ рѣшеніи, приступали къ закрытой балотировкѣ. Пренія по выходѣ суда изъ залы засѣданія продолжались иногда по шести и восьми часовъ. Если голоса дѣлились поровну, голосъ маршала давалъ перевѣсъ, но маршалы не пользовались этою привиллегіею.

Важнѣйшимъ зломъ трибунальскаго судопроизводства было вліяніе магнатовъ при выборѣ депутатовъ на сессіи трибунала. Этимъ депутатамъ ихъ принципалы платили отъ себя жалованіе, и ихъ креатуры разумѣется дѣлали все имъ угодное. Рекомендація и протекція магната рѣшали дѣла. Впрочемъ въ числѣ депутатовъ было много и независимыхъ. Общественное мнѣніе строго слѣдило за лихоимствомъ, и всеобщее презрѣніе наказывало продажныхъ. Въ мою бытность въ Люблинѣ былъ одинъ случай подобной кары общесвеннаго мнѣнія: разнесся слухъ, что одинъ депутатъ взялъ 50 червонцевъ. Когда онъ выходилъ изъ ратуши его окружила цѣлая толпа, посыпались насмѣшки, брань; потомъ повсюду явились пасквили, налѣпленные на всѣхъ углахъ, и бѣднякъ долженъ былъ ночью бѣжать изъ города. По закону публикація рѣшенія и его окончательное изготовленіе, какъ бы не было запутано дѣло, должно было быть кончено въ три дня.

Закрывалась сессія трибунала 21 октября съ великимъ торжествомъ, это былъ день св. Ѳомы, и духовенство съ крестнымъ ходомъ, въ сопровожденіи войска, вмѣстѣ съ маршаломъ и президентомъ относило образъ Богоматери изъ ча-

совни при трибуналѣ въ монастырь ксендзовъ тринитаровъ, а на алтарь президентъ клалъ свой крестъ. Жезлъ маршала отдавался на сохраненіе земскому суду, вмѣстѣ съ серебряною шкатулкою.

XXV. Сеймъ въ 1788 году.

Съ начала этого года весь народъ былъ взволнованъ грядущими преобразованіями, которыя долженъ былъ совершить наступающій сеймъ. Литература много способствовала распространенію въ обществѣ мысли о необходимости реформъ; объ этомъ толковали и газеты и брошюры и серьезныя сочиненія, выходившія въ это время. На малыхъ предварительныхъ сеймахъ, на которыхъ выбирались послы на общій сеймъ, явилось множество кандидатовъ и еще больше выбирающихъ; всякій имѣвшій право голоса хотѣлъ имъ воспользоваться. Сченсный Потоцкій, воевода русскій, отказался отъ званія сенатора, чтобы имѣть право быть выбраннымъ посломъ на сеймъ. Онъ жслалъ быть маршаломъ сейма. Посломъ его выбрало брацлавское воеводство, въ которомъ лежала его резиденція Тульчинъ. Обычай и законъ дозволяли дворянству давать инструкціи выбранному имъ на сеймъ послу, и Потоцкій получилъ инструкціи, въ которыхъ требовалось: преобразованія войскъ республики, союзовъ съ сосѣдними державами, реформъ въ государственномъ управленіи, исходатайствованіе правъ для городовъ, для улучшенія ихъ быта и торговли, и самое важное — обезпеченіе личное и имущественное сельскаго населенія, бывшаго въ большомъ угнетеніи у землевладѣльцевъ. Послѣдній пунктъ очень не нравился дворянству, но Потоцкій постарался и при помощи денегъ добился включенія его въ инструкціи. Говорятъ, что мысль

объ улучшеніи быта крестьянъ принадлежала философу, поэту и либералу Трембецкому, котораго Потоцкій уважалъ и слушался. Послѣ этого предварительнаго сейма, Потоцкій добившись всего чего только желалъ сытнымъ угощеніемъ и попойками дворянъ, а еще болѣе щедрымъ обсыпаніемъ всѣхъ золотомъ, и снабженный документами земскаго выбора, поѣхалъ въ Варшаву съ великою пышностію со всѣмъ своимъ дворомъ и асистенціей друзей. Троихъ изъ русскихъ депутатовъ онъ взялъ на свое содержаніе. Цѣль его была получить званіе маршала сейма. Заслуги его и патріотизмъ были извѣстны всѣмъ. Еще на сеймъ въ Гроднѣ, въ 1784 г. онъ подарилъ республикѣ пѣхотный полкъ и обязался всегда содержать его на свой счетъ; кромѣ того подарилъ двадцать четыре орудія артиллеріи со всею прислугою, упряжью и офицерами, съ полнымъ годовымъ содержаніемъ всего этого отряда. Такіе подарки могъ дѣлать только король, и гродненскій сеймъ принялъ ихъ съ благодарностью. Но въ Варшавѣ Потоцкому съ перваго разу не совсѣмъ повезло. Онъ нашелъ уже тамъ сформировавшееся общество изъ Малаховскаго, Радзивилловъ, Чацкихъ, Игнатія и Станислава Потоцкихъ. Будучи богаче ихъ всѣхъ, онъ уступалъ каждому изъ нихъ относительно талантливости и разумѣется они скоро надъ нимъ взяли верхъ Сеймъ открылся и приступлено было къ выбору маршала. Отъ собственной Польши (Короны) кандидатомъ явился Сченсный Потоцкій, и ему только для виду, такъ по крайнѣй мѣрѣ ему сказали, поставили товарищемъ Малаховскаго. Но когда начали считать голоса, оказалось, что этотъ будто бы для виду только кандидатъ Малаховскій получилъ болѣе избирательныхъ голосовъ, чѣмъ самъ Потоцкій. На первый разъ однако разрыва не послѣдовало, и Сченсный, переломивъ свою гордость, самъ поѣхалъ по-

здравлять новаго маршала. Литва выбрала маршаломъ Казимира, Нестора Сапѣгу. Сеймъ 1788 году считался необыкновеннымъ, а сеймомъ конфедераціоннымъ (экстра-ординарнымъ). Сдѣлано это было въ виду того, что на обыкновенномъ сеймѣ существовало liberum veto, позволявшее одному уничтожать постановленіе всѣхъ, а на сеймахъ конфедераціонныхъ дѣла рѣшались по большинству голосовъ. Въ Варшаву, въ это время, собралось по крайней мѣрѣ одна пятая всего наличнаго дворянства. И самое начало сейма было бурливо и нѣсколько болѣе запальчиво, чѣмъ бы это слѣдовало, по отношеніямъ къ сосѣднимъ державамъ. Уничтожили сейчасъ же постоянный совѣтъ и потребовали вывода чужеземныхъ войскъ изъ земель республики, а національную армію положено увеличить до ста тысячъ человѣкъ. Сченсный совѣтывалъ дѣйствовать нѣсколько спокойнѣе, но его уже мало слушали. Онъ еще продолжалъ являться на сеймъ и говорилъ по всѣмъ поднимаемымъ вопросамъ. Но его и его партію Северина Ржевускаго, Касоковскаго и Браницкаго, называли уже консерваторами и не любили. Пасквили сыпались уже на его друзей, и только лично его еще не задѣвали. Противная партія, названная впослѣдствіи, патріотической, состояла изъ Малаховскаго, Станислава и Игнатія Потоцкихъ и Колонтая; она употребляла всѣ усилія, чтобы лишать консерваторовъ всякой популярности въ народѣ и успѣла въ этомъ. Терпѣнію Сченснаго Потоцкаго вскорѣ нанесенъ былъ послѣдній ударъ: многіе изъ дворянъ носили на своихъ мундирахъ цвѣты и шитье на воротникахъ, присвоенное гербу дома Потоцкихъ; дѣлалось это въ честь ихъ. Вдругъ, неизвѣстно по чьему примѣру, большинство дворянъ сорвало съ своихъ мундировъ эти цвѣта и шитье, и въ одну ночь двери дворца Сченснаго оказались увѣшанными и за-

бросанными этими отпоронными воротниками, лацканами и петлицами. Болѣе ядовито нельзя было уже оскорбить магната, и онъ оставилъ Варшаву и задумалъ новую гибельную для отечества комбинацію.

Я прожилъ въ Варшавѣ только двѣ недѣли и долженъ былъ ѣхать по дѣламъ въ Дубно.

XXVI. Князь Карлъ Радзивиллъ, воевода виленскій.

Въ 1789 году въ Варшавѣ, въ день св. Екатерины, князь Карлъ Радзивилъ давалъ блестящій балъ и обѣдъ. Въ этотъ день праздновалась годовщина коронаціи короля Станислава Августа и годовщина соединенія Литвы съ Польшею. На этотъ двойной праздникъ собралось все общество Варшавы; гостей приглашено было свыше четырехъ тысячъ; каждому послу сейма отъ Радзивилла прислано было по четыре билета. И я очень легко добылъ билетъ для себя.

Дворецъ Радзивилловъ былъ однимъ изъ самыхъ большихъ и великолѣпнѣйшихъ зданій Варшавы. Въѣхавъ на дворъ, мы подумали, что въ немъ пожаръ, такъ онъ ярко горѣлъ множествомъ огней, съ большимъ вкусомъ и симетріей расположенныхъ по всему корпусу. Сѣни, лѣстницы и галлереи выбиты были краснымъ сукномъ. Въ этомъ дворцѣ прежде помѣщались залы для дворянскихъ публичныхъ баловъ и театръ. Кромѣ ихъ, для гостей, открыли безчисленные ряды комнатъ. У дверей каждой комнаты стояло по два гайдука въ ливреѣ дома Радзивилловъ.

Три огромныя бальныя залы соединили въ одну, и въ ней поставили обѣденный столъ, такой огромный, что съ одного конца до другаго нельзя было узнать гостей въ лице. Четыре боковыя залы заставлены были то же столами, а въ

пятой залѣ, возлѣ громаднаго круглаго стола, въ сорокъ локтей въ окружности, сидѣлъ король и княжна курляндская (Бирономъ): а съ ними двадцать двѣ дамы изъ первыхъ фамилій королевства. По срединѣ королевскаго стола помѣщалось хрустальное украшеніе, изображавшее взятіе Гибралтара, саксонской фабрики Мейссенъ. Вилки, ложки, ножи и тарелки на этомъ столѣ были золотые. Въ большой залѣ, на столѣ, который казался безконечнымъ, весь столовый приборъ былъ изъ великолѣпнаго серебра, филиграновой работы. Вдоль обѣихъ стѣнъ стояли буфеты и буфетные столы, заваленные серебромъ, огромными серебряными лоханями для бутылокъ, кубками и посудой, носившей всѣ признаки древности временъ Ольгерда. Подносовъ, канделябръ, ножей, вилокъ, ложекъ, тарелокъ и прочаго вѣроятно было нѣсколько сотъ дюжинъ, въ залѣ было въ серебряныхъ подсвѣчникахъ и люстрахъ болѣе двухъ тысячъ свѣчъ. Кромѣ залы, гдѣ былъ король, еще три смежныя залы были завалены серебромъ и иллюминованы на диво. Богатство и пышность всего мною видѣннаго вообще трудно описать.

Все зданіе, для этого бала, было заново отдѣлано и выбито обоями изъ шелковой адамашковой матеріи съ золотыми галунами и кистями. Диваны и кресла вездѣ были обиты матеріей соотвѣтственнаго съ обоями цвѣта. Танцовали въ театральной залѣ, и король съ княжной курляндской открылъ балъ. Въ десяти смежныхъ съ танцевальною залою комнатахъ, любители картъ играли въ разныя игры. Когда подали ужинъ, вся масса народа двинулась изъ танцевальной и другихъ залъ въ столовую. Мы входили какъ въ волшебный замокъ, такъ все было великолѣпно. Кто вошелъ прежде и успѣлъ занять кресло, ужиналъ сидя. Но около трети гостей ѣли стоя у боковыхъ столиковъ. Я тоже ужиналъ стоя; та-

кимъ образомъ виднѣе было все происходившее; нельзя было сдѣлать шагу, чтобы не встрѣтить какого-нибудь честнаго литвина съ блюдомъ, упрашивавшаго кушать больше. Заглянулъ я въ королевскую залу. Ужинъ начался устрицами, привезенными изъ Гамбурга на почтѣ. Нѣсколько сотъ блюдъ ихъ вѣроятно съѣли. Обиліе угощеній было баснословное; едва исчезало одно блюдо, являлись сейчасъ же другія; шампанскаго выпили нѣсколько тысячъ бутылокъ, не считая множества другихъ старыхъ винъ и водокъ. На боковыхъ столикахъ поставлены были головы дичи, окороки, цѣлыя серны, рыбы на холодное и т. п.

Подъ конецъ ужина подали десертъ. Въ одно мгновеніе все серебро, покрывавшее столы, исчезло и замѣнилось безчисленными десертными приборами.

Князъ Радзивиллъ расхаживалъ по всѣмъ комнатамъ, гдѣ ужинали, повторяя одни и тѣ же слова:

— Пане коханку (Возлюбленные господа)! не ѣдите, не пьете—не любите Радзивилла, не милостивы къ нему.

Въ отвѣтъ ему кричали: за здоровье князя, и выпивали бокалы.

Ужинъ продолжался около трехъ часовъ. Прислуга, очень многочисленная и прекрасно обученная, вся была одѣта въ униформъ дома Радзивилловъ. Дворцовая комнатная служба— въ желтыхъ атласныхъ жупанахъ, въ голубыхъ кунтушахъ съ толстыми золотыми шнурками, пуговицами и кистями; въ слуцкихъ златолитыхъ поясахъ съ саблями у бока, съ шапкой и лосинными перчатками за поясомъ. Гайдуки, паюки и лакеи—въ ливреяхъ этихъ же самыхъ цвѣтовъ, но съ отдѣлкой изъ шелковыхъ шнурковъ. Все серебро и вся посуда были съ гербами Радзивилловъ. Праздникъ этотъ по общему говору стоилъ слишкомъ два милліона злотыхъ

(болѣе 300.000 р.). Это былъ послѣдній праздникъ великаго магната, такъ какъ онъ вскорѣ умеръ.

Радзивиллъ былъ самый знатный и наиболѣе богатый между литовцами; по древности рода и родству, чрезъ Ягелловъ, со многими царствующими домами Европы, онъ превосходилъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ. Князь Карлъ росту былъ менѣе даже чѣмъ средняго, очень толстый и одѣвался всегда по старо-польскому, чаще всего являлся въ мундирѣ виленскаго воеводы: гранатнаго цвѣта кунтушъ, жупанъ и отвороты малиновы и золотыя пуговицы. Сабля, осыпанная крупными брилліантами въ золотыхъ ножнахъ, лосинныя перчатки за поясомъ, а на головѣ малиновая конфедератка. Носилъ онъ длинные усы и подбривалъ лобъ. На темени у него былъ паростъ величиною съ волошскій орѣхъ. И самъ воевода и всѣ литвины носили широкое и даже мѣшковатое платье, это у нихъ считалось старосвѣтскою модою, которой всѣ охотно придерживались.

На прогулки, въ театръ и въ садъ князъ Карлъ всегда ходилъ пѣшкомъ, съ цѣлою огромною толпою асистентовъ—помѣщиковъ литовскихъ и польскихъ, такъ что встрѣчнымъ трудно было пробраться чрезъ эту толпу. Во время поѣздовъ на аудіенцію къ королю въ Лазенки, или въ засѣданіе сейма, асистенція его была такъ велика, что самъ князь входилъ уже въ подъѣздъ зданія сейма и въ замокъ, а послѣдніе экипажи его свиты еще только выѣзжали изъ радзивилловскаго дворца.

Въ театрѣ онъ никогда не садился въ ложѣ, но всегда въ партерѣ, и тогда весь партеръ закупалъ для своей свиты. Идучи въ театръ, кто бы ему не встрѣчался, хотя бы почти совсѣмъ незнакомый, всякаго приглашалъ идти съ собою на представленіе.

О личности, образѣ мыслей и характерѣ князя Карла Радзивилла можно сказать многое: онъ былъ искренній патріотъ, и изъ любви къ родинѣ самъ лично вытерпѣлъ не мало и потерялъ нѣсколько десятковъ милліоновъ. Ему все было дорого что только было родное; все то сохранялъ что завѣщала старина. Нововведеній не любилъ и боялся. Многихъ сыновей литовскихъ помѣщиковъ, своихъ кліентовъ (а кто же въ то время не былъ кліентомъ Радзивилла) и даже дѣтей людей не дворянскаго сословія, онъ на свой счетъ высылалъ заграницу, если замѣчалъ въ нихъ таланты и способности. Многіе изъ нихъ впослѣдствіи были полезными людьми въ отечествѣ. Всякій разъ когда ему докладывали, въ несвижскомъ замкѣ, что возвратясь изъ-за границы кто нибудь изъ его воспитанниковъ желаетъ ему представиться, онъ восклицалъ:

— Пане коханку! пойдите-ка посмотрите: съ косою онъ? въ нѣмецкихъ-ли плюндрахъ (во фракѣ и узкихъ брюкахъ)? Подъ нѣмецкою одеждою не можетъ биться литовское сердце, а какъ свѣтъ стоитъ свѣтомъ—полякъ нѣмцу не можетъ быть братомъ...

Князь понималъ, что заграницей невозможно было студенту или артисту одѣваться по-польски. Но по возвращеніи домой требовалъ отъ своихъ воспитанниковъ, чтобы они сейчасъ же одѣлись по-польски: въ жупанъ, кунтушъ, съ саблей, подбритымъ лбомъ, въ конфедераткѣ съ лосинными перчатками за поясомъ. Въ иномъ платьѣ нельзя было добиться ауедіенціи въ Несвижѣ.

Князя обвиняли, что онъ въ разговорахъ со своими дворянами лгалъ безъ всякаго стыда и зазрѣнія совѣсти о своихъ никогда небывалыхъ приключеніяхъ. Но это была только шутливость, забава отъ скуки, не болѣе. Онъ, напри-

мѣръ, разсказывалъ будто служилъ поваренкомъ у нѣкоего Галѣцкаго, съ которымъ ежедневно ходилъ пѣшкомъ на охоту; при взятіи Гибралтара, увѣрялъ, будто вскочилъ на крѣпостной валъ на половинѣ лошади, а другую половину — заднюю, въ это же время оторвало ядромъ... Вѣдь это справедливо? свидѣтельствовался князь кѣмъ нибудь изъ своихъ приближенныхъ — Боровскимъ или Володкевичемъ. «Очень можетъ быть, князь, что именно такъ и случилось, отвѣтилъ однажды который-то изъ нихъ, но я свидѣтельствовать не могу: я въ то время былъ уже убитымъ... «Князь Радзивиллъ любилъ описывать какъ онъ на веревкѣ влѣзъ разъ на небо и видѣлся тамъ съ Іисусомъ Христомъ, Богородицею и съ святыми. Во всѣхъ его разсказахъ было больше необузданной фантазіи, чѣмъ остроумія, но и остроуміе иногда проглядывало: князь Карлъ, принадлежавшій къ Барской конфедераціи, таилъ въ душѣ неудовольствіе на новые порядки и покрывалъ обиду, нанесенную своему самолюбію, покровомъ шутливости и легкомысленнаго балагурства. Онъ ненавидѣлъ Станислава Августа, его дворъ, французскія моды и прочія нововведенія, называвшіяся у насъ тогда цивилизаціей; всего этого онъ избѣгалъ, и отъ нечего дѣлать разъѣзжалъ съ своимъ дворомъ изъ одного имѣнія въ другое своихъ огромныхъ владѣній и имѣній своихъ кліентовъ, занимаясь охотой, питьемъ и пирами, не зная какъ иначе убить свободное время. Его характеръ портила привычка къ обществу себѣ подчиненныхъ людей; онъ совершенно замыкался въ себѣ самомъ и своей княжеской гордости; только при помощи странныхъ выходокъ и шутокъ могъ онъ находить способъ становиться на равную ногу съ окружающими его людьми. Съ поваренкомъ Галѣцкаго легче было говорить и шутить, чѣмъ съ воеводою виленскимъ. Окруженный

людьми, которыхъ самъ вывелъ изъ ничтожества или которые вполнѣ отъ него зависѣли, онъ, разумѣется, не стѣснялся и вралъ, по пословицѣ: все что слюна на языкъ ему принесла.

Иногда съ тоски и отъ нечего дѣлать въ немъ проявлялась фантазія Нерона и Гелеогабала: онъ воевалъ съ небывалыми непріятелями, съ ума сходилъ, вралъ и сумасбродничалъ, точно пробуя до какой границы можетъ дойти придворная низкопоклонность. Онъ такъ отлично привыкъ къ своимъ выдумкамъ, что какъ будто и самъ увѣровалъ въ ихъ правду. Въ его шуткахъ очень часто слышны были львиные когти, но еще чаще—львиное великодушіе.

О немъ существуетъ очень много анекдотовъ. Окончу мой очеркъ разсказомъ слѣдующаго случая: Яшевскій, варшавскій купецъ, открылъ магазинъ, наполненный разными товарами, по преимуществу новинками, въ Польшѣ еще неизвѣстными. На новости всѣ бросились охотно. Князь Радзивиллъ также ношелъ съ асистенціей осмотрѣть магазинъ Яшевскаго. Все ему понравилось, хотя онъ поверхностно оглядѣлъ товары. Онъ палкою обозначилъ на полкахъ отъ одного мѣста до другаго и велѣлъ все это уложить для себя и отослать. Яшевскій очень былъ радъ и указывая князю на корзину англійскаго пива, предложилъ: не желаетъ ли князь попробовать пива, лондонскаго разлива?

— Прикажи, пане коханку, пусть подадутъ попробовать каждому изъ асистентовъ. Начали пробовать и выпили двѣсти бутылокъ. Князь тоже выпилъ глотокъ.

— Хорошо. А много у тебя этого пива?

— Четыре тысячи бутылокъ.

— Уложить всѣ. Для Радзивилла пригодятся...

Не взирая на страшныя траты и дорогіе подарки, имъ

щедро раздаваемые, послѣ его смерти Михаилъ Радзивиллъ, тоже воевода виленскій, назначенный администраторомъ, получалъ до пяти милліоновъ ежегоднаго дохода. При этомъ слѣдуетъ помнить, что управленіе радзивилловскими имѣніями было во время князя Карла очень плохое: сотни тысячъ стоющіе фольварки были отданы въ аренду за нѣсколько сотъ злотыхъ. Судите, каковы же должны были быть имѣнія Радзивилла, когда и при такомъ управленіи они могли тогда давать по пяти милліоновъ злотыхъ дохода (750.000 руб. сер.).

XXVII. Кризисъ.

Изъ Варшавы я выѣхалъ вмѣстѣ съ воеводою Стемпковскимъ; онъ отъ станціи Млыновъ поворотилъ въ Лабунь, а я на ярмарку (kontrakty) въ Дубно. Здѣсь встрѣтились мы съ судьей Букаромъ и дядей моимъ, который выдалъ мнѣ мое годичное отъ него жалованье. За годъ передъ этимъ онъ обѣщалъ давать мнѣ ежегодное жалованье и постоянно поддерживалъ меня. Дѣла воеводы, мнѣ довѣренныя, въ Дубнѣ пошли также хорошо, и я, благодаря всему этому, находился въ довольно хорошемъ денежномъ положеніи. Здѣсь будетъ кстати сказать обстоятельнѣе кое-что о дѣлахъ ярмарки въ Дубнѣ.

Князь Потемкинъ, предводитель русской арміи въ войнѣ противъ турокъ и покоритель Очакова, купилъ у князя Ксаверія Любомирскаго громадныя его имѣнія въ Украинѣ — Смѣлянскія, за двадцать милліоновъ злотыхъ (3.000.000 р.). Вслѣдствіе этого въ Дубно привезено было два милліона русскихъ рублей новаго чекана, не бывшихъ еще въ жидовскихъ рукахъ и необрѣзанныхъ. Такой неожиданный приливъ мо-

неты произвелъ у насъ настоящій хозяйственный и денежный кризисъ. Измѣнились цѣны аренды съ рабочей души, измѣнились количество процентовъ и цѣна продуктовъ. Въ 1787 и 1788 годахъ платили аренды съ рабочей души 15 грошей, корецъ ржи стоилъ два злотыхъ и проценты стояли по восемь и даже девять со ста. Теперь цѣна съ рабочей души возвысилась на два злотыхъ, процентъ упалъ на пять и самое больше — шесть со ста. За корецъ ржи платили, одно время, тридцать злотыхъ (4 р. 50 к.). Послѣднему поднятію цѣнъ способствовали громадные подряды для сто тысячной русской арміи, стоявшей надъ Дунаемъ и продовольствіе для которой, по приказанію свѣтлѣйшаго Потемкина, заготовлялось исключительно въ нашихъ провинціяхъ. Въ Смѣлянскихъ имѣніяхъ князя Потемкина ни одна деревня не была отдана въ аренду, и громадные запасы немолоченнаго хлѣба, лежавшіе многіе годы на украинскихъ гумнахъ, были обмолочены, и всѣ безъ остатка ушли въ армію. Это время—денежное и удобное для оборотовъ, положило начало тѣхъ большихъ состояній, которыя впослѣдствіи пріобрѣло украинское дворянство, до тѣхъ поръ занимавшееся только службою при дворахъ магнатовъ.

Изъ Дубна я возвратился въ Лабунь и по обыкновенію вмѣстѣ съ воеводою объѣзжалъ окрестныхъ помѣщиковъ. Въ день св. Іосифа праздновались имянины воеводы; въ числѣ гостей былъ и отецъ Смогоржевскій, митрополитъ восточныхъ христіянъ. Положено было требовать для него мѣсто въ сенатѣ между римско-католическими епископами; послѣ многихъ измѣненій и колебаній постановили представить королю петицію объ этомъ. И спустя нѣсколько дней я съ этой петиціей долженъ былъ ѣхать къ королю и представить ее; кромѣ того Стемпковскій далъ мнѣ еще особое

письмо къ его величеству, прося протекціи и помощи по своимъ частнымъ дѣламъ въ люблинскомъ трибуналѣ.

. Въ Варшавѣ я былъ два раза у короля и представлялся маршаламъ сейма; Король особенно живо заинтересовался положеніемъ личныхъ дѣлъ Стемпковскаго, много разспрашивалъ меня и съ сердечною готовностью далъ мнѣ письмо къ Кицкому — тогдашнему маршалу трибунала и ксендзу Липскому, бывшему президентомъ. По дѣлу Смогоржевскаго тоже начали дѣйствовать. Сеймъ продолжался въ томъ же направленіи, но теперь уже рѣзко раздѣлялись партіи — прусская и русская. Первая называлась патріотической и имѣла, какъ тогда казалось, на своей сторонѣ справедливость. Ею руководилъ прусскій посолъ Люкезини, и къ нему были устремлены надежды патріотовъ. Сеймъ постановилъ увеличеніе войска, но суммъ на его содержаніе до сихъ поръ еще не было. Всѣ кричали: необходимы новыя подати для содержанія войска, необходимо увеличить доходы государства, но ни одинъ проектъ по части налоговъ не могъ пройдти на сеймѣ. Пренія и оспариванія частностей занимали все время засѣданій, когда же наконецъ приходилось мотивировать налогъ—большинства не оказывалось. Истинные приверженцы реформъ писали и еще болѣе говорили о необходимости новыхъ налоговъ, но большинство боялось ихъ и не дозволяло утвердить закона. Только съ большими трудностями успѣли провести постановленіе о налогѣ съ доходовъ 10% съ частныхъ имуществъ и 15% съ духовныхъ и королевскихъ (государственныхъ) имѣній. Назначены были въ воеводствахъ комисіи для приведенія въ извѣстность наличнаго имущества и доходовъ, и сеймъ съ своей стороны назначилъ уполномоченныхъ.

Князь Потемкинъ, который еще въ 1775 г., вмѣстѣ со

многими другими русскими генералами, получилъ званіе польскаго дворянина, теперь натурализовался (сталъ активнымъ членомъ республики). И какъ членъ государства, подарилъ двѣнадцать пушекъ съ гербами Польши, съ полной амуниціей и службой, взятой изъ смѣлянскихъ волостей. Сеймъ принялъ подарокъ [1]).

XXVIII. Дальнѣйшія дѣйствія на сеймѣ.

Умеръ ксендзъ Чернышъ, епископъ Холмскій, вице-канцлеръ польскій. Его мѣсто занялъ ксендзъ Гуго Колонтай, сдѣлавшійся министромъ изъ ректоровъ академіи. Мѣсто это всегда занималъ кто нибудь изъ представителей знатнѣйшихъ фамилій, и Колонтай вслѣдствіе своего возвышенія заслужилъ ненависть знатныхъ. Онъ присоединился къ партіи патріотовъ: Малаховскому и двумъ Потоцкимъ. Колонтай, Ѳадей Чацкій и Потоцкіе занялись составленіемъ конституціи, но въ чемъ именно состояла ея сущность было покрыто покровомъ глубочайшей тайны.

Въ то время разошлись Богъ вѣсть кѣмъ распущенныя вѣсти о готовящейся на Украинѣ новой рѣзни, въ родѣ уманьской, бывшей въ 1768 году. Вѣсти, неизвѣстно кѣмъ пущенныя, пріобрѣтали съ каждою минутою болѣе и болѣе довѣрія въ обществѣ. Обвиняли сосѣднія державы, будто бы

---

1) У издателя этихъ мемуаровъ (І. Крашевскаго) имѣется подлинное письмо Потемкина, писанное къ князю Сапѣгѣ, маршалу сейма, еще предъ покупкою имѣній въ Украинѣ, въ которомъ этотъ Свѣтлѣйшій проситъ продолжить ему срокъ, данный для покупки имѣній въ Польшѣ, при этомъ онъ присовокупляетъ, что онъ не только дворянинъ польскій въ силу привилегіи, но и по рожденію — полякъ, такъ какъ его фамилія польскаго происхожденія. Письмо писано по французски, немного попорчено, но, какъ увѣряетъ Крашевскій, подлинное.

намѣревавшіяся взять гайдамаковъ подъ свое покровительство; обвиняли и слѣдили за уніатскимъ духовенствомъ. Оно ничего не замышляло, но вытерпѣло очень много. Арестовали архіерея въ Слуцкѣ, схватили многихъ игуменовъ въ монастыряхъ и захватывали монаховъ, разъѣзжавшихъ по своимъ дѣламъ. Всѣхъ арестованныхъ присылали въ Варшаву. Архіерея Садковскаго и протоіерея Островскаго посадили во дворецъ Красинскихъ, остальныхъ—въ зданіе пороховаго магазина. Сеймъ назначилъ делегатовъ для надзора за этимъ процесомъ и еще болѣе придалъ важности этому дѣлу и достовѣрности подозрѣніямъ. Подъ конецъ распустили слухъ, будто бы захвачено нѣсколько возовъ старовѣровъ (филипоновъ), везшихъ ножи для гайдамаковъ, особенной и страшной формы, съ какими то крючками для вытаскиванія внутренностей изъ живыхъ людей и съ особенными зубцами, для увеличенія страданій раненыхъ. Въ Варшавѣ изъ бумаги вырѣзывали подобные ножи и разсылали повсюду.... Дамы, со страха, при видѣ ихъ, падали въ обморокъ. Мужчины, по пословицѣ: при горѣ хмѣль очень къ кстати— пили старое венгерское. Много и я самъ выслалъ въ провинціи подобныхъ бумажныхъ ножей. Но никто, ни въ столицѣ, ни въ провинціяхъ, не могъ похвалиться, что видѣлъ хотя бы одинъ подобный ножъ, сдѣланный изъ желѣза. Въ Литвѣ утверждали, что ножи захвачены на границахъ кіевскаго воеводства; въ Польшѣ напротивъ увѣряли, что транспортъ ножей пойманъ на границахъ Литвы. Что касается кіевскаго воеводства, тамъ страхъ такъ былъ великъ, что нельзя было даже добиться откуда идутъ вѣсти.

XXIX. Кіевская милиція.

Ужасы эти были поводомъ собранія дворянъ кіевскаго воеводства въ главномъ городѣ Житомірѣ, гдѣ они постановили обезпечить край, на случай гайдамацкаго бунта, милиціей. Она должна была состоять изъ дворянъ и быть одѣтою въ мундиръ воеводства: голубой съ чернымъ. Ставилъ рекрутовъ кто сколько могъ: двадцать, десять, пять и даже одного человѣка, по возможности. Надъ этимъ корпусомъ начальство ввѣрено отставному генералу Сулижицкому, съ правомъ давать другимъ офицерскіе дипломы. Постановленіе это было отослано въ Варшаву въ руки маршаловъ сейма Малаховскаго и Сапѣги и сообщено военной комисіи. Сеймъ утвердилъ постановленіе, а военная комисія прислала на помощь три полка. Но все это, при громадности земель воеводства, было ничтожно, и весь край могъ бы погибнуть прежде, чѣмъ разбросанныя силы милиціи успѣли сосредоточиться. Разосланы были циркуляры къ городскимъ старостамъ строго судить и наказывать всякую попытку къ бунту. Всѣ такъ усердно взялись искоренять бунтъ, что по истиннѣ много невинныхъ погибло отъ рукъ палача въ Житомирѣ. Арестовывали за самую малость: сказалъ ли кто въ пьяномъ видѣ подозрительное слово, погрозилъ ли, обидѣлъ ли эконома и не могъ заплатить за вину — всякаго обвиняли, судили и казнили. У страха глаза велики, и всѣмъ еще были въ свѣжей памяти недавніе ужасы рѣзни. Потоцкій протестовалъ противъ такого терора, писалъ, уличалъ во лжи и какъ лучше другихъ знающій обстоятельства, живши въ своемъ имѣніи, требовалъ прекращенія казней, но его не слушали. Впослѣдствіи открылось, что вся эта тревога была безосновательна. Архіерей Садковскій и монахи сидѣли подъ арестомъ; сеймъ

неизвѣстно дѣйствовалъ или нѣтъ по ихъ дѣлу, но ничего не открылъ, вѣрнѣе не хотѣлъ открыть. Такъ все это дѣло и закрыто было молчаніемъ. Одинъ только былъ случай рѣзни помѣщиковъ, но онъ не имѣлъ никакой связи съ гайдамацкимъ бунтомъ. Въ Невѣрковѣ зарѣзано было семейство Вылежинскихъ, всего погибло девять человѣкъ и въ числѣ ихъ одна дѣвица, только наканунѣ изъ Варшавы пріѣхавшая изъ пансіона. Убійцы — кучеръ и лакей, скоро были открыты. Имъ помогла горничная, любовница лакея, отворившая двери убійцамъ; ее тоже зарѣзали, чтобы сохранить тайну. Луцкій городской судъ пріѣхалъ на мѣсто, произвелъ слѣдствіе и казнилъ виновныхъ казнью отцеубійцъ. Имъ сначала сожгли руки, а потомъ ихъ четвертовали. Случай этотъ, по слухамъ преувеличенный и извращенный, еще бобѣе усилилъ общую панику.

XXX. Петръ Потоцкій.

Сеймъ продолжался въ томъ же самомъ направленіи. Между иными постановленіями сеймъ назначилъ посланниковъ къ важнѣйшимъ изъ сосѣднихъ дворовъ. Петръ Потоцкій, староста и шефъ полка, пользовавшійся популярностью въ народѣ, назначенъ былъ въ Стамбулъ. Обычай существовалъ, чтобы посолъ, вновь назначаемый къ Высокой Портѣ, подносилъ богатые дары султану, великому визирю и другимъ сановникамъ. Потоцкій самъ на свой счетъ этого сдѣлать не могъ, а республика скупо платила своимъ представителямъ. Богатѣйшіе вельможи Польши и Литвы порѣшили сдѣлать складку на покупку даровъ въ Стамбулъ, только чтобы не дать унизить свое отечество. Въ особенности много дали: князь Карлъ Радзивиллъ, Чарторійскіе, Любомирскіе и

Сангушки. Дары были привезены въ Варшаву и залы, ими уставленныя, были открыты для публики отъ 9 до 2 часовъ пополудни. Я тоже осматривалъ эти дары. Господи! сколько тамъ было богатствъ, свидѣтельствовавшихъ о могуществѣ магнатскихъ фамилій. Тамъ было великое множество серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, сосудовъ осыпанныхъ драгоцѣнными каменьями, сѣдла, сбруя, часы, сабли и разныя матеріи, которыхъ перечислить и упомнить нѣтъ возможности. Знатоки цѣнили эти дары въ шесть миліоновъ злотыхъ (900.000 руб.). И все это были напрасныя траты. Турецкое министерство не склонилось на нашу сторону. Петръ Потоцкій былъ, впослѣдствіи, кіевскимъ губернскимъ маршаломъ и умеръ въ этой должности, пользуясь до смерти общимъ уваженіемъ.

XXXI. Адамъ Ржевускій.

Адамъ Ржевускій былъ назначенъ посланникомъ въ Данію. Онъ задумалъ явиться къ датскому двору одѣтый въ старосвѣтскій польскій костюмъ. Ржевускій былъ всегда ко мнѣ хорошо расположенъ. Я бывалъ у него почти каждый разъ, когда онъ готовился въ дорогу въ Копенгагенъ. Онъ квартировалъ во дворцѣ Радзивилловъ. Рабочіе торопились оканчивать костюмы для него и для свиты; ювелиры работали подъ его личнымъ надзоромъ. Привезено было множество портретовъ XV, XVI и XVII вѣковъ, чтобы держаться покроя платьевъ старопольскихъ модъ; платья всѣ были изъ парчи, бархата и шелка. Привезены были старыя сѣдла и сбруи, сабли, шапки и все прочее, необходимое для полнаго костюма стараго времени. У посла и свиты было четыре перемѣны платья, не считая множества разныхъ

кунтушей и жупановъ. Были пояса персидскіе и турецкіе, а также и слуцкіе, не уступавшіе первымъ красотой и доброкачественностью.

Одна матерія изъ ліонскаго шелка очень мнѣ понравилась: на пунцовомъ фонѣ были золотыя полосы. Брали ее для посла у купца Яшевича, и я еще успѣлъ захватить для себя шестнадцать локтей этой матеріи и платилъ за локоть по двадцати пяти злотыхъ (3 р. 75 к.). Когда все было готово, король далъ ему прощальную аудіенцію. Ржевускій поѣхалъ въ замокъ на черномъ арабскомъ конѣ въ такой богатой сбруѣ, что одно сѣдло, усыпанное драгоцѣнными камнями, стоило сорокъ тысячъ червонцевъ (120 000 р.). Я осматривалъ это знаменитое сѣдло нѣсколько разъ и признаюсь: великолѣпнѣе никогда не видывалъ. Стремена и обѣ луки у сѣдла были золотыя и украшены бриліантами; вся остальная сбруя, по пунцовому полю, усажена золотыми съ бриліантами бляхами. Для храненія сѣдла сдѣланъ былъ чехолъ, выложенный внутри пунцовымъ бархатомъ. Для каждой части сбруи имѣлся особый ящичекъ, и для храненія всей этой драгоцѣнности состоялъ особый гардеробный. Плеть (konczuk) къ сѣдлу имѣла рукоять изъ слоновой кости, осыпанную бриліантами.

На прощальную аудіенцію къ королю онъ явился въ полной парадной формѣ со всѣми асистентами: Яномъ Потоцкимъ и Казимиромъ Сапѣгою. Вся кавалькада состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ кавалеровъ верхомъ. За ними ѣхала парадная карета посла, покрытая гербами, запряженная четверкою рослыхъ гнѣдыхъ лошадей. Все было вызолочено отъ сбруи на лошадяхъ до самыхъ колесъ экипажа. За каретой стояли два гайдука. Вторая карета предназначалась для секретаріата посольства, третья — для кавалеровъ, чет-

вертая — для ксендза и доктора. И кромѣ того еще было множество каретъ съ гербами для увеличенія пышности и посольской важности. Подъѣхавъ къ жилищу короля Ржевускій сошелъ съ лошади, и конюшій въ ту же минуту покрылъ коня и сѣдло пунцовымъ бархатнымъ ковромъ, вышитымъ золотыми цвѣтами. Посланникъ одѣтъ былъ въ жупанъ изъ бѣлой (серебрянной) матеріи съ золотыми цвѣтами, вышитой еще разными яркими шелками; поясъ слуцкій, почти негнувшійся отъ золота; сабля съ рукояткой и ножнами, осыпанными бриліантами. На жупанѣ была лента ордена Бѣлаго Орла, на шеѣ посла — крестъ ордена Св. Станислава. Соболья шапка украшалась перомъ цапли, прикрѣпленнымъ смарагдомъ, величиною въ талеръ, окруженнымъ бриліантами, каждый величиною въ горошину. Верхъ шапки былъ пунцовый съ бриліантовымъ шнуркомъ и кистью. Сапоги были желтые, а шаровары широкія изъ краснаго атласа. Сопровождаемый асистенціей и толпой дворянъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, посолъ прошелъ всѣ комнаты дворца и вездѣ стража отдавала ему военныя почести. Въ тронной залѣ, не доходя шаговъ двадцати до короля, онъ снялъ шапку, заложилъ одну руку за поясъ и сказалъ Станиславу Августу небольшую рѣчь. Затѣмъ поцѣловалъ королевскую руку, получилъ свои ввѣрительныя граматы и представилъ королю всѣхъ своихъ спутниковъ. По окончаніи представленія онъ уѣхалъ домой, а король любовался великолѣпнымъ кортежемъ своего посланника.

Адамъ Ржевускій былъ красивый мужчина; наружность имѣлъ истинно барскую и внушающую; былъ доступенъ и ласковъ. Говорилъ охотно и много, всегда выражался мягко и пріятно; часто очень даже остроумно. Имѣлъ замѣчательную память и о давно забытыхъ, маловажныхъ вещахъ; раз-

сказывая, упоминалъ такія подробности, точно все это вчера только случилось. Я всегда любилъ слушать его разсказы Онъ самъ не былъ очень богатымъ вельможей и громадныхъ расходовъ по посольству въ Данію не могъ бы сдѣлать, если бы ему не помогла фамилія Радзивилловъ. Князь Карлъ давалъ ему серебро, брилліанты, лошадей и даже много деньгами. Республика давала каждому изъ своихъ пословъ только единовременно сто двадцать тысячъ злотыхъ. Разумѣется, этого бы далеко не хватило, равно какъ и средствъ самого Ржевускаго. Онъ былъ витебскимъ каштеляномъ и жилъ въ Новомъ Хвастовѣ. Братъ его, Северинъ, тоже былъ очень хорошій, веселый и остроумный человѣкъ; не прочь былъ погулять. Мы съ нимъ съѣхались однажды на паромѣ въ деревнѣ Станишевцѣ; онъ ѣхалъ съ женой и я тоже. У меня былъ въ экипажѣ отъ дяди подарокъ—двадцать бутылокъ стараго вина. Намъ захотѣлось попробовать его, а какъ подъ рукой на паромѣ не было стакановъ, то отбили горлышки у бутылокъ и выпили по бутылкѣ каждый, потомъ по другой, затѣмъ по третьей... Далѣе я уже не помню что было... Я очнулся спустя сутки; у постели моей сидѣла заплаканная жена и докторъ. Мнѣ разсказали, что насъ обоихъ, какъ мертвыя тѣла, положили въ экипажи, такъ мы были пьяны.

Вацлавъ Ржевускій, коренной гетманъ, родственникъ Адама, былъ тоже хорошій человѣкъ, только гордость и личная обида увлекли его на дурную дорогу, также какъ и Сченснаго Потоцкаго. Гетманъ и жена его были у меня въ Голеевкѣ и я бывалъ у нихъ въ Грегоровкѣ.

XXXII. Люблинскія происшествія.

Изъ Варшавы мнѣ пришлось, по дѣламъ Стемпковскаго, ѣхать въ Люблинъ. И самъ онъ тоже туда пріѣхалъ, но долженъ былъ возвратиться въ Варшаву, такъ какъ дѣла его еще не скоро могли быть доложены; регистръ въ трибуналѣ былъ переполненъ срочными дѣлами и приходилось ждать. Имѣя много свободнаго времени, я разумѣется, какъ человѣкъ молодой, часто посѣщалъ общества, а гдѣ блестѣли хорошенькіе глазки, тамъ бывалъ еще чаще. Въ домѣ Веб... всего болѣе приходилось мнѣ бывать; самъ хозяинъ велъ торговлю съ Данцигомъ и содержалъ банкирскую контору въ Люблинѣ; хозяйка, родомъ полька, была очень милая женщина. У нихъ въ домѣ познакомилась со мною молоденькая и хорошенькая дѣвушка, прекрасно воспитанная, но бѣдная. Мать ея содержала кофейню въ собственномъ небольшомъ домикѣ, и изъ этого содержала двухъ сыновей и трехъ дочерей. Агата К. и я полюбили другъ друга. Красивая, скромная и умная, она умѣла удержать меня на приличной дистанціи, а это еще сильнѣе разжигало мою страсть. Видѣлись мы въ домѣ Веб..., куда Агату К., ради меня, постоянно приглашали. Въ домѣ этомъ каждый день было множество гостей и между ними—капитанъ Гембаржевскій, сильно ухаживавшій за madame Веб...; служилъ онъ въ полку Чапскаго, содержавшаго въ этомъ городѣ караулы при трибуналѣ. Былъ онъ молодъ, хорошо воспитанъ, красивъ и даже немного фанфаронъ. Но съ madame Веб... ему что-то не везло. Богъ знаетъ почему, онъ началъ подозрѣвать меня, какъ счастливаго соперника. Дѣло въ томъ, что Веб .. была моей довѣренной посредницей въ моей любви къ Агатѣ К. и мы очень часто говорили другъ съ другомъ по секрету, что мо-

гло быть для постороннихъ подозрительно. Гембаржевскій ревновалъ и слѣдилъ за мною.

Я всегда, когда не бывалъ самъ въ домѣ у Веб..., посылалъ къ нимъ слугу съ какими нибудь лакомствами и запиской. Однажды мнѣ удалось купить персики, только что привезенные изъ пулавскихъ оранжерей; корзину съ этимъ лакомствомъ и запиской къ madame Веб... велѣлъ я подъ вечеръ моему лакею отнести къ ней въ домъ. Гембаржевскій, бывшій на караулѣ, видѣлъ съ гауптвахты, какъ прошелъ мой человѣкъ, и подстерегъ его возвращенія Случилось, что лакея задержали и онъ возвращался уже послѣ зари. Капитанъ приказалъ солдатамъ захватить его и посадилъ подъ арестъ подъ предлогомъ: зачѣмъ бродить ночью. Арестованнаго обыскали и нашли записку ко мнѣ слѣдующаго содержанія: «Мужъ мой, какъ тебѣ извѣстно, завтра уѣзжаетъ. Въ его отсутствіе домъ нашъ будетъ для всѣхъ закрытъ, но для тебя онъ открытъ всегда и можешь, безъ затрудненія, видѣться съ твоею А...». Для поясненія необходимо сказать, что madame Веб... называлась Антонина, въ запискѣ же подъ буквою А... разумѣлась Агата К., моя возлюбленная, съ которою и обѣщано было мнѣ свиданіе. Но Гембаржевскій, прочитавшій записку, понялъ это совсѣмъ иначе и переслалъ мужу, по его мнѣнію, улику противъ меня. Напрасно прождавъ лакея и думая, что онъ загулялъ, я поутру послалъ на гауптвахту развѣдать: не тамъ ли онъ. Тогда все открылось, а въ томъ числѣ и безчестный поступокъ Гембаржевскаго съ письмомъ. Пришлось идти къ маршалу трибунала и объяснить ему все дѣло; онъ погрозилъ Гембаржевскому арестомъ и сдѣлалъ ему выговоръ. Но происшествіе этимъ не окончилось.

Пришлось идти объяснить все мужу. И тутъ счастіе мнѣ

повезло, и Веб... повѣрилъ разсказу, а капитану, за его поступокъ, отказалъ отъ дому. Въ городѣ пошли сплетни; толковали различно, и многіе вѣрили моему роману съ Веб... Хуже всего, что въ лучшихъ домахъ стали на меня коситься, а въ домѣ Никоровичевой, всѣми въ Люблинѣ уважаемомъ, совсѣмъ перестали меня принимать. Мужъ и жена Веб... поѣхали всюду и старались меня оправдать; это немного помогло, но любовь моя къ Агатѣ К. перестала быть тайною.

Съ Гембаржевскимъ необходимо было драться. Мы выбрали секундантовъ и положили сражаться на саблях. Францъ Дмоховскій, одинъ изъ адвокатовъ, мой секундантъ, далъ мнѣ свою саблю—августовскую, очень легкую и острую какъ бритва. Онъ былъ малъ ростомъ, нескладенъ и некрасивъ, но рубился на саблях какъ фехтмейстеръ. Мы поѣхали за три мили (21 верста) отъ Люблина въ корчму Пески и тамъ дрались. Ближе этого разстоянія обнажить оружіе во время сессіи трибунала было запрещено подъ страхомъ смертной казни. На дуэли мнѣ посчастливилось: только что мы въ первый разъ скрестили сабли, какъ я уже отрубилъ противнику часть фуражки и правое ухо. Дуэль кончилась и мы вернулись въ Люблинъ.

Это происшествіе такъ подняло мою репутацію въ глазахъ всѣхъ, что Никоровичева, не хотѣвшая сначала меня принимать, сдѣлала теперь въ честь мою вечеръ. На этотъ вечеръ я явился въ одинадцатомъ часу. Послѣ дуэли у меня были попойки и мнѣ необходимо было проспаться. На вечерѣ хозяйка открыто извинилась передо мною и объявила, что была обманута. Тутъ же были Веб... и моя Агата. Бѣдная дѣвушка дрожала, какъ осиновый листъ. Я ее не видѣлъ три дня и спросилъ что она въ это время дѣлала? «Молилась и плакала», былъ ея отвѣтъ. Офицеры полка

Чапскаго, бывшіе на этомъ вечерѣ, объявили мнѣ, что они съ своей стороны потребуютъ выхода въ отставку Гембаржевскаго, не желая съ нимъ служить. Все это было хорошо, но сердце мое страдало.

За моей дорогой Агатой ухаживалъ одинъ вдовецъ, господинъ Р. Н.,—очень богатый, имѣвшій большую торговлю съ Данцигомъ. Ему было лѣтъ сорокъ, онъ былъ лысъ, толстъ, лице имѣлъ большое, круглое, какъ луна, красный маленькій носъ, немного синеватый и большой ротъ съ толстыми губами. Онъ славился акуратностью, честностью и милосердіемъ. Каждую пятницу, противъ его дома, выстраивались въ шеренгу человѣкъ двѣсти и болѣе нищихъ, и всѣ получали милостыню. Каждое воскресенье, въ башмакахъ, во фракѣ, съ серебряной шпагой, напудренный и завитый, съ трехугольной шляпой подъ мышкой, онъ шелъ въ костелъ, слушалъ обѣдню и потомъ заходилъ въ кофейню г-жи К. Тамъ онъ прежде всего выпивалъ двѣ порціи кофе и съѣдалъ нѣсколько булокъ, а затѣмъ уже спрашивалъ: можетъ ли видѣться съ mademoiselle Агатой? Получивъ позволеніе чудакъ отправлялся въ ея комнату; на порогѣ глубоко вздыхалъ, точно собирался умереть, цѣловалъ руку своей обожаемой, причемъ обильно обслюнивалъ ее и спрашивалъ: были ли вы у обѣдни? Разумѣется, ему отвѣчали утвердительно. Тогда онъ вторично цѣловалъ руку, опять съ обслюниваніемъ, снова глубоко вздыхалъ и уходилъ. Самъ онъ молчалъ о своей любви, но свахъ засылалъ нѣсколько разъ. И мать и дочь горько плакали, но нельзя было упускать такого выгоднаго жениха. Я самъ совѣтовалъ Агатѣ выходить, хотя сердце мое разрывалось. И она вышла. На обрученіи я не былъ. Но женихъ, встрѣтивъ меня, сталъ упрашивать быть у него на вечерѣ. Пришлось согласиться. От-

крылось тутъ, что у него въ домѣ отдавалась въ наймы квартира. Я далъ за нее двадцать червонцевъ на сессію будущаго засѣданія трибунала. Дѣла мои въ Люблинѣ кончились и, пока что, мнѣ пришлось снова ѣхать въ Варшаву.

XXXIII. Смерть митрополита.

Въ Варшавѣ квартировалъ я во дворцѣ Святаго-Креста, тамъ уже помѣстился и Стемпковскій; оба мы занялись дѣломъ отца митрополита Смогоржевскаго. Намъ помогали многіе депутаты Великой Польши и въ особенности Дзялынскій. У Дзялынскаго я встрѣтился съ графомъ Чапскимъ, шефомъ полка, въ которомъ служилъ Гембаржевскій; онъ уже слышалъ о моемъ поединкѣ съ его офицеромъ, а когда ему разсказали все подробно, обнялъ меня самымъ сердечнымъ образомъ и просилъ на обѣдъ вмѣстѣ съ Дзялынскимъ. Гембаржевскому дали отставку съ чиномъ маіора. Чрезъ нѣсколько дней воевода уѣхалъ въ Лабунь, а его гардеробмейстеръ Вернеръ остался для исполненія порученій: воевода купилъ у Шперля четверомѣстную карету, двумѣстную карету и маленькую колясочку, очень красивую. У Яшевича закуплено было много англійскихъ товаровъ и мебели; отъ Унруга взято восемьдесятъ штукъ сукна. Кромѣ того было куплено для воеводы сто к а м н е й восковыхъ свѣчъ. Все это необходимо было уложить и на нанятыхъ лошадяхъ выслать въ Лабунь. На квартиру я перешелъ теперь въ митрополитскій домъ, чтобы вмѣстѣ съ отцомъ Булгакомъ стараться по дѣламъ митрополита. Вскорѣ пріѣхалъ отецъ Левинскій, суфраганъ митрополита и мы ожидали уже, чрезъ нѣсколько дней, пріѣзда самого митрополита. Вдругъ эстафетой насъ увѣдомили о его внезапной смерти. Его намѣст-

никъ, епископъ хелмскій, Ростоцкій, взялъ въ управленіе имѣнія и дѣла митрополіи. Сейчасъ же послали въ Римъ на утвержденіе. Но необходима еще была королевская привилегія, которой безъ Стемпковскаго мы не могли получить. Дѣло о засѣданіи митрополита въ сенатѣ было отложено. Булгакъ и Левинскій уѣхали, я тоже не имѣлъ болѣе дѣлъ, и положивъ только нѣсколько дней для собственнаго удовольствія прожить въ Варшавѣ, уѣхалъ домой.

XXXIV. Снова поединокъ.

Передъ отъѣздомъ моимъ, однажды утромъ, лакей докладывалъ мнѣ, что какой-то офицеръ меня спрашиваетъ: велю просить. Входитъ молодой офицеръ фузилерскаго полка и рекомендуется: Гембаржевскій, братъ моего противника. Братъ мой, говоритъ онъ, далъ вамъ удовлетвореніе, теперь самъ его требуетъ отъ васъ. Онъ вашими интригами принужденъ былъ оставить службу, а потому предлагаетъ поединокъ на пистолетахъ. Мѣсто и время онъ отдаетъ на вашъ выборъ, но требуетъ: не откладывать далѣе какъ на двѣ недѣли. Затѣмъ мнѣ былъ врученъ адресъ, и Гембаржевскій уѣхалъ.

Разумѣется, я немного встревожился. Не вѣрю ни чьему совершенному хладнокровію относительно пистолетовъ: отвращеніе и даже страхъ всегда существуютъ. Но дѣлать было нечего. Правда, я ѣздилъ къ Дзялынскому и Чапскому. Чапскій даже приглашалъ Гембаржевскаго на обѣдъ и пробовалъ уладить дѣло миромъ, но упорный его эксъ-офицеръ отказался отъ мировой. Можно было отказаться отъ поединка. Новаго ничего не произошло, а за старую обиду мы уже рубились. Только это оказывалось неудобнымъ: была бы исторія. Порѣшили лучше ужъ стрѣляться. Моимъ секундантомъ

былъ полковникъ Зелинскій, у противной стороны—ротмистръ гвардіи Попель. Чрезъ три дня мы стрѣлялись въ Езерной. Я былъ одѣтъ въ темное узкое платье, по указанію секунданта. Онъ же далъ знакъ стрѣлять и все окончилось въ нѣсколько минутъ. Гембаржевскій прострѣлилъ мнѣ ногу повыше колѣна, но къ счастью, не повредилъ кости. Я раздробилъ ему плечо. Онъ упалъ на руки брата, а когда я къ нему приблизился, шепнулъ: до излеченія только, милостивый государь!

Насъ отвезли въ Варшаву. Чапскій прислалъ доктора своего полка. Дзялынскій и онъ сами меня навѣстили; кромѣ того навѣщало меня множество знакомыхъ, и между ними Варѳоломей Гижицкій, въ то время еще прекрасный молодой кавалеръ. Онъ тоже недавно только рубился съ Островскимъ и поранилъ его. Черезъ три недѣли я былъ совершенно здоровъ. Гембаржевскій проболѣлъ гораздо дольше, и на весну умеръ горячкою.

Въ Люблинѣ распространился слухъ, что я убитъ. Только мое письмо къ madame Веб... успокоило моихъ друзей. Прекрасная Агата уже была замужемъ. Проѣзжая изъ Варшавы чрезъ Люблинъ я тамъ не останавливался и ее не видалъ: не было времени. Въ самый праздникъ Рождества мнѣ удалось пріѣхать въ Янушполье къ помѣщику Букару.

XXXV. Митрополитъ, отецъ Ростоцкій.

Въ Янушполѣ я засталъ большое собраніе. Была тамъ княжна Радзивиллъ, изъ Бердичева, воевода Стемпковскій, катшелянша Вороничъ, каштелянъ Прушинскій съ женой, цѣлое семейство Ганскихъ и еще множество другихъ гостей, всего болѣе ста человѣкъ. О поединкѣ моемъ было уже всѣмъ

извѣстно, и всѣ поздравляли меня съ такимъ счастливымъ окончаніемъ непріятнаго дѣла. Стемпковскому я сейчасъ же рапортовалъ о всѣхъ дѣлахъ въ Варшавѣ. Весело шло время; надворная музыка гремѣла, вино лилось потоками, какъ въ Канѣ Галилейской. Воевода уѣхалъ послѣ новаго года; я два дня спустя поѣхалъ къ отцу. Старикъ принялъ меня ласково и только сердился, зачѣмъ не могу погостить у него дольше. Но мнѣ нужно было ѣхать въ Дубно на контракты.

Господи, что это было за время! И теперь пріятно вспомнить о немъ. Жилось легко, весело и пріятно. Сколько было красавицъ, и каждой, бывало, обѣщаешь пріѣхать съ визитомъ. Но быть ни у кого не удалось. Изъ Дубна въ Люблинъ мы ѣхали, цѣлой компаніей, на Лабунь. Здѣсь мы опять веселились два дня, и я очень усердно ухаживалъ за дѣвицей Гнатовской — хорошенькой и не бѣдной невѣстой. Она была родственница Моржковскихъ. Всѣ мнѣ надоѣдали ея именемъ, а я въ это время былъ еще весь отданъ прежней любви, и Гнатовская нравилась мнѣ только потому, что называлась Гедвигой.

Въ Дубнѣ я видѣлся съ моимъ дядей — ксендзомъ, каноникомъ Охотскимъ; онъ сейчасъ же уплатилъ мнѣ мое жалованье, а за мою рану еще подарилъ такую же сумму. Повѣренный новаго митрополита, отецъ Булгакъ, передалъ мнѣ, что съ этихъ поръ я уже не буду завѣдывать дѣлами митрополита въ Люблинѣ, и что на мое мѣсто принятъ нѣкто Шеміотъ. Меня онъ только просилъ заняться дѣлами въ Варшавѣ и приготовить Стемпковскаго, къ которому новый митрополитъ собирался ѣхать знакомиться.

Проживъ три недѣли въ Дубнѣ, я поѣхалъ въ Лабунь. Здѣсь воевода заставилъ меня дождаться пріѣзда митропо-

лита. Онъ прибылъ съ отцомъ Левинскимъ, своимъ суфраганомъ (намѣстникомъ). Просили Стемпковскаго протежировать ихъ у короля: надо было выхлопотать королевскую привиллегію на митрополитскія имѣнья, и главное: добиться права засѣдать въ сенатѣ. Ростоцкій былъ уже предъ этимъ самъ въ Варшавѣ и хлопоталъ, но сдѣлать ничего не могъ; король всѣ свои милости и всѣ дѣла русскихъ провинцій исполнялъ неиначе, какъ по представленію воеводы.

Воевода о. митрополиту не отказалъ, но замѣтилъ, что свои письма къ королю выдастъ на руки только мнѣ. Тутъ лишь догадался Ростоцкій, что безъ меня ему будетъ трудно обойтись. Снова обѣщано было оставить въ моихъ рукахъ дѣла въ Люблинѣ и положено мнѣ жалованье 200 червонцевъ, заплатитъ ихъ обѣщано въ Варшавѣ, куда митрополитъ поѣхалъ прямо, и я спустя недѣлю прибылъ за нимъ и остановился въ митрополитскомъ домѣ. Мнѣ отвели сначала двѣ холодныхъ и тѣсныхъ комнатки. Я пожаловался и былъ перемѣщенъ на другую, лучшую квартиру. Видя все это, я писемъ воеводы къ королю и Кицинскому, начальнику королевской канцеляріи, митрополиту не отдалъ. Вскорѣ оказалось, что я имѣлъ основаніе такъ поступить: мнѣ прямо объявили, что уговоръ со мною, касательно 200 червонцевъ, исполненъ не будетъ. И митрополитъ, и Булгакъ и Левинскій всѣ требовали у меня писемъ. Я отвѣчалъ: исполните прежде вы что мнѣ обѣщали. Привиллегію король дастъ, но я пойду не прежде, чѣмъ получу свое. И они должны были заплатить. Тогда я поѣхалъ къ Кицинскому и въ три дня привиллегія была готова. Мнѣ же пришлось предупредить о. митрополита, что когда пріѣдетъ секретарь съ бумагами, необходимо будетъ уплатить, какъ ему за трудъ, такъ и за гербовую бумагу, печать и прочіе расходы. Всѣ

расходы доходили до ста пятидесяти червонцевъ. Секретарю митрополитъ положилъ дать пятьдесятъ червонцевъ. Я даже разсмѣялся при такомъ предположеніи и увѣрялъ его, что при такой щедрости дѣла его не пойдутъ. Долго торговался со мною митрополитъ, и въ концѣ концевъ мы порѣшили дать секретарю 200 червонцевъ. Секретарь пріѣхалъ, вручилъ привиллегію митрополиту, вышелъ въ другую комнату и тамъ получилъ свои 200 червонцевъ, но остался очень недоволенъ. Онъ ждалъ за митрополитскую привиллегію не менѣе пятисотъ. Опять пришлось спорить со скупцомъ. Увѣрялъ я его, что такъ поступая онъ никогда въ сенатъ не попадетъ, и радъ не радъ о. Ростоцкій самъ долженъ былъ отвести королевскому секретарю недоданные 300 червонцевъ.

Явилась королевская ливрейная служба поздравить о. митрополита. Онъ приказалъ маршалу своего двора сосчитать ихъ.

— Что вы дѣлаете, Бога ради? спросилъ я.

— Хочу знать сколько ихъ, и дамъ каждому по талеру.

— О Господи! послѣ этого во дворцѣ никто вамъ дверей не отворитъ.

— Я самъ съумѣю отворить дверь.

— Вотъ прекрасно! Развѣ вы не знаете, что пришедшіе къ вамъ только депутаты. Ливрейная служба короля состоитъ болѣе чѣмъ изъ ста человѣкъ. Что же значитъ тутъ нѣсколько талеровъ. За орденъ св. Станислава въ королевскомъ кабинетѣ платятъ 25 червонцевъ и столько же дарятъ королевской службѣ.

Подумавъ и поспоривъ, митрополитъ велѣлъ дать эти деньги пришедшимъ ливрейнымъ. Отецъ Ростоцкій былъ простой монахъ, не имѣвшій никакого понятія о жизни и

обычаяхъ свѣта, среди котораго положеніе митрополита заставляло его жить. Онъ былъ скупъ до крайности. Но надо сказать правду: совѣты мои всегда выслушивалъ и уступалъ въ чемъ слѣдовало. Столъ у него былъ самый скверный. Въ самомъ послѣднемъ монастырѣ настоятель ѣлъ лучше. У меня было много знакомыхъ въ Варшавѣ, и я всегда старался избѣжать митрополитскаго обѣда. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда никто не приглашалъ меня къ обѣду, я лучше рѣшался обѣдать въ трактирѣ «Кривое колесо», чѣмъ рисковать попользоваться столомъ отца митрополита. Скупости ради онъ долгое время не держалъ даже швейцара. Я едва могъ убѣдить его, какъ это неприлично. Неужели же всякому, пріѣхавшему съ визитомъ, посылать лакея наверхъ спрашивать: дома ли митрополитъ? Принимаетъ ли онъ? Покойный отецъ митрополитъ Смогоржевскій, хотя самъ и не жилъ въ Варшавѣ, швейцара всегда держалъ при своемъ дворцѣ.

Ростоцкому пришлось наконецъ дать обѣды господамъ сенаторамъ. Получалъ онъ отъ митрополіи доходовъ болѣе восьмисотъ тысячъ злотыхъ въ годъ (120.000 р.), но ничего у него своего не было. Въ митрополитскомъ домѣ нельзя было и думать давать парадные обѣды. Зала была нанята во дворцѣ Радзивилловъ. Тремо, королевскій поваръ, обязался изготовить по 36 злотыхъ съ человѣка два обѣда, на сто тридцать особъ каждый. Три дня ѣздилъ митрополитъ, созывая всѣхъ на эти обѣды. Серебро, хрусталь и фарфоръ и вина мы ему достали. Обѣды обошлись въ тысячу червонцевъ. Но... мѣста въ сенатѣ ему все-таки не дали; и дѣло это было отложено до осени.

XXXVI. Опять въ Люблинѣ.

Послѣ отсрочки дѣла отца митрополита, мнѣ въ Варшавѣ нечего уже было дѣлать. Въ Люблинъ призывали меня важные процесы и я поспѣшилъ туда отправиться. Квартира для меня была готова въ домѣ молодыхъ Н., въ прошломъ году еще нанятая. Самого хозяина не было дома, онъ былъ въ Данцигѣ, по дѣламъ. Милая Гедвига (Агата) по прежнему любила меня и не скрыла своего чувства; мать ея тоже была на моей сторонѣ. Гедвига, плача, передала мнѣ, что до сихъ поръ питаетъ отвращеніе къ своему мужу. Я былъ очень счастливъ и только страдалъ, понимая ея печальное положеніе—жить съ мужемъ, который противенъ ея сердцу.

Дѣлъ, какъ я уже сказалъ, въ Люблинѣ у меня было очень много. Во первыхъ, затрудненія съ кредиторами воеводы Стемпковскаго. На іюль мѣсяцъ, когда подходилъ срокъ рѣшенію его дѣлъ, онъ самъ обѣщалъ пріѣхать въ Люблинъ. Затѣмъ былъ процесъ моего отца съ Краевскимъ. Надо было дѣйствовать энергически: перетянуть на свою сторону депутатовъ трибунала, маршала и президента. Въ этомъ мнѣ много помогли мои обширныя связи и знакомство. Чрезъ Рачинскаго, съ которымъ я познакомился у моихъ друзей Букаровъ и который былъ влюбленъ въ дочь Букара, я дѣйствовалъ на депутатовъ трибунала изъ Великой Польши. Отецъ его былъ генераломъ земель Великопольскихъ, и сынъ имѣлъ большое вліяніе на своихъ однопровинціаловъ. Маршаломъ былъ Закржевскій, а президентомъ ксендзъ Скотницкій—абатъ Покрживницкій, имѣвшій до двухсотъ тысячъ злотыхъ (30.000 р.) годоваго дохода съ своей бенефиціи (должности). Къ обоимъ у меня были рекомендательныя письма отъ воеводы. Кромѣ того, я подружился съ молодымъ помѣ-

щикомъ Скотницкимъ и чрезъ него еще болѣе имѣлъ возможность вліять на его дядю, президента трибунала. Съ депутатами я тоже перезнакомился; тремъ изъ нихъ: Ясинскому, Карчевскому и Гулевичу присланы были прямо на мои руки ордена, выхлопотанные имъ Стемпковскимъ. Всѣ эти обстоятельства очень подняли мой кредитъ въ Люблинѣ, и я былъ увѣренъ, что большинство голосовъ будетъ на моей сторонѣ.

Когда пришелъ срокъ рѣшенію процеса моего отца, я пригласилъ къ себѣ на завтракъ и конференцію всѣхъ адвокатовъ Люблина. Собравшись, они раздѣлили между собою работу и покончили ее сообща очень скоро. А шампанское, карты и кутежъ заняли остальную часть дня и всю ночь. Мой противникъ, Краевскій, тоже былъ въ Люблинѣ и хлопоталъ, но сдѣлать ничего не могъ. Только два адвоката были на его сторонѣ. Къ которому депутату не обращался Краевскій, вездѣ ему совѣтовали мириться; представляли ему, что процесъ очень запутанъ, что я навѣрное выиграю, и тогда всѣ убытки придется ему заплатить, кромѣ того, трибуналъ можетъ наложить пеню (штрафныя—гривны). У ксендза-президента, вечеромъ, гдѣ было множество гостей, мы торговались очень долго, наконецъ согласились мириться по уплатѣ мнѣ Краевскимъ капитала съ процентами, всего сорока-пяти тысячъ злотыхъ (6.750 р.). Только Краевскій не хотѣлъ платить наличными и требовалъ отсрочить уплату до дня контрактовъ (ярмарки) въ Дубнѣ, оттовариваясь неимѣніемъ наличныхъ. На это нельзя было согласиться; онъ могъ достать деньги у банкира Гейзлера, съ которымъ имѣлъ дѣла, а отсрочивать уплату—все равно, что напрашиваться на второй процесъ. Мировая не состоялась. Я былъ не совсѣмъ покоенъ. Положимъ, теперь, на этомъ трибуналѣ, я выиграю дѣло; но

противникъ можетъ апелировать къ правосудію слѣдующаго трибунала. Опять хлопоты и расходы. Когда я разсказалъ свои опасенія друзьямъ, они нашли средство помочь. Былъ обычай, что ежели съ кого слѣдовала пеня въ пользу трибунала, тогда безъ всякой церемоніи, на квартиру къ вещамъ и къ личности плательщика приставляли стражу. Депутатъ Ясинскій, хранившій кассу трибунала, тутъ же послалъ распоряженіе приставить стражу къ вещамъ и личности Краевскаго, такъ какъ уже при первоначальномъ декретѣ онъ присуждался уплатить пеню. Краевскій бросился съ жалобой къ маршалу, но получилъ въ отвѣтъ, что нельзя же для него нарушать трибунальскіе порядки и обычаи. Между тѣмъ на засѣданіи трибунала въ ратушѣ я велъ мое дѣло энергически, и всѣ его поддерживали. Оставалось только потребовать послѣдняго объясненія со стороны Краевскаго. Онъ испугался и вторично предложилъ мириться. Только я уже прежней суммы не соглашался взять, а требовалъ сверхъ того еще сто червонцевъ. Мнѣ слѣдовало дать вечеръ, и эти добавочные червонцы должны были пойти на расходы. Опять пошли споры и торгъ, наконецъ Краевскій взялъ деньги въ банкѣ у Гейзлера и уплатилъ все сполна. Тогда я всѣхъ зазвалъ къ себѣ на вечеръ; тутъ же былъ и мой противникъ. Когда всѣ мы были подъ хмѣлькомъ и Краевскій больше всѣхъ, онъ вдругъ закричалъ гостямъ: вы здѣсь не вино пьете, а мою кровь и ѣдите мое тѣло!!

Такой это былъ человѣкъ. Онъ взялъ у моего отца 31.000 злотыхъ и семь лѣтъ не платилъ ни процентовъ, ни капитала. Никакихъ кондицій не принималъ, а когда мы ему сначала предлагали мировую, онъ хотѣлъ заплатить только 27.000 злотыхъ, т. е. меньше того, что взялъ наличными семь лѣтъ назадъ. Капиталъ, взятый отъ Краевскаго, я помѣстилъ снова

въ банкѣ Гейзлера и написалъ къ отцу обо всемъ. Очень былъ доволенъ старикъ, позволилъ мнѣ взять для себя отъ Гейзлера сто червонцевъ, но не могъ, по старой привычкѣ, воздержаться отъ упрека меня въ мотовствѣ. «Ты изъ себя, писалъ онъ, всегда разыгрываешь роль магната. Какъ ты могъ въ одинъ вечеръ истратить сто червонцевъ?! Не жалѣлъ бы я, еслибы червонцы остались въ твоемъ карманѣ, а то истрачены на расходы одного вечера!» Выигрышъ этого процеса очень подвинулъ меня въ общественномъ мнѣніи въ Люблинѣ. Вскорѣ я выигралъ еще процесъ моего дяди съ Шидловскимъ; дѣло Ганскаго, дѣла Стемпковскаго и много иныхъ, которыя я велъ, прошли тоже легко и съ успѣхомъ. Воевода самъ даже и не являлся въ Люблинъ; я къ нему написалъ, что дѣла пойдутъ хорошо, и онъ только послалъ мнѣ на помощь Ярготскаго. Это былъ трудолюбивый человѣкъ; онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ за бумагами, справлялся, писалъ и составлялъ протесты противъ рѣшеній кржеменецкаго земскаго суда, а на мою долю приходилось только ходить къ нужнымъ людямъ и ходатайствовать.

Наступилъ срокъ разбирательства важнѣйшаго дѣла воеводы; его заклятый врагъ — судья земскаго кржинецкаго суда, Денизко, явился самолично въ Люблинъ дѣйствовать противъ Стемпковскаго. Онъ самъ, при помощи преданныхъ ему людей, въ кржемепецкомъ судѣ, въ своемъ собственномъ дѣлѣ, поставилъ противъ Стемпковскаго жестокое и разорительное первое рѣшеніе. Трибуналъ долженъ былъ подтвердить или отмѣнить его. Но мы тоже не дремали. Рачинскій добровольно взялся помогать мнѣ. Изъ присланныхъ на расходы воеводою 200 червонцевъ я заплатилъ по двадцати-пяти еще тремъ адвокатамъ-помощникамъ и мы пріуготовили все дѣло, какъ нельзя лучше. Призванные на конференцію про-

чіе адвокаты ничего взять не хотѣли; депутаты всѣ были на моей сторонѣ. Никто ничего не взялъ; только всѣ у меня ѣли, пили и веселились.

На вечерѣ у президента Скотницкаго я встрѣтился съ судьею Денизко. Онъ, разсказывая о своемъ дѣлѣ, позволилъ себѣ отозваться не совсѣмъ хорошо о личности Стемпковскаго. Я подскочилъ къ нему и крикнулъ: говорите о вашемъ процесѣ что угодно, но личности воеводы касаться я вамъ не позволю.

Денизко съ презрѣніемъ отвернулся отъ меня, и обращаясь къ президенту, указывая на свою звѣзду св. Станислава, спросилъ гордо:

— Кто этотъ молокососъ, который оскорбляетъ меня въ домѣ вашемъ?

Молодежь окружила меня. Я, кипятясь отъ гнѣва, подступилъ еще ближе къ Денизко, и махая ему пальцемъ подъ самымъ носомъ, проговорилъ:

— Я вамъ самъ скажу кто я и вмѣстѣ съ тѣмъ научу какъ слѣдуетъ обходиться съ людьми вамъ, который самъ порѣшивъ свое собственное дѣло, потомъ гордится такимъ рѣшеніемъ и обижаетъ другихъ.

Передъ ксендзомъ-президентомъ я извинился за случившееся. Скотницкій, племянникъ президента, другъ мой Липскій и я сейчасъ же вышли и ждали на квартирѣ возвращенія Денизко, гдѣ я его сейчасъ же и вызвалъ на поединокъ. Рано по утру онъ поѣхалъ жаловаться маршалу на меня, осмѣлившагося вызывать на поединокъ въ городѣ, гдѣ засѣдаетъ трибуналъ. Маршалъ ему отвѣтилъ, что драться въ Люблинѣ нельзя, но вызвать никто не запрещаетъ, даже въ самой залѣ трибунала. Въ такомъ случаѣ я хотѣлъ бы мириться, отозвался смущенный Денизко.

— Не такъ-то это легко, возразили ему. Охотскій очень еще недавно поранилъ на поединкѣ саблей офицера и подстрѣлилъ его потомъ въ Варшавѣ на вторичномъ поединкѣ. Онъ едва ли согласится на миръ. Тутъ ужъ Денизко, позабывъ всю свою амбицію, началъ усиленно просить помирить его со мною. Маршалъ пригласилъ насъ. Я пріѣхалъ съ Липскимъ и молодымъ Скотницкимъ; ксендзъ-президентъ тоже пріѣхалъ. Маршалъ самъ сталъ просить меня, и я согласился на миръ съ условіемъ, чтобы Денизко извинился и взялъ назадъ оскорбительные свои отзывы о Стемпковскомъ и на будущее время далъ слово не чернить болѣе воеводы. Онъ долженъ былъ, хотя съ большой неохотой, согласиться на мои требованія. Послѣ мировой маршалъ пригласилъ насъ всѣхъ на обѣдъ. На утро трибуналъ рѣшилъ дѣло Стемпковскаго съ Денизко. Декретъ былъ выше всего что я могъ даже ожидать. Онъ начинался словами: «Постановленіе кржеменецкаго земскаго суда, какъ противозаконное и несправедливое, мы отмѣняемъ...» Кржеменецкій земскій судъ, за противозаконныя дѣйствія былъ обложенъ двумя тысячами серебряныхъ гривенъ пени, а Денизко, за сужденіе собственнаго дѣла, присужденъ къ пени въ тысячу гривенъ. Половина этихъ суммъ шла въ пользу трибунала и осужденный долженъ былъ уплатить: къ нему безъ церемоніи сейчасъ же приставили стражу.

Слушая рѣшеніе, Денизко блѣднѣлъ, мѣнялся въ лицѣ, но долженъ былъ молчать и покориться. Декретъ трибунала приносилъ Стемпковскому слишкомъ четыреста тысячъ злотыхъ пользы (60.000 р). Подъ конецъ сессіи Стемпковскій пріѣхалъ въ Люблинъ, обнялъ и благодарилъ меня сердечно. Оставались въ моихъ рукахъ сто двадцать пять червонцевъ, изъ данныхъ воеводою на расходы, онъ требовалъ, чтобы я

ихъ взялъ себѣ, но я на это не согласился. Не шло мнѣ брать деньги за услуги человѣку, которому я всѣмъ былъ обязанъ.

XXXVII. Князья Радзивиллы.

Въ Люблинѣ приготовлялось событіе чрезвычайно интересное — процесъ между Михаиломъ Радзивилломъ, виленскимъ воеводою, и Матѳеемъ Радзивилломъ, виленскимъ каштелянomъ. Дѣло шло о правѣ на опеку надъ малолѣтнимъ Доминикомъ Радзивилломъ, единственнымъ наслѣдникомъ всѣхъ богатствъ покойнаго князя Карла (Panie Kochanku). Дворы, кухни и служба обоихъ князей претендентовъ заранѣе прибыли въ Люблинъ. Князь Михаилъ нанялъ дворецъ Чарторійскихъ, князь Матѳей—дворецъ Гротосовскій. Въ обоихъ дворцахъ, громадныхъ зданіяхъ, были большія залы для баловъ и обѣдовъ. Князья явились съ неслыханной пышностію. Князь Михаилъ пріѣхалъ съ женой и сыномъ Антономъ, тѣмъ самымъ, который впослѣдствіи женился на княжнѣ Прусской. Съ княгиней пріѣхали десять дѣвицъ изъ лучшихъ фамилій Литвы, а красивѣйшею между ними считалась mademoiselle Морикони. Князь Матѳей пышностію равнялся Михаилу; съ его женой также пріѣхало восемь дѣвицъ, принадлежавшихъ къ благороднымъ фамиліямъ Литвы, а самою красивою между ними считалась m-lle Сильвестровичъ, почти равная красотою Морикони. Люблинъ принялъ праздничный и оживленный видъ. Оба претендента стали жить открыто и принимать гостей. Мой знакомый, Рачинскій, повѣренный князя Михаила велъ все дѣло. Онъ самъ меня привезъ и представилъ князю, принявшему меня очень любезно. Меня представили княгинѣ, оставили обѣдать, и послѣ обѣда, разъ на-

всегда, пригласили на всѣ обѣды и вечера. Послѣ обѣда я просилъ у князя позволенія представить ему моего друга— Липскаго, на это князь согласился съ охотой, говоря, что отца Липскаго онъ зналъ и радъ возобновить знакомство съ сыномъ. Скотницкаго представилъ дядя его, президентъ трибунала.

Князь Михаилъ собралъ конференцію и по обычаю того времени старался пригласить какъ можно болѣе адвокатовъ и молодежи, практиковавшей при трибуналѣ. На этой конференціи было тридцать одинъ адвокатъ и до пятидесяти молодыхъ практикантовъ. Каждый адвокатъ получалъ по сто червонцевъ, каждому молодому практиканту выдано по тридцати червонцевъ. Мнѣ досталось сто червонцевъ, хотя на мою долю и слова не пришлось сказать у рѣшетки трибунала. Скотницкій получилъ великолѣпную коляску и четыре англизированныя лошади и кромѣ того триста червонцевъ. Все это потому, что его дядя былъ президентомъ трибунала.

Князь Матѳей не хотѣлъ допустить сопернику затмить себя. Къ нему на конференцію спросили всѣхъ остальныхъ адвокатовъ, не попавшихъ почему либо къ князю Михаилу. Каждому адвокату онъ тоже далъ по сто червонцевъ, а молодымъ практикантамъ по тридцати червонцевъ. Берещинскій былъ у него повѣреннымъ и прислалъ мнѣ пригласительное письмо на эту вторую конференцію. Но я не ѣздилъ во дворецъ Гротосовскій въ день конференціи и только на другой день явился извиниться предъ княземъ Матѳеемъ. Меня и здѣсь приняли любезно, представили княгинѣ и пригласили заранѣе на всѣ балы и обѣды.

Князья соперничали между собою; и на ихъ счетъ привозили трибунальскихъ депутатовъ, бывшихъ въ отсутствіи въ разныхъ воеводствахъ. Когда дѣло пошло на докладъ въ три-

буналѣ, кромѣ маршала и президента, засѣдали шесть духовныхъ и двадцать свѣтскихъ депутатовъ. Эстафеты летали въ Варшаву по два раза въ день съ разными письмами и просьбами къ королю—тому орденъ, тому патентъ на званіе, или иную какую милость. Въ нѣсколько дней у половины трибунальскихъ депутатовъ явились ленты и орденскія звѣзды.

Трибуналъ не торопился оканчивать дѣло Радзивилловъ; а сами соперники не понуждали судей спѣшить, занятые интригами другъ противъ друга и пріобрѣтеніемъ депутатскихъ голосовъ на свою сторону. Веселились и пировали каждый день. Въ обоихъ дворцахъ ежедневно бывали обѣды на сто и болѣе особъ; вечерами собиралось по двѣсти и триста гостей. Множество мужчинъ и дамъ изъ Варшавы и провинціи наѣхало въ Люблинъ. Одни уѣзжали, другіе прибывали и публики не уменьшалось. Голосовъ было болѣе на сторонѣ князя Михаила, но большинство оказывалось самое незначительное. Переманить одного депутата изъ партіи противника уже значило почти выиграть дѣло. Мой другъ, депутатъ Ясинскій былъ на сторонѣ князя Матѳея. Рачинскій и князь Михаилъ требовали, чтобы я уговорилъ его перейти на ихъ сторону, но разумѣется это было невозможно. Предполагали дать ему тысячу червонцевъ, но я дѣлать это предложеніе отказался. Тѣмъ не менѣе я указалъ имъ средство дѣйствовать на Ясинскаго. Онъ былъ до сумасшествія влюбленъ въ Морикони; я шепнулъ князю Михаилу про это, и наученная mademoiselle Морикони начала завлекать бѣднаго Ясинскаго. Понемногу она дѣлалась для него приступнѣе и приступнѣе, а когда сближеніе достигло значительной короткости, она потребовала у влюбленнаго, какъ доказательства любви, чтобы онъ перешелъ на сторону князя Михаила. Точно громомъ пораженный онѣмѣлъ бѣднякъ. Но дѣлать нечего:

далъ слово. Ему дали пунцоваго воску и потребовали, чтобы онъ имъ назначилъ свой шаръ, когда подастъ голосъ въ пользу Михаила.

Насталъ день рѣшенія дѣла. За князя Михаила подано двадцать два голоса, за князя Матѳея двадцать. Большинствомъ двухъ голосовъ присудили опеку князю Михаилу и въ числѣ этихъ двухъ былъ шаръ обозначенный краснымъ воскомъ. Ясинскаго благодарили и ему позволили ѣхать въ Варшаву, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. Могу смѣло сказать: мнѣ была обязана партія князя Михаила своей побѣдой. Безъ голоса Ясинскаго оказалось бы равенство голосовъ, дѣло отложили бы до слѣдующаго трибунала и снова потребовалось бы столько же хлопотъ и расходовъ. Маршалъ, правда, могъ, при равномъ раздѣленіи голосовъ, рѣшить своимъ голосомъ дѣло въ пользу той или другой стороны. Но маршалы, опасаясь вражды противной, проигравшей стороны, никогда не пользовались этимъ правомъ, и на этотъ разъ то же маршалъ навѣрное не воспользовался бы имъ. Князь Матѳей, проигравъ дѣло, уѣхалъ сейчасъ же. Жена его прекратила пріемы. Князь Михаилъ прожилъ еще нѣсколько времени въ Люблинѣ. Я былъ у него послѣ рѣшенія дѣла. Онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ очень учтиво, благодарилъ за помощь. Во время разговора случайно взглянулъ я на великолѣпное покрывало на постели князя и похвалилъ его. Князь показалъ мнѣ, что оно шелковое, настоящей китайской матеріи и очень красиво шелкомъ и золотомъ вышитое. Едва успѣлъ я вернуться домой, какъ лакей князя принесъ уже мнѣ хваленное мною покрывало и кромѣ того пакетъ съ четырьмя стами червонцевъ. Я далъ лакею десять и снова поѣхалъ благодарить магната. Но на этомъ подаркѣ всѣ его щедроты и кончились. Думаю, и многіе тоже такого были

мнѣнія, что онъ, получивъ при моей помощи, опеку, дававшую пять милліоновъ годоваго дохода, и по правилу, установленному трибуналомъ, отчисляя себѣ за труды 500.000 злотыхъ въ годъ, какъ опекунъ,—очень могъ дать мнѣ одновременно сто, или даже двѣсти тысячъ. Князь Михаилъ былъ росту средняго, физіономіи пріятной, одѣвался по французски, и всѣ его пріемы и движенія были исполнены важности. Онъ былъ очень учтивъ и даже добръ, но никогда не могъ внушить окружающимъ полнаго довѣрія къ своей искренности. Изъ подъ его ласковости проглядывала скрытая гордость магната. Жена его, урожденная Пржездецкая, дама прусскаго двора, была замѣчательная красавица. Ея любезность, учтивость и красота, которую щадило самое время, очень сильно дѣйствовали на всѣхъ припятыхъ въ домѣ князя.

Князь Матѳей росту былъ малаго, худой, голову брилъ и платье носилъ старопольское. Усы его были длинны и висѣли по старой модѣ. Лице носило печатъ какой-то грусти, и хотя онъ не очень старался пріобрѣтать сторонниковъ, тѣмъ не менѣе пользовался всеобщею довѣренностію за свое благородство и честность. Жена его, урожденная Ходкевичъ, не была хороша, даже была немного калѣка (горбата), но ея доброта и милый ласковый голосъ возбуждали къ ней общее сочувствіе.

Въ Люблинѣ считали, что каждому изъ князей, пребываніе во время процеса и расходы по этому дѣлу обошлись въ пять недѣль милліонъ пятьсотъ тысячъ злотыхъ (225,000 рубл. сер.).

XXXVIII. Великопольскій магнатъ.

Относительно личныхъ моихъ дѣлъ—годъ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ счастливѣйшихъ. Все мнѣ удавалось, деньги лились въ мои карманы, и ихъ было даже не только довольно для потребностей моднаго молодаго человѣка того времени, но былъ даже и излишекъ. Въ этотъ годъ я отложилъ, въ банкѣ Кабри, двѣ тысячи червонцевъ. Въ Люблинѣ мое значеніе росло съ каждымъ днемъ. Къ тому же я любилъ и былъ любимъ взаимно. Семнадцать недѣль не было дома мужа моей возлюбленной. Возвратившись наконецъ изъ Данцига, господинъ Н. былъ со мною очень учтивъ. Онъ привезъ съ собою наличными двадцать четыре тысячи червонцевъ, товаровъ на восемь тысячъ червонцевъ и женѣ богатѣйшіе подарки. Онъ и не подозрѣвалъ нашей связи. Присутствіе его тоже не стѣсняло насъ: по цѣлымъ днямъ дѣла задерживали его въ лавкѣ и по конторамъ. Но Гедвига плакала и мучилась жестоко.

Однажды, когда мы сидѣли только вдвоемъ, она сказала:

— Посмотри: вотъ здѣсь деньги (у нея на рукахъ было все), у меня есть еще брилліянты. Мы можемъ бѣжать съ тобою и жить счастливо гдѣ нибудь за границей.

— Неужели ты желаешь осудить себя и меня на изгнаніе изъ отечества, на бродяжничество и угрызенія совѣсти, какъ похитителей чужой собственности? спросилъ я ее. Что же намъ мѣшаетъ теперь любить другъ друга?

— Онъ! воскликнула Гедвига. Онъ! Я знаю чего стоитъ его сердце, но со всѣмъ тѣмъ терпѣть его не могу. Къ счастію, онъ уже не сближается со мною. Я нашла средство отстранить его отъ себя.

Тутъ я догадался, что она была уже беременна. Положе-

ніе это нагоняло на нее постоянную тоску и нехорошія предчувствія. Другъ мой, Антонъ Липскій, сблизился со мною какъ нельзя больше. Онъ тоже любилъ и долженъ былъ скрывать свою любовь. Въ Люблинѣ жила вдова Тарговская съ двумя дочерьми, Юстиной и Эвой. Имъ принадлежалъ небольшой каменный домъ съ прекраснымъ садомъ, обращеннымъ въ публичное гулянье. Вблизи города они еще имѣли деревеньку съ десятью душами крестьянъ. И это было все ихъ имущество. Отецъ молодыхъ дѣвушекъ имѣлъ нѣкогда большое состояніе и растратилъ его. Красавицы, молодыя и хорошо воспитанныя, онѣ были приняты во всѣхъ лучшихъ домахъ Люблина, бывали на всѣхъ балахъ, и Липскій влюбился въ младшую—Эву, пламенно, страстно, почти до потери разсудка. Отецъ Липскаго, человѣкъ надменный и богатый, гордившійся тѣмъ, что его дядею былъ архіепископъ примасъ, разумѣется, никогда бы не позволилъ сыну жениться на бѣдной. Надо было скрывать любовь.

И мать и обѣ дочери ничего не хотѣли брать отъ влюбленнаго, хоть бѣдность довольно часто давала имъ себя чувствовать. Но влюбленный находилъ способы услуживать имъ и сохранять строгое инкогнито. Такъ онъ купилъ прекрасную карету, заплатилъ за нее 260 червонцевъ и уговорилъ меня сказать Тарговскимъ, что я купилъ эту карету отъ нуждающагося за 85 черв. и радъ бы былъ уступить за эту цѣну. Карета такимъ образомъ досталась вдовѣ. Липскій получалъ отъ отца на содержаніе по 600 червонцевъ въ годъ. Но при такихъ расходахъ этихъ денегъ не хватало, и Липскій вошелъ въ значительные долги. Сказать отцу о долгахъ онъ не смѣлъ. Изъ писемъ отца, которыя очень часто онъ давалъ мнѣ читать, можно было судить на сколько отецъ его суровъ и даже жестокъ; во всѣхъ этихъ письмахъ и тонъ и

выраженія были крайне рѣзки и вовсе не внушали довѣрія и любви, скорѣе напротивъ рождали страхъ и досаду. Письма матери, напротивъ, были мягче и ласковѣе. 1-го августа получено было Липскимъ письмо отъ отца съ приказаніемъ пріѣзжать домой на день Св. Роха — имянины отца. Мать приписывала, что они ждутъ гостей и просила сына привезти съ собою пріятеля, о которомъ онъ уже имъ писалъ, т. е. меня. Ѣхать въ гости я согласился тѣмъ легче, что въ Люблинѣ мнѣ собственно нечего уже было дѣлать, а тѣ небольшія дѣла, которыя еще оставались, Рачинскій брался исполнить за меня. Антоній, благодаря за согласіе ѣхать съ нимъ, со страхомъ предупреждалъ меня о гордости и надменности своего отца. Я его успокоилъ обѣщаніемъ воздерживать себя.

Мы поѣхали сначала въ Варшаву и квартировали по прежнему въ домѣ митрополита. Отецъ Ростоцкій, освоившись съ варшавской жизнію, уже не былъ такъ скупъ и жилъ лучше. У воеводы Стемпковскаго я встрѣтился съ старымъ знакомымъ Варѳоломеемъ Гижицкимъ, уже ротмистромъ гвардіи. Онъ познакомилъ насъ съ Рыбинскими, жившими на Краковскомъ предмѣстьѣ, въ огромномъ каменномъ домѣ. Тамъ насъ пригласили на обѣдъ и познакомили съ епископомъ Нарушевичемъ—знаменитымъ историкомъ и поэтомъ. Я на другой же день поѣхалъ къ нему съ визитомъ. Госпожа Рыбинская была красавица и въ городѣ толковали о ея слишкомъ близкихъ отношеніяхъ съ архіепископомъ Нарушевичемъ. Изъ моихъ же наблюденій оказывалось, что и Гижицкій тоже былъ въ не менѣе близкихъ съ нею отношеніяхъ. Мужъ не обращалъ на все это ни малѣйшаго вниманія. При своей красотѣ въ Рыбинской не было однакоже того что дѣлаетъ женщину милою и дорогою: у нея не было ни манеръ, ни зна-

нія свѣта. Она была кокетка, и пріемы ея были очень уже свободны. Нарушевичъ и Гижицкій, имѣя одну любовницу, были тѣмъ не менѣе въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Такія ужъ это были времена. Предъ отъѣздомъ я былъ съ визитомъ у князя Михаила Радзивилла, онъ наговорилъ мнѣ множество комплиментовъ и подарилъ на дорогу сто червонцевъ. На эти деньги сдѣланы были мною и моимъ другомъ Антономъ Липскимъ, для котораго моя касса всегда была открыта, покупки, необходимыя для поддержанія нашего значенія въ домѣ его отца. Моему егерю я сдѣлалъ новый мундиръ, себѣ купилъ великолѣпный бархатный халатъ на гагачьемъ пуху, коверъ и туалетный ящикъ съ множествомъ флаконовъ съ духами. Стемпковскій знакомъ былъ немного со старикомъ Липскимъ. Пользуясь этимъ я попросилъ дать мнѣ рекомендательное письмо. Вмѣстѣ съ письмомъ добрѣйшій благодѣтель мой, воевода, подарилъ мнѣ бриллiантовую булавку и великолѣпныя пуговицы къ кунтушу.

— Хочу, сказалъ онъ, чтобы тотъ, кого я рекомендую, явился одѣтымъ прилично.

Теперь перейду къ описанію пребыванія нашего у подкоморія Липскаго (подкоморій—земскій окружной судья). Пріѣхали мы въ Равскій округъ въ мѣстечко Яновецъ, лежащее въ одиннадцати миляхъ отъ Варшавы. Яновецъ, хотя и маленькое мѣстечко, показалось мнѣ очень красиво обстроеннымъ; все въ этой провинціи имѣло представительный видъ. Ко дворцу Липскихъ вела широкая аллея, обсаженная вѣковѣчными липами. Дворъ былъ большой, огороженный; домъ двухэтажный, по бокамъ стояли два большіе флигиля. Мы пріѣхали подъ вечеръ, на дворѣ находилось много лю-

дей. Въ гостиной насъ встрѣтила хозяйка, съ нею были двѣ дамы и двѣ маленькія ея дочери. Она очень мило привѣтствовала меня и разговаривала съ какою то особенною добротою. Цѣлыхъ полчаса самъ подкоморій заставлялъ ждать себя. Уже начали приготовлять столъ для кофе, когда наконецъ онъ явился, въ домашней блузѣ, но со звѣздою бѣлаго орла. Сынъ бросился къ нему на встрѣчу; но онъ очень холодно подалъ руку для поцѣлуя и даже не взглянулъ на сына хорошенько. Меня такое обхожденіе просто взбѣсило.

Я стоялъ возлѣ хозяйки, которая, желая обратить вниманіе мужа на меня, сказала: вотъ другъ нашего сына, я уже имѣла удовольствіе съ нимъ познакомиться.

Магнатъ слегка кивнулъ мнѣ головою, и я ему поклонился тоже не очень низко. Слава Богу—видѣлъ я въ моей жизни важнѣйшихъ и не въ примѣръ болѣе учтивыхъ особъ.

— Я былъ занятъ отправкою кореспонденціи, отозвался, помолчавъ, подкоморій. Пишу въ Варшаву. Тамъ, вижу я, глупости дѣлаютъ: тронъ хотятъ сдѣлать наслѣдственнымъ, все вверхъ ногами поставить и убить окончательно всѣ привиллегіи дворянства. Новыя формы правленія устанавливаютъ и до рубашки обираютъ насъ разными податями и выплатами экстраординарными. Сто тысячъ войска вооружаютъ безъ всякой надобности. Не было вѣдь ничего подобнаго въ царствованіе саксонскихъ королей, а между тѣмъ шестьдесятъ лѣтъ Польша прожила въ-мирѣ. Но ничего изъ этихъ новостей не осуществится; я стану противъ всѣхъ нововведеній. Я уже писалъ къ моему родственнику, великому коронному маршалу, къ дядѣ моему, воеводѣ, и къ брату каштеляну. Тутъ, за одинъ разъ, тщеславный хозяинъ, пересчиталъ мнѣ всю свою знатную родню. Я промолчалъ. Вмѣстѣ

съ подкоморіемъ въ комнату вкатилась фигура громадныхъ объемовъ, съ широкимъ краснымъ лицомъ, покрытымъ каплями пота. Это былъ ксендзъ-капелянъ. Какъ послѣ оказалось, онъ одною только толстотою да саломъ и отличался. Меня хозяйка познакомила съ дамами: женою чесника Зборомиской и дѣвицею Эмиліею Брохоцкой; я съ ними и остался разговаривать, а хозяинъ продолжалъ свои политическія филиппики, относясь къ ксендзу, постоянно потѣвшему и обтиравшемуся платкомъ. Послѣ кофе подкоморію подали вишневый чубукъ аршина четыре длиною, и онъ сосалъ его болѣе часа. Общество скучало, я былъ въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Антоній, печальный и смущенный, открывалъ ротъ только тогда, когда отецъ спрашивалъ его. Ксендзъ упорно молчалъ и потѣлъ, а хозяинъ обращался со мною не какъ съ человѣкомъ, а скорѣе какъ съ вещью.

Согласно обычаю, мы пріѣхали опоясанные саблями. Пріѣхать безъ сабли значило обидѣть хозяина, но и хозяинъ съ своей стороны обязанъ былъ просить гостя снять оружіе. Насъ не просили снять оружіе, и мы оставались при саблях. Когда шли ужинать хозяйка просила меня снять саблю; я снялъ, а сынъ ужиналъ съ оружіемъ.

Эмилія, съ которой я разговаривалъ, была очень не дурна, но немного педантка, и въ этотъ первый вечеръ глядѣла на меня немного свысока. Когда отворили дверь въ столовую, подкоморій, даже не взглянувъ на насъ, отправился ужинать. За ужиномъ сидѣло насъ человѣкъ двадцать разнаго сорта — толстыхъ, худыхъ, усатыхъ и бритыхъ, низкихъ и высокихъ; гувернантка, три дѣвочки и толстый ксендзъ. Съ досады я ничего не ѣлъ, отговариваясь головною болью. Ужинъ впрочемъ былъ очень плохъ.

Послѣ ужина, ссылаясь на головную боль, я просилъ поз-

воленія сейчасъ пойти въ мою комнату. Антонъ и какой-то господинъ изъ дворскихъ проводили меня. Квартиру мнѣ и сыну подкоморій велѣлъ отвести предрянную: маленькую комнатку, въ которой едва помѣщались двѣ кровати и два изломанные стула. Не стѣсняясь провожавшимъ меня дворскимъ, я приказалъ моему егерю подать швейцарскій сыръ и вино, привезенные нами изъ Варшавы. Затѣмъ я легъ въ постель, а Антонъ снова ушелъ къ родителямъ и только поздно ночью вернулся.

— Что ты тамъ дѣлалъ? спросилъ я его.

— Разсказывалъ отцу о нашей жизни въ Люблинѣ, о томъ, съ кѣмъ ты меня знакомилъ въ Варшавѣ, говорилъ о твоихъ связяхъ и знакомствахъ. Отецъ очень жалѣетъ, что квартиру отвели невыгодную.

— Пусть не безпокоится: я послѣ-завтра въ ночь уѣду.

Другъ мой взялъ меня за руку и просилъ для него не дѣлать этого. Долго разговаривали мы еще ночью и даже Эмилію вспомнили. Антонъ увѣрялъ меня, что она отозвалась обо мнѣ какъ о неглупомъ человѣкѣ. На утро, когда мы пили шоколадъ, въ половинѣ восьмаго, явился дворскій просить насъ пить кофе.

— Я утромъ не пью кофе. А шоколадъ, какъ вы видите, мы уже пьемъ. Сдѣлайте въ такомъ случаѣ одолженіе, извинитесь за меня предъ хозяевами: я не могу сейчасъ явиться. Мнѣ еще необходимо написать нѣкоторыя письма.

Антонъ впрочемъ сейчасъ же одѣлся и ушелъ.

Въ одинадцать часовъ явился маршалъ двора высокомѣрнаго подкоморія, Гославскій—какой-то мечникъ (военное званіе), должно быть вѣнскій, и просилъ отъ имени хозяевъ завтракать.

— Прошу извинить меня, отвѣтилъ я ему, никакъ не

могу явиться, у меня еще часа на два работы съ письмами. Тутъ я мигнулъ моему егерю, и на столъ явились вестфальскій окорокъ, врацлавскій ликеръ и варшавскія булки.

Выпилъ мечникъ и похвалилъ ликеръ и окорокъ. Но я долженъ оставить васъ, добавилъ онъ, и идти увѣдомить подкоморія, что вы на завтракѣ не будете... Чрезъ полчаса онъ однако возвратился и началъ пространно разсказывать о знатности, богатствѣ и связяхъ своего патрона, заговорилъ даже о стодвадцати тысячномъ приданомъ Эмиліи; увѣдомилъ меня, что уже одиннадцать лѣтъ служитъ у подкоморія и беретъ въ годъ двѣ тысячи злотыхъ (300 р.). Словомъ, исповѣдывался передо мною окончательно. Въ часъ я одѣлся и явился въ залы. Хозяйку засталъ въ гостиной съ ея дамами, а хозяинъ ко мнѣ былъ на этотъ разъ гораздо учтивѣе. Съ своей стороны и я былъ учтивѣе къ нему. Онъ извинился за плохое помѣщеніе, я увѣрилъ его, что это пустяки для молодаго человѣка и просилъ не нарушать сдѣланныхъ уже распоряженій въ помѣщеніи прочихъ гостей и оставить меня въ моей квартирѣ, тѣмъ болѣе, что мнѣ необходимо ѣхать послѣзавтра.

— О, мы васъ не выпустимъ такъ скоро, заговорилъ подкоморій, въ первый разъ протягивая мнѣ руку. Я, разумѣется, поспѣшилъ взять эту руку, какъ знакъ особой ко мнѣ милости.

Вскорѣ пріѣхалъ честникъ Липскій, сводный братъ подкоморія, бывшій депутатъ въ Люблинѣ, мой хорошій знакомый. Онъ очень удивился, увидя меня здѣсь, и обрадовался. Его разсказы обо мнѣ еще болѣе расположили хозяина въ мою пользу, а когда стали съѣзжаться новые гости, меня уже не забывали представлять имъ.

За столомъ я сидѣлъ рядомъ съ Эмиліей, и намъ обоимъ

было весело. За моимъ кресломъ стоялъ мой егерь, въ новомъ мундирѣ, щедро разукрашенномъ золотымъ галуномъ, что̀ очень обращало на меня взоры обѣдающихъ. За столомъ сидѣло до сорока человѣкъ. Послѣ обѣда, воспользовавшись моей случайной похвалой мѣстности своего имѣнія и дома, подкоморій повелъ меня по всему зданію. Я видѣлъ, кромѣ парадныхъ гостиныхъ комнатъ, зало для танцевъ и большую столовую—вездѣ стѣны были обиты шелковой матеріей—полосатымъ атласомъ, дама́ и другими матеріями; кресла и диваны были обиты такими же тканями, стояло множество часовъ съ курантами и всѣ куранты играли въ честь мою. Всѣхъ комнатъ мы осмотрѣли до двадцати. Разумѣется, я всѣмъ восхищался что только видѣлъ. Наконецъ, мы пришли къ дверямъ одного кабинета, возлѣ которыхъ стоялъ мой егерь. Двери отворились— и я увидѣлъ свою постель, знаменитое покрывало отъ Михаила Радзивилла и прочія мои вещи, разставленныя въ порядкѣ. Это было новое помѣщеніе, отведенное мнѣ любезнымъ хозяиномъ. Послѣ долгихъ церемоніальныхъ отказовъ съ моей стороны и настояній подкоморія, я согласился остаться въ новомъ помѣщеніи. Но если я удивленъ былъ богатствомъ убранства дома подкоморія, онъ не менѣе восхитился моимъ радзивилловскимъ покрываломъ. Онъ его осматривалъ нѣсколько разъ, пробовалъ матерію пальцами и хвалилъ узоры. Мой новый бархатный халатъ тоже очень ему понравился; онъ даже его примѣрялъ на себя. Когда мы возвратились къ гостямъ, похвалы хозяина моимъ вещамъ до того увлекли все общество, что хозяйка и гости отправились осматривать ихъ въ новый мой апартаментъ. Дамъ очень заинтересовали флаконы съ духами. Женѣ подкоморія я подарилъ одинъ флаконъ, а женѣ чесника другой, кажется Millefleur.

Вечеромъ начали съѣзжаться гости къ завтрашнимъ именинамъ хозяина. Явилась надворная музыка изъ двадцати человѣкъ музыкантовъ. Играли недурно, нѣкоторые артисты даже пробовали исполнять с о л о. Въ числѣ пріѣзжавшихъ гостей оказалось множество моихъ знакомыхъ изъ Варшавы и Люблина, съ остальными меня знакомилъ другъ мой Антонъ Липскій. Танцовали въ этотъ день немного, и подкоморій разрѣшилъ одинъ англезъ и одну мазурку, только по моей просьбѣ.

На утро, едва только я проснулся, явился въ мою комнату кондитеръ, въ платьѣ бѣлѣе снѣга и принесъ мнѣ шоколадъ, въ серебрянной шоколадницѣ. Я далъ ему червонецъ; вѣсть объ этомъ разнеслась между ливрейной службой, и чуть я показался все склонялось передо мною, всѣ двери отворялись. А между тѣмъ завчера еще на меня никто и глядѣть не хотѣлъ. Всѣ гости были въ мундирахъ, и я одѣлся въ кіевскій мундиръ—голубой кунтушъ. Я одинъ только и былъ въ голубомъ, остальные — въ пунцовыхъ и гранатотыхъ. Ровно въ часъ, войдя въ залъ, я офиціально поздравилъ имянинника, и тогда только торжественно передалъ ему письмо воеводы Стемпковскаго. Надо было видѣть какъ это было по сердцу гордому подкоморію. Письмо весь день лежало на столѣ, и всѣ его читали. Огромный конвертъ, съ гербовой печатью, украшенный всѣми орденами воеводы, тоже лежалъ рядомъ. Самъ Стемпковскій въ этотъ день былъ не только большимъ пріятелемъ, но даже и родственникомъ имянинника.

Къ балу я переодѣлся. На мнѣ былъ надѣтъ голубой кунтушъ, вышитый серебрянными звѣздочками, подшитый ліонской матеріей дымчатаго цвѣта. Шаровары красныя атласныя, такого же цвѣта сапоги съ серебрянными подковками. Бо-

гатый слуцкій поясъ, и на головѣ соболья шапочка, съ бархатнымъ верхомъ, украшенная толстымъ золотымъ шнуркомъ, оканчивавшимся султаномъ изъ искуственныхъ стеклянныхъ волосъ. Теперь такихъ султановъ не найдешь. Брилліантовая булавка и пуговицы, даръ воеводы, сдѣлали мой туалетъ богаче всѣхъ въ обществѣ. Въ комнату мы вошли не снимая шапочекъ и, какъ это сдѣлалъ Ржевускій у короля, сняли ихъ только поздравляя имяниника.

Подкоморій, стоявшій посреди комнаты съ толпой гостей, поглядѣлъ на мою брилліантовую булавку и пуговицы и воскликнулъ: только милаго и дорогаго гостя моего я и ждалъ для открытія бала.

— О, какая большая честь для меня, проговорилъ я, и просилъ его представить меня новоприбывшимъ дамамъ. Затѣмъ начался балъ торжественнымъ польскимъ, который тянулся два часа. Всякая фигура оканчивалась бокаломъ. Я едва могъ избавиться отъ бокаловъ и то только по протекціи жены подкоморія. Въ половинѣ бала я и молодой Липскій опять перемѣнили туалетъ: одѣлись мы одинаково въ бѣлые жупаны и пунцовые кунтуши съ золотыми петлицами. Весь вечеръ я ухаживалъ за Эмиліей, говорилъ ей все что обыкновенно говорятъ влюбленные. Она слушала меня благосклонно; рука ея лежала въ моей рукѣ, а когда я позволилъ себѣ сжать пальчики, мнѣ отвѣтили легкимъ пожатіемъ. Я былъ въ самомъ лучшемъ настроеніи, молодой Липскій напротивъ былъ скученъ, танцовалъ неохотно и все время молчалъ. Отецъ, дядя и все общество замѣтили его печаль. Балъ окончился въ семь часовъ утра. Болѣе шестидесяти особъ остались праздновать второй день. На третій честникъ упросилъ меня ѣхать къ нему. Эмилія тоже потребовала, чтобы я ѣхалъ и разумѣется отказа ей не было.

— Ѣду! воскликнулъ я на ея просьбу; ѣду, что бы не ожидало меня въ домѣ честника.

— Ничего дурнаго не можетъ васъ тамъ ожидать, отвѣтила она, поднявъ на меня свои большіе голубые глаза и опустивъ ихъ въ смущеніи. Я поцѣловалъ ея руку и вдругъ почувствовалъ, что она была надушена моими духами — букетъ Millefleur.

Мать Антона пыталась, наединѣ, выпытывать у меня причину грусти своего сына. Я ограничился сознаніемъ, что причина есть, но открыть тайну отказался, какъ мнѣ непринадлежащую. Ей, какъ нѣжно любимой сыномъ, я посовѣтовалъ самой добиться признанья. Она заплакала, но болѣе не настаивала.

Къ брату подкоморій ѣхалъ парадно; впереди бѣжали два скорохода, хлопая все время бичами, а разстояніе между имѣніями братьевъ Липскихъ было двѣ мили (14 верстъ). Домъ честника новый, одноэтажный, убранный со вкусомъ, производилъ очень хорошее впечатлѣніе, свидѣтельствовавшее о довольствѣ и вкусѣ хозяевъ. Антонъ здѣсь наконецъ сознался матери и дядѣ въ своей любви и долгахъ. Мать дала ему сто червонцевъ, дядя столько же и обѣщали попытаться уговорить отца. Когда мы должны были выѣзжать, подкоморій сталъ упрашивать меня пріѣхать къ нимъ на праздники Рождества. Я отговаривался контрактами въ Дубнѣ, наконецъ Эмилія, краснѣя, по слову подкоморія, тоже просила меня пріѣзжать, и я далъ слово.

Выѣзжая я далъ въ руки надворнаго маршала десять червонцевъ для службы, экономy явившемуся съ увѣреніемъ, что моя теперешняя квартира, сколько бы не наѣхало гостей къ Рождеству, будетъ мнѣ сохранена, тоже пришлось дать два червонца. Мой егерь получилъ отъ подкоморія девять тале-

ровъ. Что касается Эмиліи я былъ въ отношеніи ея въ положеніи почти офиціально принятаго жениха. Я бы вѣроятно и женился на ней, если бы несчастіе, о которомъ мы и не думали, не перепортило всѣхъ нашихъ плановъ и не отмѣнило предполагаемой на рождество поѣздки.

Въ Люблинѣ насъ съ радостью встрѣтили: меня моя Гедвига, Антона—Эва Тарговская. Но ежели мои разсказы о пышности и богатствѣ подкоморія и гостей и о нашемъ пріемѣ обрадовали мою возлюбленную, эти же разсказы заставили расплакаться бѣдную Эву.

— Тѣмъ хуже для меня! воскликнула она, и будущее оправдало такое печальное предчувствіе. Чрезъ двѣ недѣли послѣ нашего возвращенія явился нарочный отъ подкоморія съ грознымъ письмомъ, въ которомъ отецъ, обращаясь къ сыну съ неслыханной жестокостію и грубостію, требовалъ его сейчасъ же къ себѣ. Любовь его онъ проклиналъ, словомъ выписалъ все что только могъ, такъ какъ бумага все терпитъ. Прочитавъ отцовское письмо, несчастный упалъ какъ мертвый. Докторъ успѣлъ привести его въ чувство, но больной оставался безъ движенія и молчалъ какъ камень.

У посланнаго оказалось еще письмо отъ подкоморія къ несчастной Эвѣ Тарговской. Я очень естественно догадывался о его содержаніи и употребилъ всѣ усилія охранить семью несчастной отъ чтенія подобнаго письма. Посланному велѣно было отдать письмо непремѣнно по адресу, но мои червонцы взяли свое, и письмо досталось мнѣ. По истинѣ: это было ужасное письмо.

Антонъ Липскій заболѣлъ горячкой, ему пустили кровь и приставили мушки. Онъ пришелъ въ себя. Эва была въ отчаяніи, письма я ей не далъ, но сказалъ, что письмо прислано. Она догадалась о его содержаніи и расплакалась. Нарочно-

му подкоморія велѣно было взять Антона съ собою, но мы не дали, ссылаясь на его болѣзнь. Я написалъ къ матери и къ дядѣ честнику, умоляя послѣдняго пріѣхать въ Люблинъ. Съ тѣмъ мы и отправили посланнаго. Отвѣтъ изъ-за тридцати миль (210 верстъ) не могъ придти скоро и это немного успокоило больнаго. Онъ думалъ идти въ монахи, я совѣтовалъ бѣжать за границу, предлагая даже тысячу червонцевъ.

— На что мнѣ все это. Эвы не будетъ со мною, я потерялъ ее навсегда.

Узнавъ о письмѣ отца къ бѣдной Эвѣ, больной благодарилъ меня за мое стараніе охранить ее отъ оскорбленія. Онъ требовалъ, чтобы я отдалъ ему это несчастное письмо. Гнѣвъ его и горе, когда онъ прочелъ фатальныя строки, ни съ чѣмъ нельзя было сравнять. Онъ потребовалъ, чтобы мы позволили ему видѣться съ возлюбленною въ послѣдній разъ. Я и Скотницкій свезли его больнаго въ домъ Тарговскихъ, но этого свиданія описывать здѣсь я не могу...

Когда мы его привезли обратно въ квартиру, Антонъ просилъ насъ оставить его одного, говоря, что хочетъ спать. Ничего не подозрѣвая, мы и сами пошли спать. До утра у него все было тихо. Передъ свѣтомъ онъ позвалъ своего человѣка и велѣлъ ему отнести письмо къ Эвѣ. Ничего не было въ этомъ поступкѣ особеннаго, и мы остались у себя въ комнатѣ. Вдругъ послышался выстрѣлъ. Въ ужасѣ всѣ кинулись въ комнату Липскаго и увидѣли его въ крови, съ раздробленною головою...

Когда я сошелъ снова внизъ, Гедвига встрѣтила меня въ дикомъ отчаяніи, съ воплемъ: я за тебя боялась. Она была беременна и испугъ этотъ ей даромъ не прошелъ. Явилась полиція, составила протоколъ и въ комнатѣ самоубійцы

найдено еще два письма: одно къ матери конченное и запечатанное, другое къ отцу, только начатое. Дядя честникъ пріѣхалъ черезъ три дня.

Въ двухъ словахъ передамъ печальный конецъ исторіи Липскаго: отецъ его совсѣмъ почти съ ума сошелъ, проклиная сына и говоря тысячу глупостей. Бѣдная мать умерла, помѣшавшись послѣ самоубійства Антона. Я болѣе въ ихъ домѣ никогда не былъ. Съ честникомъ мы встрѣтились черезъ годъ въ Варшавѣ. Онъ увѣрялъ, что Эмилія ждетъ еще меня. Я обѣщалъ пріѣхать, но и этому обѣщанію обстоятельства помѣшали исполниться. Другъ мой Рачинскій повелъ свои дѣла великолѣпно и упрекалъ меня за то, что я не воспользовался всѣмъ что мнѣ слѣдовало по дѣлу Радзивилловъ. Ему за это дѣло досталось сто тысячъ злотыхъ (15000 р.). Мы съ нимъ сдѣлали условіе, я ему уступалъ дѣла митрополита, онъ мнѣ дѣла въ Люблинѣ. Въ Варшаву, послѣ похоронъ Антона Липскаго, мы условились ѣхать вмѣстѣ. Но передъ отъѣздомъ я похоронилъ еще одну дорогую мнѣ личность: Гедвига умерла въ страшныхъ мукахъ. Передъ смертью она захотѣла увидѣться со мною... Ужасная это была сцена, и я никогда ее не забуду.

XXXIX. Варшава и Протъ Потоцкій, воевода кіевскій.

Въ Варшавѣ дѣла мои пошли довольно хорошо. Прежде всего я представилъ Рачинскаго митрополиту и завѣрилъ, что онъ можетъ очень много помочь въ дѣлѣ помѣщенія отца митрополита въ сенатѣ. Рачинскій самъ имѣлъ большія знакомства между великопольскими депутатами на сеймѣ, но еще болѣе дѣйствовалъ Рачинскій чрезъ королевскаго надворнаго маршала и генерала земель великопольскихъ.

Отецъ Ростоцкій очень охотно познакомился съ Рачинскимъ и отвелъ для насъ помѣщеніе въ своемъ дворцѣ. Но я уже квартировалъ у Стемпковскаго, и вмѣсто меня съ Рачинскимъ поселился Скотницкій. Съ этихъ поръ я уже былъ только помощникомъ, а не главнымъ дѣятелемъ въ дѣлахъ митрополита. Рачинскій, взявшій все въ свои руки, былъ гораздо способнѣе меня: онъ писалъ прекрасно, былъ ловокъ и имѣлъ большія связи. Но онъ всегда такъ дѣйствовалъ, чтобы часть дѣла доставалась мнѣ и чтобы митрополитъ не могъ совершенно обойтись безъ моего участія.

Намъ удалось таки добиться, чтобы митрополитъ былъ допущенъ засѣдать въ сенатѣ, хотя и ниже всѣхъ епископовъ римско-католическихъ. Послѣ торжественнаго пріема въ сенатѣ, отецъ Ростоцкій получилъ аудіенцію у короля и возвратился домой въ восторгѣ. Но мнѣ онъ передалъ, что чувствуетъ себя неловко съ одною только лентою ордена св. Станислава. Необходимо получить Бѣлаго Орла; онъ уже пробовалъ хлопотать изъ подъ руки, но король ничего не хотѣлъ сдѣлать ни для кого изъ жителей воеводства кіевскаго помимо Стемпковскаго. Я взялся поговорить объ этомъ съ воеводою. Митрополиту поскорѣе хотѣлось получить голубую ленту.

— Я зналъ, что ему этого захочется, сказалъ Стемпковскій въ отвѣтъ на мое представленіе. Что же? это сдѣлать можно.

На условія воеводы митрополитъ согласился, и чрезъ нѣсколько дней орденъ Бѣлаго Орла былъ у него. Мнѣ досталось за это дѣло двѣсти червонцевъ.

Въ Варшаву въ это время прибыли: Іосифъ Понятовскій, племянникъ короля, Костюшко, бригадиръ службы Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Виртембергскій, генералъ изъ цар-

ственнаго нѣмецкаго рода и много еще другихъ офицеровъ, пожелавшихъ поступить въ реставрированную польскую армію. Іосифу Понятовскому дали ордена св. Станислава и Бѣлаго Орла; онъ жилъ очень роскошно: король и дядя архіепископъ-примасъ давали ему много денегъ. Всѣ его очень любили. Одинъ его экипажъ съ лошадьми стоилъ десять тысячъ червонцевъ. Понятовскій командовалъ въ Великой Польшѣ, князь Виртембергскій въ Малой Польшѣ, а Костюшко на Украинѣ и учредилъ свою главную квартиру въ Немировѣ.

На сеймѣ шло дѣло о наслѣдственности трона. Депутаты не хотѣли сами рѣшать этого вопроса и потребовали о т д а ч и в о п р о с а на рѣшеніе цѣлаго народа. Къ этому времени подходилъ двухлѣтній срокъ, далѣе котораго сеймъ не могъ засѣдать, а между тѣмъ много еще оставалось дѣлъ нерѣшенныхъ. Тогда постановили, чтобы еще столько же было выбрано депутатовъ, и оба комплекта продолжали сеймъ безъ перерыва. Учреждены были новыя судебно-административныя учрежденія подъ названіемъ Комиссій Военно-Гражданскихъ. Президентъ такой комиссіи былъ поставленъ на-равнѣ съ маршаломъ трибунала, а асесоры—съ депутатами. Для узнанія мнѣнія народа по дѣлу о наслѣдственности трона, для опредѣленія новыхъ комиссій и для выбора депутатовъ назначены были провинціальные выборы (sejmiki).

Работы и хлопотъ въ это время въ Варшавѣ у меня было очень много. Я жилъ весело и часто игралъ въ карты у Рыбинскихъ и у каштеляншi Ольбромской. Модною игрою былъ ц в и к ъ (родъ стуколки), игру начинали съ очень высокой ставки, по 16 злотыхъ поэнъ (2 р. 40 к.) и то съ обязательной безъ паса. Ставки бывали нѣсколько разъ по нѣскольку десятковъ тысячъ злотыхъ. У Рыбинскихъ постоянно игралъ

епископъ Нарушевичъ. Фигурою и представительностію онъ вовсе не отличался; одежда всегда была въ безпорядкѣ, даже доходило до грязи и нечистоплотности. Волосы рудые, разбросанные, сзади одинъ большой локонъ. Говорилъ онъ много, неглупо, но уже черезчуръ грубо, вовсе не заботясь о содержаніи рѣчи и благопристойности. Квартира его была переполнена и завалена бумагами, книгами и разными отрывками. Пыль и сметье занимали всѣ углы; кровать грязная, измятая, скорѣе походила на берлогу нищаго, чѣмъ на мѣсто отдохновенія епископа и сенатора. Никто бы не сказалъ, глядя на него, что это знаменитый переводчикъ Тацита, поэтъ и историкъ, слава котораго пойдетъ въ потомство. Бѣдный монахъ и веселый придворный скорѣе всего проглядывали въ ученомъ епископѣ. Стемпковскаго днемъ я видывалъ рѣдко, только на большихъ обѣдахъ. За то я былъ обязанъ являться каждое утро въ восемь часовъ и рапортовать ему обо всемъ что видѣлъ и слышалъ въ городѣ. Въ одиннадцать начинали пріѣзжать съ визитами, и я былъ свободенъ. Разъ случилось мнѣ пріѣхать домой часовъ въ десять вечера; я думалъ переодѣться и ѣхать на пикникъ, какъ вдругъ воевода потребовалъ меня.

— Ты все летаешь! Нѣтъ возможности тебя отыскать, закричалъ онъ, чуть только меня увидѣлъ. Былъ онъ боленъ подагрой и очень разстроенъ. Я хотѣлъ съѣздить за докторомъ — не позволилъ. Нога у него очень болѣла; постоянно приказывалъ то закрывать, то открывать ее. Пришла мнѣ счастливая мысль прикрыть ему ногу моимъ бархатнымъ халатомъ, на гагачьемъ пуху. Я бросился въ свою комнату и чрезъ минуту укрылъ больную ногу. Боль немного утихла подъ легкимъ и очень теплымъ покровомъ. Тогда я, осторожно, сталъ просить, чтобы онъ позволилъ моему халату

всегда служить покрытіемъ его ногамъ. Ему это понравилось, онъ развеселился и мы проговорили до поздней ночи.

Спустя нѣсколько дней, когда я былъ въ комнатахъ воеводы, лакей увѣдомилъ меня, что на мою половину явился съ визитомъ ксендзъ-каноникъ Осовскій. Я его зналъ давно; онъ былъ воспитателемъ князя Прота Потоцкаго, но впрочемъ его трудно было сравнять съ Минервой, управляющей первыми шагами юнаго Телемака. Это былъ эксъ-іезуитъ, опытный и ловкій, проникнутый въ совершенствѣ тѣмъ духомъ, который составляетъ характерную черту этой асоціаціи. Онъ, окончивъ воспитаніе Потоцкаго, ѣздилъ съ нимъ за границу и былъ всегда при немъ. Начавъ съ комплимента, Осовскій сообщилъ мнѣ, что князь помнитъ меня и помнитъ моего отца и дѣла, которыя съ нимъ имѣлъ во время контрактовъ въ Дубнѣ. Теперь онъ надѣется видѣть меня у себя на обѣдѣ.

Я сейчасъ догадался, что тутъ подъ приглашеніемъ на обѣдъ кроется что нибудь дѣловое.

— Всегда готовъ, отвѣтилъ я, исполнить все что многоможный старостицъ (сынъ старосты) прикажетъ мнѣ, если только буду въ состояніи.

— О вы это сдѣлать очень въ состояніи, отвѣтилъ ксендзъ. Князь намекнулъ мнѣ, что еслибы вы согласились быть ему полезнымъ, онъ бы васъ благодарилъ...

— Въ чемъ же дѣло?

Слово за словомъ выяснилось желаніе Потоцкаго узнать, не согласится ли воевода Стемпковскій продать (уступить) ему свое мѣсто въ сенатѣ. Мы поговорили объ этомъ, и я обѣщалъ быть на обѣдѣ. Послѣ отъѣзда Осовскаго, я сейчасъ передалъ весь разговоръ Стемпковскому. Онъ сначала ужасно разсердился:

— Какъ! Этому жидку, этому банкиру, купцу, мнѣ усту-

пить мое сенаторское мѣсто. Этого никогда не сдѣлаю. А ужъ еслибы и думалъ такъ поступить, то во всякомъ случаѣ не ему уступлю.

— Если вы думаете уступить, тогда не все ли вамъ равно кому? Тому или другому, только бы хорошо заплатить.

— Но мое вліяніе на милыхъ моихъ кіевлянъ... Наконецъ дѣла, которыя только я одинъ могу вести у короля — вѣдь все это должно погибнуть!?

— Зачѣмъ же должно погибнуть? возразилъ я. Король васъ личпо очень любитъ. Обдумавши, онъ можетъ устроить такъ, что дѣла, которыя шли чрезъ ваши руки, такъ и останутся подъ вашимъ вліяніемъ.

Воевода немного задумался.

— А можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ ты правъ, сказалъ онъ чрезъ минуту.

— Съ уступкой сенаторскаго кресла ваше вліяніе при дворѣ не уничтожится. Вы можете засѣдать въ комиссіи военно-гражданской, и король можетъ утвердить за вами чинъ генералъ-лейтенанта арміи, съ зачисленіемъ по арміи. Тогда почести и жалованье останутся всѣ при васъ...

— Юноша! воскликнулъ Стемпковскій, скажи: чертъ или ангелъ подшептываетъ тебѣ такіе планы?

— Здравый разсудокъ...

— Но, я вижу, ты дальше видишь, чѣмъ я думалъ о тебѣ. Пора однако тебѣ одѣваться и ѣхать къ Потоцкому.

Я сталъ прощаться, и Стемпковскій, напутствуя, сказалъ: поѣзжай, но скажи, что я этому жидку Потоцкому кресла въ сенатѣ не уступлю.

Когда я былъ уже совсѣмъ одѣтъ, онъ велѣлъ меня позвать снова.

— Что думаешь сказать Потоцкому?

— Скажу, что еще не говорилъ вамъ ничего и сказать боюсь.

— Напротивъ. Дай ему надежду, но очень далекую и разузнай, что бы могъ онъ дать за уступку воеводства.

У Прота Потоцкаго я нашелъ общество изъ тридцати человѣкъ, между прочимъ Станислава и Игнатія Потоцкихъ, Кабри и Тепера—банкировъ. Потоцкій отвелъ меня въ сторону и спросилъ: говорилъ ли я съ воеводою и согласенъ ли онъ уступить?

— Поручиться за согласіе не смѣю, но думаю: дѣло можно бы обдѣлать, еслибы, съ своей стороны, и вы указали на какую нибудь выгоду для воеводы въ этомъ дѣлѣ.

— О, разумѣется, я и не думалъ требовать уступки даромъ, нѣтъ поводовъ ему такъ поступать въ отношеніи меня.

— Въ такомъ случаѣ, сколько вы думаете дать? спросилъ я.

— Я рѣшился дать восемь тысячъ червонцевъ, а вамъ, прибавилъ Потоцкій еще тише, за труды дамъ триста червонцевъ.

Я немного разгорячился.

— Вѣдь я не продаю воеводу и не продамъ ни за какую цѣну. Мое содѣйствіе ничего не значитъ; могу только передать, и воевода сдѣлаетъ что ему вздумается Я берусь только передать предложеніе и принести отвѣтъ Стемпковскаго.

Тутъ подошелъ Игнатій Потоцкій. Ему объяснили въ чемъ дѣло. Онъ тоже присоединился къ разговору и объявилъ, что берется съ своей стороны заставить князя Прота дать десять тысячъ червонцевъ.

Это, они объявили, была послѣдняя цѣна.

Послѣ обѣда Протъ Потоцкій требовалъ, чтобы я далъ ему рѣшительный отвѣтъ, будетъ ли Стемпковскій вести пере-

говоры объ уступкѣ мѣста? Я просилъ дать мнѣ дня два времени. На утро всѣ три Потоцкіе: Станиславъ, Игнатій и Протъ сдѣлали Стемпковскому офиціальные визиты. Два дня прошло и я приступилъ къ воеводѣ, спрашивая: что долженъ сказать по этому дѣлу.

— Я уступить не прочь. Но прежде долженъ имѣть ауді-енцію у короля.

Въ этотъ же день, чрезъ Бышевскаго, воевода передалъ свое желаніе имѣть аудіенцію у короля, и вечеромъ пажъ привезъ билетъ пригласительный на королевскій обѣдъ на завтра и на частную аудіенцію въ 11 часовъ въ кабинетѣ. Уѣзжая въ замокъ, Стемпковскій велѣлъ мнѣ ѣхать съ нимъ и ждать въ мраморной залѣ. Три часа ждалъ я, наконецъ воевода вышелъ передъ самымъ обѣдомъ, очень веселый и велѣлъ ѣхать домой, обѣщая быть дома въ восемь часовъ.

— Король обѣщалъ все сдѣлать, все дѣлается согласно твоему плану, сказалъ онъ, трепля меня по плечу. Откуда тебѣ такія мысли приходятъ?

— Любовь къ вамъ внушаетъ ихъ, отвѣтилъ я почтительно. Кромѣ того я увѣренъ въ милости короля...

— Поѣзжай же къ Потоцкому и скажи: завтра будемъ составлять условіе, но я дешевле пятнадцати тысячъ не уступлю.

У Потоцкаго меня удержали на обѣдъ. На утро все было кончено. Протъ Потоцкій заплатилъ пятнадцать тысячъ червонцевъ (45.000 р.), а воевода уступилъ ему свое сенаторское званіе кіевскаго воеводы. Осовскій и я съѣздили съ чекомъ Потоцкаго къ Теперу и привезли деньги. Послѣ ужина, уходя, онъ просилъ меня пріѣхать къ нему утромъ.

Когда я явился съ визитомъ и поздравленіями онъ былъ очень радъ и сказалъ:

— Я успѣлъ въ своемъ намѣреніи и получилъ кресло въ

сенатѣ, но и Стемпковскій не въ убыткѣ; онъ имѣетъ чинъ и жалованье генералъ-маіора, мѣсто президента въ комиссіи военно-гражданской и званіе совѣтника при дворѣ. Кромѣ того ему обѣщано, что всѣ дѣла воеводства пойдутъ чрезъ его руки. Съ моей стороны намѣреваюсь завести большія реформы въ судахъ городскихъ и земскихъ. Не желаете ли г. Охотскій какой либо должности, я буду очень радъ.

Я извинился моими обязанностями въ Варшавѣ и просилъ позволенія воспользоваться добротой князя впослѣдствіи. Протъ Потоцкій вышелъ въ другую комнату и вынесъ чекъ на мое имя къ Теперу на триста червонцевъ. Далъ также пятьдесятъ червонцевъ для Закржевскаго, писавшаго условіе. Это былъ молодой, бѣдный, но очень хорошій малый.

Я все разсказалъ воеводѣ и показалъ ему чекъ къ Теперу.

— И я очень доволенъ, говорилъ эксъ-воевода. Какъ генералъ-лейтенантъ получаю 36.000, какъ предсѣдатель комиссіи 24.000, какъ совѣтникъ 12.000 злотыхъ, всего 72.000 (10.800 р.). Не считая того, что всѣ дѣла воеводства остаются въ моихъ рукахъ.

Когда Стемпковскій получилъ патентъ на чинъ генералъ-лейтенанта, князь Понятовскій явился къ нему съ рапортомъ, онъ началъ отдавать дневные приказы, и къ его дворцу приставленъ былъ почетный караулъ.

Всѣмъ военнымъ и князю Іосифу Стемпковскій далъ обѣдъ; всѣхъ собралось сто сорокъ особъ. На этомъ же обѣдѣ Гижицкій увидѣлъ мое знаменитое покрывало, подарокъ Михаила Радзивилла, ему очень оно понравилось. Отъ него узнала объ немъ Рыбинская, велѣла привезти показать и настояла уступить ей за 80 червонцевъ. Я очень его жалѣлъ, но Гижицкому нельзя было отказать.—Отецъ мой поручилъ мнѣ ѣхать въ Дубно и собрать проценты съ его капиталовъ;

между разными порученіями его было въ спискѣ: купить четверть фунта чаю... Тогда чай въ провинціи употреблялся еще какъ лекарство. Но въ Варшавѣ чай уже былъ въ употребленіи и даже звали на чай съ танцами. У примаса каждую пятницу были чайныя собранія. Но кромѣ чаю, тамъ еще подавали мороженное, конфекты и вино... Послѣднее привлекало болѣе всего на эти чайныя собранія.

Сеймъ былъ отложенъ по случаю праздниковъ Рождества. Я заглядывалъ иногда къ митрополиту, но тамъ Рачинскій всѣмъ уже овладѣлъ и такъ успѣшно, что за одинъ разъ вырвалъ у отца митрополита двѣ тысячи червонцевъ... Онъ былъ очень ловокъ. Въ одинъ годъ этому человѣку удалось собрать до 200.000 злотыхъ (30.000 р.). Жилъ онъ роскошно, держалъ хорошаго повара, камердинера, трехъ лакеевъ и экипажъ; все это въ годъ стоило 50.000 злотыхъ (7500 р.), но за то расходъ этотъ давалъ ему извѣстное положеніе въ свѣтѣ. Собираясь выѣхать изъ Варшавы, я пошелъ проститься съ воеводой.

— Что же ты никогда у меня не просишь ничего для себя? спросилъ онъ очень ласково.

— Я вамъ всѣмъ обязанъ. Но если вы позволите, я бы просилъ дать орденъ моему дядѣ абату Охотскому...

На другой же день крестъ и патентъ были въ моихъ рукахъ. Кромѣ того мнѣ было дано званіе камергера. Прощаясь Стемпковскій подарилъ мнѣ коляску, кромѣ того велѣлъ взять карету и въ день именинъ подарить ее женѣ судьи Букара.

Я изъ Варшавы выѣхалъ имѣя на расходы наличными въ мѣшкѣ 900 червонцевъ и у банкира на векселѣ 2000 червонцевъ. Гардеробъ былъ у меня великолѣпный.

Въ Люблинѣ я прямо заѣхалъ къ Тарговскимъ и нашелъ

весь домъ въ траурѣ. Эва постриглась въ монахини... Даже видѣть ее мнѣ не удалось. Написать къ ней мнѣ мать также не дозволила. Въ Люблинѣ я пробылъ только два дня. Былъ съ визитомъ у знакомыхъ и затѣмъ отправился далѣе въ кіевское воеводство.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Львовъ.

По дорогѣ изъ Варшавы на контракты въ Дубно я остановился на почтовой станціи Пески, недалеко отъ Люблина. Было еще довольно рано. На почтовомъ дворѣ стоялъ кабріолетъ и телѣжка, очевидно для слуги проѣзжающаго. Войдя въ комнату на станціи я увидѣлъ молодую даму, очень хорошенькую, со вкусомъ но по дорожному одѣтую, пьющую шоколадъ. Самъ я былъ, хотя и въ дорогѣ, тоже въ очень порядочномъ платьѣ; я всегда любилъ порядокъ и представительность во всемъ меня касающемся. Дамѣ я поклонился учтиво и обращаясь къ почтсодержателю, приказалъ:

— Мнѣ тоже, г. секретарь, подать шоколаду! [1])

— Извините, но шоколадъ мой весь вышелъ, отвѣтилъ

---

1) Въ Польшѣ почтсодержатели, всегда состоятельные дворяне, назывались секретарями Е. К. Величества. Почты были всегда исправны; брали за милю въ Польшѣ два злотыхъ (за 7 верстъ 30 коп.) въ Украинскихъ провинціяхъ 1 зл. 15 грошей за милю (22½ за 7 верстъ).

онъ мнѣ. Только сегодня ожидаю транспорта изъ Люблина. Дама эта пьетъ собственный шоколадъ.

— Прошу васъ, не откажите выпить моего, обратилась дама ко мнѣ. Завязался разговоръ. Я ей сказалъ мою фамилію и цѣль моей поѣздки. Она оказалась генеральшей М., урожденной Рафаловичъ и ѣхала въ Львовъ. Разговоръ оживился, въ это время запрягли лошадей и мы вышли садиться. Вечеръ былъ теплый, какъ въ маѣ. Генеральша велѣла опустить верхъ своего кабріолета. Въ моей колясочкѣ верхъ не опускался. Я позавидовалъ удобству ея экипажа.

— Въ такомъ случаѣ садитесь со мною, а моя служанка поѣдетъ въ вашей колясѣ.

Она еще не окончила фразы, а я уже былъ рядомъ съ нею. На слѣдующей станціи: Красный Ставъ, я уже не ожидая приглашенія сѣлъ въ ея экипажъ.

— Вы знаете Львовъ? спросила меня, дорогою, генеральша.

— Никогда не удавалось быть въ немъ, но побывать тамъ я давно уже собираюсь.

Она принялась расхваливать городъ. Въ это время мы достигли пункта, гдѣ расходились дороги: одна шла на Украину, по которой мнѣ слѣдовало ѣхать, а другая на Львовъ черезъ Замостье. Почталіонъ остановилъ лошадей, я вышелъ изъ экипажа и началъ прощаться, изъявляя сожалѣніе, что такое милое знакомство такъ скоро должно прерваться.

— Въ такомъ случаѣ не прерывайте его: садитесь со мною и поѣдемъ въ Львовъ, воскликнула генеральша улыбаясь.

Втораго приглашенія я не ожидалъ и сидѣлъ уже снова въ ея экипажѣ и ѣхалъ въ Львовъ. Такимъ поступкомъ я терялъ всѣ дѣла въ Дубнѣ, пропуская время контрактовъ; дѣла моего отца и полученіе моихъ собственныхъ денегъ —

годичное мое содержаніе отъ дяди и другихъ, все это отлагалось. Но... кто былъ молодъ, тотъ пойметъ меня.

Время было прекрасное—весеннее, общество генеральши самое пріятное, и скучный этикетъ не связывалъ насъ. Въ Бродахъ мы переѣхали границу, но никто въ таможнѣ не спросилъ паспортовъ. Искали только не веземъ ли табака. Тогда границу переѣзжали совершенно также свободно, какъ обыкновенную сосѣдскую межу. Подъѣзжая къ Львову, мы разумѣется пересѣли каждый въ свой экипажъ. Генеральша остановилась у своего родственника, брата армянскаго архіепископа Туманскаго, а я въ гостинницѣ.

Въ городѣ скоро отыскалась родня: тамъ жили племянники моего дяди абата Охотскаго: — Гилярій Семяновскій, депутатъ львовскаго трибунала, и братъ Евзебій, поручикъ польской службы въ отпуску. Гилярій занималъ цѣлый этажъ въ большомъ каменномъ домѣ и меня принудилъ переѣхать къ нему. Оба брата были люди веселые и сердечные, познакомили меня почти съ цѣлымъ Львовомъ, и мы, всѣ трое, превратились въ мотыльковъ. Меня немного тревожили дѣла въ Дубнѣ. Туда пришлось отправить эстафету съ просьбою къ Мартину Букару замѣнить меня, и если придетъ письмо отъ отца (а съ отцомъ нельзя было шутить)—распечатать и исполнить что онъ прикажетъ.

Успокоивъ себя съ этой стороны, я слѣпо и безразсудно бросился въ омутъ удовольствій. Въ игрѣ мнѣ везло, и это еще болѣе способствовало увеличенію моихъ расходовъ. У генеральши М. часто случалось не бывать по нѣскольку дней; она меня бранила за это и вообще разыгрывала роль опекунши надо мною. Надо сказать правду: Львовъ не даромъ славился свободою нравовъ. Здѣсь многое такое дозволялось что еще было запрещено въ иныхъ провинціяхъ.

Передъ наступленіемъ праздниковъ я кстати припомнилъ, что сестра моего дяди и благодѣтеля, абата, Игнація, была монашенкой въ здѣшнемъ монастырѣ. Семяновскіе объявили, что въ томъ же монастырѣ воспитывается ихъ сестра Фаустына. Всѣ мы втроемъ отправились въ монастырь.

Фаустына была красивый ребенокъ, но очень боязливый и краснѣющій отъ каждаго слова. Я бывалъ потомъ довольно часто у сестры Игнаціи, и всякій разъ къ рѣшеткѣ вызывали и молодую дѣвушку, которой тогда было не болѣе тринадцати лѣтъ. Желая отблагодарить Семяновскихъ за ихъ вниманіе, я возилъ ей лакомства и разныя мелочи. Но тогда мнѣ и въ голову не приходило, что этотъ ребенокъ, черезъ два года, будетъ моей женой.

Другая сестра Семяновскихъ, вышедшая замужъ за Яконовскаго противъ воли родителей и которую поддержалъ тотъ же добрѣйшій абатъ Охотскій, пріѣхала въ Львовъ. Она должна была, по распоряженію абата, взять Фаустыну къ себѣ на воспитаніе. При отъѣздѣ я подарилъ Фаустынѣ большую коробку лакомствъ. Сестрѣ Игнаціи, подъ предлогомъ порученія отъ ея брата абата, я передалъ 15 червонцевъ.

Въ это время я Богъ знаетъ чѣмъ былъ занятъ: любовью, попойками и картами. Даже Яконовскую, проживавшую въ одномъ домѣ, мнѣ рѣдко удавалось видѣть. Наконецъ праздники минули, контракты кончились, надо было ѣхать. Яконовская уѣзжала, Евзебію Семяновскому кончался отпускъ; полкъ его стоялъ въ Познани и онъ ѣхалъ со мною до Бродовъ. Я отправился прощаться съ знакомыми: генеральша М. позволила мнѣ бывать у нея въ Варшавѣ. Госпожа Д. Д.—послѣдняя моя любовь, оплакивала меня. Сестра Игнація оплакивала меня и свою любимицу Фаустыну,

съ которою приходилось разстаться. При прощаньѣ, обливаясь слезами, она воскликнула, указывая на меня и на дѣвочку:

— О если бы Богъ услышалъ мои молитвы, и васъ двоихъ, которыхъ я болѣе всего люблю, соединилъ вмѣстѣ.

Изъ Львова я выѣхалъ пресыщенный всѣми удовольствіями. Я былъ похожъ на гончаго, до того утомленнаго охотой, что онъ не хочетъ даже шевельнуться, хотя бы самая лучшая дичь садилась ему даже на носъ.

Передъ выѣздомъ, меня увѣдомили изъ Дубна, что тамъ все пошло какъ нельзя лучше: мои капиталы получены сполна, деньги отца, бывшія на пяти процентахъ у банкира Кабри, помѣщены на 6% у судьи Букара, согласно его воли. Изъ Львова я везъ множество покупокъ для себя и подарковъ роднымъ и знакомымъ. Между прочимъ для воеводы я купилъ хрустальный кубокъ за семь червонцевъ. Но, увы, изъ моихъ 900 червонцевъ, когда я выѣхалъ изъ города, въ мѣшкѣ оказалось только тридцать пять. На прощаньи съ Семяновскими, въ Бродахъ, мы всѣ перепились, что называется: по польски.

II. Сеймики въ 1791 году.

Изъ Бродъ, на другой день, я былъ уже въ Лабунѣ. Покончивъ съ порученіями воеводы, я въ самый день имянинъ жены судьи Букара явился въ Янушпольѣ. Карету, подарокъ воеводы г-жѣ Букаръ и мою новенькую колясочку, тоже привезли въ Янушполье. Здѣсь былъ огромный съѣздъ дворянъ. Прибыли изъ Варшавы оба брата Гижицкіе — Антонъ и Варѳоломей; послѣдній только что пріѣхалъ изъ столицы съ письмами и порученіями, касавшимися предстоя-

щихъ сеймиковъ. Оба брата постановили усиленно дѣйствовать на этихъ выборахъ; они стояли за наслѣдственность трона. Меня пригласили быть вмѣстѣ, и конечно я не отказался.

Веселились мы, какъ обыкновенно бывало въ Янушполѣ, весело и шумно. Старики стояли за тронъ элекціонный (за право выбирать короля). Мы съ ними не вступали въ разговоры, чтобы не плодить напрасныхъ споровъ; но все порѣшили между собою потихоньку. Съ Ганскими пріѣхала дѣвица Гнатовская, я къ ней сейчасъ же адресовался съ ухаживаніемъ; на этотъ разъ она выглядѣла еще лучше: стала представительнѣе и манеры ея были хорошаго тона. Отецъ съ женой тоже былъ въ гостяхъ; хотѣлъ меня побранить за то, что не былъ въ Дубнѣ, но я закрылъ ему ротъ, сказавши: въ Львовъ меня принудили ѣхать дѣла Степановскаго. Съ меня взяли слово, на утро послѣ имянинъ, ѣхать въ Молочки, имѣніе Мартина Букара и затѣмъ явиться на выборы. Въ Молочкахъ порѣшили выбрать маршаломъ сейма генералъ-инспектора Иллинскаго. Асесорами на сеймѣ должны были быть: Антонъ Гижицкій и Мартинъ Букаръ съ житомірскаго повѣта; Яковъ Паушa и я съ овруцкаго, Флоріанъ и Иванъ Залѣскіе съ кіевскаго повѣтовъ. Послали нарочнаго за Паушей, котораго фамилія имѣла огромное вліяніе въ овруцкомъ повѣтѣ и откуда на выборы должно было явиться множество шляхты. За Иллинскимъ тоже посылали; онъ пріѣхалъ, разсмотрѣлъ наши проекты и согласился на все. Всѣ мы поспѣшили въ Житоміръ напять квартиру для всѣхъ одну, а Варѳоломея Гижицкаго послали съ приказомъ генерала Иллинскаго въ Немировъ, гдѣ стоялъ съ войскомъ Костюшко. Слѣдствія этого приказа мы увидимъ ниже, а теперь я скажу только, что Гижицкій испол-

нилъ это въ два дня и на третій присоединился къ намъ.

Квартиру для насъ нашли въ бернардинскомъ монастырѣ; мы заняли весь низъ, вверху одинъ рядъ келій, всѣ коридоры, общую залу и залу, гдѣ временно бывали службы (Refiktarz). Изъ Янушполья, Молочекъ, Краснополья и Новополья (отъ Паущи), тянулись обозы съ съѣстными припасами, посудой, поварами, водкой. Залѣскіе тоже привезли огромные запасы. Для покупки винъ и на другіе расходы мы всѣ сложились по восьмидесяти червонцевъ и поручили экономy Гижицкихъ должность маршала нашего двора. За три дня передъ выборами мы всѣ собрались въ Житоміръ. Новый воевода кіевскій, Потоцкій, явился также и занялъ квартиру во дворцѣ епископа. Иллинскій помѣстился въ домѣ купца Левандовскаго. Потоцкій предполагалъ назначить маршаломъ сейма Игнатія Хоецкаго. Мы всѣ поѣхали къ нему и представили очень мягко и учтиво, но твердо, что маршаломъ долженъ быть генералъ Иллинскій. Такъ и постановили съ его согласія. На утро я самъ одинъ уже былъ у Потоцкаго и мы разговаривали долго; дѣло шло о весьма важномъ предметѣ—наслѣдственности трона. Я ему сказалъ въ какомъ положеніи дѣла, какія силы нашей партіи и сколько насъ всѣхъ, стоящихъ за наслѣдственность. Мы знаемъ, прибавилъ я, что и вельможный воевода поддерживаетъ ту же сторону что и мы, а потому мы готовы присоединиться къ его партіи.

— О, въ такомъ случаѣ очень хорошо, отвѣтилъ Потоцкій, весьма обрадованный. Чрезъ часъ онъ уже былъ у насъ съ визитомъ, зашелъ къ каждому въ его квартиру и всѣхъ насъ попросилъ на обѣдъ. На этомъ обѣдѣ было не болѣе сорока человѣкъ, и на немъ общество, частнымъ образомъ,

пригласило: генерала Иллинскаго быть маршаломъ, а насъ— асесорами сеймика. Въ городъ, между тѣмъ, съѣзжались со всѣхъ сторонъ кареты, коляски, брички и возы; цѣлыя толпы коннаго и пѣшаго люда — все это были избиратели. Въ это время еще каждый дворянинъ имѣлъ право быть избирателемъ, а доказательствъ на самое дворянство вовсе не требовали, а посему избирателей являлось безчисленное множество. Даже непонятно, какъ все это многолюдство могло помѣститься въ Житомірѣ; тогда этотъ городъ былъ даже не въ примѣръ меньше, чѣмъ теперь.

Пріѣхалъ мой дядя и долженъ былъ нѣсколько часовъ простоять на улицѣ, не будучи въ состояніи найдти квартиру. Насилу могли найдти меня. Я бросился къ товарищамъ съ просьбою принять его къ намъ. Они не только согласились, но даже всѣ вышли приглашать его. Дядя согласился принять отъ насъ квартиру, но только съ условіемъ: быть участникомъ въ складкѣ и сейчасъ же отдалъ 80 червонцевъ въ руки маршала нашего двора.

Куплены были для насъ четыре бочки французскаго вина по 15 червонцевъ каждая; двѣнадцать бочекъ венгерскаго по 11 червонцевъ за бочку, пятьсотъ бутылокъ англійскаго пива; сдѣланы условія съ булочниками и торговцами мясомъ; словомъ, все устроено какъ нельзя лучше. Наканунѣ выборовъ, Житоміръ былъ уже переполненъ. Въ этотъ же день пришелъ пѣхотный полкъ Мальчевскаго и выстроился противъ костела бернардиновъ. Мундиры его уже были сшиты по новой формѣ. Командиръ и офицеры сейчасъ же явились къ Иллинскому съ рапортомъ. Генералъ-инспекторъ вышелъ передъ фронтомъ, ему отдали честь; кругомъ стояла безчисленная толпа. Полбаталіона заняло гаубтвахту, а остальные солдаты отправились на предмѣстье Каміонки, на квартиры.

Затѣмъ явился конный полкъ Карвицкаго, тоже великолѣпно, по новой формѣ, обмундированный. Послѣ осмотра Иллинскимъ и это войско отправилось на квартиры въ село Красное. Одинъ только эскадронъ назначенъ былъ для исполненія патрульной службы. Къ вечеру прибыло двѣнадцать пушекъ изъ Немирова и снова совершился смотръ, затѣмъ артилерія вышла чрезъ кіевскую заставу и расположилась на полѣ. Вся эта вооруженная сила была въ распоряженіи Иллинскаго и должна была устрашить стоящихъ за «выборъ короля». Если бы кто и думалъ поднять битву на сеймикѣ—не смѣлъ. Собственно говоря, это было противозаконіе. Законъ требовалъ, чтобы во время выборовъ военные братья никакого участія въ нихъ не имѣли и даже не должны были оставаться въ городахъ, гдѣ назначены выборы. Но такъ какъ никакихъ буйствъ и смятеній во время этого сеймика не случилось, то никто и не жаловался на нарушеніе закона.

Мечникъ Гижицкій былъ у насъ представителемъ. Созывать на обѣды было, очевидно, совершенно невозможно, при такой массѣ избирателей; мы благоразумно ограничились завтраками, но завтраки эти продолжались часа по три. Постоянно разносили котлеты, зразы, колбасы, кашу, жаркое изъ серны, зайца, воловины и телятины. Тринадцать поваровъ, въ трехъ кухняхъ, не успѣвали выполнять всѣхъ требованій; служба не успѣвала приносить вина. Но все шло отлично: на дружеской ногѣ, такъ сказать: по семейному.

На утро воевода открылъ сеймикъ въ костелѣ, до того переполненномъ, что не было средствъ пробиться внутрь. Между тѣмъ три четверти избирателей-шляхтичей стояло еще на площади, не успѣвъ попасть въ костелъ. Предложилъ воевода выбрать Иллинскаго маршаломъ сейма и

предложеніе единогласно было принято; затѣмъ второе предложеніе: принять насъ асесорами, тоже единогласно было принято. Насъ, асесоровъ, подняли на руки и передавали черезъ головы, пока не доставили къ столу, гдѣ мы сейчасъ же подписали протоколъ первой сессіи; затѣмъ выборы были отсрочены до завтрашняго дня.

Что дѣлалось послѣ въ нашей квартирѣ, трудно даже описать. Кляшторъ (монастырь), гдѣ мы проживали, былъ буквально осажденъ голодною дворянскою чернью. Для этихъ избирателей, въ коридорахъ нижняго этажа, во всю длину, положены были доски и на эти доски навалено: говядина вареная и жареная, свинина, копченая рыба, простыя сельди и т. п.; запасы исчезали и опять возобновлялись и снова исчезали. Кромѣ вышеозначеннаго мною количества винъ и другихъ напитковъ, еще доставлено было изъ имѣній нашихъ девять бочекъ простаго вина, прикуплено въ Житомірѣ 50 ведеръ и взято въ Красномъ 50 бочекъ пива, не считая меду бочками, закупаемаго у евреевъ. И все это разошлось безъ остатка на угощеніе избирателей въ нашей квартирѣ. Совершенно тоже самое происходило у воеводы Потоцкаго, каштеляна Прушинскаго и у генералъ-инспектора Илинскаго. Днемъ мы угощали, поили и кормили братьевъ-шляхтичей; ночью толпы ихъ наполняли коридоры, конюшни и всѣ, какіе только имѣлись у ксендзовъ-бернардиновъ, амбары.

Въ старое время, начиная съ Сигизмунда Августа, вся шляхта выбирала пословъ на сеймѣ, но подъ словомъ вся разумѣлось только осѣдлая. Магнаты, въ царствованіе саксонскихъ королей, ввели въ обычай сгонять на сеймы всю шляхту безъ разбора, даже и такъ называемую чиншевую (чиншъ—арендная, поземельная плата). Сеймы разры-

вались постоянно, но магнаты имѣли свои политическія причины такъ дѣлать. Описанный мною сеймикъ былъ послѣдній такой многолюдный. Новая конституція и измѣненія формъ правленія сдѣлали невозможными подобныя злоупотребленія. Предписано было комиссіямъ военно-гражданскимъ составить земскія книги. Въ нихъ вписывались всѣ помѣщики, имѣвшіе не менѣе восьми дворовъ крестьянъ. Для доказательства требовались квитанціи со взноса подати: подымной. Это былъ единственный налогъ, платимый въ то время. Въ 2 мѣсяца книги были готовы и изъ нихъ составлены избирательные списки.

На настоящемъ житомірскомъ сеймикѣ многолюдство еще было огромное. Болѣе трехъ тысячъ шляхтичей, съ трехъ повѣтовъ, явилось вотировать, одѣты были эти избиратели въ капоты, кожухи, сермяги, смазные сапоги и даже въ лапти, но каждый непремѣнно съ саблей. На прежнихъ сеймахъ я видывалъ, какъ единовременно по двѣсти противниковъ съ каждой стороны начинали рубиться. Пьяные, они рубили другъ другу носы и уши, руки и ноги. Всегда нѣсколько труповъ оставалось на мѣстѣ побоища. Нѣсколько личностей славились извѣстностію, какъ рубаки. Между ними славился староста Вольницкій. Но этому рубакѣ однажды пришлось очень плохо: его изрубили на одномъ сеймикѣ до того, что его только на простыняхъ могли внести къ цирульнику для перевязокъ. Я его видѣлъ послѣ когда онъ вылечился,—выглядѣлъ какъ чудовище. Собравшись вечеромъ у воеводы, мы порѣшили, чтобы на утро асесоры собирали по своимъ повѣтамъ подписи на laudum (согласенъ). Мы были увѣрены, что съ нами будетъ большинство. Стоящихъ за «избирательность короля» было немного и тѣ были все народъ спокойный и неопасный. Правда они твердо стояли за свой образъ мыслей, считая «избира-

тельность короля» краеугольнымъ камнемъ шляхтскихъ вольностей, но смятеній никакихъ чинить не думали. Предложенія, для утвержденія котораго слѣдовало собирать подписи, должно было состоять изъ трехъ частей, и мнѣ поручили его написать. Но я въ этомъ трудномъ дѣлѣ на свои силы не очень-то надѣялся. Пришлось обратиться къ Рачинскому, тогда жившему въ Красномъ, и въ ночь, съ его помощью, laudum былъ готовъ. Товарищи, особливо Гижицкій, которымъ я прочелъ первымъ свое произведеніе, очень его хвалили. У маршала сейма его тоже приняли хорошо. Пошли наконецъ къ воеводѣ... Онъ сейчасъ же, отведя меня въ сторону, сказалъ немного смущенный, что вотъ его ксендзъ-каноникъ Осовскій также написалъ laudum. Приходится, значитъ, выбирать: которое лучше. Антоній Гижицкій немного этимъ взволновался, но я дернулъ его за руку и просилъ, чтобы мое и ксендза Осовскаго laudum были прочтены. Первый читалъ Осовскій — немногіе только аплодировали по окончаніи чтенія. Когда мнѣ пришлось начать чтеніе, собраніе было уже переполнено. Кое какъ утишили, и медленно, какъ можно громче, началъ я свое laudum,—въ немъ было помѣщено историческое обозрѣніе и выводы о выгодахъ и невыгодахъ наслѣдственности и избирательности престола; исчислены были всѣ злоупотребленія при выборахъ, смятенія и бѣды обыкновенныя во время безкоролевья; съ другой стороны представленъ былъ весьма привлекательно всегдашній порядокъ при наслѣдственности верховной власти. Самъ воевода, по окончаніи чтенія, воскликнулъ:

Такъ! такъ, господа! nec plus ultra — и сказать нечего противъ этого! И началъ онъ меня обнимать. Laudum мое было единогласно принято. Отъ воеводы мы пошли въ

костелъ на сессію. Толпа была еще бо́льшая, чѣмъ вчера, и въ самомъ костелѣ и на кладбищѣ; мы съ великимъ трудомъ успѣли пробиться къ столику. Маршалъ съ полчаса стучалъ своимъ жезломъ, чтобъ добиться тишины. Затѣмъ прочитанъ законъ о выборахъ и изложенъ генеральный предметъ настоящей сессіи. Единогласный крикъ—наслѣдственный тронъ! раздался въ отвѣтъ. Вторично началъ говорить маршалъ сейма и предложилъ собираніе подписей pro и contro. Я прочелъ свое сочиненіе, и новые крики раздались: vivat король!! наслѣдственный тронъ!!! На кладбищѣ, вокругъ костела, повторялись тѣ же крики.

Послѣ отсрочки сессіи всѣ отправились на обѣдъ къ Илинскому. Здѣсь снова два раза прочтено было мое laudum. Илинскій поздравлялъ моего отца съ такимъ достойнымъ сыномъ, а дядю абата съ такимъ племянникомъ. Пили много, страшно много. Одни приходили, другіе уходили, и до поздней ночи Илинскій угощалъ всѣхъ. На утро выбирали пословъ на сеймъ, по два съ повѣта; въ числѣ шести выбрали обоихъ Илинскихъ. На третій день выбирали комисаровъ военно-гражданскихъ комиссій—выбрали Гижицкаго и всѣхъ моихъ товарищей—асесоровъ сейма. Я отказался,—мнѣ болѣе предстояло выгодъ быть въ Люблинѣ и Варшавѣ при дѣлахъ и протекціи Стемпковскаго, чѣмъ пользоваться пустымъ титуломъ комисара. Дядя мой абатъ былъ выбранъ предсѣдателемъ комиссіи въ овруцкомъ повѣтѣ, въ житомирскомъ—каштелянъ Пруши́нскій, въ кіевскомъ ксендзъ Паулюцкій, далѣе еще выбраны ксендзъ Цецишевскій и князь Александръ Любомирскій — каштелянъ кіевскій. Когда мы начали собирать подписи — три части шляхты-избирателей оказались безграмотными. За нихъ подписывали и дѣлали кресты; все это заняло болѣе недѣли. Сеймикъ кончился и можно

сказать: все совершилось, какъ хотѣлъ Гижицкій. Съ этихъ поръ онъ уже не выпускалъ власти и вліянія изъ своихъ рукъ. Его вліяніе поддерживало то, что въ столицѣ онъ имѣлъ большія связи и силу. Лаудумъ въ Варшаву отвезъ Гижицкій, и сеймъ нашелъ три тысячи и нѣсколько сотъ голосовъ (подписей) за «наслѣдство трона» и только сорокъ семь за избирательность короля.

Послѣ сеймика многіе помѣщики обратились къ новому воеводѣ съ просьбами на счетъ крестовъ и привилегій. Но онъ объявилъ, что по волѣ короля всѣ дѣла по прежнему должны идти чрезъ Стемпковскаго, и указалъ на меня, говоря, что при посредствѣ моемъ можно всего этого достичь. И мы условились дѣйствовать съ мечникомъ Гижицкимъ: онъ обязался присылать мнѣ требованія помѣщиковъ, а я— передавать ихъ Стемпковскому.

Господа избиратели не переставали посѣщать насъ до конца сеймика. Пиво и вино все вышло на третій день; мы возобновили запасъ въ такомъ же размѣрѣ и онъ покончился раньше срока. Я по вечерамъ бывалъ въ Красномъ, гдѣ стояли на квартирѣ Букары и тамъ любезничалъ съ Гедвигой Гнатовской. Дядѣ моему она нравилась, но отцу нѣтъ: не съумѣла она заслужить его расположенія. Маршалъ нашего двора, подъ конецъ сессій, принесъ намъ реестръ расходовъ и оказалось тогда, что сверхъ складки, израсходовано 2000 злотыхъ. Намъ пришлось ихъ уплатить. Что касается новаго воеводы, Потоцкаго, онъ какъ очень еще неопытный въ дѣлахъ, почти самостоятельно ничего не дѣлалъ; онъ былъ автоматомъ и какъ мы его двигали, такъ онъ дѣйствовалъ: открывалъ ротъ и поднималъ руки. Ему хотѣлось выслать въ Варшаву съ laudum нѣкоего Хоецкаго. Объ этомъ онъ передалъ мнѣ, но и тутъ его желаніе не

исполнилось. Поѣхалъ Б. Гижицкій, какъ я уже выше сказалъ, и явился на сеймъ для передачи постановленія избирателей.

Послѣ сессіи выборовъ мы прогостили праздники въ Пулинахъ, гдѣ я продолжалъ заниматься Гнатовской. По дорогѣ оттуда домой къ отцу, старикъ серьезно спросилъ меня: что я думаю насчетъ этой дѣвицы. Я искренно сознался, что она мнѣ нравится, но что жениться въ этомъ году еще не думаю. Дѣла призываютъ меня въ Люблинъ и Варшаву, и только ихъ успѣшное окончаніе можетъ сдѣлать основательными мои проекты о семейной жизни. При этомъ не былъ скрытъ отъ отца мой собственный капиталъ въ 60.000 злотыхъ (9000 р.) и надежды въ этомъ же году, если Богъ позволитъ, пріобрѣсти еще столько же.

Признанія мои отецъ принялъ хорошо и объявилъ, что на случай моей женитьбы дастъ мнѣ отъ себя 40.000 зл. (6000 р.). Я, плача, цѣловалъ его руки и ноги, а онъ прибавилъ:

— Ты дѣла мои покончилъ счастливо. Я имѣю деревню и 160.000 капитала, по всей справедливости твоя часть принадлежитъ тебѣ. Но правдою и Богомъ свидѣтельствуюсь: на Гнатовской жениться нѣтъ тебѣ моего совѣта.

Тутъ я ему разсказалъ мое знакомство съ Липскими и Эмиліей Брохоцкой и печальный случай, прервавшій эту связь.

— А послушай, перебилъ онъ меня, тутъ есть одна невѣста съ приданымъ въ 200.000 злотыхъ (30.000 р.). Мать ея уже за третьимъ мужемъ; съ отчимомъ у насъ старая дружба. Съѣздимъ завтра: купить не купить, а поторговать можно.

На утро мы поѣхали втроемъ: отецъ, я и мачиха.

Войдя въ домъ я просто перепугался. Вездѣ грязь и безпорядокъ, дурной запахъ, кресла съ поломанными ножками, диванъ въ салѣ и пятнахъ. Сѣсть было даже опасно, а сама мать

невѣсты оказалась пьяною. Бормотала она что-то, но мы ничего не могли понять. Мачиха спросила: гдѣ дочь. И дѣвочку поспѣшили привести. Бѣдная была нищенски одѣта, заброшенная и загнанная. Лице ея вѣроятно давно раззнакомилось съ водою, а волосы—съ гребнемъ. Насъ познакомили. Я началъ очень учтиво разговоръ, приступалъ съ разныхъ сторонъ, но не могъ даже одного слова добиться въ отвѣтъ. Дѣвочка была совсѣмъ дикая и не смѣла до крайности. Съ пьяной матерью тоже не о чемъ было говорить.

Когда подавали кофе, я глядѣть не могъ на неопрятность и грязь сервировки. Пить и ѣсть я ничегó не рѣшался и дорогою домой объявилъ отцу, что на такой жениться не могу.

Затѣмъ отецъ повезъ меня въ домъ старосты К. Тамъ барышня была хорошо воспитанная и говорила порядочно; она очевидно старалась понравиться, но была ужъ очень дурна и старѣе меня. Отказъ мой жениться на ней нѣсколько огорчилъ отца: у него уже было предварительно все слажено съ старостою.

Женитьба Рачинскаго тоже была отложена. Правда, онъ былъ, можно сказать, еще болѣе влюбленъ, и mademoiselle Эва склонялась на его сторону, и отецъ былъ бы не прочь. Но мать рѣшительно была противъ этого проекта. Я подалъ мысль не говорить пока официально ничего, а выхлопотать себѣ письмо отъ Стемпковскаго, какъ свата.

— Если нужно, я письмо отъ короля достану! воскликнулъ Рачинскій и порѣшилъ поступить по моему совѣту.

Въ Люблинъ я прибылъ въ началѣ апрѣля, но прожилъ тамъ всего два дня и вмѣстѣ съ Рачинскимъ поѣхалъ въ Варшаву. На этой же сессіи трибунала должны были идти новыя дѣла Стемпковскаго, но ихъ срокъ наступалъ въ іюнѣ и потому поѣздка моя въ столицу ничему не мѣшала.

III. Третьяго мая въ Варшавѣ.

Утромъ, 3-го мая, еще было почти темно, когда дежурный лакей эксъ-воеводы разбудилъ меня восклицаніемъ:

— Господинъ! господинъ! Что это дѣлается въ Варшавѣ?! Войска идутъ и идутъ къ замку (жилищу короля) Краковскимъ предмѣстіемъ.

Наскоро одѣвшись я бросился на улицу. Въ это время мимо шелъ полкъ Зелинскаго. Полковника я зналъ очень хорошо. Узнавши меня, онъ отъѣхалъ немного въ сторону, чтобы поздравствоваться.

— Что это значитъ? спрашиваю.

— Хоть убей—не знаю! отвѣтилъ онъ, пожимая плечами. Ночью полученъ былъ приказъ выступить въ два часа утра, пройти Краковскимъ предмѣстіемъ и стать противъ костела бернардиновъ. За полкомъ Зелинскаго шелъ полкъ конной гвардіи, называемый Мировскимъ. Въ его рядахъ я тоже узналъ знакомаго капитана Орловскаго. Онъ подъѣхалъ ко мнѣ, но сказать ничего не могъ что все это движеніе войскъ означало? За этими войсками шли двѣ батареи артиллеріи и еще два пѣшихъ полка. Множество людей начинали уже собираться и заполнять улицы. Вернувшись домой, я началъ одѣваться, опоясался саблей, велѣлъ разбудить Стемпковскаго и бросился поскорѣе къ памятнику Сигизмунда. Повстрѣчались знакомые, но никто ничего не зналъ. Одинъ утверждалъ: король умеръ! другой—бунтъ! Кто какую вѣсть сказалъ—всему вѣрили и передавали дальше. Насилу удалось нанять фіакръ и возвратиться домой. Стемпковскій еще лежалъ въ постели. Я разсказалъ ему что видѣлъ и слышалъ. Онъ началъ поспѣшно одѣваться и велѣлъ запрягать карету; меня же тотъ самый фіакръ, что привезъ, и повезъ обратно

къ замку. Войска уже стояли выстроенные на Краковскомъ предмѣстьи. На терасахъ замка явились пушки, всего штукъ шестьдесятъ. Разсказывали, что краковской заставой прошли еще два полка гвардіи и что караулы въ замкѣ удвоены. Пробраться туда не было никакой возможности. Издали я только видѣлъ карету Стемпковскаго съ его двумя ординарцами, ѣхавшими слѣдомъ. Цѣлая линія войскъ отдавали эксъ-воеводѣ почести, какъ генералу. Громадная толпа людей только на минуту разступалась передъ проѣзжавшими каретами и снова сливалась, подобно волнамъ моря. Мнѣ казалось, что еслибы сверху бросить въ толпу булавку, то и она бы не упала на землю, такъ густа и сжата была толпа передъ замкомъ.

Насъ вмѣстѣ стояло нѣсколько человѣкъ знакомыхъ. Мы спросили: какія розданы солдатамъ патроны, съ пулями или холостые? Отвѣтили, что патроны на половину холостые, а на половину боевые. Былъ уже часъ пополудни, а мы все еще были точно въ мѣшкѣ: ничего никто не зналъ. Наконецъ и ѣсть захотѣлось. Толкнулись въ одну ресторацію— толпа непроходима и ничего нельзя допроситься. Въ другую— тоже самое. Насилу вымолили чего-то скверная, прижженаго, съѣли на-скоро и опять побѣжали къ памятнику Сигизмунда. Тамъ толпы людей еще увеличились; лавки запирали и окна нижнихъ этажей забарикадировали. Мы буквально умирали отъ зноя. Кому-то пришла счастливая мысль: попробовать добиться къ Рыбинскимъ. Я и другіе ближе знакомые вымолили чрезъ окно, чтобы насъ впустили. Хозяйка дала намъ двѣ бутылки вина и воды, и мы оставались у нея болѣе часа, такъ какъ она жила недалеко отъ замка и рада была намъ, по крайней мѣрѣ не одна умирала со страха. Вдругъ мы услышали звонъ колоколовъ въ коллегіальной цер-

кви и громъ пушекъ съ терасъ замка, а затѣмъ раздались ружейные залпы. Крики, начавшіеся на Старомъ городѣ неслись къ Краковскому предмѣстью и расходились въ разныя стороны по улицамъ, переполненнымъ народомъ, пока не замерли въ отдаленіи. Новые крики поднялись со стороны замка и коллегіи—кричало по крайней мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ; раздалось нѣсколько залповъ—и насъ точно электричество какое тронуло, хотя мы еще ничего не знали и могли разобрать только слова: vivat король.

Уже почти подъ вечеръ, изъ Краковскихъ воротъ показалась толпа людей—точно волны моря, напирая другъ на друга, всѣ шли и кричали: vivat! vivat! Да здравствуетъ Малаховскій! Малаховскаго мы видѣли, его несли на рукахъ; онъ походилъ на корабль, уносимый волнами: его то поднимали надъ толпою, то опускали внизъ. Сенаторы, депутаты сейма и другіе лица окружали его. Всѣ они вышли на Краковское предмѣстье на нашихъ глазахъ, подъ окнами квартиры Рыбинскихъ, въ которой мы еще были. По всей улицѣ, во всѣхъ окнахъ домовъ, вѣяли платки и высовывались хлопающія руки, и тысячи устъ повторяли крики: vivat! Толпа съ Малаховскимъ прошла въ длину всей улицы и исчезла въ отдаленіи. Въ эту минуту нѣсколько голосовъ обвинили Потоцкаго, и вѣсти, обвиняющія его, разошлись очень скоро. Впослѣдствіи точно также былъ обвиненъ Браницкій и Ржевускій. Хотя это было правда, но тѣ, которые ихъ обвиняли, ничего еще не могли знать. Тогда-то я удостовѣрился, что толпа людей похожа на скоровоспламеняющійся матеріалъ: маленькая искра кѣмъ нибудь брошена, и пожаръ готовъ. Магнатовъ обвиненныхъ въ то время въ Варшавѣ не было. Потоцкій и Ржевускій были въ Вѣнѣ и тамъ вели интриги, потомъ перебрались въ Яссы, и только одинъ Броницкій жилъ

въ столицѣ. Въ 1792 году они всѣ трое оставили Варшаву и со всѣми своими сторонниками, поддерживаемые войсками сосѣднихъ государствъ, вторгнулись вооруженной рукой въ отечество. Манифестъ Потоцкаго записанъ въ актахъ Звиногродскихъ въ 1805 г. и отвѣтъ на него Злотницкаго помѣщенъ въ актахъ Радомысльскихъ. Обстоятельства этого дѣла всѣмъ извѣстны и я ихъ здѣсь повторять не буду.

Только въ двѣнадцать часовъ ночи я добрался домой. Эксъ-воевода еще не спалъ и позволилъ мнѣ явиться къ нему. Какъ вы могли доѣхать домой? спросилъ я его. Ни одной кареты не было видно, да притомъ каретѣ нельзя было и проѣхать въ толпѣ. Оказалось, что Стемпковскій сдѣлалъ объѣздъ позади Стараго города, на Лешно, болѣе мили (7 верстъ).

— Я очень утомленъ! объявилъ онъ. Однакоже былъ такъ добръ, что разсказалъ мнѣ все, какъ было въ замкѣ. Онъ едва могъ пробиться въ залу засѣданій сейма, тамъ уже былъ король. Множество сенаторовъ, депутатовъ, генераловъ и сановниковъ наполняло залъ Но когда наступило время открытія засѣданія, всѣ такъ утихли, что чтеніе проекта конституціи слушали въ мертвомъ молчаніи. Затѣмъ энергическіе голоса утвердили проектъ криками: согласны! согласны! (zgoda!). Маршалъ едва могъ утишить волненіе.

Говорить началъ Сухоржевскій, депутатъ Калишскій, и говорилъ противъ наслѣдственности трона, но его слова заглушили (zahukali); начинали было говорить и другіе, но шумъ стоялъ такой, что слышать никого не было возможности и никому не дали окончить рѣчи. Сухоржевскій вскочилъ на лавку и поднявши своего маленькаго сына на руки, уподобилъ себя Аврааму, приносящему въ жертву сына. Онъ кричалъ съ яростію и великимъ огорченіемъ. Но это не по-

могло. Все собраніе отправилось пѣть благодарственное: Тебя Бога хвалимъ (Te Deum). Тогда Сухоржевскій легъ на порогѣ и закричалъ: по моему трупу развѣ только перейдете!—Онъ пролежалъ на порогѣ безъ движенія, а вся толпа перешагнула черезъ него и пошла въ костелъ. Король прошелъ коридорами въ свою ложу, а маршалъ сейма и депутаты—главною улицею. Въ костелѣ Св. Яна епископъ былъ уже готовъ въ облаченіи и сейчасъ же началось Te Deum.

На утро не было засѣданія сейма—всѣ очень были утомлены. Къ одиннадцати часамъ уже разносили печатныя реляціи о всемъ совершившемся на послѣднемъ засѣданіи. Реляціи эти раздавали какъ афиши, и ихъ въ минуту всѣ разобрали. Въ типографіи Греля, куда я зашелъ, всѣ машины заняты были изготовленіемъ этихъ реляцій и печатаніемъ новаго закона Я купилъ двѣ реляціи прямо изъ подъ пресса, еще мокрыя, и ихъ сейчасъ же выслалъ Букару и Антону Гижицкому.

Слѣдующее засѣданіе сейма назначено было на третій день послѣ знаменитой сессіи 3 мая. Оно должно было начаться очень рано. И я отъ вечера до утра продежурилъ у дверей залы и чуть только отворили дверь, сейчасъ же, вмѣстѣ съ нѣсколькими десятками молодежи, ждавшей подобно мнѣ, бросился въ залу, и каждый занялъ лавки своей провинціи. Въ восемь часовъ было уже очень тѣсно. Въ это время при кликахъ: король идетъ! король идетъ! явился Станиславъ-Августъ. Всѣ присутствовавшіе, какъ одинъ человѣкъ, привѣтствовали его крича: Vivat король! Vivat Станиславъ-Августъ! Vivat Малаховскій! Vivat Сапѣга! Даже трудно было возстановить тишину. Послѣ этого секретарь

сейма прочелъ проектъ городскаго закона. Сказано было, что такъ какъ всѣ сословія передъ закономъ теперь равны: мѣщане и купцы имѣютъ, наравнѣ съ дворянами, одинаковыя права и привилегіи,—а посему дозволяется и дворянамъ заниматься торговлею и участвовать въ дѣлахъ городовъ. Всѣ эти занятія безчестія дворянину не наносятъ. Старый законъ отмѣнялся, въ силу котораго дворянинъ, торгующій, продающій и покупающій по мелочамъ (na lokéc) лишался дворянства. Проектъ этотъ былъ единогласно принятъ даже безъ голосованія.

При концѣ сессіи король хотѣлъ сказать рѣчь. Подканцлеръ Колонтай объявилъ объ этомъ и вдругъ сдѣлалось такъ тихо, что присутствовавшіе, казалось, дышать не смѣли. Король перечислилъ всѣ тѣ благодѣтельныя послѣдствія, которыя новыя реформы представляли для отечества и заключилъ свою рѣчь словами: «Я вполнѣ вознагражденъ за всѣ страданья и труды цѣлаго моего царствованія тѣмъ единодушіемъ и патріотизмомъ, которые встрѣчаю въ народѣ моемъ». Король заплакалъ и крики: vivat король! vivat Станиславъ-Августъ! послышались со всѣхъ сторонъ. Оправившись, онъ продолжалъ, желая счастія народу и во всемъ братскаго единенія, которое должно продолжаться всегда.

Нельзя и передать что сдѣлалось послѣ окончанія рѣчи. Цѣлая зала засѣданія волновалась, восклицая: король съ народомъ! народъ съ королемъ! Слова эти скоро повторились на дворахъ замка и потомъ—въ цѣлой Варшавѣ.

Послѣ сессіи оба маршала сейма, сенаторы, послы, сановники и многія другія лица отправились въ Старый городъ на рынокъ въ ратушу. Малаховскій и Сапѣга объявили, что въ силу закона, нынѣ утвержденнаго (допускающаго общность правъ и привиллегій дворянъ и мѣщанъ) они записы-

ваются въ число гражданъ города. Толпа, наполнившая ратушу и коридоры, до того была велика, что не было возможности пробраться внутрь. Каждаго, принимавшаго гражданство, провозглашали чрезъ окно народу и ему гремѣли: vivaty. Въ толпѣ и тѣснотѣ трудно было стоять, и нѣсколько человѣкъ изъ нашей компаніи отправились снова къ замку. Всѣ кареты и другіе экипажи полиція, для избѣжанія давки, отправила на Краковское предмѣстье. Въ пятомъ часу изъ Краковскихъ воротъ показался Малаховскій, окруженный сенаторами и толпой. Стали отыскивать его карету, но народъ уже отпрягъ лошадей и бросился самъ ее везти. Началась даже битва: за право участвовать въ торжественномъ поѣздѣ маршала сейма. Добивались отчаянно чести коспуться хоть колеса кареты, подобно индѣйцамъ добивающимся счастія коснуться колесницы своего божества. Восторгъ былъ безпримѣрный. Его довезли до дворца Малаховскихъ, и дворецъ былъ буквально осажденъ толпою. Сапѣгу встрѣчали не меньшіе тріумфы и почести. Его отвели до его дворца, окруженнаго сенаторами, послами и толпою.

На слѣдующей сессіи сейма Сапѣга явился съ перевязью изъ черной лакированной кожи, съ прикрѣпленною овальною серебрянною бляхою на груди, на которой было написано: король съ народомъ! народъ съ королемъ! Въ такихъ же точно перевязяхъ были и нѣкоторые литовскіе депутаты. Черезъ три дня уже почти вся Варшава была въ такихъ перевязяхъ. У ремесленниковъ невозможно было добиться принятія заказа, такъ они были завалены работой. Золотыхъ дѣлъ мастера, сѣдельники, бронзовщики бросили всѣ дѣла и изготовляли модныя перевязи. Одѣвавшіеся по старопольски носили ее на кунтушѣ, или на жупанѣ. Одѣвав-

шіеся по французски (ихъ было очень немного) носили перевязь на жилетѣ. Сначала перевязь стоила четыре червонца, черезъ мѣсяцъ цѣна упала на два талера. Тогда нельзя было найти не то купца, даже прикащика въ лавкѣ, который бы не щеголялъ въ перевязи. Вечеромъ, въ Саксонскомъ саду, явилось нѣсколько дамъ изъ аристократіи, и въ числѣ ихъ madame Тышкевичъ, въ шляпкахъ украшенныхъ голубыми лентами, съ черною надписью: король съ народомъ и народъ съ королемъ! И снова волненіе охватило городъ— всѣ бросились покупать ленты и украшать ими шляпки. День и ночь фабрики работали, приготовляя товаръ. Сначала платили за локоть (менѣе аршина) червонецъ, черезъ мѣсяцъ цѣна понизилась до трехъ злотыхъ за локоть. Я благоразумно выждалъ пониженія цѣны и тогда послалъ перевязи и ленты моимъ знакомымъ въ провинціи: Букарамъ, Ганскимъ, каштеляншѣ Вороничъ и каштеляншѣ Бержинской. Былъ и я въ ратушѣ, съ нѣсколькими молодыми людьми, и записался въ число гражданъ Варшавы, но нѣсколько сотъ человѣкъ уже предупредило насъ, хотя и мы записывались въ тотъ же самый день, въ который записались Малаховскій и Сапѣга.

IV. Праздникъ св. Станислава.

На день восьмаго мая приходились имянины короля и маршала сейма Малаховскаго. Заранѣе дѣлались приготовленія къ торжеству и строились тріумфальныя арки на счетъ обывателей. Одна большая арка была противъ замка, другая — противъ дворца Малаховскихъ. Множество меньшихъ находилось по главнымъ улицамъ Варшавы, а въ окнахъ домовъ транспаранты, алегоріи, надписи, окруженныя

тысячами лампъ. Большой балъ въ честь этого дня должны были дать мѣщане своимъ братьямъ-дворянамъ, во дворцѣ князей Радзивилловъ. По этому поводу дворецъ былъ великолѣпно илюминованъ. Наканунѣ праздника президентъ стараго города, Лукашевичъ, и войтъ Лоберъ, и президентъ новаго города, Халупка, съ войтомъ Глашинскимъ, съ многочисленной свитой, испросили у короля аудіенцію и пригласили его на балъ. Потомъ уполномоченные раздѣлились на партіи и отправились приглашать министровъ, сановниковъ, депутатовъ, генераловъ и дамъ. Меня не было въ то время у Стемпковскаго, когда депутація пріѣзжала его приглашать. Увидя меня, онъ воскликнулъ:

— Твои братья-мѣщане звали меня также на свой балъ.

— А будете вы? спросилъ я.

— Буду, хотя и чувствую себя нездоровымъ.

— Въ такомъ случаѣ — благодарю отъ имени моихъ новыхъ братьевъ.

Эксъ-воевода разсмѣялся и былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Мы разговорились:

— Что въ этомъ ты видишь хорошаго? спросилъ онъ.

— Все хорошее. Равенство сословій, законное обезпеченіе для всѣхъ и даже для вновь переселяющихся, все это, полагаю, повлечетъ у насъ за собою увеличеніе населенія. Но главное — это наслѣдственность трона. Прекратятся смуты безкоролевья, партій и споровъ; прекратится торговля короной, отъ которой у магнатовъ оказывались большіе барыши, а у простаго шляхтича—раны и потери.

— Все это такъ. Противъ этого не спорю. Бѣда только, что ближайшая наша наслѣдница—женщина, и надо ей будетъ выбрать мужа. Всѣ интриги и партіи въ этомъ случаѣ

не только не уничтожены, а напротивъ, имъ приданы силы и данъ удобный случай.

Восьмаго мая громъ пушекъ возвѣстилъ начало торжества. Въ замкѣ открыты были парадныя комнаты. Въ тронной залѣ король принималъ отъ одинадцати до двухъ. Представлявшихся было множество. Малаховскій, возвратясь изъ замка, засталъ у себя такое же количество поздравляющихъ. Я былъ и въ замкѣ и у Малаховскаго. На обѣдъ насъ пригласилъ президентъ стараго города и я въ компаніи молодежи и нѣсколькихъ депутатовъ обѣдалъ въ ратушѣ. Карскій, депутатъ сандомирскій, провозгласилъ тостъ:

— За нашихъ братьевъ-горожанъ!

Послѣ обѣда любовь и искренность союза была такъ сильна, какъ никогда еще не бывало. Въ сумерки зажгли илюминацію. Особенно великолѣпна была тріумфальная арка противъ замка. На верху ея огромный геній держалъ вензель короля, освѣщенный разноцвѣтными маленькими лампами такъ великолѣпно, что казалось онъ былъ осыпанъ драгоцѣнными камнями. По угламъ стояли геніи: мудрости, добродѣтели, правосудія и мужества. На самомъ высшемъ этажѣ арки была надпись, окруженная эмблемами: король съ народомъ и народъ съ королемъ. Противъ дома Малаховскихъ выстроена была арка немного меньшихъ размѣровъ, но кажется еще болѣе разукрашенная. Вверху стояли двѣ колосальныя фигуры: Польша, державшая вѣнокъ и книгу новыхъ законовъ, и Минерва съ портретомъ Малаховскаго въ рукахъ. Ниже помѣщались, подъ вѣнкомъ, гербы всѣхъ воеводствъ, а между ними книга новыхъ законовъ для горожанъ, окруженная гербами важнѣйшихъ городовъ. Были надписи: Свободная торговля! Законъ для крестьянъ! Равенство сословій. И все это освѣщено разноцвѣтными огнями.

Король ѣздилъ въ небольшомъ открытомъ экипажѣ и осматривалъ иллюминацію. Нѣсколько десятковъ тысячъ народу наполняли улицы. Почти на всякомъ шагу попадались транспаранты и вензеля короля и гербы Малаховскихъ съ надписями: король съ народомъ и народъ съ королемъ.

Девятаго мая былъ балъ горожанъ во дворцѣ Радзивилловъ. Толпа тамъ была безпримѣрная. Одну залу обратили въ буфетъ и тамъ раздавали желавшимъ: кофе, шоколадъ, варенье, конфекты и фрукты. Двѣ пожилыя дамы и двѣнадцать дѣвицъ замѣчательной красоты, одѣтыя въ бриліанты и жемчугъ, хозяйничали въ этой залѣ, услуживая всѣмъ съ граціей и любезностью. Въ залѣ рядомъ помѣщался второй буфетъ — винъ. Стояли сотни бутылокъ. Пустыя мгновенно исчезали, а на мѣсто ихъ являлись полныя. Здѣсь было двѣнадцать хозяевъ, занимавшихся угощеніемъ. Король и madame Краковская (жена короля по марганитическому браку) уѣхали, не ожидая ужина. Танцовали въ двухъ залахъ и уже былъ бѣлый день, когда отворились двери комнатъ, въ которыхъ гостямъ приготовили ужинъ. Въ главной залѣ столы стояли въ три ряда. Въ слѣдующихъ залахъ должны были ужинать: à la fourchette. На этомъ ужинѣ братьевъ-горожанъ, правда, не было такого серебра, такой роскоши и такой прислуги, какую мы видѣли у Радзивилла, но вина и кушанья были очень хороши и въ очень достаточномъ количествѣ. Но пріятнѣе всего на этомъ ужинѣ и балѣ была братская услужливость и взаимная внимательность гостей и хозяевъ. Горожане приглашали насъ къ себѣ въ дома, мы высказывались передъ ними, они откровенно говорили съ нами, и единство сословій, казалось, устанавливалось на прочномъ основаніи. За этимъ баломъ потянулась длинная шеренга меньшихъ баловъ и обѣдовъ у разныхъ именитыхъ горожанъ.

Я былъ на обѣдѣ у банкира Кабри. До сихъ поръ, бывая у него по дѣламъ, я заходилъ только въ кабинетъ или въ бюро. Теперь передо мною открылись парадныя комнаты: тамъ царствовали такія богатства, роскошь и чистота, что мало магнатскихъ домовъ могли равняться съ домомъ Кабри. Вездѣ ковры, бронза, зеркала, вездѣ вещи парижской или англійской работы. Даже крыльце было выстлано ковромъ. Вина были такъ хороши, что я уже никогда послѣ подобныхъ не пилъ. На обѣдѣ былъ Протъ Потоцкій и до сорока депутатовъ; кромѣ того еще до пятидесяти дворянъ. Остальные — купцы и банкиры. Всѣхъ гостей было сто двадцать особъ. За столомъ прислуживали четыре камердинера и четыре дѣвушки; первые подносили кушанья, а вторыя—мѣняли тарелки. Кромѣ хозяйки, дамъ не было. Хозяйка не очень красивая, но очень большая щеголиха. Говорили, будто мыть свое бѣлье она посылала въ Парижъ. Смѣло можно сказать: въ это время горожане, купцы и банкиры потратили милiоны, принимая въ своихъ домахъ братьевъ-дворянъ и стараясь блеснуть предъ ними своимъ богатствомъ.

Рачинскій пріѣхалъ въ Варшаву, былъ у воеводы, при посредствѣ котораго король далъ письмо къ Букару по его дѣлу (сватовству). Затѣмъ онъ снова сейчасъ же уѣхалъ обратно. Въ это время меня увѣдомили, что на мое имя прислано по почтѣ письмо и 80 червонцевъ — оказалось отъ Антона Гижицкаго. Деньги я сдалъ въ кассу Стемпковскаго, а слѣдуемые за нихъ патенты, выданные изъ королевской канцеляріи, отослалъ по адресу Гижицкому.

V. Дѣла въ Люблинѣ и актриса Малецкая.

Въ Люблинѣ въ этомъ году меня ожидали очень важныя дѣла; во первыхъ, дѣло Стемпковскаго, потомъ дѣла Олизара старосты Синецкаго, Матѳея Радзивилла и каштеляна Рыбинскаго. Маршаломъ трибунала на этотъ годъ былъ выбранъ Олизаръ, подчашій литовскій, а президентомъ ксендзъ Пржедвоевскій — изъ Гнѣздна; очень богатый, какъ самъ лично, такъ и по доходамъ своей бенефиціи. Маршалу Стемпковскій рекомендовалъ меня весьма сильно. Въ письмѣ онъ просилъ Олизара о своемъ дѣлѣ, и меня зарекомендовалъ исключительно. Въ Люблинѣ я не замедлилъ быть у Олизара. Маршалъ принялъ меня очень любезно и даже просилъ меня жить съ нимъ вмѣстѣ, но я нашелъ удобнѣе имѣть отдѣльную квартиру. У президента тоже меня хорошо приняли. У него жили двое его родственниковъ—молодыхъ людей Потканскихъ. Съ ними я не преминулъ завести дружескія отношенія. Изъ прежней знакомой мнѣ молодежи въ Люблинѣ никого уже не было: часть зачислилась въ армію, часть была въ Варшавѣ, а остальные размѣстились въ провинціяхъ, въ многочисленныхъ должностяхъ, созданныхъ новыми законами. Самый составъ трибунала былъ очень немногочисленъ; его составляли: маршалъ, президентъ, шесть свѣтскихъ депутатовъ и ксендзъ Бойно отъ кіевскаго воеводства. Съ депутатами воеводствъ изъ познанскаго Скржипинскимъ и изъ калишскаго—Мержевскимъ—молодыми людьми, я очень скоро познакомился. Они обѣщали мнѣ свою помощь, но такимъ легкимъ обѣщаніемъ я не очень вѣрилъ, и постановилъ дѣйствовать основательнѣе.

— Вы такіе богатые люди, сказалъ я имъ однажды въ веселый часъ, отъчего не хлопочете получить ордена?

— А какъ хлопотать о такой вещи?

— Давайте мнѣ по 95 червонцевъ, а чрезъ недѣлю ордена у васъ будутъ.

— Шутишь!

— Хорошо. Не давайте мнѣ денегъ, но обѣщайте только возвратить мнѣ ихъ, когда ордена будутъ у васъ. Выговариваю для себя у васъ только немного признательности за услугу. Они, разумѣется, согласились и обѣщали все это исполнить съ радостью. Я съ своей стороны отправилъ по эстафетѣ письмо къ эксъ-воеводѣ и приложилъ свои собственные сто девяносто пять червонцевъ, увѣдомляя, что необходимы ордена для двоихъ депутатовъ. Деньги свои послалъ я только на случай. Вмѣстѣ же съ этимъ написано было другое письмо къ отцу митрополиту, чтобы онъ далъ деньги на ордена для депутатовъ. Митрополитъ не спорилъ и заплатилъ, а чрезъ восемь дней ордена и мои 195 червонцевъ обратно прибыли ко мнѣ. Маршалъ далъ по этому поводу обѣдъ и самъ собственноручно возложилъ на обоихъ молодыхъ депутатовъ ленты и звѣзды. Ихъ восторгъ трудно даже описать. Осыпали они меня учтивостями, возвратили 195 червонцевъ и давали подарки, которыхъ однако я не принялъ. Съ этихъ поръ они были расположены ко мнѣ даже лучше, чѣмъ родные братья. Ксендзъ президентъ, узнавъ обо всемъ, однажды въ шутку сказалъ мнѣ:

— Всѣмъ вы раздаете ордена, а обо мнѣ и забыли.

Онъ былъ очень богатъ, но до сихъ поръ не имѣлъ ни одного ордена. Я тутъ же, въ его комнатѣ, написалъ письмо къ Стемпковскому и съ приложеніемъ ста червонцевъ, имъ данныхъ, послалъ въ Варшаву. На шестой день великолѣпная звѣзда украшала грудь прелата-президента. Подарковъ я опять не принялъ, но за то значеніе мое въ Люб-

линѣ достигло высокой степени. Еслибы хотѣлъ, я и для себя могъ бы добыть орденъ, но я этого вовсе не желалъ. А сколько я привозилъ всякій разъ, изъ Варшавы въ Люблинъ, разныхъ привиллегій и патентовъ на званіе старостъ, подкоморьевъ, хорунжихъ, честниковъ и скарбниковъ! Званія эти стоили очень недорого; по пятнадцати и даже по десяти червонцевъ, но за то и были только титулярные [1]).

Пріѣхалъ Яроцкій юристъ, повѣренный Стемпковскаго, и мы созвали конференцію адвокатовъ. Теперь самое важное дѣло было дѣло эксъ-воеводы, стоявшее еще на далекой очереди, такъ повести, чтобы его слушали въ этомъ году, когда составъ трибунала былъ къ намъ благосклоненъ. По реэстру, гдѣ оно стояло на записи, только разъ въ недѣлю, въ среду, дѣла шли къ докладу и трудно было подогнать очередь. Но мой милый депутатъ Скржипинскій такъ хорошо дѣйствовалъ, что дѣло слушали на первой же недѣлѣ. Трибуналъ своимъ новымъ декретомъ подтвердилъ прошлогоднее рѣшеніе, прибавивъ: чтобы аренда корчмы (кабака) въ Лабунѣ изъята была изъ-подъ права закладной (традиціоннаго) и принадлежала Стемпковскому. Она могла давать ему до 80.000 злотыхъ въ годъ. Также присуждено было, чтобы доходъ со всего, не попавшаго въ закладъ, принадлежалъ Стемпковскому до окончанія разбора дѣлъ. Къ этому же времени подошелъ срокъ дѣлу Дзялынскихъ съ Гуровскимъ. Дзялынскій (шефъ полка) самъ прибылъ въ Люблинъ, съ большими рекомендаціями, но и Гуровскій тоже имѣлъ руку. Я, разумѣется, помня доброту Дзялынскаго ко мнѣ, былъ на его сторонѣ. Мои милые Скржипинскій и Мержевскій въ этомъ случаѣ показались, что называется, молод-

1) Не представляли никакихъ обязанностей и не давали никакихъ выгодъ.

цами. И Дзялынскій выигралъ процесъ въ 500.000 злотыхъ (75.000 р.). Онъ давалъ мнѣ два свертка рублей, но я не взялъ. Дѣла Олизара и Рыбинскаго я тоже выигралъ. Пріѣхалъ Рачинскій изъ Янушполья уже женихомъ дѣвицы Эвы Букаръ. Свадьбу отложили до 18 февраля 1792 года. Онъ, въ благодарность за содѣйствіе мое къ полученію чрезъ Стемпковскаго письма отъ короля къ Букарамъ, обѣщалъ мнѣ передать всѣ свои дѣла въ Люблинѣ. У него были дѣла въ Великой Польшѣ, но тѣ разбирались на трибуналѣ въ Піотрковѣ, а я не хотѣлъ туда мѣшаться. Тутъ у меня уже были готовыя связи и знакомства, а тамъ ихъ еще слѣдовало заводить. Да и не было у меня въ Великой Польшѣ человѣка такого, какъ эксъ-воевода Стемпковскій. У Рачинскаго были на это время въ Люблинѣ очень важныя дѣла: Мержинскаго, воеводы познанскаго, и князя Радзивилла — ордыната (владѣльца) Клецкаго. Заинтересованныя стороны пріѣхали со своими семьями и городъ снова оживился, какъ бывало въ прежнее время. Во всѣхъ дѣлахъ, порученныхъ Рачинскому, на всѣ конференціи приглашали и меня. Знакомства съ важными людьми и деньги доставались легко. Въ этотъ годъ я пріобрѣлъ 1.400 червонцевъ и сверхъ того получилъ всѣ дѣла послѣ Рачинскаго. Во время сессіи этого трибунала я сблизился съ семействомъ подкоморжины, вдовы Х..... Она жила съ матерью и была очень богата, имѣла лѣтъ тридцать и кромѣ того весьма некрасивое широкое лице. Но будучи любезной и милой дамой, она дѣлала знакомство съ своимъ домомъ довольно пріятнымъ. Домъ этихъ дамъ былъ очень порядочный, онѣ занимали цѣлый этажъ, имѣли экипажи, жемчугъ, брилліянты и сама подкоморжина блистала великолѣпными туалетами. Доходы ея, какъ говорили, доходили до 200.000 злотыхъ (30.000 р.). У себя эти дамы принимали небольшое

общество на вечерахъ и обѣдахъ—человѣкъ по двѣнадцати. Съ ними я познакомился еще въ минувшемъ году, а въ этомъ, совсѣмъ неожиданно, попалъ въ самыя близкія отношенія. И положеніе мое отъ этого было очень недурно. Влюбленнымъ я правда не былъ, но интриги шли однакоже очень гладко.

Въ Люблинъ по обыкновенію прибыла труппа актеровъ. Антрепренеръ Моравскій явился изъ Львова на время засѣданій трибунала. На зиму онъ опять возвращался въ Львовъ. У него между прочимъ персоналомъ была новая молодая актриса, дѣвица Юзефина Малецкая. Говорили про нее, что будто бы она очень хорошенькая. Но когда я ее увидѣлъ въ театрѣ въ первый же вечеръ, дѣйствительность превзошла всѣ мои ожиданія. Никогда ничего лучшаго я еще не видалъ и вообразить даже было трудно. Лице, фигура, маленькія руки и ноги, цвѣтъ кожи бѣлый и румянецъ нѣжный—все это дѣлало ее первокласной красавицей. Но актриса она была очень посредственная; не хватало мимики, смѣлости и декламаціи. Играла она только водевили, роли субретокъ и иногда любовницъ. Трагическія роли ей не удавались.

Въ первый же вечеръ я отправился за кулисы и познакомился съ нею. Моравскій не мѣшалъ мнѣ. Во время бенефисовъ я платилъ ему по нѣскольку талеровъ за свой билетъ. Я задумалъ проводить Малецкую на ея квартиру, послѣ представленія. На мой вопросъ гдѣ она живетъ, Юзефина отвѣтила, что она живетъ въ такомъ углу, куда я навѣрное погнушаюсь даже войти. И что вы тамъ увидите: одну бѣдность, которая окружаетъ меня, прибавила дѣвушка. На глазахъ у нея навернулись слезы, и она торопливо отворотилась, чтобы скрыть ихъ.

Я не былъ юношей и зналъ очень хорошо барынь изъ театра. Всѣ эти фразы и слезы я счелъ не болѣе какъ хорошо сыгранною ролью.

Театръ оканчивался лѣтомъ очень рано. Еще было совсѣмъ свѣтло, когда я шелъ уже съ mademoiselle Юзефиной, провожая ее на квартиру. Но у дверей она остановилась и настоятельно требовала, чтобы я не входилъ. Я не хотѣлъ слушать. Почти насильно вошелъ я въ ея уголъ. Въ задней части дома она нанимала комнатку за 6 злотыхъ (90 к) въ мѣсяцъ. Кромѣ убогой кровати никакой иной мебели не было. Лежали на окнѣ двѣ книжки съ молитвенниками, образокъ висѣлъ на стѣнѣ и небольшой сундучекъ въ уголку дополнялъ убранство комнатки. Все это очень заинтересовало меня и я съ любопытствомъ выслушалъ ея исторію.

Она была сирота, воспитывалась въ заведеніи «Христосъ Дитя» въ Варшавѣ. Отсюда ее взяла во дворъ свой вдова подкоморія Тѣлецкая, очень хорошо обходилась съ нею и онѣ вмѣстѣ ѣздили, въ прошломъ году, на воды въ Бардіевъ и Тренчинъ. Возвращаясь осенью чрезъ Львовъ, Тѣлецкая внезапно умерла. Полиція опечатала вещи покойной, отпустила слугъ, и въ числѣ ихъ сироту Юзефину. Бѣдная осталась безъ копѣйки и почти на улицѣ въ незнакомомъ городѣ. Моравскій, проживавшій съ нею въ одномъ отелѣ, предложилъ ей поступить къ нему, она согласилась, не зная куда дѣваться. Ей платили три червонца въ мѣсяцъ и обѣщали одинъ бенефисъ. Изъ этихъ денегъ необходимо было жить, нанимать квартиру, имѣть туалетъ, свѣжія перчатки и обувь. Юзефина не имѣла никакого призванія къ театру, но задолжавъ Моравскому, должна была ждать бенефиса. Ей хотѣлось снова пойти на службу къ какому нибудь двору, но, увы, послѣ театра достигнуть этого было довольно трудно.

Простота разсказа и искренность тронули меня и невольно возбуждали довѣріе къ прекрасной разскащицѣ. На другой день я снова явился къ ней уже нѣсколько увлеченный красотой дѣвушки. Мнѣ показалось, что мое посѣщеніе ей нравилось. Съ подарками я однакоже не торопился. Дѣла заставили меня выѣхать на нѣсколько дней. Возвращаюсь и иду къ моей Юзефинѣ.

— Я думала, что вы меня забыли, а я тосковала безъ васъ! встрѣтила она меня чистосердечнымъ восклицаніемъ.

Сердце мое дрогнуло. Понемногу мы сблизились. Она созналась, что привязалась ко мнѣ, я ее тоже любилъ и скоро почти не отступнымъ сдѣлался ея кавалеромъ. Связь моя была тѣмъ страннѣе, что любовница моя была самая невинная, честная и скромная дѣвушка. Она ничего не требовала отъ меня, довольствуясь одной любовью и нѣжностью. Но я самъ чувствовалъ, что долженъ для нея что нибудь сдѣлать. Выбравъ свободное время, я занялся сюрпризомъ для бѣдной Юзефины. Наняты были двѣ хорошенькія комнатки, съ мебелью, слуга, кое-что изъ гардероба и хозяйственныхъ вещей; сдѣлано условіе помѣсячно на счетъ стола и кофе два раза въ день. Все это стоило не дорого и въ такомъ городѣ, какъ Люблинъ, устроилось легко.

Я не былъ у нея дня три, и когда явился нашелъ ее въ слезахъ: она думала, что я ее покинулъ. Не говоря ей что меня задержало, мы отправились гулять и я привелъ ее въ новую квартиру.

— Это все твое что здѣсь видишь. Я былъ все время занятъ приготовленіемъ тебѣ сюрприза. Простишь ли мнѣ теперь мое отсутствіе?!

— О, я въ тебя вѣрю, потому что люблю... воскликнула Юзефина. Ты меня осыпаешь подарками, чѣмъ же я могу

тебя отблагодарить. Развѣ только тѣмъ, что буду тебя помнить всю жизнь?

Въ первыя минуты восторга, она хотѣла даже бросить театръ. Я воспротивился. Любовь наша могла обнаружиться, а мнѣ необходимо было скрыть ее.

— Сдѣлаю какъ тебѣ угодно, отвѣтила Юзефина на мои представленія о необходимости остаться на сценѣ. Уходя я далъ ей на гардеробъ еще 20 червонцевъ. Живя съ нею, я каждый день открывалъ въ ней новыя качества сердца и ума. Она была бы замѣчательною женщиной, если бы ей дано было воспитаніе. Ея слова просто удивляли меня, такъ были умны и благородны. Я способствовалъ сколько могъ ея образованію. Она знала нѣмецкій языкъ и немного по-французски. Я ей доставлялъ книги. Чрезъ нѣсколько дней послѣ перемѣщенія ея на новую квартиру, придя къ ней, я увидѣлъ маленькія, бѣдненькія, стоявшія въ углу клавикорды. Голосъ ихъ былъ похожъ на голосъ гуся.

— Что это такое? спрашиваю.

— Хочу учиться музыкѣ, отвѣчаетъ она мнѣ. Изъ твоихъ 20 червонцевъ я наняла себѣ инструментъ и учителя—Бартицкаго, по 3 злоты за урокъ (45 к.). Деньги, которыя ты мнѣ далъ, такимъ образомъ употребленныя, принесутъ мнѣ и пользу и больше удовольствія.

Дождавшись Бартицкаго, я вмѣстѣ съ нимъ сейчасъ же пошелъ и взялъ на прокатъ хорошія новыя клавикорды, и самъ заплатилъ учителю за двѣ трети уроковъ. Чрезъ 8 недѣль Юзефина играла уже мазурки и польки очень недурно. Я далъ ей снова 20 червонцевъ. Каждый мѣсяцъ она мнѣ стоила столько же. Кромѣ того я дѣлалъ ей еще небольшіе подарки для туалета. Но это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ счастіемъ, которымъ дарила меня ея любовь.

Моя интрига съ жирной вдовой подкоморія X*** очень меня тяготила въ это время. Я являлся къ ней очень рѣдко. Но совсѣмъ бросить не могъ: деньги вдовы помогали мнѣ содержать мою Юзефину. Чрезъ два мѣсяца обстоятельства измѣнились совсѣмъ нежданнымъ образомъ. Въ Люблинъ, по дѣламъ, изъ краковскаго воеводства, пріѣхалъ нѣкто Зборовскій—человѣкъ богатый, очень красивый, лѣтъ 35-ти, но такой несмѣлый, боязливый и неотертый еще въ свѣтѣ, что мнѣ подобнаго субъекта никогда и встрѣчать не приходилось. Въ обществѣ онъ не зналъ куда дѣвать свои руки и ноги. Чуть кто обратился къ нему, онъ начиналъ краснѣть и совершенно терялся. Зборовскій со всѣмъ тѣмъ имѣлъ отличное сердце, былъ честнымъ человѣкомъ и придерживался самыхъ строгихъ правилъ. Онъ до того былъ учтивъ и деликатенъ, что никогда не позволялъ себѣ даже опираться о спинки креселъ или ручки диванов. Меня онъ очень полюбилъ и, насколько это было ему возможно, старался всегда держаться со мною вмѣстѣ. Я почти насильно бралъ его съ собою въ гости. Особенно онъ боялся женщинъ. Театръ ему нравился. И тамъ ожидала его роковая судьба.

На одномъ представленіи Юзефина играла свою роль очень удачно. Публика осыпала ее аплодисментами, а Зборовскій, сидя возлѣ меня, вздыхалъ и вдругъ въ восхищеніи воскликнулъ: ахъ, какъ она хороша! Покраснѣлъ онъ послѣ этого восклицанія, опустилъ глаза и вздохнулъ. Потомъ опять послѣдовалъ возгласъ: ахъ, какъ она хороша! Снова краска стыда, опусканіе глазъ и вздохи. Меня это разсмѣшило; я ему шепнулъ:

— Очень хороша! Но только въ этой красотѣ можно утонуть.

Онъ стиснулъ мнѣ руку такъ сильно, что едва не сломалъ пальцевъ, говоря:

— Тише! тише, а то могутъ услышать, что мы ее хвалимъ.

— Зачѣмъ же ты вздыхаешь такъ громко?

Придя ко мнѣ въ квартиру, Зборовскій старательно заперъ дверь, и подойдя ко мнѣ сказалъ:

— Я долженъ передать тебѣ тайну!

— Говори. Я сохраню твою тайну.

Онъ поблѣднѣлъ, покраснѣлъ и молчалъ.

— Говори же!

— Я люблю Малецкую.

— А говорилъ ты съ нею когда нибудь.

— О, Боже храни! Всѣ говорятъ, что она недоступна.

— Какъ же ты могъ ее полюбить?

— Самъ не знаю. Но я ее люблю, и люблю еще въ первый разъ въ жизни. Я еще никогда не прикасался къ женщинѣ и не любилъ.

Мнѣ стало жаль этого бѣдняка, который лучшую часть жизни истратилъ, не зная ея лучшаго украшенія—любви.

Я предложилъ познакомить его съ Юзефиной: быть у нея съ визитомъ завтра въ десять часовъ утра. Когда онъ ушелъ, я поспѣшилъ къ Малецкой и передалъ ей о предстоящемъ визитѣ моего друга. Скромная дѣвушка не хотѣла сначала его принять, но я настоялъ.. Въ квартиру свою мнѣ пришлось возвратиться часу въ третьемъ. Едва я только сталъ дремать, вдругъ стукъ, отворяю: является Зборовскій.

— Чего ты такъ рано? спрашиваю.

— Я не могъ спать, все думалъ о ней...

— Оставь меня въ покоѣ; дай мнѣ выспаться. Еще цѣлыхъ семь часовъ до нашего визита — иди съ Богомъ и являйся въ 10-ть часовъ.

На утро мы были у Юзефины, влюбленный едва позволилъ

себѣ сѣсть и краснѣя пилъ кофе. Чрезъ три четверти часа я началъ прощаться.

— О, какъ ты скоро! шепнулъ онъ мнѣ.

— Мы будемъ у васъ чаще, если позволите, сказалъ я Малецкой, указывая на своего товарища.

— Въ приличные часы, отвѣтила она, съ улыбкою глядя на меня.

Дорогою Зборовскій только и повторялъ, что: ахъ, какъ она хороша! Наступило время очень запутанное и странное: я былъ любовникомъ Юзефины, велъ интригу съ толстой вдовой подкоморія, а Зборовскій все больше и больше влюблялся въ мою любовницу. У толстой вдовы я бывалъ очень рѣдко и то только тогда, когда имѣлъ нужду въ деньгахъ. Упреки и гнѣвъ ея надо было усмирять любезностями и мириться хоть на время съ госпожею и особенно съ очень тяжелою ея шкатулкою. Наконецъ Зборовскій сознался, что такъ любитъ Юзефину, что ежели она за него не выйдетъ, онъ убьетъ себя.

— Почему же ты ей не скажешь этого? спрашиваю.

— Никогда я на это не осмѣлюсь.

И онъ просилъ меня самымъ настойчивымъ образомъ сватать его.

— Я видно надоѣла тебѣ, сказала мнѣ Юзефина, со слезами, при первомъ моемъ словѣ о сватовствѣ Зборовскаго. Когда она успокоилась немного, я вразумилъ ее, объясняя, что отказываясь отъ нея приношу жертву ея счастію. Предложеніе Зборовскаго—даръ неба, для бѣдной дѣвушки. Самъ я обезпечить ее не могу, а рано ли поздно ли долженъ буду ѣхать въ Варшаву, и мы все равно разстанемся.

— О, я объ этомъ не думала. Я надѣялась, что мы во вѣки не разстанемся.

— Для меня истиннымъ счастіемъ будетъ думать уѣзжая, что твоя будущность обезпечена.

— А ты, чтоже будешь дѣлать?

— Я буду по прежнему тебя любить.

— Нѣтъ! когда я выйду замужъ, мнѣ будетъ уже запрещено любить тебя.

Мало по малу мнѣ удалось уговорить дѣвушку принять предложеніе Зборовскаго. На другой день влюбленный былъ уже женихомъ и сейчасъ же потребовалъ, чтобы она оставила театръ. Мнѣ пришлось ѣхать въ Пулавы и я только чрезъ пять дней возвратился. Женихъ все еще не зналъ что ему дѣлать. Осыпалъ невѣсту подарками, купилъ ей дорогія фортепіаны и послалъ за своею теткою. Для будущей жены нанято было прекрасное помѣщеніе; портные, сапожники и золотыхъ дѣлъ мастера завалены были работой. Приготовляли экипажи, гардеробъ и прочія вещи. Согласно прежнему обыкновенію, я отправился вечеромъ къ моей Юзефинѣ. Она, плача, бросилась ко мнѣ навстрѣчу, благодаря за мой совѣтъ, обезпечившій ея жизнь. Но когда я, тоже согласно прежнему обыкновенію, захотѣлъ еще ближе подойти къ ней, суровый взоръ и серьезный голосъ остановили меня. Указывая мнѣ на кольце, она сказала:

— Я уже не свободна. Я не могу обмануть довѣріе человѣка, который вытащилъ меня изъ грязи... Я тебя буду любить, но только какъ брата, окончила она рыдая и припавъ ко мнѣ на грудь.

Я отвелъ Юзефину къ алтарю. Она плакала и я едва удерживалъ свои слезы. Послѣ свадьбы мужъ и жена уѣхали домой, взявъ съ меня слово, что по дорогѣ въ Варшаву заѣду къ нимъ. Слово мое я исполнилъ. И боже мой, какъ же она измѣнилась. Юзефина сдѣлалась настоящею помѣщицею, и

роль свою разыгрывала такъ натурально, будто съ колыбели къ ней готовилась. Мужъ обожалъ ее, и она старалась сдѣлать что только можно въ благодарность ему. Три дня я у нихъ прожилъ и прощаясь не думалъ, что вижу ее въ послѣдній разъ. Госпожа Зборовская умерла отъ первыхъ родовъ, мужъ же ея убитъ въ 1794 году въ битвѣ подъ Рословицами.

VI. Лагери войскъ, смерть Стемпковскаго, Протъ Потоцкій и Олизаръ.

Комиссія гражданско-военная предписала въ этомъ году устроить два лагеря; одинъ былъ у мѣстечка Голембъ, подъ командою принца Виртембергскаго, другой подъ Брацлавлемъ подъ начальствомъ Іосифа Понятовскаго; въ послѣднемъ былъ и Костюшко. Антоній Гижицкій посланъ былъ какъ комисаръ въ лагерь подъ Брацлавлемъ. Лагерей подобныхъ въ Польшѣ не бывало очень давно, кажется еще со временъ Іоанна III. Всѣмъ хотѣлось поглядѣть на нихъ. Подчашій Олизаръ задумалъ ѣхать осматривать войска; пригласилъ съ собою нѣсколько и депутатовъ изъ молодежи, въ томъ числѣ и меня; всѣ мы поѣхали, сначала въ Пулавы (князей Чарторійскихъ), а потомъ въ лагерь. Мы собственно жили въ Пулавахъ, но во время эволюцій ѣздили въ лагерь. Стоянка продолжалась отъ половины августа до конца сентября. Съѣздъ былъ до того великъ, что не только мѣстечко Голембъ, но и всѣ окружающія села были переполнены пріѣзжими. Въ Пулавахъ также помѣщалось множество гостей, и балы давались ежедневно. Порядокъ жизни былъ слѣдующій: князь Адамъ обѣдалъ въ 12 часовъ и съ нимъ, по его приглашенію, обѣдало человѣкъ тридцать. Въ два часа накрывались общіе столы въ двухъ большихъ залахъ. Въ пять

часовъ обѣдала княгиня, съ нею дамы и лица по ея приглашенію, всего особъ до восьмидесяти. Дворецъ и сады въ Пулавахъ всѣмъ извѣстны. Вездѣ было видно старинное богатство и великолѣпіе. Принцъ Виртембергскій пріѣзжалъ ежедневно на балы. Человѣкъ онъ былъ очень гордый, недоступный и нелюбимый, какъ въ обществѣ, такъ и въ войскѣ. Принцъ былъ зятемъ князя Адама Чарторійскаго, генерала земель Подольскихъ, а впослѣдствіи фельдмаршала австрійской службы. Въ лагерѣ, куда мы каждый день ѣздили, я встрѣтилъ очень много знакомыхъ моихъ изъ Варшавы и изъ Люблина.

Вновь устроенныя войска имѣли очень хорошій видъ; новые красивые мундиры гранатнаго цвѣта всѣ были одинаковы; полки различались только номерами на пуговицахъ, цвѣтомъ выпушекъ и обшлаговъ. Пушки, упряжь и зарядные ящики — все это было новое. Каждый солдатъ являлся сытый, веселый, свѣжій и храбрый. Въ дни маневровъ разбивались возлѣ палатки Виртембергскаго два огромные намета и тамъ устроивался завтракъ въ 11 часу. Каждый такой завтракъ стоилъ червонцевъ 200, и кушаньевъ съ винами было тамъ безконечное множество. Завтракъ давался отъ имени генерала Виртембергскаго; офицеры играли роль хозяевъ, но серебро, столовое бѣлье и ливрейная прислуга — все было съ гербами Чарторійскихъ и вѣроятно всѣ расходы то же были князя Адама.

Маневры начинались съ четырехъ и оканчивались въ десять часовъ утра. Кто только былъ представленъ князю и проживалъ въ Пулавахъ, для того на маневры готовы были экипажъ, или верховая лошадь. Думаю, въ конюшняхъ стояло по крайнѣй мѣрѣ сто верховыхъ лошадей и столько же запряжныхъ четверокъ, троекъ и одиночекъ. Очень часто

до ста дамъ и по столько же мужчинъ, не желавшихъ ѣхать верхомъ, экипажи Чарторійскаго отвозили въ лагеръ и обратно.

Изъ лагеря я опять возвратился въ Люблинъ, но не надолго. Необходимо было, хотя и на короткій срокъ, съѣздить въ Варшаву. Со вдовой прощанье мое было очень чувствительно. Ей очень хотѣлось моего кабріолета, который къ тому же и стоялъ въ ея сараѣ. Необходимо было подарить. За это, при прощаньи, она дала мнѣ 200 червонцевъ собственно для меня и еще сто съ реестромъ разныхъ порученій. Вмѣстѣ съ Яргоцкимъ, въ перекладной почтовой бричкѣ, мы уѣхали въ Варшаву.

Въ столицѣ Стемпковскаго не было; онъ ѣздилъ къ Александру Любомирскому, женатому на извѣстной красавицѣ, урожденной Ходкевичъ, казненной послѣ этого черезъ два года въ Парижѣ на гильотинѣ за сношеніе съ Маріей-Антуанетой. Возвратясь, эксъ-воевода принялъ меня очень милостиво и мы сейчасъ же заговорили о его дѣлахъ. Послѣднее постановленіе трибунала очень ихъ поддержало. У него въ кассѣ, въ Варшавѣ, было 14.000 червонцевъ, кромѣ расходныхъ денегъ въ его шкатулкѣ. Мы его склонили продать нѣкоторыя драгоцѣнности, которыхъ онъ почти никогда не носилъ. Ихъ всѣ оцѣнили въ 9.100 червонцевъ. Между ними были — запонка съ солитеромъ, стоившая 2.000 червонцевъ, восемдесятъ крупныхъ жемчужинъ, по 25 червонцевъ каждая; брилліантовые аксельбанты, табакерки, кольца, колье и т. п. вещи. Все это банкиръ Теперъ взялъ съ собою въ Вѣну, а деньги обязался уплатить всѣ на контрактахъ въ Дубнѣ. Капиталъ доходилъ такимъ образомъ до 24.000 червонцевъ, не считая 80.000 злотыхъ (12.000 р.) ожидаемаго дохода изъ Лабуня. Стемпковскій поручилъ мнѣ вести переговоры съ

кредиторами. И я бы это дѣло отлично устроилъ. Мой собственный капиталъ и капиталы моего отца я имѣлъ намѣреніе употребить на этотъ же оборотъ. Имѣя къ сроку контрактовъ до 700.000 злотыхъ, легко бы удалось скупить обязательства эксъ-воеводы съ большой выгодой. Но непредвидѣнное несчастіе (смерть Стемпковскаго) разрушило всѣ планы.

На почтѣ оказались пятьсотъ червонцевъ на мое имя, присланные Антономъ Гижицкимъ для исхлопотанія разныхъ привиллегій и орденовъ. Тѣ, которые были готовы, я сейчасъ же отослалъ, но Стемпковскій, читая письмо Гижицкаго ко мнѣ, нашелъ въ немъ слова: «ждемъ тебя, какъ нашего будущаго товарища».

— Ты развѣ думаешь идти на службу? спросилъ эксъ-воевода.

— Я обѣщалъ Букарамъ и Гижицкимъ явиться на будущіе выборы.

— Не дѣлай этой глупости! съ горячностію заговорилъ Стемпковскій. Ты только что начинаешь обзнакомливаться съ дѣлами и хочешь все бросить. Я тебѣ буду помогать. А со службы, кромѣ расходовъ, нѣтъ иной пользы. Оставайся еще года три въ настоящемъ положеніи, а ежели тебѣ ужъ такъ захотѣлось должности—выхлопочу тебѣ что-нибудь въ Варшавѣ, но непремѣнно съ жалованьемъ.

Тутъ я нашелъ удобнымъ сознаться, что люблю Эмилію Брохоцкую и думаю жениться.

— Ты влюбленъ! ты летунъ! смѣясь воскликнулъ эксъ-воевода. Я и не думаю этому вѣрить Ну, съума не сойдешь, если и не женишься. Вѣдь ей слова еще не далъ?

— Нѣтъ. Но я такъ ухаживалъ за нею, что это выходитъ на одно. Она тоже приняла меня хорошо.

— Пустое! Жену найдешь, только бы состояніе было, порѣшилъ Стемпковскій. Еще жениться хватитъ времени!

Мы нѣсколько разъ возвращались къ этому разговору и въ концѣ концевъ съ меня было взято слово, безъ его совѣта и дозволенія ни жениться, ни баллотироваться на выборахъ въ должность.

Рачинскій, женихомъ явясь въ Варшаву, сдѣлалъ огромные расходы на роскошную обстановку будущей жизни. Мы съ нимъ вмѣстѣ съѣздили въ Неборовъ къ князю Радзивиллу, и дѣла князя въ Люблинѣ перешли ко мнѣ съ жалованьемъ 400 червонцевъ въ годъ.

На сеймѣ въ это время шли пренія о старостахъ (государственныхъ имуществахъ, раздаваемыхъ пожизненно дворянству). Одна партія предлагала продать всѣ староства и изъ вырученныхъ суммъ образовать государственный банкъ, доходы котораго поступали бы въ казну. Другая партія имѣла въ виду отдать половину земель староствъ въ наслѣдственное владѣніе дворянству и обязать его платить «вѣчно» извѣстную сумму въ казну. Сдѣлавшись наслѣдственными, земли староствъ должны были улучшиться и приносить болѣе доходовъ. Въ настоящее время, надо было сознаться, владѣнія эти были въ самомъ печальнѣйшемъ положеніи. Протъ Потоцкій, новый кіевскій воевода по поводу дѣла о старостахъ, говорилъ рѣчь, занявшую цѣлую сессію. Всѣ слышавшіе очень хвалили эту рѣчь. Но самое дѣло о старостахъ такъ до конца сейма и не было рѣшено.

Установленъ былъ неслыханный до того времени въ Польшѣ порядокъ комплектованія войскъ всеобщей конскрипціей. До этого закона комплектовали армію вербовкою. Въ имѣніяхъ короля, старостахъ, и духовенства вербовка дозволялась, но имѣнія дворянства были свободны. Случались одна-

коже и возмутительныя противозаконія: вербовщики нападали на дворянскія имѣнія и сманивали молодыхъ рабочихъ; владѣльцы и общество защищались и происходили очень частыя драки. Но если уже завербованному удавалось уйти, онъ во вѣки вѣковъ не возвращался въ родную деревню: ему на службѣ было лучше, ему тамъ платили жалованье, его кормили и одѣвали. Конный солдатъ получалъ 18 злотыхъ въ мѣсяцъ (2 р. 70 к.), пѣшій — 16 злотыхъ; въ эту сумму входило и продовольствіе. Стоя на квартирѣ, солдатъ платилъ хозяевамъ въ Польшѣ 2 злоты въ недѣлю, на Украйнѣ—15 грошей. Но надо сказать, что отъ солдатъ эти деньги хозяевами брались очень рѣдко. Никакихъ магазиновъ фуража или провіанта въ Польшѣ не было. Начальники ротъ и эскадроновъ получали деньги на руки. Изъ этого они имѣли большіе доходы, такъ какъ часто у нихъ не было полнаго комплекта людей въ наличности. Комисія гражданско-военная назначала рекрутовъ по одному со ста дымовъ (семействъ—домовъ) въ имѣніяхъ дворянства, и по два со ста въ имѣніяхъ короля и духовенства.

Въ это время въ магазинѣ Якубовича мнѣ удалось купить за 4 червонца бамбуковый чубукъ, длиною почти въ три аршина. Онъ былъ очень ровенъ и легокъ. Я его подарилъ Стемпковскому. Старикъ обрадовался подарку, какъ ребенокъ. Велѣлъ сейчасъ же прикрѣпить перушко (янтаря онъ не любилъ) и началъ курить. Спустя дня два меня позвали къ нему, и онъ подарилъ мнѣ великолѣпный поясъ, тканый золотомъ и серебромъ на всѣ четыре стороны. Кромѣ того эксъ-воевода нарочно купилъ для меня по 18 локтей матерій—голубой и пунцовой съ серебряными полосками. Все это стоило болѣе 120 червонцевъ. Въ это же время я случайно встрѣтился съ честникомъ Липскимъ — дядею покойнаго моего друга.

Чрезъ него я послалъ mademoiselle Эмиліи коробку конфектъ. Разставаясь, мы думали еще свидѣться, но болѣе честнаго Липскаго я уже не встрѣчалъ.

На засѣданіяхъ сейма я бывалъ постоянно. Въ мою бытность установленъ законъ о реформѣ трибунала.

За границей наши реформы пользовались сочувствіемъ, особенно въ Англіи. Первый министръ Брокъ въ рѣчи своей въ парламентѣ превознесъ дѣйствія сейма и далъ праздникъ съ иллюминаціей по этому поводу въ своемъ дворцѣ. Но во Франціи дѣла шли очень плохо. Санкюлеты овладѣли Батавіей и Голландіей и вывезли оттуда цѣлыя бочки золота. Побѣды ихъ на югѣ привели въ ужасъ сосѣднія державы, а головы добраго, но слабаго короля Лудовика XVI и Маріи-Антуанеты упали на эшафотѣ. Разъяренная чернь дошла до послѣднихъ степеней ярости. Изъ церквей выбросили мощи и образа и взамѣнъ христіанства введено идолопоклонническое богопочитаніе справедливости, милосердію, добродѣтели, храбрости... Нагія, безстыдныя женщины на алтарѣ замѣнили божество. Для новой вѣры сочинялись догматы и множество епископовъ, прелатовъ и духовныхъ было казнено на гильотинѣ и повѣшено на фонарныхъ столбахъ. Статую папы, одѣтую въ первосвященническое платье, волочили по улицамъ съ петлею на шеѣ, распѣвая при этомъ безбожныя и безстыдныя пѣсни, и затѣмъ сожгли на кострѣ. Замки и дворцы подверглись разрушенію; разрушалось все старое, даже старыя могилы. Казнили всякаго, подвергнувшагося подозрѣнію, безъ суда, не спрашивая уликъ и доказательствъ преступленія. Робеспіерры, Мараты, Дантоны казнили тысячами дворянъ и изъ другихъ сословій, осмѣлившихся пожалѣть о прежнемъ правленіи.

Вѣсти объ этихъ ужасахъ доходили къ намъ и возбуждали

во всѣхъ страхъ и омерзеніе; мы содрагались отъ негодованія глядя на дѣла террора и считали себя счастливыми тѣмъ, что жили въ странѣ, гдѣ ничего подобнаго не могло случиться. Всѣ мы очень охотно жертвовали своими привиллегіями, имѣніями, предразсудками, но были увѣрены, что среди нашего народа, еще проникнутаго религіей и старинными традиціями, сцены, подобныя совершавшимся во Франціи, невозможны.

Эксъ-воевода спросилъ меня однажды: получилъ ли я отъ митрополита мое жалованье за настоящій годъ? Я его еще не получалъ, и при этомъ случаѣ спросилъ Стемпковскаго что мнѣ дѣлать съ 195 червонцами, присланными митрополитомъ на ордена для депутатовъ, которые Мержевскій и Скржипинскій мнѣ возвратили.

— Взять себѣ, отвѣтилъ эксъ-воевода. Монахъ имѣетъ 800.000 злотыхъ дохода и долженъ не только заплатить тебѣ жалованье, но еще и вознаградить за время, проведенное тобою въ Люблинѣ, гдѣ и его два дѣла тоже были въ трибуналѣ.

Митрополита на утро Стемпковскій просилъ на обѣдъ, чѣмъ всегда очень гордился монахъ. Послѣ обѣда, въ своемъ кабинетѣ, эксъ-воевода говорилъ съ нимъ о моемъ дѣлѣ, и митрополитъ, пригласивъ меня къ себѣ, уплатилъ мнѣ до копѣйки слѣдуемое жалованье. Когда онъ мнѣ платилъ, я увидѣлъ въ его шкафѣ пятнадцать мѣшковъ съ золотомъ только вчера присланныхъ митрополичьихъ доходовъ. А кромѣ этихъ суммъ и въ кассѣ митрополичьей вѣроятно еще были деньги.

Изъ Варшавы я поѣхалъ въ Люблинъ. Толстой моей любовницѣ привезенные мною подарки, и я въ особенности,

вѣроятно очень пришлись по вкусу—она осыпала меня нѣжностями и великолѣпными подарками. Въ трибуналѣ докладывалось дѣло князей Любомирскихъ, Александра и его братьевъ, по раздѣлу имѣній. Рачинскій велъ его и меня, наравнѣ со всѣми приглашенными на конференцію адвокатами, надѣлили пакетомъ съ 50 червонцами. Дѣло Александръ Любомирскій выигралъ. Я и Рачинскій поѣхали къ нему въ имѣніе Ополь. Трудно было найдти болѣе пріятный домъ: княгиня очень добрая и любезная, гостей всегда было множество и увеселенія постоянно выдумывались новыя, одно великолѣпнѣе другаго. Шесть дней мы тамъ веселились. Князь уговорился со мною насчетъ завѣдыванія его дѣлами въ Люблинѣ, вмѣсто Рачинскаго, передававшаго мнѣ всѣ дѣла, и обязался платить въ годъ 200 червонцевъ.

Въ Люблинѣ я засталъ курьера съ письмомъ отъ Яргоцкаго: Стемпковскій былъ боленъ и требовалъ меня къ себѣ. Я велѣлъ сейчасъ же запрягать лошадей и отправился проститься съ маршаломъ трибунала, подчашимъ Олизаромъ. Мнѣ очень хотѣлось поскорѣе быть въ Варшавѣ, но въ самую ту минуту, когда я уже собирался садиться въ экипажъ, Олизаръ велѣлъ позвать меня и показалъ мнѣ письмо только что полученное имъ по эстафетѣ, въ немъ увѣдомляли, что Стемпковскій вчерашняго числа уже умеръ...

Я зарыдалъ и почти потерялъ чувства отъ горя и бросился домой. Меня навѣстили Олизаръ, ксендзъ-президентъ, Скржипинскій и Мержевскій, но это не утѣшило меня, потерявшаго разомъ все: и протектора, и отца, и всю свою будущность. Чрезъ нѣсколько дней пріѣхалъ Яргоцкій и разсказалъ мнѣ подробности смерти эксъ-воеводы. Отправивши за мною эстафету, онъ поминутно спрашивалъ: не прибылъ ли я? Очень горько было мнѣ думать, что мой благодѣтель, умирая могъ

обвинить меня въ неблагодарности. У моей толстой вдовы меня тоже утѣшали, но... Какое могла на меня имѣть вліяніе женщина почти сорокалѣтняя, некрасивая и нелюбимая мною? Въ Люблинѣ я прожилъ до конца засѣданій трибунала—мнѣ это приносило большіе барыши. Изъ шкатулки вдовы я бралъ деньги, какъ изъ собственной. Но я былъ еще въ то время молокососъ и не попользовался изъ этого источника, какъ бы попользовался другой. Уѣзжая, она требовала, чтобы я ѣхалъ съ нею въ деревню. Отъ этого я впрочемъ успѣлъ отговориться дѣлами на контрактахъ въ Дубнѣ. Послѣ заговѣнъ мы условились съѣхаться въ Львовѣ, гдѣ она всегда проводила зиму.

Смерть Стемпковскаго сдѣлала большую разницу въ моей карьерѣ. Здѣсь я сдѣлаю небольшую характеристику обоихъ воеводъ: Стемпковскаго и Прота Потоцкаго.

Стемпковскій былъ росту немного больше средняго, хорошо сложенъ и лице имѣлъ очень пріятное. Лобъ подбривалъ, усъ имѣлъ одинъ русый, другой черный, одѣвался по-польски въ генеральскій мундиръ. Онъ былъ умный человѣкъ, зналъ свѣтъ и въ людяхъ вселялъ къ себѣ уваженіе. Пользуясь дружбой и расположеніемъ короля Станислава Августа, онъ добился высокихъ степеней, которыя у короля легко выпрашивалъ. Привязанность Станислава Августа къ Стемпковскому была даже скорѣе слабостью, чѣмъ простою дружбою. Людей Стемпковскій изучалъ очень внимательно съ первой минуты знакомства и всегда очень вѣрно дѣлалъ свои замѣчанія. Кому былъ другомъ—былъ искреннимъ другомъ, но кто его обидѣлъ, тому ни забыть, ни простить обиду не умѣлъ. Въ обществѣ былъ доступенъ и не гордъ. Дѣлалъ въ жизни много добра, но благодарности не встрѣчалъ. Его упрекали, что во время уманской рѣзни, будучи еще регементаремъ

(начальникомъ полка) и имѣя право судить на смерть, злоупотреблялъ этимъ правомъ съ крайнею жестокостью. Но какъ же ему было поступать иначе съ разъяренными толпами разбойниковъ? Они бы не оцѣнили его кротости, а дѣйствовать прокламаціями нельзя было—ихъ и не съумѣли бы даже прочесть, да и не захотѣли бы читать. Онъ поступилъ такъ, какъ слѣдовало поступать.

Расположеніе двора и вліяніе на всѣ дѣла кіевскаго воеводства, вмѣстѣ съ личнымъ, почти безграничнымъ, кредитомъ у короля, Стемпковскій сохранилъ до смерти. Въ 1786 г., когда я въ первый разъ поступилъ въ его домъ, тамъ все было поставлено и устроено, какъ приличествовало въ домѣ магната. Въ 1787 г., во время посѣщенія короля, великолѣпіе еще было увеличено. Въ особенности хороша была большая зала, занимавшая два этажа съ девятью дверями, окруженная колонами и украшенная лѣпной работой. Кругомъ шла галерея для музыки и зрителей. На стѣнѣ, противоположной окнамъ, было девять зеркалъ, величиною равныхъ высотѣ стѣны. Во время баловъ окна закрывались точно такой же величины девятью зеркалами, выдвигаемыми изъ отверстій стѣны. Можете себѣ вообразить, какой великолѣпный видъ представляли эти зеркала при освѣщеніи. Музыка была у Стемпковскаго великолѣпная. Между музыкантами замѣчательнѣйшими были Завадскій и Каменскій. Послѣдній служилъ потомъ при дворѣ Екатерины II и сочинилъ музыку на знаменитую пѣснь: «Славься имя Екатерины...» Кухня была очень хороша; содержали въ Лабунѣ двухъ поваровъ, паштетниковъ, кондитеровъ; былъ маршалъ двора, завѣдывавшій погребомъ, конюшій, четыре комнатныхъ служителя изъ бѣдной шляхты; они помѣщались въ особой комнатѣ рядомъ со спальней воеводы, имѣли постели съ шелковыми одѣя-

лами и по двое ходили на дежурство. Обязанность ихъ была подавать ему трубку, которую онъ не выпускалъ изъ устъ, и стоять во время обѣда за его кресломъ. Они носили его ливрею: зеленый жупанъ и кунтушъ съ золотыми шнурками, а въ праздники бѣлые жупаны и красные кунтуши. Въ дорогѣ двое ихъ всегда сидѣло на козлахъ для приготовленія и подачи трубки. Кромѣ того былъ при дворѣ гардеробмейстеръ и множество прислуги. Двое гайдуковъ, ростомъ болѣе сажени ($3^1/_2$ локтя), стояли на запяткахъ его экипажа, и не взирая на измѣненія моды они до самой смерти воеводы сохранили свой костюмъ. Для гостей въ Лабунѣ были готовы всегда два огромные флигеля, соединявшіеся съ дворцомъ крытою галереею, поддерживаемою пятьюдесятью колонами. Въ мѣстечкѣ было много хорошихъ еврейскихъ и мѣщанскихъ домовъ. Всѣ эти помѣщенія переполнялись гостями—дамами, помѣщиками, сановниками и т. д., проживавшими въ Лабунѣ по нѣскольку недѣль.

Надо сказать правду: Стемпковскій жилъ, какъ султанъ въ гаремѣ, и множество одалысқъ съ нетерпѣніемъ ожидало только платочка властелина. Всѣ расходы такой жизни, а въ особенности расходъ на пріемъ короля, разорили Стемпковскаго, и послѣ его смерти, черезъ шесть лѣтъ, все его огромное имущество окончательно погибло. Кредиторы все взяли, но еще прежде ихъ разворованы были мебель, вещи и украшенія, даже тѣ, которыя стояли еще въ ящикахъ, присланныхъ изъ-за границы. Потомъ по лоскуткамъ сорвали обои со стѣнъ дворца, а наконецъ и самый дворецъ, до послѣдняго камня, разобрали и развезли въ разныя стороны. Лабунь теперь имѣетъ видъ селенья, чрезъ которое прошли татары временъ Яна Казиміра. Послѣ воеводы остались два сына, Янъ и Яковъ. Они предлагали мнѣ нѣсколь-

ко разъ заняться ихъ дѣлами. Но я сдѣлать этого уже не могъ: дурное управленіе сдѣлало свое, и помочь имъ никто уже не могъ.

Протъ Потоцкій, членъ знаменитой магнатской фамиліи и родственникъ Сченснаго Потоцкаго, котораго обиженная гордость надѣлала намъ такъ много зла, возвратился изъ-за границы въ 1783 году, образованный, умный и талантливый, съ особенною страстью къ торговымъ оборотамъ. Послѣднюю склонность въ немъ поддерживалъ и его гувернеръ-менторъ— ксендзъ Осовскій. Послѣ отца ему досталось по истинѣ магнатское состояніе: огромное имѣніе безъ гроша долгу и шесть милліоновъ въ голандскомъ банкѣ. Онъ сейчасъ же прикупилъ Цудиновскія волости и Любаръ и вошелъ въ компанію съ банкирами Кабри, Теппером и Шульцемъ. Онъ выплачивалъ безотговорочно по ихъ обязательствамъ, они выплачивали по его бумагамъ. Свою Махновку онъ задумалъ сдѣлать первоклассным торговымъ городомъ. Развалины фабрикъ и другихъ строеній теперь еще говорятъ сколько стоили эти неудавшіяся затѣи. Въ Любарѣ тоже сдѣланы были большія измѣненія: выстроены каменныя лавки, дома и выкопанъ былъ каналъ, чтобы отвести Случъ и устроить на рѣкѣ шлюзъ. Послѣднее стоило ему 200.000 злотыхъ. Въ Цудновѣ выстроены были огромные магазины, они были переполнены хлѣбомъ и лѣсомъ. Въ большихъ цудновскихъ пущахъ устроены были фабрики для выработки поташа, лѣсопильни и другія заведенія — все это нынѣ окончательно уничтожилось. Сначала онъ было пріобрѣлъ неслыханное довѣріе акуратностію платежей; послѣ женитьбы на княжнѣ Любомирской, очень богатой, его колосальное богатство вызвало еще большій кредитъ. Въ бюро, во время контрактовъ, нельзя было пробиться сквозь толпу, несшую ему капи-

талы. Сдѣлавшись воеводою Прот. Потоцкій особыхъ талантовъ не выказалъ и даже по смерти Стемпковскаго никакого вліянія на дѣла не имѣлъ. Антоній Гижицкій, пользуясь его бездѣйствіемъ, сохранилъ въ своихъ рукахъ все вліяніе въ краѣ. Послѣ втораго раздѣла Польши, банкиры прекратили платежи, а ихъ банкротство разорило и Прота Потоцкаго; жена первая его оставила и отдѣлила свое имѣніе. Послѣ этого несчастія, никогда не терявшійся и предпріимчивый, онъ завелъ у себя фабрику бумажныхъ табакерокъ и окончательно обанкрутился, потерявъ и здѣсь, какъ во всѣхъ предпріятіяхъ, за которыя только брался. Былъ онъ высокъ, но тяжелъ и сутуловатъ. Между высоко поднятыми плечами виднѣлось лицо, длинное съ двойными губами. Казалось, будто онъ держитъ во рту кусокъ говядины. Глаза у него были большіе и выпуклые,—и вообще наружность Потоцкаго была очень некрасива. Жена его, напротивъ, считалась красавицей, и онъ, рядомъ съ нею, напоминалъ группу Венеры и Сатира.

VII. Прощаніе съ Люблиномъ, сеймики 1792 г. и свадьба.

За четыре дня до окончанія засѣданій трибунала, я постановилъ выѣхать, для этого нанято было четырнадцать лошадей. Шли экипажи мои и Рачинскаго, просившаго меня надзирать за ними. Мнѣ надо было прежде всего побывать въ Варшавѣ. Друзья Скржипинскій и Мержевскій дали мнѣ обѣдъ, на который пригласили почти весь трибуналъ и всѣхъ адвокатовъ. Когда мы прощались никто изъ насъ не думалъ, что болѣе уже не увидимся. Я скрывалъ печаль свою, такъ какъ уже твердо рѣшился болѣе въ Люблинъ не возвращаться. Съ моей возлюбленной прощеніе было очень чувствитель-

ное, и я получилъ на память брилліантовое кольце и двѣсти червонцевъ. Друзья мои провели меня на предмѣстье Люблина — Татары; здѣсь мы снова пили. И я ужъ не помню, какъ меня посадили въ бричку и какъ я доѣхалъ до постоялаго двора—Пески. Была буря и мятель и по необходимости пришлось тамъ ночевать. Господи! какія я въ эту ночь вынесъ муки. Увы, я покидалъ богатую и привольную жизнь, далеко не соотвѣтствовавшую моему состоянію, но къ которой я привыкъ за послѣдніе два года. Конечно, я могъ всегда получить мѣсто на службѣ по выборамъ. Но могло ли это мѣсто равняться утраченному мною положенію, огромному кредиту у всѣхъ и выгодамъ — всего я получалъ въ годъ 20.000 злотыхъ, не считая денегъ за участіе въ конференціяхъ, на которыя меня адвокаты всегда приглашали. Послѣ смерти Стемпковскаго прекратились всѣ мои отношенія къ собственному кабинету короля. Были у меня, правда, еще три магната-покровителя—Михаилъ Радзивиллъ, Александръ Любомирскій и генералъ Дзялынскій, но это было совсѣмъ не то что почти отцовская снисходительность къ моимъ просьбамъ покойнаго Стемпковскаго. Къ печали моей добавляла горечи мысль объ Эмиліи Брохоцкой, рука которой могла бы мнѣ достаться. Конечно впослѣдствіи оказалось, что покидая Люблинъ я ничего не потерялъ: тарговицкая конфедерація и затѣмъ раздѣлъ королевства и смуты разсѣяли всѣхъ и перепортили дѣла тѣхъ, которые оставались въ Люблинѣ. Но въ эту печальную ночь я очень огорчался и видѣлъ будущность свою въ самыхъ черныхъ краскахъ. Въ Молочкахъ я засталъ одного Гижицкаго и съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ въ Пулины—къ Букару. Отецъ, къ которому я заѣхалъ, очень былъ доволенъ моею коляскою и говорилъ, что не взирая на желаніе ничего къ экипажѣ не на-

шелъ такого что можно было бы критиковать. Когда мы разговорились о дѣлахъ, я расплакался, и онъ очень мнѣ сочувствовалъ. На прощаньѣ предостерегъ меня, что его совѣта нѣтъ на женитьбу мою на Гедвигѣ Гнатовской. У Букара цѣлый домъ оплакивалъ Стемпковскаго, и я долженъ былъ повторить подробности его смерти.

— Что же ты думаешь дѣлать? спрашивали меня.

— Не знаю! былъ мой отвѣтъ.

Букаръ совѣтовалъ мнѣ, если не думаю возвращаться въ Люблинъ, принять мѣсто по выборамъ. Вѣдь это тебѣ поможетъ и на случай женитьбы, добавилъ онъ. Затѣмъ мы всѣ отправились на ярмарку въ Дубно. Заѣзжали въ Цудновъ, новое имѣніе, купленное Протомъ Потоцкимъ, и здѣсь меня въ первый разъ представили женѣ воеводы, урожденной княжнѣ Любомирской. Потоцкая была красавица и очень любезная дама. Воевода, разговаривая о предстоящихъ сеймикахъ, тутъ же пригласилъ и меня принять избраніе. Гижицкій поддержалъ предложеніе. Оставалось только согласиться, что̀ я и сдѣлалъ. Въ Дубнѣ, куда пріѣхали мой отецъ и дядя-абатъ, я объявилъ имъ, что имѣлъ у Кабри всего 80.000 злотыхъ, которыя, взявъ изъ банка, передалъ Ганскому. Мнѣ это было необходимо, чтобы родственники Гедвиги знали что я имѣю. Ганскій долго отказывался брать деньги, увѣряя, что ему не нуженъ теперь капиталъ, но я настоялъ на своемъ. Гижицкій ухаживалъ за княжной Шуйской и уговорилъ меня ѣхать съ нимъ въ Ясногородну, принадлежавшую Шуйскимъ. Тамъ было три дѣвицы; старшая вышла за маіора Марчанова, брата княгини Шереметьевой, средняя за Якова Залѣсскаго и младшая за горбатаго Ледоховскаго, бывшаго въ царствованіе Павла I-го предсѣдателемъ 1-го департамента волынской палаты.

Вкратцѣ разскажу здѣсь о сеймикахъ 1792 года и о свадьбѣ Рачинскаго. На этотъ разъ не нужно было приготовляться кормить избирательную публику въ лаптяхъ и свиткахъ. Новый законъ допускалъ на выборы только землевладѣльцевъ; составлены были книги помѣщиковъ-избирателей и считалось всего шестьсотъ лицъ съ правомъ голоса. Житомирскій повѣтъ имѣлъ двѣсти голосовъ. Маршаломъ сеймика выбрали Паушу, но Гижицкій орудовалъ всѣмъ. Въ первый день избрали судей и комисаровъ граничныхъ, всего двадцать четырехъ человѣкъ. На эти мѣста выбраны были большею частію люди богатые. На второй день выбрали земскихъ судей по двѣнадцати на повѣтъ, всего тридцать шесть на все воеводство. На третій день шли выборы въ комиссію гражданско-военную. Выбрали меня, Карла Шашкевича и еще четверыхъ. На четвертый день выбирались депутаты въ трибуналъ... Всѣ эти выборы предварительно рѣшались въ нашей квартирѣ и только впослѣдствіи большинство подтверждало ихъ. Я упомянулъ, что на этихъ сеймикахъ толпы и многолюдства особенныхъ не было. Но все же у насъ ежедневно обѣдало по 80 и болѣе человѣкъ. Домъ былъ до того полонъ, что трудно было пройти. Со всѣхъ сторонъ слышались тосты: за счастье края! за наилюбимѣйшаго короля! за всеобщую дружбу и братство! за здоровье мечника! за здоровье свѣтлѣйшихъ вельможныхъ вновь выбранныхъ сановниковъ и т. д. Всѣ расходы на эти угощенія Гижицкій взялъ на свой счетъ. Ганскій предложилъ мнѣ свой домъ въ Житомирѣ, гдѣ я долженъ былъ жить, какъ комисаръ. Но хотя меня звали Гижицкій и Букаръ жить съ ними, я занялъ домъ Ганскаго, рѣшась быть независимымъ и самъ вести домъ. Поваръ у меня былъ, серебро тоже. Оставалось докупить только хрусталя, чтобъ быть въ состояніи принимать обще-

ство. Обѣды у меня чаще всего бывали въ пятницу. Въ этотъ день пріѣзжала съ родственниками въ костелъ Гедвига Гнатовская и обѣдала у меня. Бывало у меня по двѣнадцати и болѣе обѣдающихъ. Въ Житомирѣ въ это время засѣдали: комиссія граничная — двѣнадцать человѣкъ, какъ я уже говорилъ, составленная изъ людей богатыхъ; двѣ комиссіи гражданско-военныхъ (кіевская и житомирская), всего 16 членовъ, два земскихъ суда — 16 членовъ и еще комиссія boni ordinis (комиссія порядка). Житомиръ былъ переполненъ. За исключеніемъ работъ сессій, небольшихъ дрязгъ и обѣдовъ, всѣ только и думали, какъ бы повеселиться. Я и Гижицкій ѣздили въ одну суботу въ Ясногородку къ Шуйскимъ, гдѣ была его возлюбленная, а въ другую суботу въ Пулины, гдѣ жила Гнатовская, моя будущая невѣста. Время проходило очень хорошо.

Наконецъ насталъ день свадьбы Рачинскаго. У Букара было неслыханное множество гостей, не только домъ и флигеля, но даже жидовскіе дворы и лучшія избы крестьянъ заняты были гостями. Я получилъ квартиру у приходскаго ксендза. Свадьбы я описывать не буду. Исполнено было все со всѣми древними церемоніями, которыя всѣмъ хорошо извѣстны. Болѣе 50 человѣкъ подписались свидѣтелями. Среди общаго веселія я тоже старался казаться веселымъ. Но искренно сознаюсь, мнѣ было вовсе невесело: меня мучили сомнѣнія, что́ предпринять и на что рѣшиться: Эмилія Брохоцкая была далеко, а Гедвига Гнатовская тутъ же, въ одномъ домѣ со мною, но... я хотѣлъ жениться на первой и не могъ отказаться совсѣмъ отъ второй.

VIII. Лагерь князя Іосифа Понятовскаго.

Военная комиссія предписала выслать въ лагерь князя Іосифа Понятовскаго по два комисара съ каждаго повѣта кіевскаго воеводства. Я и Гижицкій были назначены ѣхать изъ житомирскаго повѣта. Намъ приходилось ѣхать на молдавскую границу, возлѣ которой стоялъ Понятовскій. Одного дня довольно было намъ для сборовъ и прощанья, и на утро мы уже выѣхали. Съ нами ѣхали двѣ коляски и бричка съ поваромъ и буфетомъ. Черезъ четыре дня мы прибыли въ лагерь, представились князю, онъ намъ велѣлъ надѣть свитскіе военные мундиры и быть при главной квартирѣ. Верховыхъ лошадей намъ дали изъ конюшни князя и отъ него же получили приглашеніе на обѣды. Кромѣ насъ было уже при лагерѣ шесть комисаровъ. Одинъ изъ нихъ Мощинскій получилъ приказаніе идти съ эскадрономъ въ Тульчинъ, принадлежавшій князю Потоцкому, и забрать оттуда надворное войско, пушки, весь арсеналъ, порохъ и оружіе. Вещи велѣно отослать въ м. Полонное, а людей привести въ лагерь. Полонное должно было быть обращено въ крѣпость; туда уже пріѣхали инженеры. Къ нимъ въ помощь, для сбора людей и надзора за рабочими, велѣно было послать комисаровъ отъ повѣтовъ волынскаго, кіевскаго и кременецкаго. На работу являлись ежедневно по три тысячи съ лошадьми и по шести тысячъ пѣшихъ рабочихъ; при нихъ находился пѣшій острогскій полкъ, подъ предводительствомъ князя Любомирскаго. Но всѣ эти работы ни къ чему не повели и такъ безъ пользы брошены. Въ двѣ недѣли крѣпости выстроить невозможно. Военная комиссія въ этомъ случаѣ дѣлала по пословицѣ: плохую суботнюю работу для воскреснаго торга.

Изъ Тульчина Мощинскій привелъ триста человѣкъ пѣхоты, сто восемьдесятъ всадниковъ, сорокъ казаковъ, шесть пушекъ съ лошадьми, упряжью и артиллеристами, десять возовъ пороху, готовыхъ патроновъ и разнаго оружія на тысячу человѣкъ. Кромѣ того было привезено 30 небольшихъ пушекъ, въ родѣ крѣпостныхъ. Вмѣстѣ съ людьми Потоцкаго пригнали двѣсти штукъ воловъ. Офицерамъ выданы были паспорты (нѣкоторые впрочемъ просили принять ихъ на службу и были приняты тѣми же чинами), а солдаты расформированы по полкамъ. Посланы были въ другіе барскіе дворы комисары, съ приказаніемъ привести надворное войско и вскорѣ было доставлено комисаромъ Грохольскимъ сто двадцать казаковъ на отличныхъ лошадяхъ. Изъ Корсуня прибыло тоже сто доброконныхъ казаковъ. Князь Чарторыжскій подарилъ 400 казаковъ, лошадь каждаго изъ нихъ стоила не менѣе 30 червонцевъ, всѣ были въ новыхъ мундирахъ и ни одного не было старше 30 лѣтъ. Когда князь выѣхалъ ихъ осматривать, они привѣтствовали его крикомъ: здорово батька Іозипъ! Изъ всѣхъ этихъ казаковъ сформированъ полкъ въ десять сотенъ и названъ полкомъ «Вѣрная дружина». Для обмундированія прибывающихъ людей свезено было множество сукна и до четырехъ сотъ портныхъ. Въ недѣлю вся работа уже окончилась. Часть этихъ казаковъ князь оставилъ для своего конвоя.

У Понятовскаго было нѣсколько шатровъ: Одинъ очень большой, раздѣленный на двѣ комнаты. Въ одной меньшей было что-то въ родѣ канцеляріи; туда являлись по утру съ рапортами. Въ другой — большой накрывался столъ, и всѣ, безъ всякаго этикета, сидя и стоя, ѣли и пили. Обѣдъ подавался въ 4 часа. Серебра не было видно. Вся посуда была изъ англійскаго металла, кушанья вдоволь, но не ро-

скошнаго. Особнякомъ стоялъ шатеръ «спальня князя» и рядомъ съ нимъ еще четыре палатки для свиты; затѣмъ — три кухни, кладовая и еще небольшія палатки для разныхъ вещей. Варѳоломей Гижицкій былъ адъютантомъ при князѣ. Я, Антонъ Гижицкій и Мощинскій получили для себя штабъ-офицерскую палатку и двѣ маленькихъ для нашей канцеляріи. Безъ билета, подписаннаго дежурнымъ генераломъ, ни одинъ жидъ не смѣлъ явиться въ лагерь. Пойманныхъ вѣшали. Передъ нашимъ прибытіемъ повѣсили двоихъ. Даже собственныхъ развѣдчиковъ выводили и вводили въ лагерь съ завязанными глазами.

Каждый день летали курьеры въ Варшаву и изъ Варшавы. Но мы только то и знали, что король обѣщаетъ прибыть въ лагерь; что вездѣ волнуются и готовятся защищать родину, и цѣлыя массы шляхты стали подъ Люблиномъ и Влодимержомъ, ожидая королевскихъ приказаній. Изъ газетъ видно было, что война недалека, и что сеймъ вручилъ королю полномочіе вести ее и заключать трактаты, а народъ призывалъ на защиту родины и на принесенія жертвъ на общую пользу. Писали, будто король на засѣданіи сейма расплакался и обѣщалъ лично вести войско и даже умереть за свой народъ. Королю дана была диктаторская власть, министры объявлены не отвѣтственными, и Малаховскій отсрочилъ засѣданія сейма до окончанія войны, самъ проливая слезы среди взволнованныхъ и плачущихъ депутатовъ.

Но король только все собирался ѣхать, а въ лагерь не являлся. Говорятъ его не пустила новая любовница, маркиза Люли. Къ намъ было только прислано 400 крестовъ вновь установленнаго военнаго ордена. При этомъ были приложены 400 патентовъ, подписанныхъ королемъ со свободной строкой для внесенія впослѣдствіи имени того, кому будетъ

данъ орденъ главнокомандующимъ. Въ лагерѣ все это возбуждало много энтузіазма. Сочинялись пѣсни и музыка, и со всѣхъ сторонъ слышались слова гимна: «Дай намъ Боже...»

Для насъ очень была затруднительна доставка фуража и провіанта. Мы не знали ни числа населенія, ни даже названій селъ и мѣстечекъ. У насъ не было свѣденій о цѣнахъ на фуражъ и провіантъ. Словомъ никакихъ приспособленій. А. Гижицкій все дѣло свалилъ на меня, и я поступалъ что называется «съ завязанными глазами».

Въ канцеляріи моей работали четыре писаря, велись дневники и писались требованія. Изъ окрестныхъ имѣній вытребованы были мною нѣсколько экономовъ, для сообщенія болѣе вѣрныхъ свѣденій о населеніи и положеніи населенныхъ мѣстъ, а также и о томъ какія мы въ нихъ могли найти ресурсы. День и ночь свозились въ лагерь провіантъ и фуражъ. И надо отдать справедливость, при помощи пожертвованій, часто очень значительныхъ, недостатка ни въ чемъ не было. И магазины наши были всегда полны.

Въ лагерѣ была полная неизвѣстность насчетъ ожидаемой кампаніи. Гдѣ былъ непріятель и что задумывалъ главнокомандующій—объ этомъ даже говорить воспрещалось подъ страхомъ разстрѣлянія. Иногда мы заглядывали въ Новый Константиновъ и Тавровъ; тамъ отъ жидовъ иногда удавалось кое-что узнать. Говорили, что русская армія стоитъ всего въ пятнадцати миляхъ отъ границы. Доносили мы о собранныхъ свѣденіяхъ главнокомандующему, но получали въ отвѣтъ слова два, не болѣе: знаю все! хорошо! увидимъ... Что будетъ, то будетъ и т. п.

Тавровъ и Новый-Константиновъ—мѣстечки небольшія, но въ нихъ къ этому времени столько набралось жидовъ и они столько настроили временныхъ лавокъ, что почти утроили

оба мѣстечка. Шельмы-жиды должно быть съ цѣлаго свѣта сбѣжались въ эти мѣста, расчитывая на карманы военныхъ. Все можно было достать у нихъ, всякіе ремесленники являлись на спросъ: портные, сапожники, золотыхъ дѣлъ мастера, сѣдельщики и т. д.

Дожди, роса и пыль перепортили наши мундиры, и мы съ Гижицкимъ должны были сшить новые; стоили они намъ по 140 червонцевъ. Гижицкій очень боялся посылокъ собирать людей казаковъ по разнымъ фольваркамъ; ѣсть въ дорогѣ часто было нечего и безпокойства было не мало. Я обѣщалъ выручить его, и онъ былъ очень благодаренъ за такое обѣщаніе. Однажды утромъ зовутъ насъ обоихъ къ князю главнокомандующему. Приходимъ.

— Полковникъ Каминскій со 150 казаками, говоритъ князь, вручая приказъ Гижицкому,—командированъ въ Смѣлу взять оттуда надворныхъ казаковъ и оружія, вы поѣдете съ нимъ.

Мнѣ князь тоже вручилъ приказъ и поручилъ ѣхать съ полковникомъ Піотровскимъ и 150 казаками въ Бѣлую-Церковь для той же цѣли что́ и моему товарищу. Лице у бѣднаго Гижицкаго, когда я на него взглянулъ украдкою, вытянулось, но дѣлать было нечего. Надѣясь на всегдашнюю доброту Понятовскаго, я осмѣлился представить ему, что одному изъ комисаровъ очень бы не мѣшало оставаться въ лагерѣ; что Смѣла и Бѣлая-Церковь почти на одной дорогѣ, и я берусь исполнить оба порученія.

Понятовскій улыбнулся и согласился на мое представленіе, прибавивъ:

— Вы имѣете 300 казаковъ, а потому въ случаѣ сопротивленія помните, что люди даны вамъ не для одного только церемоніала.

Въ Смѣлѣ я нашелъ коменданта, отставнаго полковника Чудова (Смѣла была куплена покойнымъ уже тогда Потемкинымъ, принявшимъ польское гражданство); остановившись у него на квартирѣ, я предъявилъ ему приказъ главнокомандующаго, и онъ сейчасъ же исполнилъ, съ большою даже охотою, всѣ мои требованія: выдалъ 40 казаковъ съ атаманомъ и далъ 150 воловъ. Изъ Смѣлы я поѣхалъ въ Бѣлую-Церковь, куда и вступилъ вмѣстѣ со второй половиной моего отряда—150 казаками полковника Піотровскаго. Здѣсь мы нашли 80 человѣкъ пѣхоты, хорошо одѣтой и вооруженной, 110 надворныхъ уланъ въ новыхъ мундирахъ, на прекрасныхъ лошадяхъ и 40 казаковъ тоже доброконныхъ; четыре орудія съ лафетами и десять безъ лафетовъ и разнаго оружія на 500 человѣкъ. Всѣ эти отряды, по прибытіи въ лагерь, были расформированы по полкамъ, а казаки присоединены къ «Вѣрной Дружинѣ».

Газеты увѣдомляли насъ о немедленномъ прибытіи короля въ лагерь и о томъ, что громадныя сборища шляхты въ Краковѣ, Влодимержѣ и Люблинѣ желаютъ присоединиться къ намъ. Кромѣ того писали, что всѣ граждане спѣшатъ жертвовать и охотно сносятъ и сводятъ все что нужно и вносятъ деньги въ королевскую казну. Въ лагерь Понятовскаго ежедневно прибывали разные господа, приводя съ собою по пяти, десяти и болѣе человѣкъ на хорошихъ лошадяхъ, вооруженныхъ и обмундированныхъ. Мы жили привольно, хорошо пили и ѣли; цѣлый день почти проводили на лошадяхъ, подписывали реквизиціонныя требованія и какъ всѣ играли въ карты и кости. Послѣдней игрою впрочемъ ни я, ни Гижицкій не занимались. Въ свитѣ князя, кромѣ адъютантовъ, находилось еще отъ разныхъ войскъ, двадцать четыре ординарца. Въ собственной конюшнѣ князя имѣлось

для всѣхъ насъ 36 верховыхъ лошадей; для меня и Гижицкаго всегда были готовы по двѣ лошади каждый день. Кромѣ того мы купили по четыре казачьихъ лошади изъ числа тѣхъ, которыхъ хозяева пошли въ пѣхоту, и тѣхъ, которые взяты были въ обозъ. Разумѣется намъ позволено было выбрать лучшихъ.

Ждали скораго похода, и лагерь шевелился. Приказано было приготовить пустыхъ 2.000 телѣгъ для перевозки тяжестей арміи.. Каждый день собирался военный совѣтъ, но о чемъ тамъ шла рѣчь мы не знали. Наконецъ приказано было отослать прочь подъ конвоемъ всѣ тяжести и экипажи, имѣвшіеся въ арміи. Мы тоже должны были отослать свои экипажи, но приказали людямъ держаться отъ арміи въ разстояніи не далѣе одной мили. Заговорили о приближеніи непріятельской арміи, подъ начальствомъ генерала Каховскаго, только она, какъ слышали мы, двигалась очень медленно. Курьеры отправлялись изъ Варшавы и въ Варшаву, военные совѣты собирались чуть ли не послѣ всякаго полученія депешъ изъ Варшавы, только мы все таки ничего опредѣленнаго не знали, ѣли, пили и пѣли патріотическіе гимны: «Будемъ гулять»...

Армія тронулась къ Бугу и стала около Виницы на правой сторонѣ рѣки. Чрезъ Бугъ былъ выстроенъ новый красивый мостъ и мы потомъ перешли на лѣвый берегъ рѣки. Гижицкаго, поѣхавшаго впередъ, казакъ мой едва отыскалъ въ крестьянской избѣ, на дворъ которой ввезены были всѣ наши экипажи. У Гижицкаго кухня оказалась въ порядкѣ, прибыло нѣсколько человѣкъ знакомыхъ, голодныхъ и жаждущихъ и буквально очистили и съѣли все что только имѣлось приготовленнаго. Вся армія купалась въ Бугѣ, и

мы также выкупались. Въ 4 часа, освѣженные и сытые, мы явились въ главную квартиру князя Понятовскаго.

Только что мы пришли, пикетъ привезъ связанныхъ двухъ жидовъ. У нихъ нашли въ плащахъ, между сукномъ и подкладкою, постановленія, проклямаціи и письма отъ имени конфедераціи. Кромѣ того при нихъ было найдено 48 червонцевъ. Созванъ былъ сейчасъ военный совѣтъ, и даже часу не прошло, какъ обоихъ повѣсили. Деньги, найденныя у нихъ, князь отдалъ арестовавшему ихъ пикету.

Чрезъ нѣсколько дней насъ офиціально увѣдомили, что подъ Пулавами собралось 30.000 шляхты, подъ предводительствомъ Мокроновскаго и Бышевскаго. Ждали только прибытія короля, долженствовавшаго нравственною поддержкою своего авторитета оживить этихъ людей, предназначаемыхъ на подкрѣпленія нашей арміи. Намъ комисарамъ приказано было вверхъ и внизъ по Бугу, на разстояніи трехъ миль отъ Виницы, уничтожать всѣ мосты, а паромы, лодки и прочее перевести на правый берегъ. Все это было выполнено въ три дня. Въ это время князя увѣдомили о прибытіи курьера отъ Сченснаго Потоцкаго изъ Тульчина, который, какъ мы слышали, былъ уже занятъ русскими — генераломъ Каховскимъ; при немъ находились Потоцкій и гетманъ Браницкій. Говорили, что конфедерація въ Тарговицахъ, что въ Тульчинъ собираютъ громадные запасы фуража и провіанта и что тамъ должна быть стоянка большаго количества войскъ. Собрали военный совѣтъ и послѣ недолгаго совѣщанія постановили курьера не пускать въ лагерь и писемъ отъ Потоцкаго не принимать. Мнѣ было приказано, съ полковникомъ Піотровскимъ и 150 казаками, идти въ Бердичевъ и взять изъ тамошней крѣпости гарнизонъ, артилерію, оружіе и прочія вещи. По дорогѣ въ Бердичевъ я и

Піотровскій встрѣчали множество землевладѣльцевъ кіевскаго воеводства, спѣшившихъ укрыться въ безопасныя мѣста, и преимущественно въ Галицію, передъ наступающими военными смутами. Хотя и разсказывали, что тарговицкая конференція никого безоружнаго не тронетъ; что цѣль ея только, при помощи иностранныхъ войскъ, возстановить старый порядокъ, уничтоженный сеймомъ, но тѣмъ не менѣе паническій страхъ обуялъ всѣхъ и всѣ бѣжали и крылись.

Въ Бердичевѣ я сейчасъ же одѣлся въ мундиръ и представился княгинѣ Радзивиллъ. Экипажи ея уже были готовы, она хотѣла уѣзжать въ Галицію. Мои представленія о томъ, что ей не грозитъ никакая опасность, и что войско находится подъ начальство Понятовскаго, удержали ее на нѣсколько дней отъ выѣзда. Когда пришелъ отрядъ нашихъ казаковъ, ихъ выстроили противъ дома княгини. Всѣ на нихъ смотрѣли съ удивленіемъ; до сихъ поръ подобнаго войска еще никто здѣсь не видѣлъ. Въ одинадцать часовъ смѣнялись крѣпостные караулы, и въ этотъ часъ я, Піотровскій и офицеры отправились въ крѣпость. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынче ворота въ улицы города, были каменныя стѣны, ровъ и подъ земный мостъ съ рогатками. Мы были въ мундирахъ. Караулъ крикнулъ: къ оружію! Намъ отдали военную почесть и мы вошли въ крѣпость. За нами вошли и наши казаки. Комендантомъ былъ маіоръ Сервансній-дѣдъ лѣтъ восьмидесяти; его и ксендза настоятеля пріората я отвелъ въ сторону и показалъ имъ приказъ главнокомандующаго. Маіоръ расплакался и объявилъ, что служитъ въ этомъ гарнизонѣ уже болѣе 50 лѣтъ и слишкомъ двадцать лѣтъ командуетъ имъ. Я отдалъ письменный приказъ гарнизону явиться на смотръ. Ударили въ барабанъ и люди собрались – всего не болѣе 120 человѣкъ. Сложивъ оружіе

они отошли въ сторону, и тогда я объявилъ имъ приказъ главнокомандующаго, требующаго зачисленія ихъ въ дѣйствительную службу.

Ни однимъ словомъ не заявили они своего желанія исполнить приказъ. По ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что въ одной и той же ротѣ служили дѣдъ, отецъ и сынъ—калѣки и старики никуда не годные. Пришлось выбраковать, и только тѣхъ, которые были моложе 40 лѣтъ, взять въ службу, а остальнымъ выдать паспорты. Годныхъ нашлось 49 солдатъ, четверо офицеровъ и 5 барабанщиковъ, кромѣ того восемь артиллеристовъ. Были еще въ этомъ гарнизонѣ пятьдесятъ музыкантовъ, тоже въ военныхъ мундирахъ. Когда я хотѣлъ взять ихъ, ксендзъ началъ просить, почти упалъ къ ногамъ, чтобы я ихъ только не бралъ.

— Желаете ли вы идти на службу? спросилъ я ихъ. Большая часть крикнула: желаемъ. Кто желаетъ—выступай впередъ! И вышло изъ рядовъ болѣе тридцати человѣкъ. Изъ нихъ я выбралъ 24, умѣвшихъ играть на трубахъ, и присоединилъ къ нимъ одного барабанщика, порѣшилъ составить такимъ образомъ трубачей для казаковъ «Вѣрной Дружины». Мундиры имъ тотчасъ же сшили бердичевскіе портные; равно также безпрекословно исполнилъ еврейскій кагалъ (община) всѣ мои требованія реквизицій: лошадей, овса и хлѣба. Два дня заняло насъ списываніе инвентаря крѣпостнаго имущества; найдено въ амбразурахъ восемьдесятъ пушекъ, по большей части желѣзныхъ; три тысячи очень старыхъ зарядовъ съ ядрами и еще столько же холостыхъ; нѣсколько мортиръ и восемь боченковъ пороха. Кромѣ того найдено бѣлаго оружія на 400 человѣкъ. Желѣзныя пушки и прочее негодное для лагеря я оставилъ въ крѣпости, а тому что бралъ съ собою составилъ въ двухъ экземплярахъ инвентарь. Одинъ взялъ

для князя, другой за моей подписью оставилъ въ крѣпости для свѣденія. Еще три дня пробыли мы въ Бердичевѣ, пока все было кончено. Моимъ писарямъ помогали три мѣстныхъ ксендза, пиша паспорты для всѣхъ негодныхъ къ службѣ и не желавшихъ служить. Кромѣ стараго маіора Серванскаго, получили паспорты двое такихъ же стариковъ капитановъ и одинъ поручикъ. Жалованье отецъ настоятель пріората, хотя и крѣпко морщился, долженъ былъ однакоже выплатить всему гарнизону. Затѣмъ команда наша двинулась, а мы еще остались въ гостяхъ у княгини Радзивиллъ. Но эти гостины не обошлись безъ бѣды. Въ Райгородкѣ казаки почти до смерти засѣкли нагайками [1]) «школьника» и «кагальныхъ» евреевъ. Обвинены были жиды за то что не доставили овса и сѣна. И то и другое немедленно было доставлено съ барскаго двора едва только мы явились на мѣсто стоянки партіи. Здѣсь же мы узнали, что лагерь перенесенъ въ Улановъ и передовая стража встрѣтила насъ уже въ Петриковцахъ. Выспавшись и отдохнувъ мы на утро явились въ Улановъ, и я сдалъ рапортъ главнокомандующему, который мною остался очень доволенъ. Но особенный эфектъ произвели трубачи. Услышавъ звуки трубъ и узнавъ отъ меня, какая это музыка, Понятовскій вышелъ изъ палатки.

— Вотъ этимъ вы меня утѣшили, обратился онъ ко мнѣ. Я самъ думалъ дать казакамъ трубы, но не зналъ откуда ихъ взять, откуда достать мундиры, аммуницію и прочее. Какъ вы все это устроили?

— Купцы бердичевскіе пожертвовали.

---

[1]) Почетныя лица еврейскихъ общинъ, всегда ведущія всѣ переговоры отъ имени своихъ общинъ. Школьникъ — вѣдающій школу (молитвенный домъ).

— Очень хорошо, по молодецки поступлено съ вашей стороны.

Казаки Вѣрной Дружины закричали: Здорово батька Іозепъ! Они окружили меня и благодаря за трубы для ихъ полка подняли на руки, качали, цѣловали и называли: Иванъ орелъ! Я едва могъ вырваться изъ слишкомъ дружескихъ объятій. Князь Понятовскій такъ былъ мною доволенъ, что началъ уговаривать меня поступить на службу и предлагалъ чинъ подполковника. Я благодарилъ за милость, но еще не рѣшился и просилъ времени подумать. По моему представленію капельмейстеру трубачей (человѣку свободному) главнокомандующій пожаловалъ серебряныя петлицы и званіе унтеръ-офицера. Казаки «Вѣрной Дружины», получивъ трубы, шумно обступили палатку главнокомандующаго и съ крикомъ требовали знаменъ. Князь вышелъ къ нимъ, обласкалъ ихъ и сказалъ, что знамена дастъ имъ король.

Любо было глядѣть на молодцовъ-казаковъ. Съ эскадрономъ подобныхъ людей вылетѣвъ на рекогносцировку, можно было погулять и каши наварить врагамъ не мало. Очень жалѣю, что мнѣ не удалось остаться у нихъ, хотя я и очень желалъ поступить на службу.

Чрезъ недѣлю я снова поѣхалъ въ Бердичевъ. Что въ это время происходило въ арміи — не знаю; чего самъ не видѣлъ, описывать не буду. Изъ Виницы, гдѣ я оставилъ армію, она перешла въ Остроль. Затѣмъ она потянулась къ Любару и оттуда въ лагерь, по дорогѣ къ Чарторыѣ. Мы полагали, что Любаръ есть пунктъ встрѣчи обѣихъ армій, но ничего подобнаго не случилось. Въ Любарѣ квартировалъ Понятовскій и дня черезъ два къ нему явилась депутація отъ бердичевскихъ купцовъ: составляли ее Іени—швейцарецъ, Гернеръ—нѣмецъ и двое евреевъ—Хаимъ Хмѣльницкій и Борухъ. У швей-

царца Іени были магазины полотенъ, кромѣ Бердичева, еще въ Варшавѣ, Краковѣ и Люблинѣ. Полотна были рѣдкой красоты, теперь такихъ вовсе нѣтъ: тонкія какъ бумага, ровныя и частыя до того, что трудно въ нихъ было отличить нитку одну отъ другой. Штука хорошаго полотна стоила 100 червонцевъ, самаго плохаго—30 червонцевъ. Іени и К°, говорили, имѣли 12.000.000 злотыхъ (1.800.000 р.). Послѣ раздѣла Польши компанія раздѣлилась. Самъ Іени съ другимъ швейцарцемъ торговалъ потомъ въ Бердичевѣ долгое время, наконецъ купилъ у Радзивилловъ цѣлый Бердичевъ, построилъ фабрику, но обворованный прикащикомъ—жидомъ Рубинштейномъ и другими жидами, обанкрутился. Очень жаль этихъ честныхъ людей. Они у меня много разъ покупали разные продукты и всегда расчитывались честно. У нѣмца Гернера былъ галантерейный магазинъ. Борухъ и Хаимъ были оптовые торговцы краснымъ шелковымъ товаромъ и люди весьма богатые. Депутація, явившись къ князю, предложила въ даръ новые инструменты для казачьей музыки. Князь такъ былъ этимъ обрадованъ, что вмѣстѣ съ депутаціей пошелъ въ казачій лагерь, гдѣ пять бочекъ водки были уже пожертвованы депутаціей казакамъ. Всѣ встрѣтили насъ съ шумною радостью, сперва подняли на руки князя, потомъ меня, потомъ всѣхъ членовъ депутаціи. Разсказываю здѣсь эти мелочи, чтобъ познакомить читателей съ образомъ нашей жизни въ лагерѣ и съ настроеніемъ общества и народа.

Кстати здѣсь сказать нѣсколько словъ о торговлѣ тогдашняго Бердичева. Онъ былъ на половину меньше теперешняго, но торговалъ гораздо дѣятельнѣе. Не было слышно тогда, чтобы кто нибудь платилъ, даже за самыя лучшія сукна по 9 или 12 рублей локоть (менѣе аршина). Сукна почти въ половину были дешевле, чѣмъ нынѣ, хотя ни одной

фабрики въ нашемъ краѣ не было, кромѣ Кракова и Познани, гдѣ было ихъ нѣсколько. Сукна похуже, на ливреи и прочее, доставлялись изъ Германіи; лучшія — изъ Англіи. Въ Бердичевѣ было десять оптовыхъ торговцевъ, не продававшихъ на аршинъ и фунты, пятьдесятъ магазиновъ съ шелковыми матеріями, сукномъ и полотномъ. Торговля была свободная, на таможнѣ съ красныхъ товаровъ платили только транзитныя пошлины; съ другихъ товаровъ взымалась пошлина самая ничтожная. Магазины переполнялись товарами, которые потомъ шли въ Молдавію и забирались маркитантами въ Россію. Изъ Россіи привозили сало, свѣчи, мыло, икру, рыбу и мѣха. Хаимъ и Борухъ были первые купцы, выстроившіе въ Бордичевѣ каменные дома на Кармелитской улицѣ.

Въ Любарѣ многолюдство было страшное, особенно многочисленны были уѣзжавшіе въ Галицію; городъ былъ буквально ими переполненъ. Курьеры въ Варшаву и изъ Варшавы летали по прежнему. Были слухи о вступленіи непріятельской стотысячной арміи генерала Каховскаго въ наши предѣлы, а между тѣмъ лагеря нашего и не думали укрѣплять; у насъ было всего на всего 24000 человѣкъ, считая въ то число всѣхъ волонтеровъ. Неравенство силъ наводило на насъ ужасъ; у непріятеля къ тому же была армія дисциплинированная, привыкшая къ битвамъ. Король только обѣщалъ пріѣхать, не думая исполнять обѣщанія. Соображая все это, предсказанія будущаго являлись весьма печальныя. Съ своей стороны я еще болѣе колебался вступать или нѣтъ мнѣ на дѣйствительную военную службу, и энтузіазмъ мой ослабѣвалъ все болѣе и болѣе. Гижицкій тоже старался отсовѣтовать касательно намѣренія служить въ арміи. Армія наша начала уже быстро отступать и не трудно уже было предсказать ожи-

давшія ее въ будущемъ пораженія. Все это окончательно заставило меня думать только о томъ, какъ бы ловче вывернуться, отказываясь отъ предложенія главнокомандующаго. Въ это время судья Букаръ написалъ мнѣ, что отецъ мой лежитъ бо́льной, въ безнадежномъ положеніи. Пораженный страшной вѣстью, я еще не зналъ на что рѣшиться, когда явился посланный, требуя меня къ Понятовскому. Князь объявилъ мнѣ и Мощинскому, что принимаетъ насъ на дѣйствительную службу въ чинѣ подполковниковъ.

— Завтра, сказалъ онъ, объявится объ этомъ въ приказахъ. Мощинскій останется въ моей свитѣ, а вы Охотскій можете по желанію прикомандироваться къ какому угодно отряду войскъ, или оставаться при мнѣ. Но я бы совѣтовалъ вамъ вступить въ казачій полкъ; вы любите этотъ народъ, и казаки кажется васъ полюбили.

Сердце мое сжалось, слезы текли по лицу. Отъ волненія я долго не могъ вымолвить слово, наконецъ сказалъ:

— Не могу воспользоваться милостью вашей княжеской Свѣтлости,—вотъ письмо, которое объяснитъ мой отказъ. Мой отецъ смертельно боленъ, ждетъ моей помощи и нельзя мнѣ, ради моихъ частныхъ расчетовъ, отказаться отъ моихъ сыновьихъ обязанностей. Но какъ только обстоятельства мои перемѣнятся, я не замедлю воспользоваться милостію вашей.

Князь подалъ мнѣ руку и обошелся со всегдашней своей добротой. Въ это время явился Гижицкій съ письмомъ, увѣдомлявшимъ его объ уничтоженіи кіевскаго воеводства. Онъ просилъ отпустить его изъ лагеря.

— Подождите дня три, отвѣтилъ Понятовскій, я васъ обоихъ уволю.

На другой день, послѣ этого происшествія, солдатъ легкоконнаго полка провелъ въ главную квартиру жидка безъ

пейсовъ и переодѣтаго кучеромъ. Его поймали когда онъ переходилъ за черту лагеря, куда жидамъ строго воспрещалось входить. Выговоръ измѣнилъ израильтянину. Его обыскали и нашли письмо, вложенное между подошвами сапога. Собрали военный совѣтъ, жидъ сейчасъ же признался кому несъ письмо и затѣмъ жидка немедленно повѣсили. Къ кому было письмо намъ не сказали, но мы впослѣдствіи узнали, что оно было къ бригадиру Рудницкому. Этотъ Рудницкій, чрезъ нѣсколько дней, подъ Зелинцами, дѣйствительно бѣжалъ съ небольшимъ числомъ солдатъ. Подъ Острогомъ созвали военный судъ и повѣсили его портретъ. Острогъ былъ вслѣдъ затѣмъ занятъ русскими. Рудницкій явился къ командующему генералу лейтенанту Ферзену и смѣло просплъ о принятіи его на службу. Ферзенъ началъ всматриваться въ него; долго и упорно смотрѣлъ онъ ему въ лице, точно хотѣлъ припомнить, гдѣ онъ его прежде еще видѣлъ.

— Гдѣ-то я васъ видалъ! гдѣ-то я васъ видалъ! нѣсколько разъ повторялъ генералъ и наконецъ воскликнулъ: Ахъ, дай богъ памяти? Это я васъ видѣлъ подъ Острогомъ. Слова эти такъ смутили измѣнника, что онъ сейчасъ же ушелъ, скрылся и болѣе о немъ уже ничего не было слышно.

На третій день мы явились за полученіемъ нашего увольненія. Гижицкаго князь-главнокомандующій не только любилъ, но даже и уважалъ; меня князь тоже отличалъ. Въ день увольненія за обѣдомъ Понятовскій выпилъ за наше здоровье и обращаясь ко мнѣ сказалъ: которая изъ моихъ лошадей, на которыхъ вы ѣздили, больше вамъ нравится?

Я похвалилъ караковую.

Князь велѣлъ принести шкатулку съ пистолетами, оправленными въ серебро и подарилъ ее Гижицкому, а мнѣ караковаго коня съ полнымъ приборомъ. Лошадь стоила 100 чер-

вонцевъ. Изъ собственныхъ рукъ главнокомандующаго получили мы наши свидѣтельства и оставались еще на одинъ день на обѣдъ; изъ лагеря мы уѣхали домой. Насъ провожало болѣе пятидесяти офицеровъ. Эпоха пребыванія въ лагерѣ была лучшая эпоха моей жизни.

Нелишнимъ считаю здѣсь сказать нѣсколько словъ о князѣ Іосифѣ Понятовскомъ. Наружность у него, какъ я уже говорилъ, была очень счастливая. Онъ имѣлъ даръ привязывать къ себѣ всѣхъ; веселый, популярный, обходился какъ товарищъ; въ обществѣ князь до того былъ доступенъ, точно онъ былъ простой капитанъ. Каждый день съ трехъ часовъ утра онъ уже былъ верхомъ и до десяти оставался на полѣ, гдѣ войска учились и дѣлали эволюціи. Въ одиннадцать съѣзжались къ нему съ рапортомъ и затѣмъ всѣ шли на завтракъ. Каждый день бывало на завтракѣ по 160 человѣкъ и болѣе. И всѣ, начиная съ князя, закуривали трубочки съ коротенькими чубуками. Табакъ стоялъ тутъ же въ кожаныхъ мѣшкахъ. Понятовскій купилъ его цѣлыя три фуры (воза) еще тогда, когда стоялъ лагеремъ на молдаванской границѣ. Навѣрное было куплено имъ пудовъ 80 табаку. Это собраніе штабъ офицеровъ и генераловъ продолжалось до часу, и каждый требовалъ, чего хотѣлъ, какъ въ своемъ домѣ. Въ три часа бывалъ обѣдъ, особъ на 40—прошенный; присутствовали генералы, полковники и кое-кто изъ помѣщиковъ. Костюшко очень рѣдко бывалъ на обѣдѣ, но при рапортахъ и въ военномъ совѣтѣ бывалъ всегда. Князь Понятовскій и Костюшко не были въ дружбѣ. Вообще о Костюшкѣ говорили очень рѣдко, самъ князь Іосифъ относился всегда съ уваженіемъ и хорошо, но его приближенные не пропускали случая отыскивать смѣшныя стороны въ генералѣ Костюшко. Во время обѣдовъ шла рѣчь только о любовныхъ и другихъ анекдо-

тическихъ случаяхъ. Князь всегда участвовалъ въ такихъ разговорахъ.

Послѣ бытности моей въ лагерѣ, я увидалъ князя Іосифа Понятовскаго чрезъ девятнадцать лѣтъ въ 1811 году въ Варшавѣ. Онъ сейчасъ же узналъ меня, просилъ быть на обѣдѣ и распрашивалъ о старыхъ знакомыхъ. Антона Гижицкаго уже не было въ живыхъ, а Варѳоломей тогда вышелъ въ отставку изъ русской службы. Я вспомнилъ ему 1792 годъ и онъ воскликнулъ:

— Девяносто второй! Увы, онъ окончился ни чѣмъ. Развѣ только воспоминаніе о хорошихъ минутахъ, проведенныхъ въ обществѣ вашемъ и вашихъ товарищей, составляютъ исключеніе изъ печальныхъ событій того времени. Послѣ обѣда князь представлялъ меня всему штабу, но между его составомъ почти никого изъ моихъ знакомыхъ уже не оказывалось въ 1811 году...

Послѣ выѣзда изъ лагеря я и Гижицкій вмѣстѣ доѣхали до фольварка Молочки и здѣсь едва пришли въ себя и осмотрѣлись во что намъ обошлось пребываніе въ свитѣ князя. У меня когда я выѣхалъ изъ Дубна было 800 червонцевъ и 120 талеровъ, теперь оставалось всего 130 червонцевъ. Гижицкій взялъ съ собой 500 червонцевъ и имѣлъ въ Молочкахъ всего ихъ нѣсколько десятковъ. Изъ Молочекъ мы поѣхали въ разныя стороны, онъ къ своей матери, я въ Янушполье къ Букару. Тамъ мнѣ передали, что Рачинскій неизвѣстно куда уѣхалъ по дорогѣ въ Бердичевъ. О болѣзни отца мнѣ передали, что онъ очень опасенъ; докторъ Китель не помогъ ему вовсе. Тогда я обратился къ доктору Сееру, жившему въ Цудновѣ у Потоцкаго. Кромѣ того я послалъ въ Житомиръ за молодымъ докторомъ Рудницкимъ, вышедшимъ недавно изъ Краковской академіи, и въ Бердичевъ за докто-

ромъ Веберомъ. Мнѣ хотѣлось составить консиліумъ и узнать въ какомъ положеніи находится мой отецъ.

Встрѣтилъ меня отецъ очень радостно, распрашивалъ очень подробно о всѣхъ случаяхъ моей лагерной жизни, а такъ какъ я не скупился на описанія, то это такъ его заинтересовало, что онъ, слушая, казалось забывалъ о своихъ страданіяхъ. Лошадь, подаренную мнѣ Понятовскимъ, онъ велѣлъ привести въ свою спальню, ласкалъ и кормилъ сахаромъ. Каждое утро визитъ моей лошади возобновлялся, и старикъ утѣшался, какъ ребенокъ. Въ мое отсутствіе прибывшія изъ Варшавы отъ Шперля кареты и коляски были старательно упакованы, и вообще свое вниманіе ко мнѣ отецъ распространялъ даже на моихъ людей, всегда напоминая, давали ли имъ завтракъ и накормлены ли мои лошади. Когда я послалъ на своей лошади своего человѣка съ письмомъ къ Ганскимъ, онъ былъ очень недоволенъ и требовалъ, чтобы шли всюду его люди и его лошади.

— Не было ли письма отъ Липскаго? спросилъ онъ меня.

Я отвѣтилъ, что до сихъ поръ еще не было.

— Что же это значитъ? Я самъ на почтѣ, подъ квитанцію, письмо къ Липскому отдалъ. Пропасть не могло. Неужели онъ обидѣлся зачѣмъ ты не пріѣхалъ къ нему прямо изъ Дубна. Или можетъ быть причиною молчанія—смятенья и тревога по случаю войны, а можетъ и случай какой въ его семействѣ...

Какъ бы то ни было, но проектъ мой ѣхать къ Липскимъ послѣ этого случая совершенно былъ оставленъ. Вскорѣ къ отцу пріѣхали Букаръ, Гижицкій и мой дядя абатъ. Имъ я долженъ былъ снова по порядку передавать діаріумъ (дневникъ событій) жизни моей въ лагерѣ.

IX. Политическія событія, смерть отца и разныя домашнія дѣла.

Свѣденія о движеніяхъ войскъ мы получали очень акуратно. Послѣ нашего отъѣзда чрезъ два дня, войско покинуло лагерь подъ Любаромъ. Понятовскій и Вельгурскій пошли степями къ Полонному, Костюшко двинулся къ Заславлю. Багажъ и тяжести направлены были прямо чрезъ Борушковку къ Полонному, подъ прикрытіемъ одного батальона и эскадрона кавалеріи. Въ Борушковкѣ тянется гребля чрезъ болото и рѣчку. Мостъ былъ надпиленъ непріятелемъ и едва только обозъ на него въѣхалъ—провалился. Въ ту же минуту русскіе явились изъ засады и ударили на прикрытіе. Рѣзня была ужасная. И только очень небольшая часть обозовъ была спасена казаками и эскадрономъ кавалеріи и обратно доставлена въ лагерь. Двѣсти повозокъ и двѣ пушки достались непріятелю. До настоящаго времени въ Борушковкѣ, на греблѣ, стоитъ крестъ съ надписью: убитымъ въ 1792 году. Непріятель чрезъ Мирополье перешелъ въ Цуднову и тамъ остановился. Наши пришли въ Полонное далеко уже не въ совершенномъ порядкѣ. Всю ночь затопляли тяжести, порохъ, амуницію и все что не могли взять съ собою. Болѣе тяжелыя пушки также загвоздили (вбили гвозди въ затравку) и отошли къ Шентовцѣ. Костюшко шелъ на Зелиницы, за нимъ въ погоню двигался Ферзенъ, а Каховскій занялъ нашъ лагерь подъ Любаромъ. Подъ Зелиницами Костюшко на равнинѣ успѣлъ выстроить горсть своихъ войскъ и встрѣтилъ Ферзена. Не смотря на превосходство силъ и лучшее вооруженіе непріятеля, нашъ генералъ удержался въ своей позиціи. Ферзенъ отступилъ, но Костюшко не могъ его преслѣдовать, такъ какъ Каховскій съ другой стороны уже наступалъ на

него. Въ этой битвѣ оторвало пятку Николаю Зубову. Впослѣдствіи онъ женился на Потоцкой, которая развелась съ мужемъ. Пятку въ Лондонѣ ему додѣлали изъ пробки такъ хорошо, что онъ не только могъ ходить на ней, но даже танцовалъ. Костюшко изъ-подъ Зелинецъ, чрезъ Заславъ, прошелъ къ Острогу и соединился тамъ съ остальною частью арміи. У города Острога течетъ р. Горынь; здѣсь она имѣетъ болотистые берега и очень широка, мѣстами даже на двѣ версты. Колона Ферзена, переправлявшаяся, долго не могла перейдти рѣку; только когда другая непріятельская колона переправилась выше, въ Мендзиржечахъ, и взяла наши войска во флангъ, наша армія оставила переправу свободною и отступила къ Дубну, гдѣ на лѣвомъ берегу болотистой Иквы снова стала лагеремъ. Цѣлыхъ два дня наши вожди удерживали здѣсь переправу непріятельской арміи, но опять должны были отступить, узнавъ, что часть корпуса Ферзена и Каховскаго переправилась выше чрезъ Икву въ трехъ миляхъ отъ Дубна. Понятовскій и Костюшко отступили къ Бугу и укрѣпились подъ Дубенкою. Русскіе, не видя возможности перейдти съ фронта Бугъ, переправились подъ Коритницами и въ количествѣ 60.000 напали на наши войска. Битва подъ Дубенкой извѣстна всѣмъ. Войска дрались цѣлый день, а генералы Іосифъ Понятовскій и Костюшко доказали свои стратегическія способности. Въ этой битвѣ убитъ былъ изъ русскихъ бригадиръ Палембахъ, на батареѣ Северина Букара, въ то время еще только семьнадцатилѣтняго поручика. Саблю Палембаха Букаръ сохранилъ, какъ трофей послѣ знаменитой битвы.

На другой день послѣ битвы, начиная съ Костюшки, всѣмъ принимавшимъ участіе въ сраженіи и отличившимся, главнокомандующій князь Понятовскій роздалъ ордена virtuti

militari. Получили кресты всѣ офицеры безъ исключенія въ полку казачьемъ «Вѣрная Дружина». Полкъ этотъ, когда я его оставилъ, состоялъ изъ десяти полныхъ сотенъ. Послѣ войны онъ имѣлъ всего четыре сотни, по девяносто человѣкъ каждая. Онъ былъ въ самомъ сильномъ огнѣ въ сраженіи подъ Дубенкой. Князь Іосифъ считался его атаманомъ. Съ этого времени онъ сталъ носить бурку и носилъ ее до самой смерти. Бурку ему привезли изъ Астрахани великолѣпную и легкую, всего вѣсомъ не болѣе трехъ фунтовъ, сдѣланную изъ верблюжьей шерсти. Онъ далъ за нее жиду-кущу сто червонцевъ. Въ этой буркѣ онъ изображенъ на всѣхъ своихъ портретахъ, сдѣлавшихся историческими, и въ ней же онъ утонулъ въ Эльбѣ, послѣ несчастной битвы.

Тарговицкая конфедерація расположила свою главную квартиру въ Тульчинѣ. Маршаломъ ея провозгласили Станислава Сченснаго Потоцкаго; совѣтниками выбраны другъ Потоцкаго—Мощинскій, также протежé князя Антонъ Пулавскій, Злотницкій, князь А. Четвертинскій и Рачинскій. Другихъ я не помню. Люди эти, принявъ титулъ [1]) «генеральности», издали универсалы и прокламаціи, которыми отмѣнялись всѣ постановленія четырехлѣтняго сейма и снова возстановлялся прежній порядокъ, существовавшій до 1788 года. Не буду подробнѣе говорить обо всемъ этомъ, но послѣ энтузіазма,

---

[1]) Конфедерацію—вооруженное сопротивленіе, въ случаѣ нарушенія правительствомъ основныхъ законовъ республики,—законы Польши дозволяли. Дворяне, сконфедеровавшіеся вмѣстѣ съ своими соумышленниками, избирали изъ среды себя власти, которыя всѣ совокупно и носили названіе „генеральности“.

возбужденнаго дѣйствіями сейма, распоряженія конфедераціи производили самое грустное впечатлѣніе.

Отецъ мой все еще былъ очень боленъ. Дядя абатъ, пріѣхавшій провѣдать меня, спалъ со мною въ сѣнной ригѣ и по цѣлымъ ночамъ мы вели разговоры о совершавшихся событіяхъ. Старикъ съ грустью глядѣлъ на всеобщее смятеніе и съ охотою слушалъ мои разсказы о войскахъ и лагерѣ.

Ночью однажды вдругъ меня разбудили и отдали письмо. По почерку я узналъ, что оно отъ А. Рачинскаго. Онъ писалъ изъ Янушполья (им. Букара, его тестя) и звалъ меня, объясняя, что желаетъ меня видѣть по моему дѣлу; что меня ожидаетъ многое въ будущемъ и чтобы я немедленно пріѣзжалъ. Я выше говорилъ, что возвратясь изъ Варшавы мы не могли понять куда онъ дѣвался. Теперь объяснилось, что онъ присталъ къ конфедератамъ. Дядя мой проснулся, я ему показалъ письмо и онъ посовѣтовалъ мнѣ ѣхать! Уже разсвѣтало, и потому немедля, сѣвши на лошадь верхомъ, я поскакалъ въ Янушполье.

Букаръ, разбуженный и увѣдомленный о моемъ прибытіи, сейчасъ же просилъ меня къ себѣ. Я нашелъ его взволнованнымъ; увидя меня, онъ воскликнулъ:

— Что мнѣ надѣлалъ этотъ Рачинскій! Онъ меня скомпрометировалъ. Не предувѣдомивъ меня онъ пріѣхалъ съ совѣтникомъ конфедераціи—А. Четвертинскимъ, поручившись предъ Потоцкимъ, что я согласенъ быть маршаломъ кіевскаго воеводства (объ этомъ уже объявлено), сынъ мой Мартинъ — совѣтникомъ генеральности, а тебя назначили воеводскимъ... Могу ли я все это исполнить?! Тамъ, въ войскѣ, одинъ мой сынъ дерется, можетъ быть даже уже убитъ и вдругъ я... Нѣтъ! никогда этого я не сдѣлаю!

Букаръ лично потерпѣлъ съ введеніемъ новыхъ порядковъ:

онъ потерялъ мѣсто судьи, которое было посмертное. Но не смотря на это не хотѣлъ общее благо подчинить личному дѣлу и на тарговицкую конфедерацію смотрѣлъ, какъ на простой бунтъ.

— Я въ этихъ темныхъ заговорахъ не буду участвовать, сказалъ онъ мнѣ. Кромѣ моего личнаго убѣжденія, мой отецъ и дядя не совѣтуютъ мнѣ и не позволяютъ даже думать о такомъ поступкѣ.

Въ это время пришли въ комнату жена Букара и его сынъ, котораго онъ терпѣть не могъ; жена плакала, сынъ былъ разсерженъ на Рачинскаго. За ними вошелъ и камердинеръ Рачинскаго съ приглашеніемъ ко мнѣ отъ своего господина.

Рачинскаго я нашелъ передъ зеркаломъ, въ мундирѣ ротмистра національной кавалеріи [1]), сшитомъ по старой формѣ, съ шитьемъ, какъ это дѣлалось до реформы войскъ. Со мною онъ поздоровался очень подружески и сейчасъ же сказалъ:

— Ты знаешь, я всегда былъ твоимъ другомъ, доказывалъ тебѣ это не разъ, и теперь, имѣя случай къ тому, не забылъ о тебѣ. Тебѣ вѣроятно извѣстно, что тарговицкая конфедерація уже составила генеральность? Я состою совѣтникомъ и временно принялъ званіе ротмистра національной кавалеріи. Для тебя готовы два мѣста—совѣтника генералитета и ротмистра кавалеріи. Объ этомъ уже предупрежденъ маршалъ конфедераціи, и гетманъ даетъ дипломъ.

Я промолчалъ. Въ эту минуту вошелъ князь Антонъ Четвертинскій, съ которымъ я не былъ знакомъ. Рачинскій насъ познакомилъ. Четвертинскій въ обществѣ былъ очень хоро-

---

1) Званіе ротмистра національной кавалеріи равнялось званію генерала въ другихъ войскахъ.

шій человѣкъ: пріятный, ласковый и говорилъ плавно и очень хорошо.

— Рекомендую вамъ г. Охотскаго, сказалъ Рачискій, онъ имѣетъ давнія и дружескія связи съ фамиліей Букаровъ. Вельможный маршалъ конфедераціи приглашаетъ его совѣтникомъ отъ дворянъ кіевскаго воеводства.

Я снова промолчалъ. Тогда князь Четвертинскій обратился ко мнѣ со словами:

— Вы состоите въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ этимъ домомъ, помогите же намъ уговорить старика Букара принять жезлъ кіевскаго маршала.

— Букаръ два раза старше меня, отвѣтилъ я князю, онъ опытнѣе меня и навѣрное бы меня не послушалъ, кромѣ того и совѣтовъ ему я дать не смѣю, ради того уваженія, которое питаю къ нему. Что касается меня лично, я очень благодаренъ людямъ не забывшимъ меня, но принять должности тоже не могу: мой отецъ при смерти, и я долженъ быть при немъ безотлучно. Кромѣ того только нѣсколько дней тому назадъ мнѣ предложилъ князь Іосифъ Понятовскій званіе подполковника и мѣсто въ своей свитѣ, я и этого не принялъ.

— Вы были въ лагерѣ? спросилъ Четвертинскій

— Былъ. Но только какъ чиновникъ, выбранный моимъ воеводствомъ. Я исполнилъ возложенныя на меня моими согражданами обязанности; новымъ законамъ я присягнулъ добровольно и двойную присягу теперь нарушать не могу и не нарушу.

— Этихъ новыхъ законовъ уже нѣтъ на свѣтѣ. Всѣ присутственныя мѣста закрыты и всякая законная власть перенесена въ магистратуры конфедераціи.

— Объ этихъ событіяхъ ничего не знаю, отвѣтилъ я. Но кто же все это сдѣлалъ?

— Конфедерація.

Мы заспорили, но съ сохраненіемъ самой строгой учтивости. Князь стоялъ на своемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ относился ко мнѣ дружески. Онъ меня спросилъ: дома ли Гижицкій? Я отвѣтилъ—не знаю; кажется, что его нѣтъ дома. Я опасался ссоры, если бы они вздумали ѣхать къ Гижицкому.

Послѣ обѣда князь взялъ меня подъ руку и повелъ въ садъ.

— Рачинскій обѣщалъ князю Потоцкому, сказалъ онъ мнѣ,—что старикъ Букаръ, его сынъ и вы примете должности.

— Велъ ли переговоры Рачинскій съ Букаромъ и его сыномъ—не знаю. Что касается меня—никакихъ переговоровъ вести не могъ, такъ какъ я его даже не видалъ вовсе съ 18 февраля.

— Въ такомъ случаѣ Рачинскій скомпроментируется въ глазахъ Потоцкаго.

— Можетъ быть! я этого не знаю, отвѣтилъ я холодно.

Князь помолчавъ сказалъ мнѣ, что Потоцкій каждому совѣтнику генеральности даетъ асигнацію въ Суперъ-Интендантство, или даже изъ собственной кассы выплачиваетъ по 400 червонцевъ.

— Кромѣ того вы получаете еще чинъ, добавилъ Четвертинскій.—Молодому человѣку не мѣшаетъ заслуживаться и получать отличія, не истрачивая гроша собственныхъ денегъ.

— Милостивый государь! воскликнулъ я.—Я уже имѣлъ честь вамъ сказать, что не принялъ званія, предложеннаго

мнѣ властію, которую я считаю законною. Больнаго отца оставить мнѣ невозможно и я ради выгодъ обязанностямъ своимъ не измѣню.

Подошелъ Рачинскій очень разсерженный. Его только что отецъ и сынъ Букары скомпроментировали.

— Я очень жалѣю что сдѣлалъ для тебя, воскликнулъ онъ;—ты меня скандально выдаешь...

— Я у тебя ничего не просилъ, ничего тебѣ не обѣщалъ и никому не измѣняю, горячо возразилъ я ему. У насъ уже было очень недалеко отъ ссоры, но Четвертинскій вступился и не далъ разыграться страстямъ.

Съ Рачинскимъ мы однакоже разстались не очень дружелюбно и только въ 1794 году я его увидѣлъ въ Варшавѣ, когда онъ долженъ былъ бѣжать, избѣгая проскрипціи.

Когда мы оставались снова одни съ Четвертинскимъ, онъ спросилъ:

— Это вы взяли надворный комплектъ людей въ имѣніи гетмана, въ Бѣлой Церкви?

— Я взялъ. Развѣ гетманъ жалуется? Я только выполнилъ приказаніе.

— Напротивъ! Гетманъ увѣдомленъ комисаромъ, что порученіе вамъ данное выполнено было съ деликатностью, не оставлявшею желать ничего болѣе. Я былъ бы очень радъ, если бы вы посѣтили гетмана... По его распоряженію вы назначены ротмистромъ.

— Пока судьба моего отца не рѣшится, я никуда не отлучусь. Но если вы, князь, позволите, я буду впослѣдствіи просить васъ представить меня гетману.

Это были мои послѣднія слова Четвертинскому. Тогда ни онъ, ни я не думали, что все это такъ грустно кончится въ 1794 году.

Послѣ сраженія подъ Дубенкою арміи уже болѣе не встрѣчались. Наши отступили къ Варшавѣ, а непріятель наступалъ шагъ за шагомъ до самаго Маркушева, гдѣ наши генералы устроили лагерь. Въ Варшавѣ хлопотали о перемиріи, чего наконецъ и достигли. Но въ самый день заключенія перемирія случилось несчастіе: убитъ былъ генералъ-инспекторъ Илинскій. Онъ съ охотниками выѣхалъ къ казацкому пикету, попалъ въ засаду и былъ убитъ пулей въ грудь. Тѣло его наши отбили съ потерею нѣсколькихъ человѣкъ своихъ и онъ похороненъ въ Маркушевѣ. Былъ это очень способный человѣкъ и всѣ его жалѣли. Блестящую карьеру прервала эта смерть. Миръ его праху! — Въ это время Тарговицкая конфедерація изъ Тульчина перешла въ Бердичевъ и сформировала комиссію кіевскаго воеводства. Но изъ помѣщиковъ дома почти никого не было, а кто и оставался — не хотѣлъ вмѣшиваться въ эти дѣла. Потоцкій принужденъ былъ, за неимѣніемъ приличнаго кандидата, объявить маршаломъ нѣкоего Коленскаго—городскаго писаря Житомирскаго, протежированнаго гетманомъ Браницкимъ. Кромѣ его нужно было подыскать шестнадцать совѣтниковъ, а былъ только одинъ кандидатъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ—Кондрацкій, владѣвшій двумя деревнями: Тамариновкою и Деменчиномъ. Остальныя вакансіи заняли прислужники Потоцкаго и Браницкаго, члены житомирской палестры (изъ сословія адвокатовъ и ихъ помощниковъ) и всякая всячина, подборъ людей самый несчастный. Уничтоживъ всѣ учрежденія, конфедерація возобновила прежнія: судебныя, полицію, народнаго образованія и другія; они существовали до втораго раздѣленія королевства.

Въ 1793 году императрица Екатерина II издала манифестъ, которымъ присоединены были къ Россіи земли въ

Польшѣ до Варковичей включительно и въ Литвѣ по Нѣманъ. Коленскій, маршалъ кіевскій, вскорѣ умеръ; изъ остальныхъ его товарищей никто уже не являлся болѣе на общественной службѣ подъ управленіемъ Россіи. Армія получила приказъ разойтись. Князь Іосифъ Понятовскій сдалъ команду, подалъ въ отставку и уѣхалъ за границу; тоже сдѣлалъ Костюшко и иные лучшіе генералы. Дорога была очищена и, пользуясь этимъ, конфедераты устроивали по дорогѣ провинціальные конфедераціонные союзы: на Волынѣ, въ Люблинѣ и въ Сандомержу. Конференція приблизилась къ Варшавѣ; король подписалъ къ ней адресъ и члены ея явились въ столицѣ. Тогда произошли большія перемѣны. Команду и начальство поручили людямъ, сочувствовавшимъ дѣлу конфедератовъ, произвели новыхъ генераловъ, и между иными генераломъ сдѣланъ Антонъ Рачинскій, десять мѣсяцевъ тому назадъ бывшій адвокатомъ въ Люблинѣ. Комендантомъ Каменца вмѣсто Орловскаго сдѣланъ Злотницкій, только четыре мѣсяца тому назадъ бывшій титулярнымъ (номинальнымъ, а не дѣйствительнымъ) хорунжимъ червоноградскимъ, такъ какъ червоноградскій округъ еще въ 1775 г. забранъ былъ Австріей. Рачинскому пожалованъ былъ потомственно Цѣлый Ключъ Горлатовскій, конфискованный у Коллонтая, купившаго его отъ наслѣдниковъ маркграфа Пинчевскаго за 1.100.000 злотыхъ. Мнишекъ, Малаховскій, Сапѣга, генералъ артиллеріи Хрептовичъ, князь Станиславъ Понятовскій и даже гетманъ Браницкій всѣ отказались отъ своихъ должностей и выѣхали за границу.

Наконецъ вышелъ универсалъ короля о новой присягѣ и мы всѣ собрались въ Житомиръ. Вышеупомянутый мною уже маршалъ кіевскій Коленскій, никогда не отличавшійся краснорѣчіемъ, и тутъ, открывая засѣданіе, не отличился.

Начало его рѣчи вошло въ пословицу; вотъ это знаменитое начало:

— Когда мы наконецъ болваны [1]) бурливаго моря перешли...

Теперь я обращусь къ своимъ домашнимъ дѣламъ.

Дядѣ моему и отцу, я, возвратясь изъ Янушполья, подробно передалъ все случившееся и мой отвѣтъ Рачинскому. Они похвалили меня, находя, что такъ и слѣдовало поступить. Отецъ мой, по обыкновенію, пожелалъ видѣть моего князя (лошадь, подаренную мнѣ Понятовскимъ), его привели въ комнату больнаго, онъ его ласкалъ, кормилъ сахаромъ и тѣшился, какъ ребенокъ. При разговорѣ о лошади дядя-абатъ пожелалъ осмотрѣть мои экипажи.

— Сужу по этимъ экипажамъ, сказалъ онъ при осмотрѣ, что скоро у меня будетъ новая племянница, только на что тебѣ вдругъ карета и двѣ коляски.

— Прошлый разъ я имѣлъ такое же число экипажей, продалъ ихъ и получилъ барыша сто червонцевъ. Нынче думаю сдѣлать то же самое. Надо кое-какъ поддерживать мои небольшіе доходы, когда большія деньги погибли безвозвратно. Между тѣмъ расходы у меня огромные: со дня окончанія контрактовъ по настоящее число я истратилъ 12.000 злотыхъ. Гдѣ же тутъ думать о женитьбѣ.

— А почему же и не думать? возразилъ дядя.

Я поцѣловалъ его руку и отвѣтилъ, что онъ хорошо знаетъ почему нельзя мнѣ думать о женитьбѣ.

— Ты любишь Гнатовскую, но любитъ ли она тебя?

— Надѣюсь, что любитъ.

---

1) Здѣсь непереводимая по русски игра словъ, такъ какъ слово болваны попольски можетъ означать и глупыхъ людей и морскія волны.

Отецъ мой услышавъ это добавилъ, что если онъ до сегодня не желалъ моего брака съ Гнатовской, то теперь напротивъ желаетъ, чтобы бракъ совершился какъ можно скорѣе. Я упалъ ему въ ноги и заплакалъ. Дядя, отецъ и мачиха, помогавшая мнѣ—добрая женщина, — тоже расплакались. Рѣшено было, что отецъ долженъ видѣться съ Гнатовской—дать ей свое благословеніе. Мачиха, по его порученію, написала Моржсковской, прося ее пріѣхать къ нему, а мнѣ поручено было просить, чтобы Гедвига Гнатовская пріѣхала вмѣстѣ съ нею.

За обѣдомъ отецъ выпилъ нѣсколько капель вина за мое здоровье и былъ очень веселъ; дядя тоже развеселился. Пріѣхалъ въ гости староста Оменицкій и стражникъ Чесновскій; попросили присоединиться къ намъ двухъ докторовъ, обѣдавшихъ въ столовой съ мачихой—и мы вмѣстѣ выпили нѣсколько бутылокъ. Лошадей моихъ запрягли въ мои экипажи и стали проѣзжать по двору. Это былъ послѣдній день гостинъ моего дяди; завтра онъ долженъ былъ уѣхать и я его провожалъ до Житомира. Въ мое отсутствіе при отцѣ оставался братъ моей матери Сущевичъ.

Дорогой дядя распрашивалъ есть ли у отца деньги и далъ на всякій случай 150 червонцевъ и 200 талеровъ. Въ Житомирѣ онъ сдѣлалъ на мое имя контрактъ на арендное содержаніе двухъ деревень Зубровичъ и Зубковичъ на три года и выдалъ квитанцію, что впередъ за всѣ годы арендныя деньги получилъ сполна. Уѣзжая, онъ непремѣнно требовалъ, чтобы я былъ у него въ Чепелицахъ и Чернобалѣ, гдѣ онъ устроивалъ лѣсопильную фабрику, намѣреваясь торговать съ Кіевомъ, Кременчугомъ и Николаевымъ. Вмѣстѣ съ дядей мы посѣтили въ Житомирѣ епископа Палуцкаго,

очень любезно насъ принявшаго. Онъ вмѣстѣ со мною засѣдалъ въ комиссіи военно-гражданской.

Домой я воротился ночью. Отецъ услышалъ шопотъ въ сосѣдней комнатѣ и потребовалъ меня. Ему было гораздо хуже. Но онъ шутилъ и оставался покоенъ. У меня былъ индультъ (разрѣшеніе) отъ епископа служить для больнаго обѣдни въ комнатахъ, что́ и исполнялось. Только разъ въ воскресенье утромъ я съ мачихой поѣхали въ моей новой каретѣ въ мѣстечко Цудновъ по обѣту исповѣдываться и пріобщиться. Въ мѣстечкѣ стоялъ полкъ бригадира Сабурова; мы еще были въ костелѣ, когда явился офицеръ и спросилъ:

— Вы господинъ Охотскій?

— Я! Что вамъ угодно?

— Бригадиръ желалъ бы знать не продадите ли вы ему карету, и просилъ пожаловать къ нему.

— Скажите, отвѣтилъ я, что карету продать могу, но быть самъ не могу, не будучи одѣтъ прилично, какъ слѣдуетъ, чтобы явиться съ визитомъ.

Офицеръ черезъ короткое время возвратился и объявилъ, что бригадиръ проситъ быть у него все равно, въ чемъ бы я не былъ одѣтъ. Надо было ѣхать. Я зналъ, что въ Петербургѣ платили за экипажи хуже моей кареты очень дорого и положилъ не уступать дешево. У бригадира я познакомился съ его женой, очень хорошенькой дамой. Она просила позволенія осмотрѣть карету. Ее немного пугали мои откормленныя лошади и неизвѣстный кучеръ, но мужъ сѣлъ съ нею и они объѣхали мѣстечко.

— Что вы хотите за карету? спросилъ Сабуровъ по возвращеніи.

— Триста пятьдесятъ червонцевъ!

— Ахъ, какъ дорого, воскликнулъ онъ, и тутъ же далъ триста; затѣмъ давалъ уже триста двадцать. Я не согласился и ушелъ. Сабурова черезъ окно попросила меня возвратиться.

— На мое счастье, сказала она,—уступите для меня двадцать червонцевъ. Мужъ дастъ вамъ триста тридцать.

— Если для васъ, охотно уступаю!

За эту любезность она была мнѣ очень благодарна. Спорили мы только еще потому, что они не хотѣли дать мнѣ кареты моей отвезти мачиху домой, но наконецъ согласились и послали офицера съ лошадьми взять экипажъ изъ Сидачевки. Деньги мнѣ уплатили новенькими червонцами. Отъ такой продажи коляска и 20 червонцевъ очутились въ барышахъ. Офицеръ видѣлъ мою коляску и на утро рано явился отъ Сабурова съ предложеніемъ продать ему и коляску и просилъ, назначивъ цѣну, отослать къ нему экипажъ. Продать я согласился, но экипажа не послалъ. Вечеромъ пріѣхалъ самъ Сабуровъ и давалъ за коляску 150 червонцевъ, я требовалъ двѣсти. Каждый день онъ прибавлялъ по десяти и наконецъ взялъ коляску, заплативъ всѣ двѣсти червонцевъ.

Между тѣмъ болѣзнь отца все усиливалась. Большой вередъ подъ пахой лопнулъ, уступивъ усиліямъ докторовъ; матерія и кровь, вышедшія при этомъ, окончательно ослабили больнаго. Потомъ у него сдѣлался маленькій прыщикъ на рукѣ и чрезъ нѣсколько дней проявилась гангрена. Ему сдѣлали операцію, и тутъ доктора предупредили меня, что смерть была очень близка.

Послѣ этого утромъ рано онъ велѣлъ меня позвать. Какъ вы себя чувствуете? спросилъ я.

— Не такъ хорошо, какъ вчера. Ничего у меня не болитъ, но просто слабость какая-то.

— Можетъ быть нужно разбудить докторовъ?

— Не надо. Въ половинѣ шестаго сами придутъ.

Мнѣ принесли кофе, я сѣлъ возлѣ постели, мы еще нѣсколько минутъ разговаривали. Онъ говорилъ съ трудомъ, наконецъ умолкъ, глядя на меня. Я тоже глядѣлъ на него молча. Такъ мы пробыли нѣсколько времени. Вдругъ вошли доктора, и Рудницкій, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Вашъ отецъ уже умеръ!

— Быть не можетъ!

Я бросился къ отцу,—душа уже отлетѣла; онъ угасъ даже безъ малѣйшаго содраганія. Если бы не докторъ, я бы еще долго не зналъ о смерти. Былъ я, правда, уже приготовленъ къ этому событію, но все таки смерть отца потрясла меня ужасно. Отецъ мой умеръ 22 августа.

Похороны были совершены съ такою пышностію, какой никто и не запомнилъ въ Цудновѣ. Епископъ совершалъ заупокойную литургію, помѣщиковъ съѣхалось множество и толпа была такъ велика, что едва могли провести траурный кортежъ по гребли. Букаръ явился со всѣмъ домомъ въ черныхъ платьяхъ; женщины были даже до мелочей — перчатокъ и лентъ — въ глубокомъ трауре. За Букаромъ явилась его кухня и припасы, и онъ на свой счетъ далъ обѣдъ на 140 человѣкъ въ монастырѣ Бернардиновъ. Духовенство было кромѣ мѣстнаго ксендза-пробоща Зулинскаго, еще ксендзы изъ Бердичева, Любара, Константинова, отцы базиліане изъ Тригуръ и мѣстные цудновскіе. Бригадиръ Сабуровъ съ женой и епископъ Полуцкій были на обѣдѣ у Букара.

Не смотря на все это великолѣпіе расходы не превысили 6000 злотыхъ. По совѣту Букара я отнесъ епископу 50 червонцевъ, но онъ ихъ не взялъ. Четыремъ ксендзамъ;

пріѣхавшимъ съ нимъ вмѣстѣ онъ велѣлъ дать по два червонца. Я далъ по четыре каждому и шесть червонцевъ службѣ епископа.

Мачиху мою, послѣ окончанія всѣхъ церемоній погребенія, я просилъ возвратиться въ Сидачевку и принять все хозяйство въ свое вѣденіе. Она послѣ смерти отца выѣхала на врсмя въ Янушполѣ и только чрезъ нѣсколько дней успѣли мы уговорить ее возвратиться домой. Пріѣхали и братья мои — старшій Непомукъ, служившій регентомъ въ комиссіи военно-гражданской въ Овручѣ, а по уничтоженіи этой комиссіи перешедшій въ тамошнюю палестру (адвокатуру); второй братъ — Викентій желалъ поступить въ военную службу, и третій, Маріанъ, которому оставалось еще пробыть годъ въ школахъ.

При посредствѣ Букара, ближайшаго сосѣда, и всѣми уважаемаго Ометинскаго и дяди моего абата Охотскаго, совершенъ былъ раздѣлъ наслѣдства скоро и безъ всякихъ споровъ, какъ подобаетъ быть между людьми честными. Мачиха, кромѣ принадлежавшихъ ей капиталовъ, получила 10.000 злотыхъ, взамѣнъ сдѣланныхъ ей отцомъ записей, кромѣ того коляску, бричку, восемь лошадей, часть скота и всѣ хозяйственныя вещи, полотно и бѣлье, оказавшееся въ отцовскомъ хозяйствѣ. Братья тоже получили свою часть движимости; я имъ обязался уплатить извѣстныя суммы, а все имѣніе отдано было въ мое распоряженіе и владѣніе. Мачиха объявила, что она будетъ хозяйкой только до моей женитьбы и охотно уступитъ женѣ моей свои права. Я поспѣшилъ увѣрить ее, что кто бы ни была моя жена, она непремѣнно раздѣлитъ чувства уваженія, которыя я питаю къ ней. Въ это время Моржсковская написала, что они возвратились и ждутъ меня. Провожая дядю, я дорогой сознался

ему, что колеблюсь жениться на Гнатовской и думаю, если ужъ придется жениться, то не ранѣе окончанія контрактовъ. Дядя взялъ съ меня слово быть у него въ Шепелицахъ.

Въ Пулинахъ я встрѣтился наконецъ съ Гедвигою Гнатовской; нѣсколько дней прошло, но я ни слова еще не сказалъ ей о своихъ чувствахъ. Разговоръ ограничивался лагерною жизнію, продажей моихъ экипажей, арендами, которыя подарилъ мнѣ дядя, она съ своей стороны передавала мнѣ что дѣлала въ мое отсутствіе и т. п. Странное дѣло! теперь когда ничего не мѣшало мнѣ, я уже не былъ такъ влюбленъ, какъ прежде. Она мнѣ еще нравилась, но я не торопился съ объясненіями. Кстати была и причина: смерть отца. Моржковская замѣтила мнѣ: я знаю, ты любишь Гедвигу, тебѣ необходима теперь жена, почему же откладываешь объясненіе?

— Обстоятельства удерживаютъ, ловко. отвѣтилъ я. Въ краѣ смятеніе; кто знаетъ, можетъ и новая конфедерація составится: позовутъ и я долженъ буду идти въ битву. Тогда бы пришлось можетъ быть оставлять жену и никогда болѣе уже не вернуться. Зачѣмъ же оставлять въ горѣ любимую особу? Лучше переждать бурю и смятенія, и когда все успокоится, тогда только подумать о женитьбѣ.

Однимъ словомъ мнѣ удалось увернуться отъ рѣшительнаго слова.

Я съѣздилъ въ арендное свое имѣніе Зубковичи. Тамъ былъ домъ большой и старый, гораздо болѣе удобный, чѣмъ нашъ въ Сидачевкѣ. Толпа столяровъ и слесарей, по приказанію дяди абата, исправляли и подновляли старый домъ. Изъ Зубковичъ я снова былъ въ Пулинахъ. На этотъ разъ Гнатовская видимо сторонилась отъ меня. Я замѣтилъ объ

этомъ Моржковской и она меня, при прощаньи, просила возвратиться какъ можно скорѣе.

Братъ мой Викентій, какъ желалъ, опредѣлился въ военную службу въ полкъ Бугскій легкоконный, бывшій Вѣрная Дружина. Командира Комаровскаго я не зналъ, но полковника Веловейскаго, маіора Стовскаго и поручика Франковскаго—моихъ старыхъ знакомыхъ я еще нашелъ служащихъ. Братъ мой былъ только мѣсяцъ кадетомъ (юнкеромъ) и затѣмъ получилъ офицерскій патентъ. Казаки меня узнали и шумно окружили. Но это не были уже тѣ бравые, веселые люди. Новая форма, въ которую они были одѣты, тѣснила ихъ. Украинецъ привыкаетъ съ дѣтства къ лошади и ѣздитъ верхомъ неучась лучше чѣмъ мазуръ, котораго обучаютъ въ манежѣ. Только для того, чтобы онъ былъ бравымъ всадникомъ, надо одѣть его въ національный казачій костюмъ, который его не стѣсняетъ и въ которомъ онъ ходитъ какъ дома.

X. Неожиданная женидьба; контракты 1793 года.

Исполняя обѣщаніе, данное мною дядѣ, я пріѣхалъ къ нему въ Шепелицы. Начался разговоръ о моей женидьбѣ и я передалъ ему, ничего не скрывая, въ какомъ положеніи дѣла мои съ Гнатовской. Онъ слушалъ меня молча, только когда я заговорилъ, что намѣренъ, послѣ контрактовъ, ѣхать къ Липскому и снова возобновить старанія и просить руки Эмиліи Брохоцкой, онъ поморщился.

— Мой другъ, сказалъ онъ, если ужъ на два твои письма ничего тебѣ не отвѣтили, очевидно дѣло это непоправимо. Не имѣя ничего вѣрнаго и положительнаго, не слѣдуетъ ѣхать сто миль слишкомъ; въ концѣ концевъ ты про-

сто можешь съѣсть мыло (пословица означающая: полученіе обиднаго отказа). Вспомни расходы, которые ждутъ тебя неминуемо... Я тебѣ только совѣтую, а сдѣлать ты можешь, какъ хочешь...

До ярмарки оставалось еще дня четыре, дѣлать было нечего, и дядя предложилъ мнѣ съѣздить въ Новые Шепелицы, гдѣ жила его племянница Яконовская, съ которою вмѣстѣ жила и моя давняя львовская знакомая младшая сестра Яконовской Фаустына Семяновская. Я охотно согласился на предложеніе. Фаустына выросла и стала очень красивою дѣвицей, но все по прежнему была робка и чужда свѣтскости. Вечеромъ мы вернулись въ старые Шепелицы, а на утро я снова поѣхалъ къ Яконовскимъ. Цѣлый день шелъ дождь; вечеромъ меня не пустили и заставили ночевать, а къ дядѣ послали казака съ извѣстіемъ объ этомъ. Дядя отвѣтилъ, что позволяетъ мнѣ гостить до ярмарки. Съ Фаустыною мы сошлись нѣсколько ближе; она стала смѣлѣе и разговорчивѣе. На ярмарку мы ѣздили съ дядею вмѣстѣ; тамъ я купилъ шкатулку, наполнилъ ее разными вещами, необходимыми женщинѣ, и возвратившись въ Н. Шепелицы, при дядѣ, подарилъ барышнѣ. Она очень смутилась и не знала, слѣдуетъ-ли ей принять.

— Отчего же не принять отъ Дуклана, замѣтилъ дядя. Вѣдь онъ тебѣ родственникъ — cousin. Послѣ обѣда дядя велѣлъ запрягать лошадей, я тоже велѣлъ запречь и своихъ.

— Зачѣмъ тебѣ ѣхать? остановилъ меня дядя. Я буду дня три занятъ съ купцами. Тебѣ здѣсь веселѣе, оставайся въ Новыхъ Шепелицахъ. Разумѣется я согласился. Три дня еще прожилъ я у Яконовскихъ. Фаустына сошлась со мною, какъ съ роднымъ, довольно близко и передала мнѣ, что сестра обходится съ нею очень строго. Она заклинала меня упро-

сить дядю отослать ее въ Львовъ къ теткѣ Игнаціи въ монастырь, гдѣ думала постричься. Я началъ отговаривать ее отъ постриженія. За два дня до моего отъѣзда Фаустына пришла ко мнѣ съ вопросами:

— Правда ли что вы завтра уѣзжаете? и слезы полились у нея при этомъ изъ глазъ.

— Что это значитъ? спросилъ я встревоженный.

— Мнѣ жаль васъ, отвѣтила она откровенно, какъ дитя. Я сжалъ ея руку и почувствовалъ слабое пожатіе ея пальцевъ.

У дяди я засталъ двухъ литвиновъ за столомъ и третью бутылку на столѣ. Мнѣ были очень рады, велѣли еще подать вина и пили всѣ мы очень весело. Когда гости разъѣхались, я понемногу передалъ подробности пребыванія моего въ Новыхъ Шепельцахъ, очень хвалилъ чистосердечіе, доброту и ласковость Фаустыны, передалъ, какъ строго сестра съ нею обходится и добавилъ желаніе дѣвушки ѣхать въ Львовъ и постричься.

— Жаль дѣвушки, сказалъ дядя.—Ты бы уговорилъ ее не дѣлать этого.

— Отговаривая ее отъ монастыря, надо имѣть для нея въ перспективѣ лучшую участь, а я такой не придумаю.

Дядя замолчалъ на минуту, потомъ сталъ разхваливать характеръ и доброту сердца Фаустыны. Если бы она вышла за того, кого ей назначили я и тетка Игнація, къ ея приданому прибавилась бы сумма...

Фаустына имѣла всего 11.000 злотыхъ приданаго.

— А кого же вы и тетка Игнація назначили Фаустынѣ въ мужья? спросилъ я.

— Тебя! прямо отвѣтилъ дядя.

Признаюсь, меня это взволновало и потрясло. Но уваже-

ніе не позволяло мнѣ прямо противорѣчить, я только сказалъ:

— Все это дѣло слѣдуетъ предоставить времени, и можетъ быть воля дяди и тетки исполнится. Любитъ ли она меня?

— Конечно любитъ! иначе зачѣмъ бы ей плакать узнавъ о твоемъ отъѣздѣ.

— Можетъ быть плакала только отъ сочувствія ко мнѣ, видя мою дружбу.

— Спроси въ такомъ случаѣ самъ: любитъ ли тебя?

— А если скажетъ, что любитъ?

— Тогда женись.

Я еще больше взволновался. Мнѣ вдругъ сдѣлалось жаль Гнатовской, я началъ колебаться. Абатъ замѣтилъ это.

— Вижу, сказалъ онъ, ты жалѣешь Гнатовской, за которою ухаживаешь два года, а Фаустыну знаешь нѣсколько дней. Но вѣдь Фаустына красива. Судьба надѣлила ее всѣми добрыми качествами, а если Богъ продлитъ мою жизнь, приданое ея не будетъ меньше того что имѣетъ Гнатовская. Для васъ обоихъ я обращу всѣ мои труды.

Желаніе дяди было очень ясно выражено; Фаустына мнѣ нравилась, скромная, милая и красивая. Только мнѣ казалось, что съ моимъ положеніемъ и связями я бы могъ выбрать себѣ жену изъ болѣе знатнаго семейства, обѣщающаго мнѣ въ будущемъ лучшее положеніе въ свѣтѣ. Все это безъ обиняковъ я и высказалъ дядѣ. Онъ очень обидѣлся.

— Чѣмъ же твоя Гнатовская лучше Фаустыны? колко возразилъ онъ.—Отецъ Фаустыны былъ галицкій подкоморій (камора судебная палата: подкоморій — судья), дѣдъ каштеляномъ любачевскимъ, бабка построила кармелитанскій монастырь въ Львовѣ.

Послѣ этихъ словъ абатъ всталъ съ кресла и сказавъ очень холодно: покойной ночи! ушелъ въ свою комнату. Я всю ночь спать не могъ отъ волненія.

На утро, боясь ссоры и твердо рѣшившись не сопротивляться волѣ старика, я послалъ спросить: могу ли я его видѣть. Слуга, возвратившись, сказалъ, что абатъ ждетъ меня съ шоколадомъ. Лице его было на этотъ разъ веселѣе; я спросилъ, какъ онъ провелъ ночь?

— Спалъ хорошо. А ты?

— Я всю ночь не спалъ. Послѣ вчерашняго разговора я все раздумывалъ и въ концѣ концевъ рѣшился. Завтра я хотѣлъ уѣхать, остаюсь еще нѣсколько дней, лучше постараюсь узнать Фаустыну, удостовѣрюсь, есть ли для меня мѣсто въ ея сердцѣ, и если...

Дядя не далъ окончить и обнялъ меня, увѣряя, что Фаустына полюбитъ непремѣнно. Я сейчасъ же поѣхалъ въ Новые Шепелицы. Яконовскаго не было дома; у жены его былъ флюсъ, и Фаустына приняла меня одна, что было мнѣ очень на руку.

— Мы еще вчера васъ ожидали, сказала она. Вы не пріѣзжали и сегодня можетъ быть совсѣмъ уже уѣзжаете?

— Нѣтъ! я остаюсь еще на нѣсколько дней, ради дружбы милой кузины.

— Можетъ ли это быть!

Я ее увѣрилъ, что это именно такъ и передалъ нежеланіе дяди, чтобы она ѣхала въ Львовъ и намѣреніе его здѣсь же отдать ее замужъ.

Фаустына расплакалась, восклицая: дядя лишаетъ меня всего моего счастія! Я замужъ не хочу, я желаю въ монастырь.

Въ эту минуту вошла Яконовская, я умолкъ, а она разсердилась, увидя расплаканную Фаустыну.

— Что это значитъ? закричала она гнѣвно. Иди сейчасъ же въ свою комнату!

Уходя, дѣвушка бросила на меня умоляющій взглядъ и мнѣ сдѣлалось очень ее жалко. За обѣдомъ, когда самъ Яконовскій уже былъ дома, я высказалъ мое намѣреніе погостить еще нѣсколько дней у нихъ. Мужъ и жена торопливо бросились благодарить меня, а на Фаустыну снова посыпались выговоры: зачѣмъ она не догадалась тоже благодарить.

Послѣ обѣда я пошелъ въ комнату кузины и нашелъ ее плачущею.

— Чего вы плачете?

— Развѣ вы не видите что дѣлаютъ. Но это еще пустяки, я отъ нихъ терплю гораздо больше.

Я началъ снова отсовѣтывать ей постригаться, увѣрялъ, что дядя думаетъ о ея счастіи, наконецъ сказалъ, что люблю ее и спросилъ: любитъ ли она меня?

— Люблю, отвѣтила дѣвушка, какъ дядю, какъ самую дорогую тетку Игнацію.

— Но я бы хотѣлъ иной любви. Я намѣренъ соединить мою судьбу съ твоею, думаю жениться на тебѣ.

Услышавъ это, дѣвушка расплакалась.

— Не шутите такъ со мною, шепнула она сквозь слезы, я и то буду несчастна послѣ вашего отъѣзда.

— Но я и не думаю шутить. Я нарочно остался, чтобы высказаться передъ вами и остальное уже зависитъ отъ отвѣта, который получу.

Но Фаустына только плакала, говоря: вы шутите, а меня и безъ того сестра бранила вчера цѣлый день, зачѣмъ все думаю о васъ и глупостями набиваю себѣ голову.

— Скажи только слово и будешь моей женой...

Вмѣсто отвѣта она бросилась ко мнѣ на руку со словами: люблю! весь вѣкъ буду любить...

Я ей сейчасъ же далъ честное слово жениться. Но она была снова полна сомнѣній.

— А если вы меня обманываете? вы меня сдѣлаете несчастной...

— Завтра, какъ пріѣдетъ дядя, все что сказалъ повторю въ его присутствіи.

Когда абатъ пріѣхалъ, я высказалъ ему все что случилось, онъ былъ очень обрадованъ и велѣлъ позвать къ себѣ Фаустыну.

— Любишь ли ты Дуклана?

Она, даже не заикнувшись, отвѣтила: люблю!

— Вотъ же тебѣ мужъ, сказалъ дядя, а вотъ тебѣ жена. Свадьба непремѣнно должна быть 18 ноября.

— Не лучше ли отложить послѣ контрактовъ, замѣтилъ было я. Но дядя настоялъ, увѣряя, что откладывать не для чего. Онъ очевидно боялся, чтобы я не отказался отъ женитьбы. И хорошо сдѣлалъ. Послѣ контрактовъ случились новыя обстоятельства, которыя по всей вѣроятности совершенно растроили бы мою свадьбу съ Фаустыною.

Объявили Яконовскимъ о моемъ обрученіи. Они очень удивились и даже очевидно позавидовали счастію сестры. Подали стараго вина, привезеннаго изъ дядиныхъ Шепелицъ, и невѣста отъ меня уже не отходила. Я и дядя еще нѣсколько дней провели въ Шепелицахъ; Фаустына каждый день выпрашивала еще на день отложить отъѣздъ, наконецъ со слезами простилась. Въ Зубковичахъ меня увѣдомили, что мачиха моя внезапно умерла, наѣвшись грушъ. Докторъ Сееръ ничего не могъ сдѣлать. Покойница была очень хорошая

женщина, и я ее сожалѣлъ искренно. Послѣ похоронъ молодой Мартинъ Букаръ и жена его снова напомнили мнѣ о Гнатовской и заставили сознаться, что я уже не свободенъ и что 18 ноября моя свадьба. Объ этомъ они въ ту же ночь написали въ Пулины и, какъ я узналъ послѣ, Гнатовская, гостившая два года въ домѣ Ганскихъ, сейчасъ же уѣхала къ родителямъ.

На свадьбу я ничего себѣ изъ гардероба новаго не шилъ; онъ у меня и безъ того былъ очень богатъ. Я взялъ съ собою коляску съ упряжью въ пять лошадей и бричку четверкою. Ноября 16 я уже былъ въ Шепелицахъ, а 18 числа дядя повѣнчалъ насъ въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ сосѣдей.

Послѣ свадебнаго обѣда я ушелъ въ мою комнату и задумался надъ превратностями моей судьбы. Сколько перемѣнъ и въ какое короткое время. Я потерялъ мое мѣсто въ Люблинѣ и всѣ великолѣпныя надежды; пенсіоны мои прекратились, теперь внезапная женитьба закрывала мнѣ карьеру въ свѣтѣ... Мысль объ Эмиліи Брохоцкой тоже меня печалила. Все это нагнало на меня тоску и я задумался. Вошла жена.

— Ты уже жалѣешь, что женился! воскликнула она.—Я чувствую, что испортила твою карьеру... Сказано это было съ такою добротою, что я сейчасъ же одумался и сердечно поцѣловалъ мою добрую жену.

Жена моя навсегда осталась такою кроткою и доброю до самой своей смерти. Въ 1832 году она умерла, оплакиваемая всей семьей.

Послѣ свадьбы жена съ Яконовской уѣзжали въ Львовъ, а я съ дядей—на контракты въ Дубно. Всѣ расходы моей свадь-

бы абатъ взялъ на себя; при выѣздѣ онъ далъ еще на гардеробъ 100 червонцевъ, а мнѣ отдѣльно 10.000 злотыхъ.

— Это начало того что я намѣренъ вамъ дать, сказалъ дядя. Собственно мнѣ женитьба стоила всего только 20 червонцевъ, уплаченныхъ музыкантамъ дяди и издержанныхъ дорогою.

Выѣхавъ изъ Заславля въ Дубно, я едва могъ къ вечеру добраться въ корчму Гульгу, такая была вьюга и снѣга по дорогѣ. Устроившись на ночь, я увидѣлъ подъѣзжавшую огромную карету, поставленную на полозьяхъ. Это былъ экипажъ новаго гетмана Косаковскаго, которому конфедерація передала булаву, возвращенную Огинскимъ. Мы познакомились, и онъ попросилъ меня на ужинъ. Это былъ очень милый и любезный господинъ. За ужиномъ мы разговорились объ общественныхъ дѣлахъ. И хотя мнѣнія наши были различны: онъ стоялъ за конфедератовъ, я говорилъ противъ нихъ и даже спорилъ очень горячо, тѣмъ не менѣе мы остались въ наилучшихъ отношеніяхъ. Такъ прошелъ цѣлый вечеръ. Выѣзжалъ я очень рано. Но гетманъ уже не спалъ и велѣлъ просить меня на кофе. Мы снова разговорились и онъ просилъ меня быть у него въ Дубнѣ.

Въ Дубнѣ я квартировалъ недалеко отъ генерала Дзялынскаго и почти ежедневно бывалъ у него на обѣдахъ и вечерахъ. Пріѣхавшаго Мартина Букара я уговорилъ жить со мною. Съ нимъ мы всюду ѣздили и вмѣстѣ бывали. Но контракты 1793 года не походили на прежніе. Атмосфера была тяжелая; дѣлъ совершалось немного; всѣ были поглощены общественными дѣлами. Были, правда, балы и театръ, но и въ половину не такъ многолюдны, какъ прежде. Конфедерація запретила представленія наиболѣе любимыхъ публикою пьесъ: «Генрихъ VI на охотѣ» и «Воз-

вращеніе посла» (депутата), сочиненія Богуславскаго и Нѣмцевича. У Дзялынскаго всегда собиралось большое общество преимущественно изъ Варшавы и Великой Польши (Познани); рѣчь только и была что о политическихъ происшествіяхъ. Здѣсь только получалъ я подробныя свѣденія о положеніи короля, объ эмиграціи большей части уважаемыхъ гражданъ и печальныхъ перемѣнахъ повсюду совершенныхъ. Всѣ постановленія четырехлѣтняго сейма были уничтожены и старые порядки возстановлены. И на меня, какъ на всѣхъ, такія дѣйствія произвели самое дурное впечатлѣніе. На этихъ контрактахъ дѣлать мнѣ было почти нечего. Капиталъ отъ Ганскаго я взялъ и передалъ Бержинскому; проценты слѣдуемые мнѣ и прочія мои деньги всего 30.000 я отдалъ Букару, а себѣ на расходъ оставилъ 900 червонцевъ. Отъ нечего дѣлать я бывалъ на танцовальныхъ собраніяхъ (редутахъ); разъ случилось мнѣ прохаживаться по залѣ съ однимъ моимъ знакомымъ, Буржинскимъ; вдругъ онъ, осмотрѣвшись и какъ бы отыскивая кого-то, подвелъ меня къ двумъ дамамъ:—madame Гнатовской съ дочерью:

— Представляю вамъ бѣглеца, отнесся къ нимъ Буржинскій. Но Гедвига Гнатовская тотчасъ же отвернулась отъ меня. Затѣмъ они уѣхали съ бала, и я ихъ болѣе никогда не видалъ. Всѣ начали разъѣзжаться по домамъ; Букаръ уѣзжалъ, Дзялынскій возвращался въ Варшаву. Не было причинъ и мнѣ оставаться. Пославши на почту за лошадьми я отправился къ генералу проститься.

— Куда ѣдешь? спросилъ онъ.

— Въ Львовъ, отвѣтилъ я.

— А я думалъ, что ты ѣдешь въ Варшаву. Я хотѣлъ просить тебя ѣхать со мною, мнѣ одному скучно.

Слова эти онъ повторилъ нѣсколько разъ.

— Но не упрямься, поѣзжай въ Варшаву, рѣшительно обратился онъ ко мнѣ. Тамъ ты намъ будешь нуженъ по политическимъ дѣламъ.

— Ѣду въ такомъ случаѣ, отвѣтилъ я. Ночевалъ я эту ночь у Дзялынскаго, а женѣ послалъ письмо въ Львовъ съ объясненіемъ причины заемдленія моего пріѣзда домой.

XI. Варшава, Львовъ и провинціи.

Я и Дзялынскій ѣхали въ его каретѣ; а камердинеры наши впереди заготовляли для насъ лошадей. На третій день мы уже были въ Варшавѣ. Всю дорогу шли разговоры о политическихъ событіяхъ и о помѣщикахъ кіевскаго воеводства, которыхъ въ это время, благодаря дѣламъ ихъ съ Стемпковскимъ, я почти всѣхъ зналъ очень хорошо. Жены генерала не было въ городѣ, и Дзялынскій жилъ на холостую ногу. У него былъ домъ на Лешнѣ, купленный имъ за 9000 червонцевъ у Потоцкихъ и называвшійся «Библіотекою Потоцкихъ». Домъ этотъ былъ очень красивъ. Возлѣ спальни генерала отвели и мнѣ двѣ комнаты. У него бывало громадное количество всякаго рода людей — гражданскихъ и офицеровъ высшихъ чиновъ, но по большей части только титулярныхъ, такъ какъ всѣ они оставили службу послѣ конфедераціи. Каждое утро Дзялынскій являлся ко мнѣ или просилъ къ себѣ и начинались распросы о помѣщикахъ кіевскаго воеводства. Распросы были очень подробны; онъ освѣдомлялся не только о положеніи и состояніи, но даже интересовался образомъ мнѣній каждаго. Такихъ подробностей обо всѣхъ, разумѣется, я дать не могъ, хотя и зналъ ихъ.

— Для этого необходимо побывать у каждаго, сказалъ я Дзялынскому, — и каждаго разузнать обстоятельно.

Кромѣ Дзялынскаго самаго, чуть собиралось два или три гражданскихъ или военныхъ высшаго положенія особы, сейчасъ же начинали меня экзаменовать и о положеніи и о личностяхъ моего воеводства.

Варшава была совсѣмъ не похожа на ту какою я зналъ ее еще недавно; какое то печальное безпокойство господствовало повсюду. Театры и балы были еще многолюдны, но посѣщались преимущественно только военными. Конфедерація продолжала свою работу. Ходили слухи, будто Сченсному Потоцкому обѣщана корона. Но его уже не было въ Варшавѣ. Онъ отказался отъ булавы (знакъ верховной власти) маршала конфедераціи, которая досталась Пулавскому, только что пожалованному кавалеру ордена св. Александра Невскаго. Потоцкій влюбился въ жену Витта и уѣхалъ съ нею въ Гамбургъ. Хлопотали единовременно по двойному разводу; для Потоцкой, урожденной Мнишекъ, и для madame Виттъ. Съ послѣднею Потоцкій прожилъ въ Гамбургѣ цѣлыхъ четыре года. Патріотическія подписи «Король съ народомъ и народъ съ королемъ» совсѣмъ вышли изъ моды и только весьма немногіе мущины еще сохранили подпись эту на пороховницахъ, но уже въ сокращенномъ видѣ.

Карнавалъ кончился и мнѣ дѣлалось скучно, хотя развлеченія было много. Но знакомыхъ было немного. Сперва я было думалъ повидаться съ Рачинскимъ, но Дзялынскій, которому я сообщилъ объ этомъ намѣреніи, сказалъ: не стоитъ. И я не настаивалъ, не желая терять во мнѣніи Дзялынскаго и его партіи. Чтобы не встрѣтиться съ нимъ, я даже нѣкоторое время ходилъ въ собраніе въ маскѣ. Надо знать, что однажды въ собраніи между военными разныхъ партій произошла ссора,

едва не окончившаяся битвою. И партія Дзялынскаго съ той поры постановила не бывать въ собраніяхъ.

Когда я уже думалъ уѣзжать, Дзялынскій остановилъ меня.

— Не можешь ѣхать. Есть такія обстоятельства, которыя требуютъ, чтобы ты остался. Тебѣ дадутъ важное порученіе.

— Съ охотою всякое готовъ принять!

Пришлось остаться еще на нѣсколько дней. На вечерахъ я игралъ въ карты, но что называется «оборонительно» — безъ проигрыша и безъ выигрыша. На четвертый день пришелъ ко мнѣ генералъ очень рано.

— Вижу, что ты человѣкъ, которому вполнѣ ввѣриться можно, сказалъ онъ. Я призываю тебя участвовать въ общественномъ дѣлѣ.

— Жизнью готовъ пожертвовать, былъ мой отвѣтъ.

— Но помни, что это не шутки. Обязательства велики и очень серьезны, присягать надо повиноваться слѣпо и исполнять все; собственныхъ, частныхъ дѣлъ не должно быть и обо всемъ нужно хранить строжайшую тайну.

— Понимаю. Но ставлю одно условіе: у меня дядя абатъ, всѣми уважаемый и богатый, абатство даетъ ему 100.000 злотыхъ ежегоднаго дохода, для него у меня нѣтъ тайнъ и ему я все передамъ.

— Это тотъ ксендзъ, съ которымъ я познакомился въ Дубнѣ, спросилъ Дзялынскій.

— Тотъ самый, повторяю: для него у меня тайнъ нѣтъ.

Затѣмъ мы пошли съ генераломъ на его половину. Вскорѣ пріѣхали Несіоловскій, Мадалинскій, Чапскіе и другіе, всего человѣкъ десять.

Когда всѣ собрались, Дзялынскій прямо высказался:

— Съ Охотскимъ я уже говорилъ, онъ, я за него ручаюсь, человѣкъ которому можно вѣрить, и имѣетъ въ кіев-

скомъ воеводствѣ связи и значеніе. Затѣмъ мнѣ подали формулу присяги, которую я и далъ въ особомъ домѣ и послѣ этого почувствовалъ, что уже не принадлежу самому себѣ. Потомъ переданъ былъ мнѣ списокъ помѣщиковъ кіевскаго воеводства, съ порученіемъ быть у нихъ, развѣдать ихъ образъ мыслей, ихъ сочувствіе или несочувствіе конфедераціи, на сколько которому можно довѣриться — и предоставлено по мѣрѣ того, какъ я это найду удобнымъ, открывать имъ о заговорѣ. Мнѣ позволено принимать присяги и собирать пожертвованія, для послѣдняго выданъ особый реестръ съ печатью, а также и адреса разныхъ военныхъ и гражданскихъ лицъ. Въ помощь мнѣ приданъ былъ офицеръ, долженствовавшій жить въ моемъ домѣ и слѣдить за движеніями войскъ и стараться о распространеніи заговора между военными.

— Все это вы должны исполнить къ послѣднимъ числамъ іюня, такъ чтобы я, пріѣхавъ въ Трояновъ, все уже нашелъ готовымъ. Вотъ вамъ 600 червонцевъ на расходы, изъ нихъ выдавайте понемногу капитану Качановскому. Но предупреждаю, что хотя онъ человѣкъ достойный довѣрія и хорошій, но имѣетъ страсть къ картамъ.

Черезъ часъ полковникъ Зелинскій привелъ ко мнѣ Качановскаго; при мнѣ ему выдали 150 червонцевъ и сказали, что если ему еще понадобится, я могу его снабдить деньгами.

Я предупредилъ Дзялынскаго, что жена моя въ Львовѣ и потому мнѣ необходимо ѣхать чрезъ Львовъ. Генералъ позволилъ мнѣ это и замѣтилъ, что это кстати: по слухамъ, въ Львовѣ теперь огромное собраніе помѣщиковъ. Писать по почтѣ мнѣ было запрещено; я долженъ былъ только все изготовить къ пріѣзду генерала. Для особенно важныхъ случаевъ меня снабдили особымъ ключемъ къ шифрованной кореспонденціи. Варшаву я покинулъ безъ сожалѣнія. Она

не имѣла для меня теперь уже ничего привлекательнаго. Качановскій дорогою меня не стѣснялъ: слуги у него не было и вещей оказалось очень немного. Онъ имѣлъ особенный даръ знакомиться; черезъ часъ казалось, что онъ уже цѣлые годы былъ знакомъ, отъ самаго дѣтства; сейчасъ сходился на дружескую ногу, обнималъ, цѣловалъ и до того скоро располагалъ къ себѣ людей, что это просто даже чудомъ казалось. Чрезъ три дня, ѣдучи днемъ и ночью, я прибылъ въ Львовъ рано утромъ.

Я остановился у братьевъ моей жены—Гилярія и Эвзебія (Эзехіеля) Семяновскихъ. Оба они еще были не одѣты.

— Гдѣ моя жена?

— Въ монастырѣ.

— Что это значитъ?

— Пока была въ городѣ сестра Яконовская, Фаустына жила съ нею, а послѣ ея выѣзда она объявила, что ни у кого не хочетъ больше жить, какъ только у тетки Игнаціи въ монастырѣ.

Въ той же дорожной каретѣ, въ которой я пріѣхалъ, мы тотчасъ поѣхали въ монастырь. Придверницѣ передали, что желаютъ видѣть г-жу Охотскую и сестру Игнацію и просятъ пожаловать въ parlatorium (зала для свиданій въ католическихъ женскихъ монастыряхъ. Она раздѣляется рѣшеткою пополамъ: на одной сторонѣ монашенки, на другой находятся родные). Жена моя и тетка прибѣжали очень поспѣшно. Я, боясь ихъ встревожить, не показался съ перваго раза.

— Письмо отъ Дуклана вѣрно есть? спросила жена.

— Есть письмо.

— Ахъ, давайте же скорѣе.

Но вмѣсто письма явился я самъ. Неслыханная была ихъ ра-

дость; обѣ женщины вырывали меня другъ у друга и обливали слезами. Жена черезъ рѣшетку ухватилась за меня, такъ что не могли оторвать рукъ. Увѣдомили настоятельницу (абатисою была графиня Скарбекъ), и она сама явилась отпереть рѣшетку parlatorium'a. Три часа провели мы въ монастырѣ, пока собирали вещи Фаустыны и пили кофе у настоятельницы, принявшей насъ какъ нельзя предупредительнѣе. Денегъ за содержаніе Фаустыны принять она ни за что не хотѣла.

Въ Львовѣ мы прожили десять дней. Качановскаго я познакомилъ съ моими братьями, и онъ скоро былъ съ ними на самой дружеской ногѣ. Но это еще ничего. Онъ въ нѣсколько дней былъ знакомъ уже съ цѣлымъ городомъ, перекумился и передружился со всѣми. Въ моей поддержкѣ и опекѣ онъ вовсе не нуждался; въ карты выигралъ 300 червонцевъ. Въ это время въ Львовѣ были самые знаменитые игроки: Адамъ Понинскій, генералъ М..., Вендорфъ, Голачевскій и другіе. А такъ какъ съѣздъ былъ большой, то понтеровъ всегда было достаточно Я тоже ежедневно встрѣчалъ знакомыхъ изъ кіевскаго воеводства и кромѣ того перезнакомился со всею роднею жены. Львовъ былъ переполненъ, но какъ въ немъ люди жили и гуляли на этотъ разъ разсказать не могу: я самъ велъ себя гораздо скромнѣе, чѣмъ въ предыдущее посѣщеніе Львова. Выѣхали мы въ двухъ экипажахъ: я съ женой въ каретѣ и съ нами Марія Куликовская, взятая нами на опеку изъ монастыря; въ бричкѣ ѣхалъ Качиновскій съ дворянкою-дѣвушкою моей жены. До Бродовъ насъ провожали Семяновскіе, братья жены, и Нагорецкій, тоже ея родственникъ. Въ теченіе двухъ дней, которые мы провели въ Бродахъ, Качановскій перезнакомился тамъ со всѣми; осыпалъ подарками какъ ѣхавшую съ нимъ

дѣвицу, такъ и Марію Куликовскую. Послѣднее нѣсколько встревожило мою жену, но Качановскій далъ мнѣ честное слово, что не имѣетъ дурныхъ намѣреній. Качановскій былъ впрочемъ такъ учтивъ и любезенъ, что на него нельзя было сердиться. Онъ очень угождалъ моей женѣ; успѣлъ какъ то забраться въ оранжереи Потоцкаго (было еще только начало марта) и явился къ намъ съ свѣжею земляникою и вишнями. Брата жены Эвзебія я отправилъ съ рекомендательнымъ письмомъ къ генералу Дзялынскому въ Варшаву, а самъ въ первыхъ числахъ марта прибылъ въ Сидачевку. Качановскій на другой же день уѣхалъ по своимъ дѣламъ. Мы съ женой были только у Букара и генерала Карвицкаго.

Еще отецъ мой приготовилъ матеріалы для новаго дома и я принялся тотчасъ же за постройки, выбирая время для моихъ поѣздокъ къ разнымъ помѣщикамъ воеводства по дѣлу, порученному мнѣ Дзялынскимъ. Къ двадцатому іюня болѣе половины домовъ мною было уже посѣщено; цѣлые фоліанты реляцій списаны; реестры тоже значительно пополнились и въ кассѣ было болѣе 10.000 червонцевъ. Но дѣло шло далеко не такъ легко какъ я предполагалъ; надо было предпринимать большія предосторожности и предварительно запасаться отъ сосѣдей свѣденіями о ближайшихъ домахъ помѣщиковъ, чтобы не попасть въ просакъ. Все это брало много времени. Лица, давшія въ складку, обѣщали послѣ ярмарки на св. Онуфрія вторично дать столько же; кромѣ денегъ давали лошадей и полотна, которыя обязались доставить по первому востребованію. Многіе, по поводу складокъ, обѣщали быть непремѣнно на ярмаркѣ.

2-го іюня вышелъ манифестъ Екатерины II о второмъ раздѣлѣ Польши. Къ Россіи присоединены воеводства кіевское, брацлавское, подольское и часть волынскаго по Вакровичи;

Литва присоединена по рѣку Нѣманъ. Жителямъ вмѣнено въ обязанность принести присягу на подданство въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, или выселиться и продать имѣнія въ теченіе трехъ лѣтъ. Капиталы могли быть вывезены за границу безъ обыкновенныхъ таможенныхъ пошлинъ.

Присяги на подданство потребовали и отъ войскъ, находившихся подъ начальствомъ Любовидзскаго, назначеннаго конфедераціей. Офицерамъ предоставлялось право не давать присяги и выходить въ отставку, но солдаты должны были непремѣнно присягать. Любовидзскій немедленно присягнулъ и съ нимъ его 12.000-ный корпусъ. Корпусу этому оставлены были прежніе мундиры, жалованье и командныя слова, только эполеты и аксельбанты даны были золотые, какъ было во всей русской арміи. Злотницкій, командиръ Каменецъ-Подольска, сдалъ крѣпость и ключъ отослалъ въ Петербургъ. Ему и Любовидзскому пожаловали ордена Александра Невскаго, послѣднему сверхъ того 500 душъ около Радомысля, изъ числа прежнихъ митрополитальныхъ имѣній. Губернаторомъ Изяславскаго намѣстничества назначенъ Василій Сергѣевичъ Шереметьевъ, онъ же и принималъ присягу помѣщиковъ. Намѣстникомъ былъ сдѣланъ генералъ Кречетниковъ, долгое время прежде уже стоявшій въ Польшѣ и ознакомленный съ нашими обычаями. Но онъ вскорѣ умеръ въ Лабунѣ, во дворцѣ покойнаго воеводы Стемпковскаго; его всѣ очень сожалѣли. Будучи непоколебимо вѣренъ престолу, Кречетниковъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и въ высшей степени справедливый человѣкъ. На его мѣсто назначили Долгорукаго, но и тотъ умеръ въ Меджибожьѣ и только третій намѣстникъ Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ оставался до воцаренія Павла I. Сейчасъ же по объявленіи втораго раздѣла Польши, банкиры варшавскіе и ихъ компаніонъ Протъ По-

тоцкій прекратили платежи, что́ произвело затрудненіе и денежный кризисъ, продолжавшійся до самаго начала царствованія Павла I.

На ярмарку въ Бердичевъ пріѣхалъ Качановскій, оставилъ у меня свои замѣтки и бумаги и снова уѣхалъ. Мнѣ тоже необходимо было ѣхать оканчивать мой объѣздъ Женѣ казалось, что я уѣзжаю постоянно потому, что не люблю ее. Распространились даже сплетни, будто я ее хочу бросить и возвратиться къ Гнатовской. Только пріѣхавшіе и не заставшіе меня дома дядя и братъ Семяновскій нѣсколько успокоили жену. Но когда она узнала дѣйствительную причину моихъ поѣздокъ, безпокойство ея еще болѣе усилилось.

За двѣ недѣли передъ днемъ св. Онуфрія и ярмаркой пріѣхалъ Дзялынскій, былъ въ Сидачевкѣ, не засталъ меня и написалъ, чтобы я ѣхалъ въ Траяновъ къ нему. Качановскій и я съ бумагами и кассой прибыли къ нему и цѣлые три дня посвятили отчетамъ и взаимнымъ сообщеніямъ. Генералъ былъ всѣмъ очень доволенъ. На ярмарку должны были съѣхаться помѣщики и офицеры. Для Дзялынскаго наняли домъ какой только могли найдти просторнѣе въ фольваркѣ недалеко отъ Бердичева. Я нанялъ для себя домъ Гебдовской, а Качановскій для себя отдѣльно квартиру въ мѣстечкѣ. Всѣ мы должны были принимать, кормить и поить гостей. Со мною не было ни повара, ни хрусталя, словомъ ничего. Но генералъ велѣлъ взять изъ кассы 1.000 червонцевъ и все приготовить.

— Было бы только что пить и ѣсть, а объ остальномъ не заботься, сказалъ онъ мнѣ,—были бы еще карты, а принимать ты будешь на холостую ногу. Я взялъ одного повара своего, другого изъ Янушполья и двоихъ изъ Молочекъ, посуду тоже собралъ кое-гдѣ, и пригласивъ квартировать вмѣ-

стѣ Мартина Букара и Антона Гижицкаго, поѣхалъ въ Бердичевъ. Для заклада банка Дзялынскій велѣлъ взять изъ кассы еще 1.000 червонцевъ. Въ складку банка приняты были нѣсколько нашихъ офицеровъ и маіоръ Ушаковъ изъ полка Сабурова, хорошо знакомый со мною. Кромѣ нашихъ барышей, касса изъ выигрышей получила по окончаніи ярмарки 20.000 злотыхъ (3.000 р.). Мой домъ въ сутки всѣ 24 часа былъ переполненъ гостями: всѣ ѣли, пили и веселились. Я поѣхалъ съ визитомъ къ князю Радзивиллу, онъ сейчасъ же отдалъ мнѣ контр-визитъ и пригласилъ меня, Дзялынскаго, Гижицкаго и Букара къ себѣ на обѣдъ.

— Ваша свѣтлость, сказалъ я ему провожая,—не было ли бы кстати пригласить къ вамъ и все общество дворянъ, находящееся у меня.

Князь сейчасъ же возвратился и, перезнакомившись со всѣми, всѣхъ просилъ къ себѣ обѣдать. Мнѣ очень казалось важнымъ, чтобы сборища разнаго рода людей бывали не у одного только меня. На обѣдѣ у князя Радзивилла былъ мой знакомый бригадиръ Сабуровъ и генералъ-лейтенантъ Хрущовъ. Обоихъ я просилъ къ себѣ обѣдать на слѣдующій день, и оба были, а равно и князь Радзивиллъ. Затѣмъ Хрущовъ просилъ насъ на обѣдъ. Такъ мы провели одинадцать дней. Въ кассу еще прибыло 8.000 червонцевъ. Всего я передалъ Дзялынскому 15.000 червонцевъ. Генералъ поѣхалъ въ Рыщевъ, Качановскому даны были особыя инструкціи, а мнѣ велѣно ѣхать вслѣдъ за Дзялынскимъ и я, только день пробывъ дома, отправился въ Рыщевъ и оттуда въ Шепелицы къ дядѣ, куда на утро, послѣ меня, прибылъ и Дзялынскій. Ксендзъ-абатъ зналъ уже обо всемъ и вмѣстѣ съ нами всѣми поѣхалъ въ Хойники къ господину Р., у котораго былъ центръ литовскаго заговора. Сюда же прибыли очень ува-

жаемые и вліятельные люди овручскаго повѣта, господа О., Р., N., D. и В., и еще многое множество другихъ литвиновъ, которыхъ именъ я не упомню. Дзялынскій взялъ съ собою 25.000 червонцевъ и возвратился въ Рыщевъ. Качановскій часть этихъ денегъ повезъ въ Варшаву, а мнѣ поручено было купить сколь возможно больше лошадей въ Бердичевѣ на ярмаркѣ, и я купилъ ихъ слишкомъ девяносто и послалъ въ Варшаву. Окончивъ это дѣло я получилъ 8.000 червонцевъ и порученіе отъ г. Р. [1]) отвезти ихъ въ Гродно Дзялынскому. Кое-какъ устроивъ свои личныя дѣла, я не медля поѣхалъ въ Гродно.

XII. Гродно.

Въ Гроднѣ, въ самый день пріѣзда, отправившись на балъ, я при входѣ въ залы встрѣтилъ стараго знакомаго Яна Л—х. Родители его жили недалеко отъ Люблина. Отецъ и мать—честнѣйшіе люди, являлись на всякій балъ и праздникъ вмѣстѣ съ хорошенькой дочкою—Франусей. Меня они любили какъ сына и не разъ, чрезъ общихъ знакомыхъ, намекали, что не прочь бы выдать за меня свою дочь. Въ послѣдній годъ моей люблинской жизни, я предложилъ безплатно ихъ сыну Яну Л—х. двѣ комнаты въ моей обширной квартирѣ въ домѣ Франка. Отношенія наши были самыя дружескія. И теперь Янъ, встрѣтившись со мною, просто не зналъ что дѣлать отъ радости, цѣловалъ, обнималъ и просилъ на квартиру къ себѣ, осыпая вопросами.

---

[1]) Подъ буквою Р. (П) Охотскій разумѣетъ помѣщика Прозора (Prozora) участвовавшаго въ заговорѣ, что̀ видно изъ дальнѣйшаго разсказа.

Прим. перев.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? спросилъ я его съ своей стороны.

— Я посломъ на сеймѣ.

— А родители твои?... а сестра Франуся?!

Въ эту минуту подходитъ къ намъ Іосифъ Z, тоже хорошій люблинскій знакомый, и начинаетъ самымъ сердечнымъ образомъ меня привѣтствовать.

— Вотъ кстати, говоритъ Янъ, и самъ мужъ Франуси нашей, такой же, какъ и я посолъ на сеймѣ. Въ залѣ здѣсь и жена его...

— Ведите же меня скорѣе къ ней.

И минуту спустя я уже стоялъ возлѣ раскраснѣвшейся какъ вишня молодой дамы, привѣтствовавшей меня съ волненіемъ и радостію.

Я сѣлъ возлѣ ея; она объявила, что до конца бала не будетъ больше танцовать, ради моего прибытія. На вторичныя просьбы Франуси, ея мужа и брата, перейти къ нимъ на квартиру, я сказалъ, что не могу оставить Дзялынскаго, съ которымъ живу. Взяли съ меня слово бывать у нихъ какъ можно чаще. Когда мужъ и братъ ушли, мы разговорились о прошломъ и среди милыхъ воспоминаній мы оба сознались, что мѣсяцевъ двадцать тому назадъ были влюблены другъ въ друга.

Франя была одѣта не только по модѣ, но даже черезчуръ. Ноги у нея были босыя и всѣ пальцы на ногахъ покрыты были перстнями и дорогими каменьями. Перстни эти тогда нарочно приготовлялись; ихъ не надѣвали какъ ручные черезъ конецъ кольца, но открывали какъ серьги и потомъ запирали. Подъ подошвой ноги лежали капуцинскія т р е п к и, лентами прикрѣплявшіяся къ ногѣ (сандаліи). Разсматривая далѣе еще съ большимъ вниманіемъ одѣяніе Франи, я замѣтилъ, что на ней не было рубашки, а надѣто было

одно платье, изъ какой-то очень легкой матеріи, съ длиннымъ шлейфомъ, поднятымъ гирляндою съ правой стороны до колѣна. Груди были совершенно обнажены и даже ничѣмъ не прикрыты. Когда я удивлялся такому костюму, она встала и повернувшись дала мнѣ возможность еще лучше присмотрѣться. Была она очень хороша въ своемъ костюмѣ— рѣдко кого природа одарила такъ богато какъ ее. Но сдѣлавшись красивѣе, Франя потеряла прелести невинности и скромности. Наговорившись, мы встали и пошли по заламъ. Удивительное зрѣлище представилось мнѣ — точно я былъ на Олимпѣ: двигались Венеры, Діаны, Психеи; то являлись какъ въ Аѳинахъ улыбающіяся Аспазіи, то римскія весталки, наконецъ что-то въ родѣ дикихъ съ Отаити (à la sauvage); все это было одѣтыя, или вѣрнѣе, раздѣтыя барыни; наиболѣе впрочемъ являлось гречанокъ. Всѣ были безъ рубашекъ въ тончайшихъ платьяхъ съ длинными шлейфами; можно было видѣть и удивляться всѣмъ красотамъ, которыми природа одарила этихъ дамъ. Мнѣ случилось видѣть не разъ смѣшныя катастрофы, когда кто по неосторожности наступалъ на шлейфъ и лопнувшее платье вдругъ оставляло почти совершенно обнаженною поклонницу моды. Много было написано въ такомъ родѣ карикатуръ въ это время.

Въ числѣ танцовавшихъ кадриль я увидѣлъ одну особу— очень хорошенькую, всю, отъ головы до ногъ, покрытую бриліантами; даже пальцы ногъ были покрыты кольцами тысячи въ двѣ червонцевъ. Спрашиваю: кто это? отвѣчаютъ— маркиза Люли, новая любовница короля. Въ пять часовъ утра всѣ разъѣхались. Я далъ слово быть у Яна и [illegible] въ 11 часовъ утра на завтракѣ.

Когда я пріѣхалъ мнѣ сказали, что ба[illegible]ается, [illegible] лѣла меня принять. Подойдя къ дверям[illegible], я вел[illegible]

еще разъ доложить и только услышавши: пожалуйте! отворилъ дверь. Все что я здѣсь увидѣлъ очень удивило меня, а болѣе всего то, что Франуся была не совсѣмъ одѣта. На ней былъ только блѣдно-розовый шелковый корсетъ и спереди маленькій фартучекъ, обшитый кружевами. На ногахъ вчерашнія трепки (сандаліи) и перстни. Рубашки не было. Когда парикмахеръ, убиравшій ей голову, кончилъ, она накинула тоненькое платье и отправилась въ сосѣднюю комнату, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ. Серебро и фарфоръ покрывали столъ, и фарфоръ былъ не только европейскій, но японскій и китайскій. Къ завтраку явился, служившій въ русской гвардіи, молодой господинъ Цицiановъ. Хозяйка, когда о немъ доложили, покраснѣла и смѣшалась, но мужъ велѣлъ его просить и онъ вошелъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, маленькій, лысый, съ лицомъ попорченнымъ оспою, но очень любезный и хорошо воспитанный кавалеръ. Послѣ я узналъ, что онъ влюбленъ былъ въ Франусю; она стоила ему уже до 30.000 р., но до сихъ поръ не подавала ни малѣйшаго признака взаимности. Съ Цицiановымъ я скоро сблизился. Въ кабинетахъ обоихъ хозяевъ я дивился не мало богатству, которое увидѣлъ: кровати были кровати Перикла; столы—цицероновскіе, кресла—курульскіе, занавѣси на окнахъ — изъ жилища Аспазіи, а вся меблировка точно во дворцѣ великаго магната. Провожая меня, хозяева вопреки обычаямъ, прошли до самыхъ послѣднихъ дверей. Пріѣхавъ съ визитомъ ко мнѣ Янъ и Іосифъ пожелали познакомиться съ Дзялынскимъ. Онъ отдалъ имъ визитъ и влюбился сейчасъ же въ Франусю. На другой день у нихъ былъ обѣдъ. Поляки почти всѣ были мнѣ знакомы; русскихъ было до десяти человѣкъ—офицеровъ гвардіи и членовъ знатнѣйшихъ фамилій. Офицеры были во фракахъ. Было нѣсколько дамъ

и больше двадцати мужчинъ. Я сидѣлъ рядомъ съ хозяйкою. Серебро, саксонскій фарфоръ, прекрасная служба, гастрономическія кушанья и лучшія вина—словомъ роскошь господствовала на этомъ обѣдѣ.

Хозяйка передавала мнѣ кто въ кого влюбленъ.

— А въ тебя влюбленъ Цицiановъ, замѣтилъ я ей.

— Это правда, гнѣвно отвѣтила она. Но я его не люблю, это любимецъ моего мужа...

Послѣ обѣда началась игра. Хозяева предложили мнѣ держать часть въ банкѣ. Я далъ только 50 червонцевъ въ складку, гдѣ было болѣе 1000 червонцевъ и выигралъ въ этотъ вечеръ 19 червонцевъ. До конца пребыванія моего въ Гроднѣ я все время участвовалъ въ банкѣ. На третій день давалъ балъ русскій посолъ. Янъ далъ мнѣ одинъ билетъ, а Дзялынскому отвезъ другой. Посолъ квартировалъ въ громадномъ дворцѣ Сапѣговъ. Три огромныя залы и нѣсколько меньшихъ комнатъ наполнены были гостями. А сколько тамъ стояло игорныхъ столовъ и сколько я видѣлъ на нихъ золота—въ воображеніи даже представить себѣ все это обиліе очень трудно. Великолѣпная прислуга безпрестанно разносила угощеніе. Балъ былъ удивительный. Внутри дворецъ освѣщали нѣсколько тысячъ свѣчей; снаружи разноцвѣтныя лампы покрывали стѣны и дворъ. Когда подали ужинъ, Француся объявила, что хочетъ ѣхать домой. Меня она выбрала проводить ее и я, честное слово, не имѣлъ причины пожаловаться на это.

Дзялынскій былъ въ нее серьезно влюбленъ. Какъ много онъ успѣлъ, я не знаю. Что касается меня, я былъ уже старымъ знакомымъ и прежнія отношенія легко было возобновить.

Цицiановъ просилъ насъ на «подвечерокъ» (закуска

между обѣдомъ и ужиномъ). У него хозяйкою была генеральша Муханова и гости оставались до 5 часовъ утра. Удивляло меня откуда брались деньги у Яна и Іосифа жить такъ богато. Родители Яна имѣли правда двѣ деревни, но и четверыхъ дѣтей. За Франусей Іосифъ взялъ только 40.000 злотыхъ (6.000 р.). Отецъ его правда былъ богаче, но за то имѣлъ семь человѣкъ дѣтей. Будучи съ обоими очень близокъ, я однажды спросилъ: откуда они берутъ средства для такой барской жизни?

— Игра и счастливые обороты, отвѣтилъ мнѣ Янъ, — поставили меня, какъ видишь, на ноги. Онъ отворилъ при мнѣ комодъ и показалъ десять мѣшковъ съ червонцами, въ каждомъ по 1000 штукъ и еще въ шкафу одинадцать мѣшковъ съ рублями. Іосифъ показалъ точно такую же кассу. Оба они были повѣренными агентами и вели переговоры съ двумя сосѣдними державами... Впослѣдствіи оба должны были бѣжать, избѣгая проскрипціи. Въ ихъ защиту я могу сказать только, что прежде они оба были честными людьми; обстоятельства поставили ихъ на дорогу, по которой, къ несчастію тогда не они одни только шли. Одинъ философъ сказалъ: Vitium est temporis, potium quas hominis. Богъ имъ прости!

XIII. Станиславъ Августъ и маркиза Люли.

Изъ Любопытства я бывалъ на засѣданіяхъ гродненскаго сейма. Короля издали тоже видѣлъ. Въ передней у короля на караулѣ были солдаты изъ Мировскаго полка; два изъ нихъ стояли у трона въ залѣ сейма; прочіе мѣста и двери заняты были чужеземною стражею. Присматриваясь къ королю, я нашелъ въ немъ большую перемѣну, сравнительно

съ тѣмъ, какимъ его видѣлъ два года назадъ. Физіономія его прежде оживленная, пріятная, съ всегдашнимъ милымъ выраженіемъ, которое влекло къ нему сердца всѣхъ, теперь изхудалая, измѣнившаяся, со впалыми щеками и желтая, казалось, говорила о недавней, тяжкой болѣзни. Король не подымалъ даже глазъ. Едва можно было узнать въ немъ прежняго Станислава Августа. Въ воскресенье Дзялынскій пошелъ во дворецъ, чтобы присутствовать при пріемѣ короля, и меня взялъ съ собою. Кунтуша въ то время я уже не носилъ. Мнѣ сшили фракъ съ металическими пуговицами; въ чулкахъ и башмакахъ, со шпагой, мы поѣхали въ королевскій дворецъ. Церемоній никакихъ не наблюдалось; всякій дворянинъ имѣлъ право быть на публичной аудіенціи, или испрашивать для себя частную. Я же былъ къ тому камергеръ короля Въ залѣ не было особенно большой толпы. Спустя немного времени вышелъ король тяжелыми шагами и приблизился къ стоявшимъ

Сперва обратился онъ къ Дзялынскому; я стоялъ рядомъ. Онъ сейчасъ же меня узналъ, не смотря на перемѣну платья и локоны. Я поклонился, какъ требовало уваженіе къ сану.

— Вы давно пріѣхали? спросилъ онъ.

— Уже нѣсколько дней, ваше величество.

— Гдѣ теперь живете?

— Въ Русскомъ кордонѣ (въ земляхъ отошедшихъ къ Россіи), въ бывшемъ воеводствѣ кіевскомъ.

Дворъ короля былъ очень не великъ; никого изъ коронныхъ сановниковъ и министровъ съ нимъ не было. Большая часть подала въ отставку и уѣхала за границу. Короля окружали все новые люди.

Короля этого обвиняли гораздо болѣе, чѣмъ онъ этого заслуживалъ. Необходимо взять въ расчетъ въ какомъ видѣ онъ по-

лучилъ Польшу и сколько у него было враговъ. Станиславъ Августъ зналъ, что для счастія народа необходимо просвѣщеніе и уничтоженіе польскихъ вельможъ. Только исполнить эту задачу была вовсе не такъ легко. Сначала іезуиты, при помощи своего колосальнаго могущества и связей, держали народное образованіе въ своихъ рукахъ и не хотѣли допускать реформъ. Когда послѣ буллы папы упалъ этотъ вѣковой дубъ, котораго вѣтви распространяли у насъ мракъ и невѣжество, сеймъ при маршалѣ Понинскомъ, жадно бросился разрывать огромныя богатства имѣній и имуществъ поіезуитскихъ. Король съ нѣсколькими патріотами и честными людьми едва успѣлъ сохранить часть этихъ богатствъ и съ помощію ихъ создалъ комиссію Воспитанія, такъ хорошо устроенную, что она послужила образцомъ для сосѣднихъ государствъ. Въ десять лѣтъ уже замѣтно было въ Польшѣ ея благодѣтельное вліяніе: край имѣлъ людей, которыхъ можно было призвать къ дѣлу, и дворянство по немногу стало покидать дворы вельможъ и освобождаться отъ нравственнаго рабства предъ магнатами. Королю и Адаму Чарторыйскому принадлежитъ честь основанія перваго корпуса кадетовъ. Король покровительствовалъ піарамъ и ихъ школамъ. Изъ этихъ школъ вышли люди засѣдавшіе на сеймѣ въ 1788 году.

Винятъ Станислава Августа за то, что въ 1792 г. онъ не пріѣзжалъ въ лагеръ. Но что помогло бы прибытіе короля? Какія были силы республики? У Іосифа Понятовскаго около 10.000 войска. Въ Литвѣ нашлось бы почти столько же. Вотъ и все войско. И король зналъ хорошо его численность. Трактатомъ 1768 г. намъ запрещено было содержать болѣе 15.000 войска. Но на самомъ дѣлѣ и столько не было. Въ каждомъ полку командиръ бралъ содержанія и жалованье

на полный комплектъ, а на лицо была едва половина людей. Что касается національной кавалеріи, про ту и говорить нечего. Всѣ эти поручики, командовавшіе эскадронами, крали громадныя суммы: содержаніе, фуражъ и жалованье оставалось въ ихъ карманахъ, а эскадроны были и въ половину не полны. Сеймъ правда постановилъ увеличить войска до 100.000, но средствъ не далъ. Кое-какъ собралось войска въ лагеръ Понятовскаго, но и тамъ полки не были въ полномъ комплектѣ. Такъ полкъ Потоцкихъ по реестру значился числомъ 500 человѣкъ, а въ дѣйствительности имѣлъ всего только 300; полкъ князя Михаила Радзивилла въ 600 человѣкъ, придя изъ Полоннаго въ Любаръ оказался состоящимъ изъ трехъ сотъ только солдатъ, хотя командиръ получалъ содерженіе и фуражъ на всѣ шесть сотъ человѣкъ. Въ эскадронахъ кавалеріи тоже не было комплекту. Вся артиллерія состояла изъ 60 пушекъ. Что можно было предпринять съ такими силами? Король прусскій, въ отвѣтъ на просьбу помочь по силѣ трактата, уничтожилъ трактатъ и присоединился къ врагамъ республики, требуя Данцига и Торна. Что касается Всеобщаго ополченія (pospolite ruszenie)—оно могло годится во времена Стефана Баторія, Яна Казимира, наконецъ Собѣскаго. Въ народѣ къ тому же не было единодушія. Войска наши подъ Зеленицами и Дубенкой дрались храбро, но еще двѣ такія битвы и некому было бы принести въ Варшаву вѣсть о битвахъ. Король не былъ рыцаремъ. Но вѣдь не всѣ же короли родятся съ талантами Карла Великаго, Піаста, Фридриха или Наполеона. Умомъ и добрыми желаніями сдѣлать добро Польшѣ Станиславъ Августъ не уступалъ ни одному изъ королей, имена которыхъ мы почитаемъ. Будемъ же справедливы. Ему мы обязаны нашимъ прогресомъ въ просвѣщеніи, основаніемъ мно-

гихъ полезныхъ заведеній — а чего онъ не успѣлъ сдѣлать, что сгубили обстоятельства — это извинимъ ему, ради того, что въ добрыхъ намѣреніяхъ у него не было недостатка.

Станиславъ Августъ былъ сынъ своего вѣка: любилъ женщинъ и даже черезъ чуръ много ихъ любилъ. Ему не дозволили на сеймѣ вступить въ бракъ; вѣроятно боялись чтобы потомокъ не занялъ престола; вельможи-коноводы расчитывали на смятенія будущихъ выборовъ новаго короля. Не имѣя жены, онъ имѣлъ любовницъ. Самая популярнѣйшая изъ нихъ была... фамиліи ея я не называю, хотя и говорили, что король былъ съ нею въ морганитическомъ бракѣ. Она не мѣшалась въ интриги, не обирала короля, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и была принята въ лучшемъ и высшемъ обществѣ. Иногда король измѣнялъ ей, но скоро снова возвращался къ своей первой любви. Такъ было до 1791 года. Въ концѣ этого года явилась въ Варшавѣ маркиза Люли, французская эмигрантка, въ сопровожденіи старой тетки, фамилію которой я не упомню. Ее принимали у каштеляншi Краковской у madame Тышкевичъ и въ иныхъ аристократическихъ домахъ; вѣроятно Люли имѣла хорошія рекомендаціи. Ей было лѣтъ восемнадцать и красоты она была рѣдкой. Королю она тотчасъ же понравилась, но опытная и хитрая, умѣла такъ повести дѣла, что уступила его желаніямъ не прежде какъ сдѣлалась единственнымъ предметомъ любви. При дворѣ были двѣ партіи: аристократія и всѣ пожилые и болѣе благоразумные люди держались г-жи ....X; король и молодежь стояли за Люли. Подражая любовницамъ французскихъ королей, Люли начала вмѣшиваться во всѣ дѣла, распоряжаться королемъ, продавать свою протекцію, словомъ касалась всего, и даже говорили, что она не позволила королю ѣхать въ лагерь, а потомъ на-

стояла, чтобы онъ подписалъ согласіе на условія конфедератовъ. Словомъ все что только было сдѣлано королемъ до самаго дня его отрѣченія, все приписывали вліянію маркизы Люли. Она была въ исторіи нашего края, по счету, третья француженка, губившая страну, которая ее обогащала. Она имѣла свой дворъ, великолѣпные экипажи, множество крупныхъ бриліантовъ; я видѣлъ только небольшую ихъ часть на балу въ Гроднѣ. Но она не пользовалась уваженіемъ знатныхъ фамилій, подобно г-жѣ — X: Люли нигдѣ не принимали. Первая, даже покинутая, считалась женой короля, вторая — только его метресой (любовницей).

Въ Гроднѣ Люли была законодательницей модъ и ввела изгнаніе рубашекъ изъ женскаго гардероба. Французскіе модные журналы давали ей темы для выдумокъ. Подъ ея вліяніемъ распущенность достигла самыхъ крайнихъ степеней, ничѣмъ не стѣсняясь и ничего не стыдясь. При дворѣ уже не было madame Тышкевичъ, Каминской, Гумецкой и другихъ, которыя могли бы вліять своимъ примѣромъ, такъ какъ онѣ смѣло могли быть названы украшеніемъ своего времени.

Маркиза Люли разумѣется не любила короля, но любила только королевскія богатства; кромѣ громадныхъ суммъ, которыхъ стоила ея жизнь, экипажи, бриллианты, еще много милліоновъ, какъ говорили, было положено ею въ иностранные банки. Въ 1794 году во время революціи карету ея народъ остановилъ на Краковскомъ предмѣстіи и вытащилъ француженку изъ экипажа. Вѣроятно съ нею случилось бы недоброе, если бы отрядъ солдатъ съ офицеромъ не успѣлъ во время вырвать ее изъ рукъ черни и отвезти въ королевскій замокъ. Несчастный монархъ, самъ въ это время бывшій въ ужасномъ положеніи, тѣмъ не менѣе съ докторомъ Беклеркомъ неотступно сидѣлъ при ея кровати. Куда она

потомъ дѣвалась и была ли съ королемъ въ Петербургѣ—я не знаю. Madame X., въ противуположность Люли, во время самаго смятенія ѣздила и ходила въ Варшавѣ совершенно безопасно. На пятнадцатый день моего пребыванія въ Гроднѣ, я выѣхалъ. Провожали меня Янъ и Іосифъ, Франуся и Цицiановъ до станціи Скидло. Прощаніе наше было самое дружеское. Франуся потихоньку ото всѣхъ подарила мнѣ бумажникъ, на которомъ бриллiантиками было надписано: Souvenir.

Что дѣлалось на гродненскомъ сеймѣ я описывать не буду. Дѣятельность его всѣмъ извѣстна.

XIV. Въ деревнѣ, разныя разности и контракты 1794 г.

Въ Сидачевкѣ я обнялъ мою добрую жену, скучавшую и томившуюся безпокойствомъ обо мнѣ въ теченіе всего того долгаго времени, которое я провелъ гуляя и сумасбродничая. Она призналась мнѣ, что сдѣлалась беременна. Мои ласки и пріѣздъ брата Эвзебія Семяновскаго возвратили ей хорошее расположеніе духа. Дядя пріѣхавъ къ намъ передалъ мнѣ, что Прозоръ требуетъ меня къ себѣ въ концѣ октября. Узнавъ о положеніи моей жены, дядя далъ ей пятьдесятъ червонцевъ на пеленки, а мнѣ, изъ суммы обѣщаннаго приданаго, 555 червонцевъ.

— Вѣдь еще и году нѣтъ, какъ я женатъ, замѣтилъ я ему.

— Мой другъ, отвѣтилъ онъ, — кто знаетъ что будетъ чрезъ годъ. Очень можетъ быть, что ни я давать, ни ты брать уже не будемъ въ состояніи. Всѣхъ щедро осыпалъ подарками нашъ добрый абатъ, не забылъ и воспитанницы

нашей Маріи Кулнковской—далъ ей 10 червонцевъ и обѣщалъ 1000 злотыхъ приданаго, въ случаѣ замужества.

Тутъ произошелъ одинъ случай, къ счастію не имѣвшій дурныхъ послѣдствій. Всѣ письма ко мнѣ шли чрезъ Зубковичи, въ которыхъ управляющимъ у меня былъ вѣрный человѣкъ нѣкто Снарскій. Возвратясь съ Эвзебіемъ Семяновскимъ изъ Молочекъ, куда я возилъ его къ Антону Гижицкому, я нашелъ письмо, присланное чрезъ Зубковичи. Было уже темно, я пошелъ въ комнату Семяновскаго и увидѣлъ, разрѣзавъ конвертъ, что кто-то читалъ письмо: перерѣзана была шелковинка, прикрѣплявшая письмо къ печати. И самое письмо было запечатано червонцемъ. Я очень обезпокоился и рѣшилъ съ Эвзебіемъ сейчасъ же ѣхать въ Зубковичи и удалить Снарскаго. Велѣвъ запрягать, мы пошли проститься съ женой.

Жена лежала въ постели и плакала. Наконецъ созналась, что это она распечатала письмо, безпокоясь множествомъ писемъ, присылаемыхъ на мое имя. Изъ содержанія письма ничего не поняла и запечатала его червонцемъ. Я успокоился, а жена дала слово никогда больше моихъ писемъ не распечатывать. Слово это она хранила свято до самой смерти.

Пріѣхалъ Качановскій изъ Варшавы и привезъ мнѣ новый ключъ къ шифрованной перепискѣ и распоряженіе: если бы меня до 28 октября никуда не услали, явиться на контракты въ Дубно. Качановскій всѣхъ насъ осыпалъ подарками; на спросъ: не нужно ли ему денегъ, показалъ мѣшокъ съ тысячью червонцевъ.

— Это мнѣ удалось оборвать Адама Понинскаго и то еще въ четверть часа. Пришлось бѣжать, опасаясь реванжу и чтобы не проиграть въ свою очередь. Этотъ выигрышъ мнѣ удался потому, что я игралъ на счастіе твоей жены, ска-

залъ онъ. Качановскій прожилъ недолго и снова уѣхалъ. Кромѣ дѣлъ, его постоянно тянуло ѣздить; онъ былъ настоящее perpetuum mobile (вѣчное движеніе). Но вмѣстѣ съ тѣмъ очень честный и порядочный человѣкъ. Красивый мужчина, онъ имѣлъ отъ рожденія гузъ на правой щекѣ. Въ битвѣ подъ Рославицами, Качановскій, будучи уже подполковникомъ и предводительствуя двумя батальонами, былъ раненъ въ эту щеку — и гузъ исчезъ. Но только съ тѣхъ поръ онъ сталъ заикаться. Я и Эвзебій отправились объѣзжать Украйну. Со мною ѣздилъ гвардейскій унтеръ-офицеръ, переодѣтый лакеемъ — отчаянный и ловкій малый, варшавякъ и «выдачъ» (тертый калачъ). Сводя знакомство съ прислугою, онъ въ нѣсколько часовъ умѣлъ выпытывать больше, чѣмъ мнѣ удавалось узнать иной разъ въ недѣлю. Изъ этого объѣзда я привезъ 7.000 червонцевъ, 115 лошадей, изъ которыхъ самая плохая стоила 25 червонцевъ, и полотна триста штукъ. Лошадей я отправилъ съ поручикомъ Галензовскимъ, которому на расходы выдалъ при этомъ 500 червонцевъ.

Въ странѣ въ это время господствовало совершенное спокойствіе, какое обыкновенно и въ природѣ всегда господствуетъ передъ бурей. Конфедерація не имѣла у насъ никакого вліянія, такъ какъ наше воеводство присоединено было къ имперіи. Снова возобновлены были земскіе и городскіе суды. Они просуществовали до 1797 года, т. е. до введенія у насъ губерній. Адамъ Букаръ въ 1793 году въ послѣдній разъ исполнялъ обязанность судьи. Грудь у него была давно уже очень слаба. Докторъ Киттель отправилъ его на воды. Вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ и генералъ Свейковскій. Возвратился онъ съ водъ еще болѣе слабый; неизвѣстно: воды ли онъ черезчуръ выпилъ, или вина выпили

они съ генераломъ черезъ мѣру, но только въ декабрѣ я уже не засталъ его въ живыхъ. Онъ очень любилъ играть въ вистъ и до самой смерти окружалъ себя обществомъ. Я сожалѣлъ этого достойнаго человѣка; онъ много способствовалъ моему первоначальному возвышенію и карьерѣ.

Послѣ раздѣла Польши у насъ ввели русскую гербовую бумагу. Но сначала собственно бумаги не присылали. Адвокаты дѣлали просто надпись въ какую цѣну бумага и потомъ помѣчалъ ее вице-губернаторъ Грохольскій. Порядокъ этотъ продолжался до введенія установленія о губерніяхъ. Одинъ адвокатъ изъ Житомира явился къ губернатору Шереметьеву съ мѣсячнымъ рапортомъ и счетами взносовъ за гербовую бумагу. Одѣтъ онъ былъ въ жупанъ, кунтушъ, литой поясъ слуцкій съ перевязью, съ надписью (король съ народомъ и народъ съ королемъ) и съ бренчащею и волочившеюся по землѣ саблею. Все это не понравилось губернатору.

— Что это у васъ за надпись на бляхѣ перевязи? спросилъ Шереметьевъ.

Непотерявшійся адвокатъ смѣло отвѣтилъ:

— За родину и за возлюбленную!

— А я думалъ тамъ надпись: «за гербовую бумагу!» отвѣтилъ, усмѣхаясь, губернаторъ.

Въ августѣ еще уѣхалъ генералъ Любовидзскій, вызванный въ Петербургъ, и повезъ съ собою для представленія императрицѣ по два офицера изъ каждаго полка бывшей польской арміи. Между офицерами были поручикъ Северинъ Букаръ, получившій въ столицѣ чинъ капитана и Комаръ, поступившій въ гвардію адъютантомъ Зубова. Комаръ получилъ будто бы по наслѣдственному праву имѣнія каштеляншi ковенской, Косаковской, не хотѣвшей дать присяги. Еще

передъ поѣздкой Любовидзскаго посланъ былъ въ Петербургъ показать польскіе мундиры Варѳоломей Гижицкій. Во всей парадной формѣ онъ представлялся императрицѣ Екатеринѣ II и получилъ золотую табакерку съ ея брильянтовымъ вензелемъ и чинъ подполковника. Ему предложили служить въ русскомъ драгунскомъ полку, но еще осенью онъ вернулся домой и вышелъ въ отставку.

Съ нимъ въ описываемое мною время былъ казусный случай. Въ его мѣстечкѣ Краснопольѣ остановился эскадронъ Народной Кавалеріи, предводимый поручикомъ Л. Этотъ поручикъ сейчасъ же началъ дебоширничать: въ заѣздномъ домѣ, недалеко отъ костела, гдѣ онъ квартировалъ, велѣлъ избить жида-хозяина и выбросить вонъ. Подполковникъ драгуновъ Гижицкій отправился къ нему лично и началъ ему выговаривать. Л. его обидѣлъ... Оскорбленный созвалъ братьевъ и по общему совѣту послалъ вызовъ. Но поручикъ не принялъ вызова. Гижицкіе не знали что и дѣлать. Варѳоломей хотѣлъ ѣхать вслѣдъ за эскадрономъ, хотя бы даже до Бѣлой Церкви и заставить обидчика драться. Въ это время на дворъ барскаго дома въѣзжаетъ самъ Л. съ однимъ солдатомъ и спрашиваетъ гдѣ экономъ для подписи квитанціи. Ему указываютъ жилище экономa, въ которомъ въ это время были всѣ Гижицкіе и ихъ служба. Поручикъ преспокойно сходитъ съ лошади и является къ нимъ, спрашивая, гдѣ экономъ... Но тутъ ему, вмѣсто экономa, растянувъ, всыпали сто плетей. Солдатъ, сидѣвшій на лошади и видѣвшій чрезъ окно все происходившее, даже не пошевелился. Высѣченный поручикъ вышелъ, сѣлъ на лошадь, подъѣхалъ къ эскадрону, скомандовалъ: маршъ! и преспокойно вышелъ изъ мѣстечка. Больше онъ и не показался. Такое хладнокровіе при такой обидѣ просто достойно удивленія, особенно у человѣка,

имѣвшаго цѣлый эскадронъ подъ командою. Гижицкіе долгое время ждали нападенія, но напрасно. Офицеры не захотѣли служить у Л.; онъ вышелъ въ отставку и перебрался, какъ мы слышали, въ Бессарабію.

Приближались контракты 1794 года. Въ Хойникахъ я встрѣтилъ дядю абата и получилъ еще новый ключъ къ шифрованнымъ письмамъ. Тутъ былъ центръ переговоровъ между заговорщиками Литвы и Польши. Прозоръ, очень уважаемый во всей Литвѣ, велъ дѣло; онъ былъ человѣкъ большаго ума. Помощникомъ Прозора состоялъ капитанъ Косинскій, дѣйствовавшій въ Минской губерніи, бывавшій впрочемъ и въ Овручскомъ уѣздѣ и тамъ открывшійся брату моему Непомуку — и это открытіе занесло брата моего впослѣдствіи въ Нерчинскъ. Я самъ Косинскаго лично не зналъ и дѣла съ нимъ не имѣлъ. Въ Хойникахъ мнѣ отдано было 16.000 червонцевъ, что̀ въ совокупности съ прежними составило въ кассѣ 23.500 червонцевъ, предназначенныхъ для передачи Дзялынскому въ Дубнѣ. Качановскій явился въ Сидачевку въ самые праздники Рождества, но въ карманахъ у него было уже совсѣмъ пусто.

— Гдѣ же червонцы, выигранные у Понинскаго? спрашиваю.

— По разнымъ мѣстамъ, вздыхая отвѣтилъ онъ. На дорогу въ Варшаву я далъ ему 60 червонцевъ. А за нимъ вслѣдъ и я съ Эвзебіемъ поѣхали въ Дубно. Тамъ, по пріѣздѣ Дзялынскаго, сданъ былъ ему отчетъ въ деньгахъ и во всемъ прочемъ. Въ Дубнѣ движеніе было большое. Съѣхались генералы Дзялынскій, Несіоловскій, Гроховскій и Фишеръ, всѣ въ партикулярныхъ платьяхъ; каждый у себя на квартирѣ имѣлъ достаточно работы. Ничего еще не было рѣшено; цѣль казалась еще была очень далека. Дзялынскій приказалъ мнѣ быть въ мартѣ въ Варшавѣ; далъ на дорогу

300 червонцевъ и, забравши съ собою Семяновскаго, уѣхалъ. Яконовскаго, мужа сестры моей жены, я старался сдѣлать совсѣмъ непричастнымъ нашему дѣлу. У него должна была жить Фаустына, для которой наступали послѣдніе дни беременности. Зубковичи я передалъ Яконовскому въ аренду на половинныхъ со мною правахъ и въ первыхъ числахъ марта перевезъ къ нему жену. Самъ я оставался въ Сидачевкѣ, что называется, какъ на горячихъ угольяхъ. Для успокоенія жены, я далъ ей слово до разрѣшенія ея не ѣхать въ Варшаву и объявилъ дядѣ, торопившему меня, что готовъ ѣхать даже чрезъ два часа послѣ ея родовъ, но не прежде. Денегъ отъ дяди на дорогу не взялъ. На контрактахъ, правда, никто не платилъ; только Бержинскій отдалъ что слѣдовало. Но не смотря на это, всего у меня было тогда въ рукахъ 1800 червонцевъ.

24 марта жена родила мнѣ дочь Эмилію. И чрезъ два часа, на подставныхъ лошадяхъ, я уже ѣхалъ въ Варшаву, куда прибылъ въ одинъ день, проѣхавъ 15 миль (105 верстъ). Передъ отъѣздомъ я отдалъ 1000 червонцевъ Антону Гижицкому, 300 оставилъ Омецинскому, а самъ съ 25 пустился въ дорогу. Тогда я не думалъ о деньгахъ и сыпалъ ихъ щедрою рукою, только бы скорѣе быть въ Варшавѣ.

XV. 1794 годъ.

Дорога въ Варшаву была свободна, и я пріѣхалъ въ столицу во время самаго сильнѣйшаго волненія въ ней. Много времени прошло, пока удалось пробраться чрезъ разныя гауптвахты и въѣхать въ городъ. И въ городѣ, по забарикадированнымъ улицамъ и при безпрестанныхъ осмотрахъ, я потерялъ еще часовъ пять, пока успѣлъ добрался до дворца Дзя-

лынскаго на Лешнѣ. Какая разница съ 1791 г. Тогда всѣхъ соединяла взаимная довѣренность; всѣ сословія братски протягивали другъ другу руки; въ каждомъ видѣли друга и брата. Нынче всѣ вооружены, всѣ ищутъ невѣдомыхъ враговъ, подозрѣваютъ другъ друга и не довѣряютъ одинъ другому. Повсюду господствуетъ боязнь и недовѣріе, а эти чувства родятъ ярость въ народѣ и нѣчто въ родѣ бѣшенства, приводящаго въ ужасъ каждаго человѣка. По всѣмъ улицамъ шли или войска, или артиллерія съ зажженными фитилями, или наконецъ чернь, построенная и сплоченная въ нѣчто похожее на баталіоны, подъ цеховыми значками. Оружіе было самое разнообразное и платье такое же: одни были въ праздничныхъ одеждахъ, другіе—въ лохмотьяхъ, на шапкахъ повѣвали перья каплуновъ, гусей, утокъ; султаны изъ конскихъ волосъ, словомъ все что только по видимому могло придать носителю воинственную физіономію. По улицамъ вели государственныхъ преступниковъ, только что взятыхъ изъ великолѣпныхъ апартаментовъ; въ другомъ мѣстѣ штурмовали дома, добиваясь овладѣть новыми жертвами. Не разбирали уже былъ ли кто помѣщенъ въ проскрипціонныхъ реестрахъ, или нѣтъ. И тотъ уже оказывался виновнымъ, кто только сидѣлъ покойно и не вмѣшивался ни во что.

Толпа, по большей части рьяная, повторяла крики своихъ предводителей: vivat начальникъ! (Костюшко)! Vivat Колонтай! Vivat Потоцкіе Игнатій и Станиславъ!

Проѣзжая улицы, и я и мой солдатъ должны были, сколько хватало силы, повторять крики встрѣчныхъ сборищъ черни. Дзялынскій сейчасъ же отправилъ меня съ адъютантомъ къ начальнику, и я долженъ былъ повторить ему все что видѣлъ.

Начальникъ отослалъ меня въ совѣтъ, гдѣ вмѣсто паспорта, выданнаго мнѣ въ Краковѣ генераломъ Водзицкимъ

(я ѣхалъ въ Варшаву чрезъ Львовъ и Краковъ), выдали открытый листъ (carta bezpeczenstwa) на пятнадцать дней. Листъ этотъ я долженъ былъ постоянно имѣть при себѣ. У начальника я нашелъ много молодежи изъ кіевскаго воеводства, прибывшей въ Варшаву сейчасъ послѣ контрактовъ. Эти господа, переживъ первую суматоху, подали меморіалъ (коллективное заявленіе), предлагая поставить кто полкъ, кто баталіонъ, кто роту, или эскадронъ и требуя чиновъ, маіоровъ, капитановъ и т. п. Начальникъ производилъ ихъ. Самые храбрые дѣлались полковниками полковъ, еще только въ будущемъ существующихъ. Всѣ они состояли при штабѣ начальника, и Амадисовъ этихъ звали г и д а м и. Мы съ Дзялынскимъ смѣялись безсовѣстности этихъ людей. Обѣщалъ полкъ тотъ кто и 20 человѣкъ не могъ поставить. Самый скромный обѣщалъ роту.

Въ народѣ первенствовали Калинскій, башмачникъ, Біалогловскій, Капостасъ, уроженецъ съ острововъ архипелага, недавно только принявшій польское гражданство; жидъ Берка предводительствовалъ жидовскимъ полкомъ и назывался полковникомъ. Однажды, будучи у начальника, я былъ свидѣтелемъ, какъ толпа изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ окружила его квартиру и требовала правосудія. Костюшко вышелъ на крыльцо, просилъ успокоиться, но виваты долго не давали ему возможности сказать слово. Наконецъ утихли и терпѣливо выслушали краткую рѣчь, въ которой онъ убѣждалъ толпу предоставить правосудію разслѣдовать и наказать виновныхъ. Затѣмъ снова взволновались и закричали, требуя измѣнниковъ и не успокоились пока начальникъ не обѣщалъ имъ, что уголовный судъ вскорѣ будетъ назначенъ. Только самыми сильными просьбами и заклинаніями удалось ему заставить народъ разойтись. Я, пользуясь временемъ,

въ муниципальной курткѣ, въ шапкѣ съ султанчикомъ, съ палашемъ и перевязью, ходилъ по улицамъ Варшавы. Приходилось, встрѣчая толпу, повторять съ нею ея крики и главное всегда имѣть съ собою выданный мнѣ открытый листъ. Изъ знакомыхъ моихъ я посѣтилъ семейство Міончинскихъ, погруженное въ глубокую печаль. Одинъ сынъ былъ убитъ уже, предводительствуя баталіономъ гражданъ, другому, служившему въ артиллеріи, оторвало ногу ядромъ. Но женщины страдалицы не жаловались, и только слезы, противу ихъ воли, обливали ихъ лица и выдавали горе.

Любопытствуя, я осматривалъ улицы. Въ большей части домовъ окна были выбиты пулями, стѣны изборожденныя и пробитыя ядрами или картечью казались лицомъ человѣка, только что вставшаго послѣ оспы. Болѣе всего потерпѣлъ Брюлевскій дворецъ, примыкавшій къ Саксонскому саду. Ни одного окна, ни одной штуки мебели не оставалось въ немъ цѣлыми; все было разбито и переломано. Фарфоръ, зеркала, мраморъ валялись въ кускахъ по комнатамъ.

Костелы были отворены день и ночь; свѣчи горѣли и обѣдни и молитвы продолжались безостановочно. По большей части женщины и старики наполняли церкви. Магазины и лавки были всѣ заперты. Купцы съ ружьями ходили по улицамъ и содержали караулы, по ряспоряженію муниципалитета. Въ строю были даже самые богатые: Егоръ Давидсонъ, Янъ Клисенъ, Гангель, Тыкель, Гавсталь, Герингъ, Берганъ, Манучевичъ, оба Якубовичи, Яшевичъ, каретникъ Шперль и многіе другіе.

На дверяхъ общественныхъ зданій прибиты были реестры тѣхъ, которые подлежали суду; число этихъ несчастныхъ постоянно увеличивалось; имена виновныхъ открывали въ разныхъ отысканныхъ протоколахъ, реестрахъ и замѣткахъ.

Король сидѣлъ въ замкѣ. У него ничего не спрашивали и онъ самъ ни во что не мѣшался. Его отношенія къ начальнику были очень неопредѣленные и даже скорѣе никакихъ между ними не было сношеній. На караулъ въ замокъ однако же посылали полкъ съ пушками. Прежде король имѣлъ обыкновеніе, въ 11 часу, слушать обѣдню въ костелѣ св. Яна въ своей ложѣ; я нарочно пошелъ въ костелъ св. Яна, но короля въ ложѣ не было. Его свита, генералы, адъютанты, ксендзъ Нарушевичъ, маршалъ двора Александровичъ, оберъ-гофмейстеръ, камергеры, пажи и словомъ всѣ его окружавшіе, нигдѣ не бывали и въ городѣ вовсе не показывались. Изъ придворныхъ короля не было никого въ проскрипціонныхъ реестрахъ; дѣйствительно ли они были не виноваты, или въ этомъ выказывалось уваженіе къ королевскому спокойствію—я не знаю.

Я былъ съ Дзялынскимъ у начальника, когда народъ снова окружилъ его квартиру, требуя казни виновныхъ. Онъ успокоивалъ толпу и велѣлъ ждать суда. Толпа разошлась очень недовольная, крича: vivat M. Впослѣдствіи это подало поводъ обвинить М., какъ бунтовщика черни. На утро мы должны были выѣхать. Бумаги для Дзялынскаго уже были готовы, мои изготовлялись. Дзялынскій получилъ приказъ принять начальство надъ войсками въ кіевскомъ воеводствѣ. Качановскій долженъ былъ ѣхать съ депешею къ войску. Ольшевскій отправился къ О. и Р. Вдругъ въ полночь вспыхнуло возстаніе. Толпа наполнила улицы, крикъ такой сдѣлался, что волосы стали дыбомъ на головѣ и ужасъ объялъ насъ всѣхъ. Чернь ворвалась въ пороховой магазинъ, гдѣ содержались обвиненные, разбили двери тюремъ и схватили несчастныхъ. Нѣкоторые содержались въ цейхгаузѣ, другіе въ нижнемъ этажѣ дворца республики (называемомъ

дворцомъ Красинскихъ), во флигеляхъ саксонскаго дворца и на гауптвахтахъ. Всѣхъ потащили на Краковское предмѣстье. Мимоходомъ ворвались въ домъ Фридриха М., великаго короннаго секретаря, схватили его въ постели, связали и потащили. Неборовскій, тогда бывшій директоромъ монетнаго двора, узнавъ объ этомъ, полуодѣтый догналъ толпу и, пользуясь своей популярностью, освободилъ М., отнявъ его у атамана банды Конопки, секретаря К. (Колонтай). Всѣ захваченные въ теченіе одного часа были уже мертвы. Пріѣхалъ начальникъ, подошли линейныя войска, но все уже было кончено. Костюшко велѣлъ ловить вожаковъ бунта; схватили Конопку и еще 60 человѣкъ. Всѣхъ ихъ велѣли судить военнымъ судомъ—judicum statarium.

На углахъ улицъ оказались приклеенными стихи, угрожавшіе королю. Велѣно было слѣдить и открыть кто это сдѣлалъ, чтобы отдать виновныхъ подъ военный судъ, но открыть ничего не могли. Начальникъ велѣлъ вездѣ прибить афиши, написанныя, какъ кажется, Игнатіемъ Потоцкимъ, усовѣщивавшія гражданъ и приглашавшія ихъ успокоиться. Указано было на опасность, грозящую отъ самоуправства и на отвѣтственность за пролитую кровь. Всѣ эти прокламаціи и афиши у меня были, но я ихъ всѣ утратилъ. И жаль мнѣ теперь чрезвычайно этой потери. Послѣ арестованія вожаковъ и изданія прокламацій, народъ успокоился немного, но вооруженныя толпы все еще бродили по улицамъ. Не взирая на интриги К., арестованныхъ судили: Конопку выгнали изъ города, а 16 его товарищей повѣсили. Казнь совершилась очень спокойно, народъ смотрѣлъ на нее совершенно равнодушно, точно это было въ обыкновенное время, когда дѣйствовали обыкновенные законы.

Въ теченіе этихъ двухъ дней мы не выходили изъ домовъ,

не желая участвовать или даже видѣть все совершавшееся. Происшествіе это очень основательно можно считать за доказательство того, какъ бы легко у насъ могъ водвориться терроризмъ, если бы не сила характера начальника, Потоцкихъ, Закржевскаго и другихъ лицъ, стоявшихъ тогда у кормила правленія. Всѣ говорили, будто К. былъ душой смятенія. Онъ ненавидѣлъ примаса, мстилъ и гнѣвался за недозволеніе ему воспользоваться имѣніями церковными, а противъ М. у него была какая-то личная непріязнь и обида. Кто самъ не видалъ этихъ страшныхъ сценъ, не имѣетъ о нихъ понятія и не знаетъ какъ они ужасны. Что касается меня, самое воспоминаніе этихъ сценъ до сихъ поръ производитъ на меня ужасное дѣйствіе.

Удивительное зрѣлище представляло возведеніе укрѣпленій Варшавы, около которыхъ ежедневно трудилось тридцать тысячъ человѣкъ. Всѣ шли насыпать укрѣпленія. Въ пять часовъ утра Краковское предмѣстіе было уже переполнено женщинами всѣхъ возможныхъ сословій съ лопатами въ рукахъ; были дамы высшаго общества, пожилыя, замужнія, дѣвицы, жены купцовъ, ремесленниковъ и даже торговки съ рынка. Всѣ онѣ отправлялись въ костелы Бернардиновъ, Визитокъ, Кармелитовъ, Доминикановъ, Св. креста; въ этихъ церквахъ цѣлый день горѣли свѣчи и шла службы. Всѣ эти женщины были одѣты въ коротенькія юбочки изъ сѣраго полотна, сверху кафтанчикъ съ длинными рукавами; на рукахъ браслеты простые, желѣзные или мѣдные, безъ камней и позолоты. Такіе браслеты я теперь въ первый видѣлъ въ Варшавѣ и послалъ ихъ нѣсколько паръ въ провинціи знакомымъ. Впослѣдствіи они уже дѣлались черезъ чуръ блестящіе и дорогіе. Въ рукахъ у всѣхъ женщинъ были мѣшки, предназначенные для дневнаго запаса продо-

вольствія. Разумѣется нельзя было поручиться, чтобы въ этихъ мѣшкахъ не оказались также иной разъ батистовыя платки, духи, или конфекты. Трудно вдругъ покинуть старыя привычки. На головахъ дамы носили круглыя шляпы и волосы зачесывались въ двѣ спущенныя внизъ косы, иногда достигавшія ниже колѣна и оканчивавшіяся, по тирольской модѣ, лентами. Всѣ носили черные фартучки, но Боже сохрани, не изъ шелковой матеріи. Только у немногихъ, для легкости, юбочки и кафтанчики были изъ сѣраго батиста. Я забылъ прибавить, что ноги дамъ обувались въ голубыя и красныя чулочки и башмачки изъ магазина Калинскаго: Красивыя ручки, прежде блестѣвшія отъ брилліантовъ и державшія только опахала изъ слоновой кости, или дорогіе флаконы съ рѣдкими духами, теперь вооружились лопатами и шли копать землю. Женщины групировались въ баталіоны по сто и болѣе особъ и отправлялись къ валамъ работать, распѣвая извѣстную пѣсню.

Боже къ тебѣ наша просьба...

За женщинами везли хлѣбъ, мясо, пиво бочками, водку боченками для рабочихъ. Женщины работали понемногу и въ 7 часовъ вечера, возвращались на Краковское предмѣстіе и снова наполняли церкви. Прежній этикетъ, визиты, кареты и фаетоны — всего этого не было и слѣдовъ: нигдѣ не давалось прошенныхъ обѣдовъ или баловъ; даже чайные танцовальные вечера прекратились, а вся серебряная посуда была пожертвована на монетный дворъ. Большая часть варшавскихъ женщинъ изъявила готовность служить при больницахъ. Здѣсь они съ равною охотою несли помощь и попеченіе раненымъ полякамъ и русскимъ, забывая вражду и видя въ нихъ только страдающее человѣчество. Они не бы-

ли похожи на парижскихъ рыбныхъ торговокъ, которыя сами тащили жертвы изъ домовъ подъ фонарь для повѣшенія. Наши дамы оставались всегда вѣрны своему характеру и подавали собою примѣръ снисхожденія, милосердія и гуманности. По ихъ примѣрамъ и мужчины наши отказались отъ роскоши и измѣнили свою жизнь. Всему хорошему въ нашей странѣ женщины наши всегда первыя давали примѣръ.

XVI. Возвращеніе въ кіевское воеводство и арестъ.

На девятый день пребыванія моего въ Варшавѣ, я и Дзялынскій былъ у начальника. Генералъ Дзялынскій былъ посланъ въ кіевское воеводство принять начальство надъ тамошними войсками. Мою поѣздку отложилъ главнокомандующій до завтра. Мы знали, что въ Австріи почти совсѣмъ не было войска; все было послано въ Италію и на границы Франціи, а въ Львовѣ муниципалитетъ, составленный изъ мѣщанъ и ремесленниковъ, составлялъ всѣ власти города. Правительство всѣмъ охотно выдавало паспорты въ Краковъ и Варшаву, такъ какъ изъ Галиціи въ это время прибывало постоянно огромное количество разнаго люда, частью вступавшаго въ военную службу, а частію спѣшившаго съ разными пожертвованіями. На утро послѣ отъѣзда Дзялынскаго я снова явился къ начальнику и онъ вручивъ мнѣ связку бумагъ спрашивалъ: есть ли у меня деньги. У меня ихъ было достаточно. Я только выпросилъ себѣ ловкаго унтеръ-офицера изъ гвардіи, на случай если гдѣ на таможнѣ придется скрыть бумаги, или на иной подобный случай. Мнѣ данъ унтеръ-офицеръ варшавякъ — настоящій выдачъ (тертый калачъ), котораго велѣно было потомъ отдать Дзя-

лынскому. Послѣ этого я уже никогда болѣе не видалъ Костюшка.

До Кракова унтеръ-офицеръ ѣхалъ въ мундирѣ, а въ этомъ городѣ переодѣлся моимъ лакеемъ и получилъ паспортъ отъ коменданта Водзицкаго какъ уроженецъ кіевскаго воеводства, возвращающійся на родину. И нынче я удивляюсь тогдашней моей смѣлости! Было почти безуміе въ то время—смятеній и бунтовъ, рисковать перебираться чрезъ двѣ границы (русскую и австрійскую); только моимъ 26 годамъ и энергіи, свойственной молодежи, можно приписать такой поступокъ. Три дня и три ночи я ѣхалъ изъ Кракова во Львовъ и прибывъ на третій день проспалъ цѣлые десять часовъ. Проснувшись и получивъ паспортъ, добытый мнѣ братомъ жены Гиляріемъ Семяновскимъ, я хотѣлъ тотчасъ же выѣхать. Но Гилярій началъ уговаривать для безопасности купить экипажъ и ѣхать въ ночь. Де негъ у меня было мало: всего 140 червонцевъ. Но въ Львовѣ тогда продавались множество экипажей выѣзжавшими въ Варшаву. И мнѣ удалось купить за 40 червонцевъ экипажъ, стоившій по меньшей мѣрѣ сто червонцевъ. Когда мы укладывались и разсуждали какъ ѣхать, вдругъ входитъ Дзялынскій, котораго, оказалось, мы опередили на станціи Ланцута. По случаю его пріѣзда онъ и я еще на одну ночь остались въ городѣ и переночевали вмѣстѣ у Гилярія. Въ Львовѣ мы ничего не могли узнать что дѣлается въ русскомъ кордонѣ. Условились ѣхать: Дзялынскій на Волочискъ, я на Радзивилловъ и съѣхаться въ Бердичевѣ Унтеръ-офицера я отдалъ генералу, а онъ мнѣ своего лакея. Въ Бродахъ я остановился на станціи и, по обыкновенію, отправился обѣдать въ трактиръ. Мнѣ повстрѣчался нѣкто Бромирскій, служившій прежде въ бродской таможнѣ и отставленный конфеде-

раціей. Онъ былъ мнѣ хорошо знакомъ, передъ нимъ я не скрывалъ куда и за чѣмъ ѣду. Бромирскій отсовѣтывалъ мнѣ переѣзжать границу въ Радзивилловѣ, взялъ мой экипажъ къ себѣ и заставилъ переночевать. Но я спать не могъ всю ночь. Часть моихъ вещей, запечатаная, должна была оставаться у Бромирскаго. На другой день утромъ рано къ нему явился одинъ человѣкъ, служившій у него съ малолѣтства и отлично знавши границу. Нѣкоторыя изъ моихъ вещей были ему отданы; онъ долженъ былъ извѣстными ему дорогами перенести ихъ за границу и возвратить мнѣ. А самъ я съ экипажемъ отправился въ Радзивилловъ. Здѣсь осмотрѣли вещи очень строго, но насъ не коснулись. Не останавливаясь въ мѣстечкѣ, я и Бромирскій въ одномъ экипажѣ сейчасъ же поѣхали въ Подберезье. Не доѣзжая мили до Подберезья человѣкъ Бромирскаго, переносившій мои бумаги, вышелъ къ намъ на дорогу, одѣтый какъ охотникъ, съ собаками, и въ цѣлости передалъ довѣренныя ему вещи. Я ему далъ 15 червонцевъ и отправился дальше, а Бромирскій вернулся въ Броды. Между Бродами, Радзивилловымъ и Бердичевымъ тогда существовала купеческая почта, очень исправная; на станціяхъ не задерживали и пяти минутъ. Но надо было имѣть билетъ отъ Бродской конторы, стоившій самую малость и выдаваемый безъ затрудненія. Къ несчастію взять этотъ билетъ я позабылъ.

Изъ Сидачевки я далъ знать о своемъ пріѣздѣ Гижицкимъ и Букару; они сейчасъ же пріѣхали и получили отъ меня адресованныя имъ бумаги. Я имъ разсказывалъ варшавскія событія; у нихъ такая была тишина, точно существовалъ глубочайшій миръ повсюду. На другой день, поѣхавъ въ Бердичевъ, я встрѣтился съ Кочановскимъ и Дзялынскимъ; капитана мы немедленно выслали въ Варшаву. 30 апрѣля дол-

жно было начаться движеніе въ войскахъ. Но Копець и Вышковскій предупредили, что встрѣчаются затрудненія: бывшіе польскія войска повсюду были отрѣзаны другъ отъ друга отрядами русскихъ войскъ. Дзялынскій уѣхалъ затѣмъ къ себѣ въ Трояновъ, а я былъ у жены въ Зубковичахъ, у дяди, которому тоже пришлось все разсказывать, и наконецъ вмѣстѣ съ женою возвратился въ Сидачевку. Такъ прошло дней пять. Вдругъ дядя увѣдомилъ меня коротенькимъ письмомъ, что Ольшевскаго схватили въ Брестъ-Литовскѣ и отвезли въ Кіевъ. Въ Трояновъ, куда я бросился предупредить Дзялынскаго, прилетѣлъ поручикъ Закржевскій и донесъ, что польскія войска обезоруживаютъ и что бригады Копеца и Вышковскаго уклонились отъ этого и двинулись лѣсами Полѣсья. Бригада Вышковскаго шла вдоль австрійской границы и состояла изъ одного пѣшаго полка съ 12 орудіями артиллеріи капитана Гавронскаго. Къ нему уже присоединился легкоконный татарскій полкъ. Бригада Лазнинскаго частью ушла за Днѣстръ, а частью вмѣстѣ съ командой пограничной стражи и намѣстникомъ Гловинскимъ обезоружена. Гловинскій вступилъ въ русскую службу въ чинѣ маіора. Прочія войска пѣшія и конныя, даже бугскій казачій полкъ, совершенно разстроены. Дзялынскій до того былъ огорченъ всѣмъ этимъ, что не зналъ что съ собою сдѣлать. Я ему посовѣтовалъ:

— Тутъ вамъ дѣлать нечего. Два пути остаются: или сейчасъ же отправиться вслѣдъ за Вышковскимъ и принять команду надъ его тремя полками, или ѣхать въ Галицію и гдѣ нибудь около Томашева встрѣтить отрядъ и соединиться съ нимъ.

Но генералъ колебался. Сначала онъ отправилъ своего адъютанта догнать войска. Адъютантъ этотъ, Гродицкій, не возвратился. Потомъ, спустя уже восемь дней, Дзялынскій

отправился самъ чрезъ Волочискъ, гдѣ его и арестовалъ маіоръ Марченковъ, родной братъ генеральши Шереметьевой. Его везли чрезъ Янушполье, но я его не видѣлъ. Страхъ, ужасъ и отчаяніе овладѣли мною. Не зная что предпринять, я поѣхалъ къ дядѣ. Онъ сидѣлъ въ Овручѣ совершенно въ такомъ же настроеніи души, какъ и я. Въ Хойникахъ домъ окружили эскадрономъ. Но Прозоръ узналъ заранѣе о прибытіи солдатъ; сжегъ все что могло выдать его, бросился къ Припети, протекавшей тутъ же за мѣстечкомъ, нашелъ лодку, переправился, опрокинулъ потомъ лодку и бросивъ свою шляпу въ воду бѣжалъ. Это его спасло. Поймали лошадь, нашли опрокинутую лодку и шляпу и подумали, что въ бѣгствѣ утонулъ. Рыбаки два дня искали его тѣло, а онъ тѣмъ временемъ былъ уже въ 30 миляхъ отъ Припети. Въ бумагахъ Прозора ничего не найдено. Но депеши Ольшевскаго все открыли.

Еще я былъ въ Овручѣ, когда къ дядѣ моему явился бригадиръ Владычинъ и объявилъ ему, что воля правительства, чтобы онъ сейчасъ же ѣхалъ къ намѣстнику Тутолмину. Для сопровожденія ему будетъ данъ капитанъ. Дядя просилъ два дня срока и въ этомъ ему не отказали. Онъ не былъ подъ арестомъ, но часовые и пикеты стояли на всѣхъ выѣздахъ изъ мѣстечка. Ночью мы не спали; надъ нами висѣла бѣда. У дяди было наличными всего 300 червонцевъ; у меня было 200. Себѣ я оставилъ двадцать, остальные передалъ дядѣ. Утромъ явился капитанъ, долженствовавшій провожать его. Но куда везли абата—было неизвѣстно. Онъ сходилъ къ бригадиру и пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ. Но онъ ничего не узналъ. Только страхъ еще болѣе увеличился. Утромъ слѣдующаго дня явились почтовыя лошади для экипажа дяди и особыя перекладныя телѣги для двоихъ солдатъ и унтеръ-

офицера. Своего человѣка ему тоже позволили взять. Трудно описать какое горе терзало меня при разставаніи. Обнявъ меня и моего брата Непомука, дядя блѣдный сѣлъ въ повозку рядомъ съ капитаномъ, почти не понимая что съ нимъ дѣлается. Въ ту же минуту и мы поѣхали въ Сидачевку и еще передъ ужиномъ прибыли туда, сдѣлавъ однѣми и тѣми же лошадьми, въ день 18 миль (126 верстъ). Въ бумагахъ Ольшевскаго для меня лично ничего не было компрометирующаго; въ Дзялынскомъ и дядѣ я былъ тоже увѣренъ. Но меня страшили мои связи съ множествомъ подозрительныхъ людей, изъ которыхъ кто нибудь очень легко могъ указать на меня. Жена угадала бѣду по моему лицу и уговаривала меня бѣжать въ Львовъ. Но какъ это было сдѣлать? паспорта у меня не было, а границу охраняли, и проѣздъ былъ прекращенъ. Братъ Непомукъ поѣхалъ за вѣстями въ Овручъ и привезъ чрезъ нѣсколько дней очень нерадостныя вѣсти. Арестовали трехъ Паушей, подкоморія Немирича, старосту Богуша, Дубровскаго, Оскирку и Бернадцкаго; послѣдній въ Смоленскѣ наговорилъ басень: — чего и на свѣтѣ не было онъ выдалъ за дѣйствительное. Братъ былъ влюбленъ въ Понговскую; его подмывало снова ѣхать будто бы за вѣстями. Въ этой второй поѣздкѣ, въ Черепинѣ, откуда онъ направлялся въ Овручъ, его арестовали въ одной перемѣнѣ платья и съ однимъ червонцемъ въ карманѣ и отправили...

Арестъ брата добилъ меня окончательно. Вскорѣ прислалъ Мартинъ Букаръ письмо, приглашая меня въ Янушполье. Тамъ были Бержинскій и Антонъ Гижицкій, перепуганные и боящіеся, чтобы на нихъ кто не показалъ. За себя я поручился, что ни на кого не покажу. Спрашивали: есть ли у меня деньги? У меня было зашитыхъ 400 червонцевъ, и

денегъ отъ нихъ я не взялъ. Я не думалъ, что меня возьмутъ, а на случай отвѣтственности лишнія эти деньги не много бы могли мнѣ помочь. Въ Сидачевкѣ я занялся, чтобы разсѣять мысли свои, окончаніемъ новаго дома: столяры и красильщики усиленно работали у меня, точно я сейчасъ же долженъ былъ поселиться въ немъ. Въ суботу все уже было окончено. У меня были великолѣпныя вещи и мебель изъ Варшавы и Львова; все это поустановили и во вторникъ мы должны были перейдти на новоселье. Добрая моя жена ни на шагъ отъ меня не отходила. Во вторникъ утромъ идемъ мы съ нею къ новому дому, вдругъ видимъ несется почтовая тройка изъ Цуднова.

— За мною! говорю женѣ.

— Спрячься.

— Куда же? Развѣ ты думаешь меня не найдутъ?!

Лошади въѣхали въ деревню и прямо къ намъ. Мы не пошли дальше и остановились какъ вкопанные. Изъ брички выскочилъ молодой офицеръ и спрашиваетъ:

— Вы камергеръ Охотскій?

— Я, отвѣчаю.

— Губернаторъ приглашаетъ васъ къ себѣ.

Точно выстрѣломъ оглушило меня это приглашеніе. Не чувствуя себя правымъ, я совсѣмъ потерялся и не зналъ на что рѣшиться. Оставить жену, ребенка, не зная судьбы тебя ожидающей, не имѣя надежды на будущее — страшно, больно, тяжело! Неудивительно, что я на нѣсколько минутъ даже чувствъ почти лишился. Но надо было мужаться, надо было поддерживать отчаявшуюся жену, упавшую почти ко мнѣ на руки при первыхъ словахъ офицера. Я хотѣлъ сейчасъ же ѣхать. Но офицеръ былъ очень любезенъ; не торопилъ ѣхать и почти не стерегъ меня. Я имѣлъ время запе-

чатать мои бумаги по имѣнію и поручилъ Фаустынѣ отправить ихъ къ Антону Гижицкому. Постъ-вагонъ, купленный мною въ Львовѣ за 40 червонцевъ, какъ самый удобный, я велѣлъ запрягать и съ однимъ человѣкомъ и деньгами, нѣсколько недѣль уже бывшими всегда при мнѣ, скоро готовъ былъ къ отъѣзду. Прощаясь съ женой и благословляя ребенка я плакалъ. Жену едва отъ меня могли оторвать. Не помню даже, какъ меня посадили въ экипажъ. Не скоро уже замѣтилъ я, что рядомъ со мною сидитъ семнадцатилѣтній братъ мой Викентій. Онъ служилъ въ войскѣ; но послѣ обезоруженія войскъ, съ паспортомъ вернулся домой.

— Къ чему ты ѣдешь? спрашиваю.

— Не покину брата, пока будетъ можно, отвѣтилъ онъ.— Наконецъ привезу женѣ твоей вѣсть о томъ что съ тобою случится.

Голова у меня горѣла и въ глазахъ зеленѣло — все это были признаки болѣзни. Мы ѣхали не спѣша и къ ночи едва прибыли въ Трояновъ. Ночью у меня и мысли не было спать; жажда мучила меня; я вѣрно цѣлое ведро воды выпилъ. Утромъ пріѣхали въ Житомиръ. Гдѣ хотите остановиться? спросилъ меня офицеръ.

— Если выборъ зависитъ отъ меня, попрошу остановиться въ моемъ домѣ. Въ этомъ домѣ жилъ мой повѣренный Сондовскій, съ своей женой. Добрая женщина старалась подкрѣпить меня, но ѣсть я ничего не могъ. Братъ отправился къ Моржсковской, моей доброй пріятельницѣ, бывшей въ хорошихъ отношеніяхъ съ Шереметьевой. Моржсковская сейчасъ же поѣхала просить за меня и плача вымолила объявленіе, что меня везутъ въ Смоленскъ, въ комиссію, которая требовала меня. Она выпросила позволеніе видѣться со мною и чтобы мнѣ дали провожатымъ офицера — человѣка хоро-

шаго. Словомъ, помогала мнѣ, какъ только могла. Моржковскій тоже помогалъ мнѣ. Онъ посовѣтовалъ, на всякій случай, сдѣлать распоряженіе, обезпечивающее мою жену. Я совершилъ документъ на имя жены, на 100.000 злотыхъ будто бы ея приданаго, обезпечивая ихъ на имѣніи. Моржковскій, какъ подстароста, принялъ документъ и внесъ его въ актовыя книги двумя мѣсяцами ранѣе дѣйствительнаго числа его совершенія. Все это меня нѣсколько облегчило. Возвратившійся отъ губернатора офицеръ объявилъ мнѣ, что завтра онъ приметъ меня. Караулъ ко мнѣ не приставили, только унтеръ-офицеръ былъ при экипажѣ. Спать я не могъ и ночью написалъ женѣ длинное письмо, утѣшая ее, и другое письмо Гижицкому, успокоивая его, что съ моей стороны я его не выдамъ. Оба письма взялъ братъ. Всю послѣднюю ночь мы съ нимъ проговорили. Чуть разсвѣло явились почтовыя лошади и мой постъ-вагонъ запрягли. Явился офицеръ и, очень учтиво, объявилъ, что онъ ѣдетъ со мною.

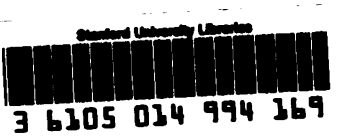
— Хорошо! А могу ли я взять съ собою лакея?

— Нѣтъ! Унтеръ-офицеръ будетъ прислуживать.

Въ эту минуту подали лошадей съ унтеръ-офицеромъ и двумя солдатами, долженствовавшимъ конвоировать меня до Смоленска. Я одѣлся и, прежде чѣмъ взошло солнце, мы были уже за городомъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

*PB-43410-S3
5-14
C-C
B-T



DK
411
A2617
v.1

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.